

INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2025, Том 8, № 6

Подписано к публикации: 04.09.2025

Главный редактор журнала

Шаджес Азамат Мухамчериевич
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьевич (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор

Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор

Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор

Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент

Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор

Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор

Джалилов Эльвис Алимович (РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент

Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент

Захарова Светлана Александровна (РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор

Кириллова Ирина Александровна (РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент

Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор

Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент

Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор

Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор

Машовец Асия Океановна (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент

Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент

Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент

Мустафаева Айтен Инглаб (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор

Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор

Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,

Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент

Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор

Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор

Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор

Файзиев Шохруд Фармонович (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент

Флоря Евгений Константинович (Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент

Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор

Шошин Сергей Владимирович (РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., Elibrary.ru

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru

Сайт: <https://ili-journal.ru>

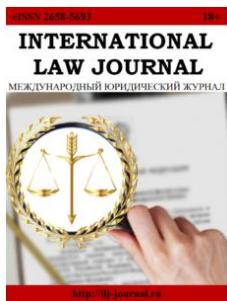
DOI: 10.58224/2658-5693-2025-8-6

© International Law Journal, 2025

Содержание

Алиева З.М., Таилова А.Г. Условия и факторы обеспечения устойчивости национальной экономики к негативным внешним воздействиям	5-9
Рубанцова Т.А. Преступление экстремистской направленности: теоретический аспект	10-14
Таилова А.Г., Мухамедова П.И. Основные направления по предупреждению профессиональной преступности в современной России	15-19
Асрумян А.К. Возврат преступных активов в ЕАЭС: сравнительный анализ механизмов конфискации и перспективы формирования единого правового подхода	20-26
Багдадян Л.О. Формирование евразийской системы защиты прав человека: модель расширения полномочий Суда ЕАЭС	27-33
Лилицкий Г.Ю., Закалюжная Н.В. Роль профсоюзов и охраны труда в защите прав работников при банкротстве	34-39
Подкорытов С.А., Мещеряков Г.П. Некоторые аспекты реализации дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях	40-44
Рындык П.А. Регулирование внешнеторговых контрактов купли-продажи и существенных нарушений их условий в правовых системах Российской Федерации, Китайской Народной Республики и специального административного района Гонконг	45-57
Салванин Р.З. Особенности закрепления статуса «экстремистской организации» по законодательству Российской Федерации и ЕС: сравнительный анализ	58-64
Ленточников А.М. Коррупционные проявления: теоретико-правовой аспект	65-70
Суховеев Е.М., Воронина А.А. Виды и признаки преступлений экстремистского характера, совершаемых в киберпространстве	71-75
Ашитко Н.Е., Симаков Е.В., Хамидуллина В.Р. Перспективы развития экономического законодательства в условиях цифровизации и устойчивого развития	76-81
Азизова Э.Ш. Медицинское право в правовой системе ЕАЭС: становление, проблемы и перспективы	82-89
Алиев Ш.И., Абакарова Б.Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в Республике Дагестан	90-94

Гасанова Ш.А., Магомедова Р.И., Абакарова Б.Г. Молодёжная политика в системе социальной политики в России	95-99
Ндувимана Ж., Шайхутдинова Г.Р. Охрана окружающей среды и неотъемлемый суверенитет государств над природными ресурсами (на примере Восточноафриканского сообщества)	100-106
Ашитко Н.Е., Симаков Е.В., Хамидуллина В.Р., Волошина Т.В. История становления и развития источников трудового права Российской Федерации	107-114
Торопов П.И. Медицинские ошибки как повод для возбуждения уголовного дела	115-122
Долгополов К.А., Калинкин А.В. Уголовно-правовая политика России в сфере охраны экологической безопасности	123-128
Магомедова Е.А., Курзаков М.В., Петренко И.А., Зайцева М.А. Студенческие научные исследования по юриспруденции как форма проектной деятельности: теоретические основы и практика реализации	129-134
Харбадия Г.А. Информационно-телекоммуникационные технологии как инструмент мошенничества: международно-правовой аспект борьбы	135-140
Дзодзиков З.У., Цалиев А.М., Хугаева Р.Г., Беликова С.Б. Содержание конституционного права на высшее образование в Российской Федерации: историко-правовой аспект	141-156
Квач С.С., Моисеенко М.И. Правовая помощь в гражданском процессе в условиях цифровой эпохи: вызовы и перспективы	157-161
Торопов П.И. Уголовно-процессуальное доказывание ненадлежащего оказания медицинской помощи	162-171
Емельянцев А.Э. Использование искусственного интеллекта в законодательном процессе: перспективы и риски в контексте соблюдения прав человека	172-175
Шайхутдинова Г.Р., Нуржанова М.Д. Институт гражданства в современном международном праве	176-181
Ванян Д.Н. Некоторые проблемные аспекты дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ): сквозь призму конструирования привилегированных составов преступлений	182-187
Мелехина К.Т. Наследование жилых помещений и права добросовестных приобретателей: проблемы соотношения титулов и приоритетов интересов	188-193
Мусукаев А.А. Фондирование как новый метод структурирования семейного капитала: имплементация зарубежного опыта	194-199
Сергеева Ю.А. Эволюция понятия «цифровые финансовые активы» в гражданском праве	200-207

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 338.001.25(075.8)

Условия и факторы обеспечения устойчивости национальной экономики к негативным внешним воздействиям

¹ Алиева З.М., ² Таилова А.Г.,

¹ Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений,

² Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

Аннотация: в статье исследуются ключевые условия и факторы, определяющие устойчивость национальной экономики к негативным внешним воздействиям в современных условиях глобализации и геополитической нестабильности. Проведен анализ теоретических подходов к определению экономической устойчивости, систематизированы основные внешние угрозы и их влияние на национальную экономику. Выявлены институциональные, структурные и адаптационные факторы обеспечения устойчивости. Предложена комплексная модель оценки устойчивости национальной экономики, включающая индикаторы финансовой стабильности, диверсификации, инновационного потенциала и социально-экономической адаптивности. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования государственной экономической политики и повышения резистентности национальной экономики к внешним шокам.

Ключевые слова: экономическая устойчивость, национальная экономика, внешние воздействия, экономическая безопасность, адаптивность, резилентность, диверсификация, институциональные факторы

Для цитирования: Алиева З.М., Таилова А.Г. Условия и факторы обеспечения устойчивости национальной экономики к негативным внешним воздействиям // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 5 – 9.

Поступила в редакцию: 3 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Conditions and factors for ensuring the resilience of the national economy to negative external influences

¹ Aliyeva Z.M., ² Tailova A.G.,

¹ Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations,

² Dagestan State University in Izberbash

Abstract: the article examines the key conditions and factors determining the resilience of the national economy to negative external influences in modern conditions of globalization and geopolitical instability. The analysis of theoretical approaches to the definition of economic stability is carried out, the main external threats and their impact on the national economy are systematized. Institutional, structural, and adaptive factors of sustainability have been identified. A comprehensive model for assessing the sustainability of the national economy is proposed, including indicators of financial stability, diversification, innovation potential, and socio-economic adaptability. The results of the study can be used to improve state economic policy and increase the resistance of the national economy to external shocks.

Keywords: economic stability, national economy, external influences, economic security, adaptability, resilience, diversification, institutional factors

For citation: Aliyeva Z.M., Tailova A.G. Conditions and factors for ensuring the resilience of the national economy to negative external influences. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 5 – 9.

The article was submitted: May 3, 2025; Approved after reviewing: July 4, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Современная мировая экономика характеризуется высокой степенью взаимозависимости и волатильности, что создает множественные риски для устойчивого развития национальных экономик. События последних лет, включая пандемию COVID-19, геополитические конфликты, торговые войны и санкционное давление, продемонстрировали критическую важность обеспечения устойчивости национальных экономических систем к негативным внешним воздействиям.

Проблема экономической устойчивости приобретает особую актуальность в условиях усиления глобальной нестабильности и фрагментации мировой экономики. Национальные экономики сталкиваются с широким спектром внешних угроз, включающих финансовые кризисы, торговые ограничения, технологические санкции, энергетические шоки и климатические изменения.

Цель исследования заключается в систематизации теоретических подходов и практических решений по обеспечению устойчивости национальной экономики к негативным внешним воздействиям, а также разработке комплексной модели оценки экономической устойчивости.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют системный подход, структурно-функциональный анализ, сравнительный и статистический методы. Использованы методы экономико-математического моделирования, экспертных оценок и контент-анализа научных публикаций.

Информационную базу исследования составили научные публикации отечественных и зарубежных авторов, статистические данные международных организаций, аналитические материалы государственных органов и исследовательских центров за период 2022-2024 гг.

Для оценки устойчивости национальной экономики применена авторская методика, основанная на интегральном индексе, включающем показатели финансовой стабильности, структурной диверсификации, инновационного потенциала и адаптивности к внешним шокам.

Результаты и обсуждения

Анализ научной литературы показывает, что понятие экономической устойчивости трактуется исследователями с различных позиций. Петров А.В. определяет устойчивость как способность экономической системы сохранять свои основные характеристики при воздействии внешних факторов [1] Сидорова М.И. акцентирует внимание на адаптивных свойствах экономики, понимая под устойчивостью способность к трансформации и развитию в условиях изменяющейся среды [2].

Козлов В.Н. предлагает рассматривать устойчивость как многомерную характеристику, включающую стабильность, адаптивность и способность к саморазвитию [3]. Данный подход позволяет выделить статический и динамический аспекты устойчивости, что имеет важное значение для формирования стратегии экономической политики.

Систематизация внешних угроз национальной экономике позволяет выделить следующие основные группы:

Финансовые угрозы включают валютные кризисы, резкие изменения курсов валют, отток капитала, ограничения доступа к международным рынкам капитала. Исследования Новикова Д.А. показывают, что финансовые шоки оказывают наиболее быстрое и значительное воздействие на экономическую стабильность [4].

Торговые ограничения охватывают введение тарифных и нетарифных барьеров, эмбарго, санкций. Работы Федоровой Л.П. демонстрируют, что торговые ограничения приводят к нарушению цепочек поставок и снижению эффективности экономики [5].

Технологические угрозы связаны с ограничениями доступа к критически важным технологиям, компонентам и программному обеспечению. Морозов С.К. отмечает возрастающую роль технологического суверенитета в обеспечении экономической безопасности [6].

Энергетические шоки включают резкие изменения цен на энергоресурсы, нарушения энергетических поставок. Анализ Волкова А.Л. показывает критическую зависимость многих экономик от стабильности энергетических рынков [7].

Исследование позволило выделить следующие ключевые факторы обеспечения устойчивости национальной экономики:

Институциональные факторы включают качество государственного управления, эффективность правовой системы, уровень коррупции. Работы Смирнова Е.В. подтверждают, что развитые институты способствуют быстрой адаптации к внешним шокам [8]. Структурные факторы охватывают диверсификацию экономики, развитие внутреннего рынка, сбалансированность экспорта и импорта. Исследования Кузнецова О.И. показывают, что структурная диверсификация снижает уязвимость к отраслевым шокам. Финансовые факторы включают устойчивость банковской системы, размер золотовалютных резервов, уровень государственного долга [9]. Титова Н.Г. отмечает важность финансовых буферов для поддержания стабильности в кризисные периоды [10].

Инновационные факторы охватывают уровень технологического развития, инвестиции в НИОКР, развитие человеческого капитала. Исследования Романова И.П. [11] демонстрируют, что инновационный потенциал определяет долгосрочную конкурентоспособность экономики.

Социальные факторы включают уровень социальной сплоченности, развитие системы социальной защиты, качество жизни населения. Работы Гордеевой М.А. показывают, что социальная стабильность является важным условием экономической устойчивости [12].

Модель оценки устойчивости. Предложенная модель оценки устойчивости национальной экономики основана на интегральном индексе, включающем четыре субиндекса:

Индекс финансовой стабильности рассчитывается на основе показателей инфляции, курсовой стабильности, банковской надежности и бюджетного баланса.

Индекс структурной диверсификации включает показатели отраслевой структуры, географической диверсификации экспорта, развития внутреннего рынка.

Индекс инновационного потенциала учитывает расходы на НИОКР, количество патентов, развитие цифровой экономики, качество человеческого капитала.

Индекс адаптивности оценивает способность экономики к быстрой перестройке, включая показатели предпринимательской активности, гибкости рынка труда, эффективности государственного управления.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие рекомендации по повышению устойчивости национальной экономики:

Развитие институциональной среды должно включать совершенствование нормативно-правовой базы, повышение эффективности государственного управления, борьбу с коррупцией. Особое внимание следует уделить созданию механизмов быстрого реагирования на внешние угрозы.

Структурная диверсификация экономики требует поддержки развития новых отраслей, стимулирования импортозамещения, развития внутреннего рынка. Важно обеспечить сбалансированность между экспортной ориентацией и внутренним потреблением.

Укрепление финансовой системы предполагает повышение капитализации банков, развитие альтернативных источников финансирования, создание финансовых резервов. Необходимо обеспечить стабильность национальной валюты и контроль над инфляцией.

Развитие инновационного потенциала требует увеличения инвестиций в НИОКР, поддержки высокотехнологичных отраслей, развития системы образования и подготовки кадров. Критически важно обеспечение технологического суверенитета в ключевых отраслях.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Устойчивость национальной экономики к негативным внешним воздействиям является многофакторной характеристикой, определяемой комплексом институциональных, структурных, финансовых, инновационных и социальных факторов. Эффективность обеспечения устойчивости зависит от сбалансированного развития всех компонентов экономической системы.

Современные внешние угрозы характеризуются высокой степенью взаимосвязанности и способностью к быстрому распространению через глобальные экономические связи. Это требует комплексного подхода к обеспечению экономической безопасности и развития механизмов раннего предупреждения.

Ключевыми направлениями повышения устойчивости являются диверсификация экономики, развитие внутреннего рынка, укрепление финансовой системы, повышение инновационного потенциала и совершенствование институциональной среды.

Предложенная модель оценки устойчивости может служить инструментом для мониторинга состояния национальной экономики и выработки превентивных мер по минимизации рисков внешних воздействий.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку динамических моделей устойчивости, учитывающих изменяющиеся условия глобальной экономики, а также на изучение отраслевых особенностей адаптации к внешним шокам.

Список источников

1. Петров А.В. Теоретические основы экономической устойчивости в условиях глобализации // Вестник экономической теории. 2022. № 3. С. 15 – 28.
2. Сидорова М.И. Адаптивные механизмы национальной экономики в условиях внешних шоков // Экономические исследования. 2023. № 1. С. 45 – 59.
3. Козлов В.Н. Многомерная модель экономической устойчивости: теория и практика // Журнал экономической теории. 2022. № 4. С. 78 – 92.
4. Новиков Д.А. Финансовые шоки и их влияние на экономическую стабильность // Финансы и кредит. 2023. № 2. С. 12 – 25.
5. Федорова Л.П. Торговые ограничения как фактор экономической нестабильности // Внешнеэкономические связи. 2022. № 6. С. 33 – 47.
6. Морозов С.К. Технологический суверенитет и экономическая безопасность // Инновации и инвестиции. 2023. № 3. С. 56 – 71.
7. Волков А.Л. Энергетическая безопасность как фактор экономической устойчивости // Энергетическая политика. 2022. № 5. С. 22 – 35.
8. Смирнов Е.В. Институциональные факторы экономической устойчивости // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 89 – 103.
9. Кузнецов О.И. Структурная диверсификация как основа устойчивого развития // Российский экономический журнал. 2022. № 2. С. 41 – 55.
10. Титова Н.Г. Финансовые буферы в системе экономической безопасности // Банковское дело. 2023. № 4. С. 18 – 31.
11. Романов И.П. Инновационный потенциал как детерминанта экономической устойчивости // Инновации. 2022. № 7. С. 63 – 78.
12. Гордеева М.А. Социальные факторы экономической стабильности // Социально-экономические явления и процессы. 2023. № 2. С. 74 – 88.

References

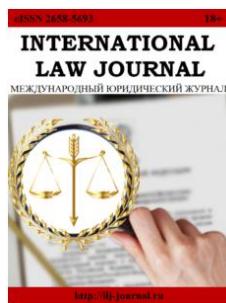
1. Petrov A.V. Theoretical Foundations of Economic Stability in the Context of Globalization. Bulletin of Economic Theory. 2022. No. 3. P. 15 – 28.
2. Sidorova M.I. Adaptive Mechanisms of the National Economy in the Context of External Shocks. Economic Research. 2023. No. 1. P. 45 – 59.
3. Kozlov V.N. Multidimensional Model of Economic Stability: Theory and Practice. Journal of Economic Theory. 2022. No. 4. P. 78 – 92.
4. Novikov D.A. Financial Shocks and Their Impact on Economic Stability. Finance and Credit. 2023. No. 2. P. 12–25.
5. Fedorova L.P. Trade Restrictions as a Factor of Economic Instability. Foreign Economic Relations. 2022. No. 6. P. 33 – 47.
6. Morozov S.K. Technological sovereignty and economic security. Innovations and investments. 2023. No. 3. P. 56 – 71.
7. Volkov A.L. Energy security as a factor of economic sustainability. Energy policy. 2022. No. 5. P. 22 – 35.
8. Smirnov E.V. Institutional factors of economic sustainability. Voprosy ekonomiki. 2023. No. 1. P. 89 – 103.
9. Kuznetsov O.I. Structural diversification as a basis for sustainable development. Russian Economic Journal. 2022. No. 2. P. 41 – 55.
10. Titova N.G. Financial Buffers in the Economic Security System. Banking. 2023. No. 4. P. 18 – 31.
11. Romanov I.P. Innovative Potential as a Determinant of Economic Stability. Innovations. 2022. No. 7. P. 63 – 78.
12. Gordeeva M.A. Social Factors of Economic Stability. Socio-Economic Phenomena and Processes. 2023. No. 2. P. 74 – 88.

Информация об авторах

Алиева З.М., кандидат экономических наук, доцент, Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений

Таилова А.Г., кандидат юридических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

© Алиева З.М., Таилова А.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 343.31

Преступление экстремистской направленности: теоретический аспект

¹ Рубанцова Т.А.,
¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Аннотация: актуальность теоретического исследования проблемы экстремизма определено несколькими факторами, прежде всего, экстремизм – это опасное правонарушение, имеющее сложный междисциплинарный характер, имеющее социальные, политические, культурные и религиозные предпосылки. Кроме того, это преступление, имеющее политический и уголовно-правовой характер. В правовой и научной литературе до конца не раскрыто понятие «экстремизм» что требует особого анализа данного феномена. Все эти факторы обуславливают необходимость теоретического анализа категории «экстремизм». В статье дан анализ легальных определений «экстремизма», содержащихся в основных нормативных актах РФ и раскрыта правовая природа экстремизма в теоретических исследованиях. В работе проведен анализ легальных подходов в НПА, дан анализ теоретических подходов по определению сущности и признаков экстремизма. В результате автором произведен анализ категории «экстремизм» и «преступление экстремистской направленности», выявлены основные теоретические подходы в работах ученых, дана уголовно-правовая характеристика экстремизма. Следовательно, вопрос по определению и классификации преступлений экстремистской направленности требует дальнейшего изучения, так как выявление природы и признаков экстремизма позволит более четко классифицировать данный вид правонарушений. В статье дана трактовка категории «экстремизм».

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, профилактика правонарушений экстремизма

Для цитирования: Рубанцова Т.А. Преступление экстремистской направленности: теоретический аспект // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 10 – 14.

Поступила в редакцию: 3 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Extremist crime: a theoretical aspect

¹ Rubantsova T.A.,
¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies

Abstract: the relevance of the theoretical study of the problem of extremism is determined by several factors, first of all, extremism is a dangerous offense with a complex interdisciplinary nature, having social, political, cultural and religious prerequisites. In addition, it is a crime of a political and criminal nature. The concept of "extremism" has not been fully disclosed in the legal and scientific literature, which requires a special analysis of this phenomenon. All these factors necessitate a theoretical analysis of the category "extremism". The article analyzes the legal definitions of "extremism" contained in the main normative acts of the Russian Federation and reveals the legal nature of extremism in theoretical research. The paper analyzes legal approaches in the NPA, provides an analysis of theoretical approaches to determine the essence and signs of extremism. As a result, the author analyzes the categories of "extremism" and "crime of extremist orientation", identifies the main theoretical approaches in the works of scientists, and provides a criminal and legal description of extremism. Consequently, the issue of de-

fining and classifying extremist crimes requires further study, since identifying the nature and signs of extremism will make it possible to more clearly classify this type of offense. The article provides an interpretation of the category "extremism".

Keywords: extremist crimes, prevention of extremist offenses

For citation: Rubantsova T.A. Extremist crime: a theoretical aspect. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 10 – 14.

The article was submitted: May 3, 2025; Approved after reviewing: July 6, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Проблема экстремизма в научной литературе в последнее время обсуждается достаточно активно, в последние годы исследованием понятия «экстремизм» в научной литературе занимаются юристы, политологи, психологи и социологи. Данный вид правонарушений занимает одно из первых мест в России среди особо опасных преступлений. В 2024 года зарегистрировано 1719 преступлений экстремистской направленности и фиксируется увеличение данного вида правонарушений. Тридцать процентов этих преступлений совершают молодые люди до 30 лет. Данный вид преступлений имеет сравнительно небольшой процент от общего количества, однако эти правонарушения являются особенно социально опасными и вызывают широкий общественный резонанс. Ученые приходят к выводу, что в последнее время растет число проявлений экстремизма среди молодежных и религиозных сообществ, а это одна из основных национальных угроз безопасности страны.

Работа по предотвращению и раскрытию преступлений экстремистской направленности в стране РФ проводится государственными органами. В настоящее время оссийские ученые на конференциях, в статьях активно обсуждают понятие «экстремизм». В научной литературе существует несколько подходов к раскрытию данного противоправного деяния, они отличаются между собой по предмету исследования, методам и способам. Теоретический анализ понятия нормативно-правового акта является важным при процессе толкования закона, что необходимо для его лучшего понимания в процессе правоприменения. Категории нормативно-правового акта необходимо изучать и правильно толковать, в этом и состоит сложность юридической техники. Понятия – важная часть любого закона, они должны отражать правовую сущность правонарушения.

Цель статьи состоит в проведении теоретического анализа понятия «экстремизм».

Задачи - провести теоретическое исследование легальных определений экстремизма в НПА РФ и рассмотреть основные теоретические подходы к сущности и признакам преступлений экстремистской направленности. Определить основные теоретические и правовые подходы при анализе категории «экстремизм».

Материалы и методы исследований

В работе использованы общенаучные методы исследования: анализ и синтез, системный, а также специально-юридические методы: толкования и формально-юридический.

Эмпирическая база исследования состоит в анализе нормативно-правовых актов и юридической литературы.

Результаты и обсуждения

Легальное понятие экстремизма раскрыто в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», экстремистской деятельностью (экстремизмом) можно назвать деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насилие, измение основ конституционного строя и нарушение целостности России; подрыв безопасности России; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной, или религиозной розни, а также социальной розни, связанный с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноты граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности [2].

Данный законодательный акт не содержит исчерпывающего понятия экстремизма, в законе перечислены деяния, которые могут быть частью экстремистских правонарушений. В данном нормативно-правовом акте экстремизм и экстремистская деятельность понимается как тождественная, что не противоречит сути данного преступного явления, этот факт был отмечен исследователя сразу после принятия данного закона [10]. В. А. Синицына считает, что данный федеральный закон не содержит понятия «экстремизм» [12]. Ряд авторов считают, что в данном законе определение экстремизма сводится только к перечню признаков, не раскрыто сущностная, родовая природа экстремизма как деструктивного социально-политического явления [7].

При анализе данной проблемы следует обратиться к Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. Под экстремизмом понимается какое-либо деяние, направленное на насильственный захват, удержание или изменение государственной власти [1]. В этом НПА экстремизм понимается как антиконституционный захват государственной власти, терроризм рассматривается как деяние, угрожающее социуму и личности.

Легальная трактовка понятия «экстремизм» не раскрывает всех признаков и состав экстремистских правонарушений, однако в этих правовых актах отражены сущностные характеристики экстремизма. При анализе следует различать категории «экстремизм», «экстремистская деятельность», несомненно, они связаны между собой, однако имеют разное юридическое закрепление. В примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ раскрыто понятие «преступление экстремистской направленности», под которым понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [3]. Отдельные авторы обращают внимание на пробелы в праве при легальном определении экстремизма, другие утверждают, что в правовых актах РФ категория «экстремизм» раскрыта [6].

При анализе можно обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» раскрывает понятие «экстремизма», согласно ему «к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями УК РФ [4].

Исследователь Е.П. Быков в своей работе справедливо отмечает, что ряд авторов под экстремизмом понимают противоправную деятельность, не принимая во внимание идеологический и политический характер экстремизма [5]. Другие авторы утверждают, что экстремизм – политико-правое и религиозно-культурное явление, социальные и государственно-политические преобразования в обществе необходимо проводить при помощи насильственных действий [6]. Ученые, рассматривая проявление экстремизма в ходе голосования на выборах, приходят к выводу, что это особо опасный вид преступлений, в связи с тем, что он дестабилизирует общественную безопасность страны и может привести к провокациям на выборах [8].

Ряд авторов полностью отрицают наличия классического правового понятия экстремизма в российской правовой системе [9], а другие сводят экстремизм к правовому нигилизму [11]. М.П. Ситникова утверждает, что экстремизм является всего лишь идеологической теоретической конструкцией [13]. Фактически в настоящее время в можно отметить наличие активной научной дискуссии по проблеме определения экстремизма, и зафиксировать отсутствие единого мнения по данному вопросу.

Можно сделать вывод, что разнообразие подходов к пониманию экстремизма в научном дискурсе только усложняет понимание этого феномена. Любое противоправное деяние, как правило, является общественным, которое может, отражено в системе взглядов экстремистов и в их деятельности, то есть носит системный характер. Известно, что в современном мире совершать преступления экстремистской направленности могут люди с самым разным социальным или имущественным положением, люди, имеющие разный образовательный и профессиональный уровень, разную возрастную категорию и половую принадлежность, ведущие различный образ жизни, относящиеся к разным религиям и т.д. Практика показывает, что экстремизм возможен у субъектов с различными религиозными убеждениями, политическими взглядами и национальными интересами. Как и все преступления – экстремизм бывает различным, имеет свои виды и особенности.

Выводы

В результате проведенного исследования можно прийти к следующим выводам. Понятие «экстремизм» до конца не изучены, в научной литературе до настоящего времени идет активная дискуссия по поводу определения такого сложного системного и социально-правового явления каким является экстремизм. Можно отметить широкий разброс мнений в литературе по данному вопросу, часть авторов утверждает, что

в научной литературе отсутствует легально е понимание категории «экстремизм», однако эта точка зрения не соответствует действительности. Вероятно, в нормативных актах РФ не в полной мере раскрыто понятие экстремизма, но родовая его сущность по насильственным по свержению государственной власти отражена в документе полной мере. Корпус нормативно-правовых актов по экстремистской тематике додержит в достаточной мере признаки данного тяжкого преступного деяния. Однако сама социально-правовая природа экстремизма носит сложный системный характер, она может охватывать религиозные, семейные, и нравственные ценности, социально-политические цели, насилие как способ достижение цели, информационные и пропагандистские провокации и т.д. Фактически ученые изучают новый вид преступного системного явления с разных точек зрения, именно этим можно объяснить сложность восприятия и исследования данного феномена и многообразие точек зрения на данную проблему. Экстремизм как явление в нашей социальной реальности пока не изучен в полной мере, однако, все научные работы помогают исследовать в полной мере правовую сущность экстремизма.

В результате можно предложить следующее понимание категории экстремизма. Экстремизм – это особо опасное деяние, которое осуществляется организациями или физическими лицами, целью которых является насильственное свержение или удержание государственной власти и конституционного строя террористическими действиями или иными противоправными способами, которые осуществляются на основании национальной, расовой, религиозной, политической, вражды и ненависти.

Список источников

1. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16.06.2009 Ратифицирована Федеральным Собранием (Федеральный закон от 2 октября 2010 года № 253-ФЗ Собрание законодательства Российской Федерации, 2010, № 40, ст. 4979).
2. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. N 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30. Ст. 3031.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 г. № 11 г. Москва // Собрание законодательства РФ, 2011, № 22, ст. 564.
5. Быков Е.П. К вопросу о типологии современного экстремизма // Публичное и частное право. 2017. № 3. С. 133 – 142.
6. Косовский В.Б., Косовская Д.В. Экстремизм в молодежной среде, проблемы и методы противодействия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 4. С. 138 – 144.
7. Латов Ю.В., Ткач Е.В. Социальный феномен экстремизма: дефиниции и сущность // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века Counter-Terrorism. 2013. № 4. С. 38 – 44.
8. Рубан А.Д. Правовые основы противодействия экстремистским проявлениям в период электоральных процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. №3(83). С. 104 – 110.
9. Рузавина А.К. Определение экстремизма в современном научном дискурсе // Известия Иркутского государственного университета, серия: политология, религиоведение. 2021. Том 35. С. 9 – 15.
10. Сергеева Ю.В. Роль органов внутренних дел в системе противодействия молодежному экстремизму // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 61 – 62.
11. Сенин И.Н. Экстремизм: понятие и виды // Научно-практический журнал Омского экономического института, 2008. № 2. С. 65 – 69.
12. Синицына В.А. Экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистское правонарушение: понятие, соотношение, нормативное регулирование // Вопросы российской юстиции. 2029. № 2. С. 304 – 308.
13. Ситникова М.П. Правовая природа экстремизма: понятие и признаки // Право и государство: теория и практика. 2020. № 5 (185). С. 190 – 192.

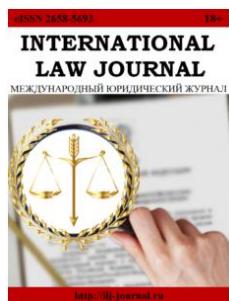
References

1. The Shanghai Cooperation Organization Convention against Terrorism of 16.06.2009 Ratified by the Federal Assembly (Federal Law of 2 October 2010 No. 253-FZ Collection of Legislation of the Russian Federation, 2010, No. 40, Art. 4979).
2. Federal Law "On Counteracting Extremist Activity" of 25.07.2002 No. 114-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3031.
3. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 25.06.2025). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
4. On judicial practice in criminal cases involving extremist crimes Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 Moscow. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2011, No. 22, Art. 564.
5. Bykov E.P. On the typology of modern extremism. Public and private law. 2017. No. 3. P. 133–142.
6. Kosovsky V.B., Kosovskaya D.V. Extremism among young people, problems and methods of counteraction. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2023. Vol. 9. No. 4. P. 138 – 144.
7. Latov Yu.V., Tkach E.V. Social phenomenon of extremism: definitions and essence. Counter-terrorism. Problems of the XXI century Counter-Terrorism. 2013. No. 4. P. 38 – 44.
8. Ruban A.D. Legal bases for countering extremist manifestations during electoral processes. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3(83). P. 104 – 110.
9. Ruzavina A.K. Definition of extremism in modern scientific discourse. Bulletin of the Irkutsk State University, series: political science, religious studies. 2021. Vol. 35. P. 9 – 15.
10. Sergeeva Yu.V. The Role of Internal Affairs Bodies in the System of Counteracting Youth Extremism. Administrative Law and Process. 2014. No. 1. P. 61 – 62.
11. Senin I.N. Extremism: Concept and Types. Scientific and Practical Journal of the Omsk Economic Institute, 2008. No. 2. P. 65 – 69.
12. Sinitsyna V.A. Extremism, Extremist Activity, Extremist Offense: Concept, Relationship, Normative Regulation. Issues of Russian Justice. 2029. No. 2. P. 304 – 308.
13. Sitnikova M.P. Legal Nature of Extremism: Concept and Signs. Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 5 (185). P. 190 – 192.

Информация об авторе

Рубанцова Т.А., доктор философских наук, профессор, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, trubantsova@yandex.ru

© Рубанцова Т.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.97

Основные направления по предупреждению профессиональной преступности в современной России

¹ Таилова А.Г., ¹ Мухамедова П.И.,
¹ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: статья посвящена анализу актуальных направлений предупреждения профессиональной преступности в условиях современной России. Исследуются теоретические основы и практические аспекты профилактики профессиональных преступлений, включая коррупционные действия, должностные преступления и нарушения в сфере предпринимательской деятельности. Автором проведен комплексный анализ существующих механизмов предупреждения профессиональной преступности на основе изучения научных публикаций последних лет. Выявлены основные проблемы в системе профилактики и предложены направления совершенствования превентивных мер. Особое внимание уделено роли правоохранительных органов, институтов гражданского общества и цифровых технологий в предупреждении профессиональных преступлений. Результаты исследования показывают необходимость комплексного подхода к профилактике, включающего совершенствование законодательства, повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности и развитие антикоррупционной культуры в обществе.

Ключевые слова: профессиональная преступность, предупреждение преступности, коррупция, должностные преступления, правоохранительная деятельность, профилактика, криминологическая политика

Для цитирования: Таилова А.Г., Мухамедова П.И. Основные направления по предупреждению профессиональной преступности в современной России // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 15 – 19.

Поступила в редакцию: 4 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

The main directions for the prevention of professional crime in modern Russia

¹ Tailova A.G., ¹ Mukhamedova P.I.,
¹ North Caucasus Institute (branch) The Supreme Court (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: the article is devoted to the analysis of current trends in the prevention of professional crime in modern Russia. The article examines the theoretical foundations and practical aspects of the prevention of professional crimes, including acts of corruption, official offenses and violations in the field of entrepreneurial activity. The author has carried out a comprehensive analysis of the existing mechanisms for the prevention of professional crime based on the study of scientific publications in recent years. The main problems in the prevention system are identified and directions for improving preventive measures are proposed. Special attention is paid to the role of law enforcement agencies, civil society institutions and digital technologies in the prevention of professional crimes. The results of the study show the need for an integrated approach to prevention, including improving legislation, increasing the effectiveness of control and supervisory activities and developing an anti-corruption culture in society.

Keywords: professional crime, crime prevention, corruption, official offenses, law enforcement, prevention, criminological policy

For citation: Tailova A.G., Mukhamedova P.I. The main directions for the prevention of professional crime in modern Russia. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 15 – 19.

The article was submitted: May 4, 2025; Approved after reviewing: July 7, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Профессиональная преступность представляет собой одну из наиболее опасных форм криминальной деятельности, характеризующуюся систематическим совершением преступлений лицами, использующими свое служебное положение или профессиональные знания. В условиях современной России данная проблема приобретает особую актуальность в связи с процессами цифровизации экономики, развитием новых форм предпринимательской деятельности и усложнением системы государственного управления.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что профессиональная преступность наносит существенный ущерб экономике страны и подрывает доверие граждан к государственным институтам. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2022-2023 годах наблюдается рост числа выявленных коррупционных преступлений и нарушений в сфере государственных закупок.

Целью данного исследования является определение основных направлений совершенствования системы предупреждения профессиональной преступности в современной России на основе анализа научных публикаций и практического опыта правоохранительных органов.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания: анализ и синтез, сравнительно-правовой метод, системный подход, статистический анализ, контент-анализ научных публикаций.

Эмпирическую базу исследования составили нормативные правовые акты Российской Федерации, статистические данные правоохранительных органов, результаты социологических исследований, а также научные публикации отечественных авторов в области криминологии и уголовного права за период 2021-2024 годов.

Результаты и обсуждения

Теоретические основы предупреждения профессиональной преступности

Современная криминологическая наука рассматривает профессиональную преступность как сложное социально-правовое явление, требующее комплексного подхода к предупреждению. По мнению Беляева А.Н., профессиональная преступность характеризуется высокой степенью латентности и специфическими способами совершения преступлений, что обуславливает необходимость разработки специальных превентивных мер [1].

Васильев К.С. подчеркивает, что система предупреждения профессиональной преступности должна включать три основных уровня: общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный [2]. Каждый уровень имеет свои особенности и требует применения соответствующих методов воздействия.

Григорьева Е.М. обращает внимание на особую роль цифровых технологий в современных схемах профессиональных преступлений [3]. Автор отмечает, что развитие информационных систем создает новые возможности для совершения преступлений, но одновременно предоставляет эффективные инструменты для их предупреждения и раскрытия.

Анализ научных публикаций позволяет выделить несколько основных направлений совершенствования системы предупреждения профессиональной преступности:

1. Совершенствование правового регулирования

Дмитриев О.П. указывает на необходимость дальнейшего совершенствования антикоррупционного законодательства с учетом международного опыта [4]. Особое внимание должно уделяться регулированию конфликта интересов и повышению прозрачности деятельности государственных служащих.

Ефремова Т.И. подчеркивает важность усиления уголовной ответственности за профессиональные преступления и совершенствования системы конфискации преступных доходов [5]. Автор предлагает расширить перечень преступлений, по которым возможна конфискация имущества.

2. Развитие контрольно-надзорной деятельности

Жуков В.Р. исследует роль контрольно-надзорных органов в предупреждении профессиональной преступности [6]. Автор отмечает необходимость координации деятельности различных ведомств и внедрения риск-ориентированного подхода к контрольно-надзорной деятельности.

Иванов С.М. анализирует опыт создания специализированных подразделений по борьбе с экономическими преступлениями [7]. Автор выделяет необходимость профессиональной подготовки сотрудников и обеспечения их современными техническими средствами.

3. Роль институтов гражданского общества

Калинина Н.В [8] исследует потенциал общественных организаций в предупреждении профессиональной преступности. Автор подчеркивает важность развития общественного контроля и создания эффективных механизмов взаимодействия между государственными органами и гражданским обществом.

Лебедев А.А. анализирует роль СМИ в формировании антикоррупционной культуры общества [9]. Автор отмечает необходимость профессиональной подготовки журналистов для освещения вопросов борьбы с профессиональной преступностью.

4. Международное сотрудничество

Морозов П.В. исследует вопросы международного сотрудничества в сфере предупреждения профессиональной преступности [10]. Автор подчеркивает важность имплементации международных стандартов в российское законодательство и развития двусторонних соглашений о правовой помощи.

Никифоров Р.Д. анализирует опыт зарубежных стран в области предупреждения коррупции и профессиональных преступлений [11]. Автор выделяет наиболее эффективные практики, которые могут быть адаптированы к российским условиям.

Проблемы и перспективы развития. Проведенный анализ научных публикаций позволяет выделить ряд проблем в современной системе предупреждения профессиональной преступности:

- недостаточная координация между различными правоохранительными органами;
- низкий уровень правовой культуры в обществе;
- слабое использование современных информационных технологий;
- недостаточное финансирование превентивных программ;
- отсутствие эффективных механизмов защиты лиц, сообщающих о профессиональных преступлениях.

Для решения выявленных проблем необходимо:

- единой информационной системы учета и анализа профессиональных преступлений;
- Совершенствование подготовки кадров правоохранительных органов;
- Развитие системы общественного контроля;
- Внедрение современных технологий в деятельность контрольно-надзорных органов;
- Повышение эффективности международного сотрудничества.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Профессиональная преступность в современной России требует комплексного подхода к предупреждению, включающего совершенствование законодательства, повышение эффективности правоохранительной деятельности и развитие гражданского общества.

Основными направлениями совершенствования системы предупреждения профессиональной преступности являются: развитие правового регулирования, совершенствование контрольно-надзорной деятельности, активизация роли институтов гражданского общества и расширение международного сотрудничества.

Современные информационные технологии предоставляют новые возможности для предупреждения профессиональных преступлений, но их использование требует соответствующей подготовки кадров и финансового обеспечения.

Эффективность предупреждения профессиональной преступности во многом зависит от уровня правовой культуры общества и готовности граждан участвовать в противодействии коррупции.

На основании проведенного анализа предлагается:

- разработать и принять комплексную программу предупреждения профессиональной преступности на период до 2030 года;
- создать межведомственную рабочую группу по координации деятельности в сфере предупреждения профессиональной преступности;
- внедрить современные информационные технологии в деятельность контрольно-надзорных органов;
- усилить международное сотрудничество в области предупреждения профессиональной преступности;
- развивать систему общественного контроля и повышать правовую культуру граждан.

Список источников

1. Беляев А.Н. Криминологическая характеристика профессиональной преступности в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 45 – 58.
2. Васильев К.С. Система предупреждения профессиональной преступности: теоретические и практические аспекты // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 112 – 125.
3. Григорьева Е.М. Цифровые технологии в схемах профессиональных преступлений // Российский следователь. 2023. № 7. С. 23 – 31.
4. Дмитриев О.П. Международный опыт антикоррупционного регулирования: возможности применения в России // Законность. 2022. № 5. С. 78 – 89.
5. Ефремова Т.И. Совершенствование уголовной ответственности за профессиональные преступления // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 34 – 42.
6. Жуков В.Р. Координация деятельности контрольно-надзорных органов в предупреждении профессиональной преступности // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 56 – 67.
7. Иванов С.М. Специализированные подразделения по борьбе с экономическими преступлениями: опыт создания и перспективы развития // Российский следователь. 2023. № 4. С. 15 – 22.
8. Калинина Н.В. Роль общественных организаций в предупреждении профессиональной преступности // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 91 – 104.
9. Лебедев А.А. СМИ как инструмент формирования антикоррупционной культуры // Законность. 2023. № 6. С. 12 – 25.
10. Морозов П.В. Международное сотрудничество в сфере предупреждения профессиональной преступности // Международное публичное и частное право. 2022. № 3. С. 67 – 78.
11. Никифоров Р.Д. Зарубежный опыт предупреждения коррупции: анализ и возможности адаптации // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 89 – 102.
12. Петрова Л.К. Современные тенденции развития профессиональной преступности в России // Вестник криминалистики. 2022. № 2. С. 134 – 148.

References

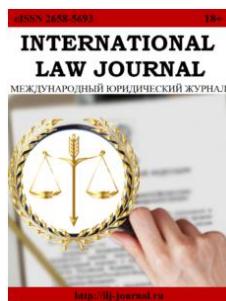
1. Belyaev A.N. Criminological characteristics of professional crime in the context of digitalization. Journal of Russian Law. 2023. No. 3. P. 45 – 58.
2. Vasiliev K.S. System of prevention of professional crime: theoretical and practical aspects. Criminological journal. 2022. No. 4. P. 112 – 125.
3. Grigorieva E.M. Digital technologies in schemes of professional crimes. Russian investigator. 2023. No. 7. P. 23 – 31.
4. Dmitriev O.P. International experience of anti-corruption regulation: possibilities of application in Russia. Legality. 2022. No. 5. P. 78 – 89.
5. Efremova T.I. Improving criminal liability for professional crimes. Russian justice. 2023. No. 2. P. 34 – 42.
6. Zhukov V.R. Coordination of the activities of control and supervisory bodies in the prevention of professional crime. Administrative law and process. 2022. No. 8. P. 56 – 67.
7. Ivanov S.M. Specialized units for combating economic crimes: experience of creation and development prospects. Russian investigator. 2023. No. 4. P. 15 – 22.
8. Kalinina N.V. The role of public organizations in the prevention of professional crime. Journal of Russian Law. 2022. No. 9. P. 91 – 104.
9. Lebedev A.A. Mass media as a tool for forming an anti-corruption culture. Legality. 2023. No. 6. P. 12 – 25.
10. Morozov P.V. International cooperation in the field of prevention of professional crime. International public and private law. 2022. No. 3. P. 67 – 78.
11. Nikiforov R.D. Foreign experience in preventing corruption: analysis and possibilities of adaptation. Criminological journal. 2023. No. 1. P. 89 – 102.
12. Petrova L.K. Modern trends in the development of professional crime in Russia. Bulletin of criminalistics. 2022. No. 2. P. 134 – 148.

Информация об авторах

Таилова А.Г., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Мухамедова П.И., Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Таилова А.Г., Мухамедова П.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.171

Возврат преступных активов в ЕАЭС: сравнительный анализ механизмов конфискации и перспективы формирования единого правового подхода

¹ Асрумян А.К.,
¹ независимый исследователь

Аннотация: в статье рассматривается правовое регулирование возврата преступных активов в пяти государствах – участниках Евразийского экономического союза: Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизстане и России. Целью исследования является выявление различий и общих черт в применении механизмов конфискации активов, полученных преступным путём, а также оценка перспектив формирования единого правового подхода на пространстве ЕАЭС. Задачи исследования включают: систематизацию и сопоставление национальных моделей конфискации, выявление институциональных и законодательных барьеров для гармонизации, а также разработку предложений по унификации процедур ареста, конфискации имущества и признания иностранных судебных решений. Отдельное внимание уделяется вопросам гражданской конфискации, механизму временного замораживания активов и роли цифровых инструментов в трансграничном правовом сотрудничестве. Практическая значимость статьи заключается в возможности применения её выводов и рекомендаций при разработке модельного законодательства, создании цифровой платформы правовой помощи и формировании специализированного координационного органа по возврату активов в рамках ЕАЭС. Результаты работы представляют интерес для законодателей, правоохранительных и судебных органов, международных организаций, а также могут быть использованы в образовательных программах по праву и антикоррупционной политике.

Ключевые слова: возврат активов, конфискация активов, преступные доходы, международное сотрудничество, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), гармонизация законодательства

Для цитирования: Асрумян А.К. Возврат преступных активов в ЕАЭС: сравнительный анализ механизмов конфискации и перспективы формирования единого правового подхода // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 20 – 26.

Поступила в редакцию: 5 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Return of criminal assets in the EAEU: a comparative analysis of confiscation mechanisms and prospects for a unified legal approach

¹ Asrumyan A.K.,
¹ Independent Researcher

Abstract: the article examines the legal regulation of criminal asset recovery in five member states of the Eurasian Economic Union (EAEU): Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Russia. The aim of the study is to identify differences and common features in the application of asset confiscation mechanisms, as well as to assess the prospects for developing a unified legal approach within the EAEU. The research objectives include the systematization and comparison of national confiscation models, identification of institutional and legal barriers to harmonization, and the development of proposals for unifying procedures for asset seizure, confiscation, and the recognition of foreign court decisions. Special attention is given to issues of civil confiscation, provisional freezing

of assets, and the role of digital tools in cross-border legal cooperation. The practical significance of the study lies in the potential application of its findings and recommendations for drafting model legislation, creating a digital platform for mutual legal assistance, and establishing a specialized coordination body for asset recovery within the EAEU. The results are of interest to legislators, law enforcement and judicial authorities, international organizations, and may also be used in legal and anti-corruption education programs.

Keywords: asset recovery, confiscation of assets, criminal proceeds, international cooperation, Eurasian Economic Union (EAEU), harmonization of legislation

For citation: Asrumyan A.K. Return of criminal assets in the EAEU: a comparative analysis of confiscation mechanisms and prospects for a unified legal approach. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 20 – 26.

The article was submitted: May 5, 2025; Approved after reviewing: July 7, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Проблема трансграничного перемещения преступных активов остаётся одной из ключевых угроз экономической и финансовой безопасности государств – участников Евразийского экономического союза. В условиях усиления интеграционных процессов и глобализации финансовых преступлений особую значимость приобретает разработка эффективных механизмов выявления, ареста, конфискации и возврата активов, полученных преступным путем [1, с. 34].

В государствах Союза реализуются различные модели – от классической уголовной конфискации (Россия, Беларусь, Кыргызстан) до внедрения элементов гражданской и внесудебной конфискации (Армения, Казахстан). Эти расхождения препятствуют формированию согласованного правового механизма возврата активов, особенно в части признания решений иностранных судов, замораживания имущества по международным запросам и координации действий компетентных органов.

Дополнительную сложность представляет рост оборота цифровых (виртуальных) активов, таких как криптовалюта, токены и электронные деньги. Эти инструменты активно используются для трансграничного сокрытия преступных доходов, при этом правовые системы государств ЕАЭС демонстрируют разный уровень готовности к их конфискации. Проблема усиливается отсутствием согласованных дефиниций, единых процедур ареста цифрового имущества и механизмов международного признания решений, касающихся таких активов.

Цель исследования – сравнительно-правовой анализ механизмов конфискации преступных активов в странах ЕАЭС и оценка перспектив формирования единого правового подхода к возврату активов в рамках Союза.

Задачи – систематизировать и сопоставить действующие модели конфискации в государствах-членах ЕАЭС; выявить правовые и институциональные препятствия на пути правовой гармонизации; проанализировать возможности признания и исполнения решений о конфискации, вынесенных в других юрисдикциях; исследовать потенциал гражданской конфискации и механизмов временного замораживания активов; разработать предложения по гармонизации национальных режимов возврата активов и созданию межгосударственной цифровой платформы правовой помощи.

Гипотеза – несмотря на разнородность национальных подходов, институциональные и международные предпосылки позволяют сформировать общий правовой механизм возврата преступных активов в рамках ЕАЭС – при условии поэтапной гармонизации законодательства и внедрения единой цифровой и координационной инфраструктуры.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа исследования строится на методах, обусловленных задачами исследования, направленными на выявление структурных различий в правовом регулировании и определение направлений для гармонизации в рамках ЕАЭС.

Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления национальных правовых режимов конфискации активов и выявления общих и отличительных черт; формально-юридический – для анализа и толкования нормативных положений международного и национального законодательства; логико-правовой и функциональный анализ – при оценке эффективности существующих механизмов и разработке предложений по гармонизации.

В качестве эмпирической базы использованы нормативные правовые акты Российской Федерации, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики, регулирующие

вопросы конфискации и возврата преступных активов; международные договоры и соглашения, ратифицированные указанными государствами.

Результаты и обсуждения

1. Особенности национальных моделей конфискации преступных активов

Сравнительный анализ законодательства пяти государств-членов ЕАЭС позволяет выделить две группы стран:

1. Страны, в которых конфискация производится на основании обвинительного судебного приговора.

Россия использует классическую уголовно-правовую модель конфискации на основании обвинительного приговора суда, что закреплено в ст.104.1 Главы 15.1 «Конфискация имущества» Уголовного кодекса. [2] В российской правовой системе отсутствует самостоятельный механизм гражданской (неуголовной) конфискации. Вместе с тем в рамках Федерального закона № 230-ФЗ от 03.12.2012 г. введены элементы гражданского-правового контроля за расходами должностных лиц, позволяющие обращать в доход государства имущество, происхождение которого не подтверждено легальными доходами, по результатам судебного разбирательства. Однако данный механизм не является полноценной гражданской конфискацией и ограниченно применяется в международной практике возврата активов.

Кыргызстан также использует традиционную уголовную модель конфискации.

Беларусь придерживается жёсткой централизованной уголовно-правовой модели. Конфискация осуществляется исключительно по приговору суда. Несмотря на формальное соответствие международным стандартам, практика ограничена высокой степенью государственного контроля и низкой прозрачностью процессов.

2. Страны, в которых применяется практика неуголовной конфискации.

Армения в дополнение к уголовно-правовой конфискации с 2020 года внедрила модель гражданской конфискации, в рамках отдельного закона о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. [3] Это позволяет возбуждать иски к подозреваемым или их родственникам, не дожидаясь обвинительного приговора по уголовному делу. Презумпция незаконности распространяется на активы, происхождение которых не подтверждено, при этом бремя доказывания лежит на ответчике. При этом, с одной стороны, наличие обвинительного приговора по уголовному делу в отношении физического лица не требуется для предъявления иска об изъятии имущества, а с другой – прекращение уголовного дела не служит основанием для прекращения производства по делу о конфискации. Армянский подход близок к англосаксонской модели «unexplained wealth orders» [4, с. 230].

В Казахстане наряду с уголовной конфискацией существует возможность изъятия имущества в рамках гражданских дел о незаконном обогащении. Казахстан активно участвует в международных инициативах, включая взаимодействие с Швейцарией, ОАЭ, Лихтенштейном и другими юрисдикциями в целях возврата активов. В отличие от других стран ЕАЭС, в Казахстане уже реализованы элементы системы управления арестованным имуществом, включая его идентификацию, сохранение и последующее использование в интересах государства. Эти меры делают казахстанскую модель одной из наиболее продвинутых в евразийском пространстве [5, с. 243].

Таким образом, Армения и Казахстан демонстрируют более высокую степень соответствия рекомендациям ФАТФ,

2. Сходства и различия в институциональных решениях

Как справедливо отмечается в научной литературе, страны ЕАЭС демонстрируют различный уровень институционального развития механизмов возврата активов. В то время как все государства полагаются на участие прокуратуры, судов и центральных органов международной правовой помощи, уровень формализации и специализации этих структур существенно варьируется [6, с. 110].

В Армении основной координирующий орган – Генеральная прокуратура. Она обладает полномочиями инициировать процедуру конфискации в гражданском суде, включая иски по делам о незаконном обогащении. Армения также создаёт специализированные подразделения, отвечающие за идентификацию и возврат активов, однако отдельный орган по управлению арестованным имуществом отсутствует.

В России полномочия по международной правовой помощи распределены между Генеральной прокуратурой (уголовно-правовая часть) и Министерством юстиции (гражданско-правовая). Несмотря на наличие развитых правовых механизмов, отсутствует специализированный орган, занимающийся управлением арестованными активами, что создаёт риски утраты их стоимости и снижает эффективность конфискации.

В Кыргызстане инициирование запросов и исполнение решений осуществляется преимущественно прокуратурой и судами.

В Беларуси процедуры управления активами централизованы и сосредоточены в органах следствия и прокуратуры. Механизмы ареста, изъятия и конфискации регламентированы Уголовно-процессуальным кодексом, однако отсутствует прозрачность и независимость управления изъятым имуществом.

В Казахстане наблюдается наиболее развитый институциональный подход. В 2022 году был создан Фонд по возврату активов, функционирующий на основе принципов прозрачности и подотчётности. Управление арестованным имуществом осуществляется через уполномоченные органы с участием Минфина и Агентства по борьбе с коррупцией.

Общей проблемой для всех стран ЕАЭС остаётся отсутствие наднационального координирующего механизма и единого института управления активами. Во многих случаях изъятое имущество теряет свою стоимость, неэффективно хранится, не используется в интересах государства. Это снижает не только правоприменительную эффективность конфискации, но и подрывает общественное доверие к борьбе с преступными доходами [7, с. 110].

3. Проблемы конфискации цифровых активов в странах ЕАЭС

Рост использования виртуальных активов (в том числе криптовалют) в целях уклонения от налогов, отмывания доходов и вывода капитала за рубеж требует внедрения специальных механизмов их ареста, изъятия и возврата. При этом государства ЕАЭС демонстрируют существенно различный уровень адаптации своих правовых систем к новым цифровым реалиям [8, с. 119].

В Армении термин "виртуальные активы" отсутствует в законодательстве, однако закон 2020 года прямо включает в объект конфискации криптовалюту. Конфискация может осуществляться в гражданском порядке, без необходимости вынесения приговора. Арест возможен на основании постановления прокурора, без судебного одобрения, что ускоряет процесс, но вызывает вопросы о гарантиях.

В Беларуси криптовалюта прямо упоминается в статье 132 УПК как объект, на который может быть наложен арест. Особенностью белорусского регулирования является возможность безотлагательной передачи криптовалюты и электронных денег на электронные кошельки, зарегистрированные на государственные органы. Также допускается применение ареста без составления протокола описи имущества, что делает процедуру более технологичной, но менее прозрачной [9, с. 211].

В Казахстане действует нормативная база, признающая криптоактивы как цифровое имущество, подлежащее контролю и аресту.

В Кыргызстане в 2022 году принят отдельный Закон о виртуальных активах, чётко определяющий их правовой статус. Он признаёт виртуальные активы самостоятельными объектами гражданских прав, что позволяет применять к ним общие процедуры ареста и конфискации, предусмотренные уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Однако специальные нормы, регулирующие особенности их розыска и изъятия, пока отсутствуют [10].

Таким образом, только часть стран ЕАЭС обладает целостным правовым подходом к цифровым активам. Отсутствие согласованных дефиниций и единых процедур ареста, хранения и передачи виртуального имущества создаёт значительный пробел в трансграничной борьбе с преступными доходами.

4. Международное сотрудничество в сфере возврата преступных активов в государствах-членах ЕАЭС

Правовые механизмы международного сотрудничества по делам о конфискации активов в странах ЕАЭС формально основаны на ратифицированных конвенциях (включая Конвенцию ООН против коррупции, Палермскую конвенцию) и принципе взаимности. Однако на практике они сталкиваются с рядом серьёзных ограничений, связанных с фрагментарностью правовой базы, отсутствием единых стандартов и процедур признания решений [11, с. 253].

Армения предусматривает чёткий механизм международного взаимодействия по возврату активов в рамках которого Генеральная прокуратура уполномочена рассматривать запросы иностранных государств, в том числе – признавать и исполнять судебные решения о конфискации. Решения исполняются на основе принципа взаимности, пока не доказано обратное. Это делает армянскую модель одной из самых формализованных и проработанных в регионе.

В Беларуси международное сотрудничество регулируется общими нормами УПК. Возврат активов возможен при наличии заверенного иностранного решения и обязательств по сохранению прав третьих лиц и возврату предметов. Однако специальной процедуры в отношении цифровых активов нет, а исполнение запросов часто зависит от сугубо политических факторов.

В Кыргызстане международное правовое сотрудничество осуществляется через Генеральную прокуратуру и Верховный суд. УПК содержит подробный раздел XVI, в котором описаны основания для удовлетворения или отказа в исполнении запросов, а также порядок действий в рамках признания иностранных

решений. Запросы могут исполняться на основе как международных договоров, так и взаимности, с возможностью участия представителей иностранного государства. Тем не менее, на практике остаются сложности с оперативностью обработки запросов и отсутствием единых шаблонов.

В Казахстане функционирует развитая система международного взаимодействия по возврату активов, включая направления в рамках межгосударственных соглашений и двусторонних договоров (в частности, с Швейцарией, Австрией, ОАЭ и Лихтенштейном). Генеральная прокуратура уполномочена обрабатывать международные запросы. Особенностью казахстанской модели является практическая реализация признания иностранных решений о конфискации, в том числе по делам, не связанным с уголовным приговором, что делает Казахстан одним из лидеров региона в этой сфере.

В России международное сотрудничество по вопросам конфискации регулируется нормами УПК РФ (глава 53.1) и соглашениями о взаимной правовой помощи. Центральным органом по уголовным делам является Генеральная прокуратура РФ, а по гражданским – Министерство юстиции.

В целом, анализ показывает, что в странах ЕАЭС отсутствует единая система взаимного признания решений о конфискации и процессуальных механизмов быстрого реагирования. Нет стандартизованных каналов коммуникации, защищённой цифровой инфраструктуры, а признание иностранных решений о конфискации возможно лишь в рамках отдельных процедур и не всегда считается обязательным.

5. Обсуждение перспектив унификации

Проведенное исследование позволило выявить основные проблемы имеющихся механизмов на пространстве ЕАЭС: различия в процессуальных гарантиях и допустимости конфискации без приговора; отсутствие механизмов временного замораживания активов по международным запросам; низкий уровень доверия к правовым системам друг друга, особенно в вопросах признания судебных решений.

Несмотря на указанные различия, можно предположить, что формирование общего правового стандарта возврата активов в рамках ЕАЭС возможно. В качестве первых шагов можно рассматривать:

- Разработку модельного закона ЕАЭС о возврате преступных активов, предусматривающего минимальные стандарты конфискации, включая допустимость гражданской процедуры при отсутствии обвинительного приговора, временное замораживание активов и унифицированные процессуальные формы;
- Введение процедуры временного замораживания активов до получения полноценного международного запроса – по аналогии с механизмами, используемыми в ЕС;
- Создание цифровой платформы для межгосударственного обмена запросами о взаимной правовой помощи, основанной на стандартах FATF и с учётом технических требований к защите данных;
- Формирование реестра активов, подлежащих аресту или конфискации, с доступом для уполномоченных органов государств-членов;
- Формирование межгосударственного координационного органа при ЕЭК (например, на базе антикоррупционного центра или как отдельного подразделения);
- Расширение участия в совместных расследованиях и образовательных инициативах, особенно в Кыргызстане и Беларуси, для укрепления институциональной компетентности.

Выводы

Проведённый сравнительно-правовой анализ правовых режимов конфискации преступных активов в государствах – участниках Евразийского экономического союза показал наличие существенных различий как в нормативно-правовой базе, так и в институциональной реализации возврата активов. При этом каждое государство демонстрирует собственные преимущества и ограничения в правоприменительной практике. Правовые модели в России, Беларуси и Кыргызстане преимущественно опираются на традиционные уголовно-правовые конструкции, где конфискация возможна исключительно на основании обвинительного приговора суда. В то же время Армения и Казахстан внедрили более прогрессивные механизмы, включая гражданскую конфискацию и внесудебное изъятие активов, что повышает их соответствие международным стандартам, в частности – Конвенции ООН против коррупции и рекомендациям ФАТФ.

Общей проблемой для всех стран является отсутствие специализированного органа по управлению арестованными активами, слабая процессуальная регламентация временного замораживания имущества, а также фрагментарность межгосударственного сотрудничества. Существующие различия существенно затрудняют формирование единого правового пространства в рамках ЕАЭС в сфере возврата преступных доходов.

Тем не менее, результаты исследования подтверждают гипотезу о наличии предпосылок для сближения правовых подходов. Несмотря на национальные различия, политико-правовая воля, растущая практика возврата и институциональный интерес к сотрудничеству создают предпосылки для сближения правовых систем и создания единых механизмов. Для перехода от декларативного взаимодействия к полноценному правовому регулированию необходима системная работа по гармонизации процедур, укреплению доверия и цифровизации процессов.

Список источников

1. Лапина М.А., Завьялов М.М. Финансово-правовые аспекты международного сотрудничества по противодействию перемещению преступных активов в иностранные юрисдикции // Полицейская и следственная деятельность. 2020. № 2. С. 32 – 39.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Закон Республики Армения от 09.04.2020 «О конфискации имущества незаконного происхождения» // Официальный вестник РА. 2020. № 4.
4. Moiseienko A. The Limitations of Unexplained Wealth Orders (March 1, 2022). [2022] 3 Criminal Law Review. P. 230 – 241.
5. Лаптев Д.Б., Федоров А.А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 239 – 245.
6. Маслов В.А. Конфискация имущества: российский и зарубежный опыт правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10 (167). С. 110 – 122.
7. Кудратов М., Печегин Д.А. Перемещение активов и незаконный вывод капиталов: актуальные проблемы противодействия // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 101 – 111.
8. Иншаков С.М., Казакова В.А. Борьба с коррупцией в странах мира // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 119 – 126.
9. Антипова К.М. Зарубежный опыт противодействия коррупции // Молодой ученый. 2023. № 45 (492). С. 211 – 214.
10. Закон Кыргызской Республики от 27.01.2022 № 15 «О виртуальных активах» // Официальный сайт Парламента КР. URL: <https://kenesh.kg> (дата обращения: 17.03.2025)
11. Кунев Д.А. Возврат коррупционных активов из иностранных государств: проблемные аспекты международного сотрудничества // Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы: Сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием, Москва, 21 ноября 2019 года. Том I. Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательский Дом "Третьяков", 2019. С. 252 – 255.

References

1. Lapina M.A., Zavyalov M.M. Financial and legal aspects of international cooperation to counter the transfer of criminal assets to foreign jurisdictions. Police and investigative activities. 2020. No. 2. P. 32 – 39.
2. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 01.01.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
3. Law of the Republic of Armenia dated 09.04.2020 "On Confiscation of Property of Illegal Origin". Official Bulletin of the RA. 2020. No. 4.
4. Moiseienko A. The Limitations of Unexplained Wealth Orders (March 1, 2022). [2022] 3 Criminal Law Review. P. 230 – 241.
5. Laptev D.B., Fedorov A.A. Improving the Institute of Property Confiscation Based on the Experience of Foreign Countries. Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 477. P. 239 – 245.
6. Maslov V.A. Confiscation of Property: Russian and Foreign Experience of Law Enforcement. Actual Problems of Russian Law. 2024. No. 10 (167). P. 110 – 122.
7. Kudratov M., Pechegin D.A. Transfer of Assets and Illegal Withdrawal of Capital: Actual Problems of Counteraction. Journal of Russian Law. 2020. No. 1. P. 101 – 111.
8. Inshakov S.M., Kazakova V.A. Fight against corruption in countries of the world. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (62). P. 119 – 126.
9. Antipova K.M. Foreign experience in combating corruption. Young scientist. 2023. No. 45 (492). P. 211 – 214.

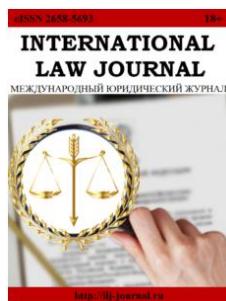
10. Law of the Kyrgyz Republic of 27.01.2022 No. 15 "On virtual assets". Official website of the Parliament of the Kyrgyz Republic. URL: <https://kenesh.kg> (date of access: 17.03.2025)

11. Kunev D.A. Return of corruption assets from foreign countries: problematic aspects of international cooperation. Modern approaches to combating corruption: trends and prospects: Collection of abstracts of reports and articles of the All-Russian scientific conference with foreign participation, Moscow, November 21, 2019. Volume I. Moscow: Limited Liability Company Publishing House "Tretyakov", 2019. P. 252 – 255.

Информация об авторе

Асрумян А.К., независимый исследователь, artyom.asrumyan@mail.ru

© Асрумян А.К., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.171

Формирование евразийской системы защиты прав человека: модель расширения полномочий Суда ЕАЭС

¹ Багдадян Л.О.,

¹ Управление международного сотрудничества и валютного контроля ФНС России

Аннотация: в условиях системного дефицита эффективных правозащитных механизмов на постсоветском пространстве трансформация Суда Евразийского экономического союза в орган с наднациональной юрисдикцией в сфере прав человека приобретает особую актуальность. После выхода Российской Федерации из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека возникла потребность в региональной альтернативе, способной обеспечить эффективную защиту фундаментальных прав. В настоящем исследовании проводится институционально-правовой и сравнительно-правовой анализ потенциала Суда ЕАЭС, обосновываются предпосылки и формулируются предложения по реформированию его мандата. Предлагается концепция поэтапного внедрения правозащитной компетенции через принятие Конвенции ЕАЭС по правам человека, внесение изменений в Договор о ЕАЭС и Статут Суда ЕАЭС, а также создание вспомогательной Евразийской комиссии по правам человека. Особое внимание уделяется анализу рисков юрисдикционных конфликтов с ЕСПЧ, национальными судами и другими международными органами. Рассматриваются кадровые, финансово-административные аспекты реализации инициативы. Расширение юрисдикции Суда ЕАЭС позволит усилить доверие граждан к наднациональным институтам, восполнить правозащитный вакuum, повысить интеграционный потенциал ЕАЭС и укрепить его позицию как самостоятельного правового актора на евразийском пространстве.

Ключевые слова: права человека, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Суд ЕАЭС, ЕСПЧ, интеграционное правосудие, евразийское право

Для цитирования: Багдадян Л.О. Формирование евразийской системы защиты прав человека: модель расширения полномочий Суда ЕАЭС // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 27 – 33.

Поступила в редакцию: 5 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Establishing a Eurasian human rights protection system: a model for expanding the jurisdiction of the EAEU Court

¹ Bagdadyan L.O.,

¹ International Cooperation and Capital Movement
Control Department of the Federal Tax Service of Russia

Abstract: in the context of a systemic deficit of effective human rights protection mechanisms across the post-Soviet space, the transformation of the Court of the Eurasian Economic Union into a supranational body with human rights jurisdiction gains particular relevance. Following the Russian Federation's withdrawal from the jurisdiction of the European Court of Human Rights, the need for a regional alternative capable of safeguarding fundamental rights became especially urgent. This paper presents an institutional and comparative legal analysis of the EAEU Court's potential in this regard and outlines theoretical foundations and practical proposals for reforming its mandate. The study proposes a step-by-step model for introducing human rights competence, including the

adoption of an EAEU Convention on Human Rights, amendments to the EAEU Treaty and the Court's Statute, and the creation of a Human Rights Commission under the Court. Particular attention is paid to the risks of jurisdictional conflicts with the ECHR, national courts, and other international bodies, as well as to institutional, staffing, and budgetary implications. Expanding the jurisdiction of the EAEU Court would strengthen citizens' trust in supranational institutions, fill the existing human rights protection gap, and enhance the Union's legal and political role as a regional actor. The article offers a comprehensive framework for transforming the EAEU into an integrated structure with its own human rights protection system.

Keywords: human rights, Eurasian Economic Union (EAEU), EAEU Court, ECHR, integrational justice, Eurasian law

For citation: Bagdadyan L.O. Establishing a Eurasian human rights protection system: a model for expanding the jurisdiction of the EAEU Court. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 27 – 33.

The article was submitted: May 5, 2025; Approved after reviewing: July 8, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Системный дефицит эффективных правозащитных механизмов остаётся одной из краеугольных проблем стран постсоветского пространства. Национальные юрисдикции зачастую демонстрируют ограниченную независимость и низкую правовую эффективность, при этом доступ к международным инстанциям либо затруднён, либо сопровождается политическим недоверием со стороны широких слоёв общества. В таких условиях граждане не всегда могут рассчитывать на объективное и своевременное разрешение споров, что препятствует надлежащему функционированию правовых систем и сдерживает демократическое развитие государств.

В условиях текущей геополитической переориентации именно Россия оказывается в числе наиболее заинтересованных государств в формировании нового эффективного регионального механизма защиты прав человека. Формальный разрыв отношений между Российской Федерацией и Советом Европы, который привел к денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) и выходу из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), обострил проблему отсутствия альтернативного инструмента, способного гарантировать защиту основных прав и свобод человека.

Ввиду нарастающей глобальной фрагментации и усиления региональных интеграционных процессов формируется запрос на создание собственных правозащитных инструментов внутри региональных объединений. Первоначально ориентированный на экономическую интеграцию, ЕАЭС всё чаще рассматривается как платформа для более широкого правового взаимодействия. Предложение о трансформации Суда ЕАЭС в орган, уполномоченный рассматривать дела о нарушении прав человека, воспринимается как логичный шаг в контексте повышения степени интеграции и укрепления доверия граждан к наднациональным институтам.

Цель исследования – формирование концепции евразийской системы защиты прав человека на основе расширения компетенции Суда ЕАЭС.

Задачи – изучить правовой статус и функциональные возможности Суда ЕАЭС в текущей редакции Договора о ЕАЭС; разработать предложения по внесению изменений в учредительные документы ЕАЭС с целью расширения юрисдикции Суда на сферу прав человека; оценить риски юрисдикционных конфликтов с другими международными и национальными инстанциями, а также предложить механизмы их разрешения; сформулировать поэтапную модель имплементации правозащитной функции в рамках ЕАЭС.

Гипотеза – Суд ЕАЭС при соответствующей нормативной трансформации и институциональном укреплении способен стать эффективным региональным механизмом защиты прав человека.

Материалы и методы исследований

Методологической основой настоящего исследования выступают классические методы юридической науки. Сравнительно-правовой метод использован для анализа моделей региональных правозащитных механизмов (ЕСПЧ, Суд ЕС) и сопоставления их с институциональной структурой Суда ЕАЭС. Формально-юридический метод применён для анализа нормативных актов, регулирующих деятельность ЕАЭС и Суда ЕАЭС. Данный метод позволил провести правовую интерпретацию действующих положений и обосновать необходимость и правовые пути их трансформации.

В качестве эмпирической базы использованы нормативные документы, регулирующие деятельность Суда ЕАЭС, включая Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 г. и Статут Суда ЕАЭС, положения

Конвенции СНГ о правах человека 1995 г. и Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г. Также были изучены официальные статистические данные ЕСПЧ.

Результаты и обсуждения

В последнее время на экспертных и общественно-политических дискуссионных площадках активно обсуждаются различные варианты институциональной базы для формирования новой системы региональной защиты прав человека, включая такие объединения, как ШОС, БРИКС, СНГ и ЕАЭС [1]. Одним из обсуждаемых сценариев является создание принципиально нового правозащитного органа, который не был бы институционально связан ни с одним из действующих интеграционных объединений или международных организаций. Преимуществом такого подхода представляется его потенциальная привлекательность для государств, не заинтересованных в участии в экономических, таможенных или политических обязательствах, характерных для существующих союзов, таких как ЕАЭС [2, с. 20].

Тем не менее, учреждение полностью автономного наднационального механизма *de novo* сопряжено с рядом серьёзных институциональных и политико-правовых затруднений. Такая конструкция требует длительного периода согласования учредительных документов, определения источников финансирования, формирования органов управления и обеспечения международной правосубъектности, что делает данный вариант менее реалистичным в кратко- и среднесрочной перспективе.

На постсоветском пространстве предпринималась попытка институционализации правозащитного механизма в рамках СНГ в виде Комиссии по правам человека (КПЧ СНГ), которая упоминается в статье 34 Конвенции СНГ о правах человека и основных свободах. [3] Однако реальное функционирование этой структуры ограничено как юридически, так и институционально. Комиссия наделена правом подготовки тематических докладов по актуальным вопросам защиты прав и свобод в регионе. Однако такие материалы носят исключительно рекомендательный характер и не сопровождаются ни обязательной процедурой правового воздействия, ни механизмом рассмотрения индивидуальных жалоб. На сегодняшний день отсутствует регламент приёма и рассмотрения обращений как от государств, так и от частных лиц, поскольку соответствующие условия и процедуры не были утверждены Советом глав государств СНГ. Более того, Армения и Таджикистан при подписании Положения о КПЧ СНГ сделали оговорки об исключении применения пункта 15, прямо касающегося возможности рассмотрения таких обращений [4, с. 168].

Таким образом, КПЧ СНГ де-факто функционирует как консультативно-аналитический орган, лишённый юрисдикционных полномочий. Как справедливо отмечают Е.А. Торкунова и Р.А. Касьянов, ключевые ограничения существующего механизма являются, во-первых, его несудебная природа, и, во-вторых, необязательный характер принимаемых решений. Это делает модель КПЧ СНГ непригодной для целей надёжной и независимой защиты прав человека в регионе [5, с. 60].

Представляется, что Евразийский экономический союз обладает рядом характеристик, которые делают его наиболее подходящей институциональной основой для формирования полноценного правозащитного механизма.

Во-первых, ЕАЭС – единственная региональная организация в постсоветском пространстве с развитым наднациональным уровнем управления, включая судебный орган. В отличие от ШОС или БРИКС, являющихся преимущественно платформами для политического и экономического диалога без элементов правового наднационализма, ЕАЭС располагает устойчивой договорной и институциональной основой.

Во-вторых, Суд ЕАЭС – единственный на постсоветском пространстве постоянно действующий наднациональный судебный орган с потенциальной юрисдикцией над государствами. Его существование открывает возможность институционального наращивания компетенций без необходимости создавать механизм «с нуля».

В-третьих, в отличие от СНГ, правовая структура которого носит преимущественно межправительственный и консультативный характер, ЕАЭС изначально строится на принципах сближения и унификации правовых систем.

Именно поэтому правозащитный механизм, привязанный к юридической системе ЕАЭС, будет восприниматься как логичное продолжение процесса интеграции, а не как попытка политического давления или экспорт правовых стандартов.

Евразийский экономический союз с момента своего создания декларировал стремление к углублению интеграции не только в экономической, но и в иных сферах, включая правовую. В качестве ключевых направлений Стратегии-2025 евразийской экономической интеграции были установлены в том числе формирование ЕАЭС как значимого центра развития современного мира и обеспечение максимально действенного функционирования институциональной системы ЕАЭС [6, с. 11]. Для реализации этих направлений и осуществления стратегического курса государств на становление ЕАЭС как действительно эффек-

тивного интеграционного объединения необходимо обеспечить в Союзе эффективную защиту прав и интересов частных лиц с помощью органа Союза.

В научной и экспертной среде обсуждаются различные модели институционализации правозащитной юрисдикции в регионе. Первый вариант – создание нового специализированного Суда по правам человека в рамках ЕАЭС. Второй – трансформация уже существующего Суда ЕАЭС путём внесения изменений в его мандат [7, с. 21]. Несмотря на теоретическую привлекательность первой модели, она требует значительных ресурсов, согласования новой договорной базы и создания с нуля институциональной инфраструктуры. Напротив, встраивание правозащитной функции в действующий Суд ЕАЭС позволяет опереться на существующие процедуры, кадровую и нормативную основу и избежать дублирования судебных механизмов.

Действующий правовой статус Суда ЕАЭС определяет его как орган, обеспечивающий единообразное применение и толкование норм права Союза, а также разрешение споров между государствами-членами, органами Союза и хозяйствующими субъектами [8-9]. Вместе с тем, действующее право ЕАЭС накладывает серьёзные ограничения на реализацию правозащитной функции Суда ЕАЭС: Договор о ЕАЭС и Статут Суда ЕАЭС чётко фиксируют его компетенцию в пределах экономических споров; физические лица не имеют доступа к правосудию напрямую; отсутствует упоминание о правах человека в перечне целей и принципов Союза; в текущей практике Суда отсутствуют механизмы санкций в отношении государств, не соблюдающих решения Суда.

При разработке модели правозащитной юрисдикции важно учитывать и слабые стороны существующих механизмов, прежде всего ЕСПЧ. К таким относится, например, перегруженность: многолетние сроки рассмотрения, высокий процент формальных отклонений жалоб без мотивировки. В ряде случаев решения ЕСПЧ критиковались за «двойные стандарты» и избирательность [10, с. 21].

В настоящем исследовании предлагается модель развития евразийской системы защиты прав человека, основанная на поэтапной трансформации Суда ЕАЭС. Она включает три ключевых элемента: 1) разработку и принятие Евразийской конвенции по правам человека; 2) внесение изменений в учредительный договор ЕАЭС с целью наделения Суда соответствующей компетенцией; 3) проведение институциональных преобразований, включая создание Комиссии по правам человека и специализированной судебной палаты в рамках Суда.

Предлагаемая к разработке Евразийская конвенция по правам человека (ЕАКПЧ) должна служить правовой опорой для вынесения решений Судом и содержать чётко структурированный каталог защищаемых прав. В качестве концептуальной основы может быть использована Конвенция СНГ о правах человека, однако содержание будущей ЕАКПЧ должно быть адаптировано к текущим реалиям и более высокому уровню институциональной интеграции в рамках ЕАЭС.

Особого внимания требует вопрос о том, какие поколения прав человека будут закреплены в будущем конвенционном акте. Предстоит определить, ограничится ли ЕАКПЧ преимущественно правами первого поколения – гражданскими и политическими – по аналогии с ЕКПЧ, или же будет включать также социально-экономические, культурные, а возможно, и так называемые «соматические» права, формирующие второе, третье и четвёртое поколения прав соответственно. В пользу расширенного подхода свидетельствует пример Хартии Европейского союза об основных правах, в которой содержится комплексный перечень прав всех четырёх поколений, что отражает стремление к целостной защите человеческого достоинства в различных его проявлениях.

Предлагается поэтапная стратегия принятия Евразийской конвенции по правам человека, при которой на первом этапе утверждается основной текст, включающий права первого поколения, а последующее расширение на социально-экономические, культурные и коллективные права осуществляется через отдельные дополнительные протоколы по мере готовности государств-членов.

Особенность ЕАКПЧ должна заключаться в балансе между универсальностью прав человека и уважением к культурной, политической и правовой специфике государств-участников. В качестве примера возможной нормы можно предложить следующую формулировку:

«Права и основные свободы каждого человека реализуются с учётом прав и основных свобод других лиц. Ограничения таких прав могут устанавливаться только законом и исключительно в целях обеспечения надлежащего признания прав других лиц, интересов национальной безопасности и общественного порядка».

Введение подобной нормы позволит обеспечить совместимость Конвенции с конституционными системами государств-членов и избежать политической и юридической конфронтации на этапе имплементации.

В целях институциональной реализации предложенной модели представляется целесообразным рассмотреть возможность внесения изменений в нормативную базу ЕАЭС, включая Договор о ЕАЭС.

Во-первых, часть 1 статьи 6 Договора о ЕАЭС «Право Союза» может быть дополнена упоминанием будущей Конвенции ЕАЭС по правам человека как составной части права Союза.

Во-вторых, в статью 1 «Учреждение Евразийского экономического союза. Правосубъектность» может быть включён прямой акцент на защиту прав человека как сферу согласованной политики, что повысит нормативную определённость правозащитной функции Союза.

В-третьих, в статьи 3 и 4 Договора возможно включение следующих новых положений: в статье 3 – принцип «уважения человеческого достоинства и соблюдения прав человека»; в статье 4 – цель «защита прав граждан государств-членов ЕАЭС».

Что касается Статута Суда ЕАЭС, целесообразными представляются следующие изменения:

- дополнить пункт 2 Главы I формулировкой: «...а также контроль соблюдения прав человека и гражданина в государствах ЕАЭС.»;
- добавить в Главу IV «Компетенция Суда» пункт 39.1. Новая версия будет выглядеть следующим образом: «В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции прав человека ЕАЭС в соответствие с Главой IV.1 Статута» (соответственно, новая Глава, в которой раскрываются различные процессуальные вопросы, включая вопрос порядка подачи жалоб);
- разработать новую Главу, регулирующую порядок подачи индивидуальных жалоб, критерии приемлемости и процессуальные особенности судопроизводства по правам человека;
- расширить раздел о составе Суда, предусмотрев создание специализированной Палаты по правам человека. В её состав должны входить судьи с опытом и компетенцией в международной защите прав человека, а также предусматриваться правило об исключении судей в случае конфликта интересов с государством-ответчиком;
- дополнить Главу VII положением о том, что решения Суда ЕАЭС по делам о правах человека являются обязательными для исполнения государствами-членами.

Реализация предлагаемой реформы сопряжена с рядом институциональных и политico-правовых вызовов.

Один из ключевых – обеспечение привлекательности создаваемого механизма для широкого круга государств. Чтобы расширение юрисдикции Суда ЕАЭС действительно приобрело региональный масштаб, необходимо предусмотреть гибкий формат присоединения – государствам должен быть предоставлен определенный промежуток времени, в течение которого они постепенно смогут в полной мере присоединиться к предложенному механизму.

Например, подписав ЕАКПЧ, государство берет на себя обязательство защищать указанные в ней права граждан в рамках национальной судебной системы. Для перехода на следующий уровень необходимо подписание дополнительного протокола, в котором будет содержаться расширенное обязательство государства по передаче дел на рассмотрение Суда ЕАЭС. Предлагаемая модель соответствует логике факультативных протоколов к ЕКПЧ.

Существенным вызовом станет кадровое обеспечение Суда ЕАЭС, который уже сегодня сталкивается с ограниченностью судебного состава и необходимостью его обновления. Расширение компетенции неизбежно приведёт к росту объёма обращений, что требует как увеличения численности судей, так и пересмотра процедуры их назначения с учётом специализации в области прав человека.

В качестве меры разгрузки и структурирования судебного процесса целесообразно создание Евразийской комиссии по правам человека как вспомогательного органа при Суде. Она могла бы выполнять функции фильтрации жалоб, оценки их приемлемости, а также способствовать примирительным процедурам на досудебной стадии. Это позволило бы Суду сосредоточиться на содержательных аспектах и формировать доктрину правоприменения в сфере прав человека.

Отдельного внимания требует проблема возможного конфликта юрисдикций между Судом ЕАЭС и иными наднациональными органами, в первую очередь ЕСПЧ. Особенно актуально это для Армении, остающейся участником ЕКПЧ. В таких условиях представляется необходимым заранее проработать модель различия компетенций – например, через оговорки в ратификационных актах.

Подобный подход уже реализован в рамках Европейского союза, где функционируют параллельно Хартия ЕС по правам человека и ЕКПЧ. Согласно ч. 3 ст. 52 Хартии, в той мере, в которой содержащиеся в ней права соответствуют положениям ЕКПЧ, их смысл и пределы интерпретируются в соответствии с Конвенцией. При этом данное положение не препятствует предоставлению более широкой защиты со стороны права ЕС. Более того, в официальных Пояснениях к Хартии прямо указывается, что Суд ЕС при толковании таких прав следует практике ЕСПЧ [11, с. 98].

Выводы

Реформирование юрисдикции Суда Евразийского экономического союза в сторону включения правозащитной функции представляется обоснованным и своевременным шагом в контексте растущей потребности государств-членов ЕАЭС в наднациональном механизме защиты прав человека. Современные вызовы, связанные с кризисом доверия к универсальным правозащитным институтам и ограниченностью национальных юрисдикций, требуют создания регионального инструмента, соответствующего правовым и политическим реалиям постсоветского пространства.

Результаты проведённого анализа показывают, что Суд ЕАЭС обладает институциональной платформой, пригодной для трансформации в правозащитный орган при условии принятия целого комплекса нормативных и организационных мер. Предложенная модель предполагает поэтапное внедрение нового мандата через принятие Конвенции ЕАЭС по правам человека, внесение изменений в Договор о ЕАЭС и Статут Суда ЕАЭС, формирование специализированных структур (в том числе Комиссии при Суде), а также выстраивание процедурного диалога с национальными судами и другими международными инстанциями.

Таким образом, расширение компетенции Суда ЕАЭС в сфере прав человека – это не только ответ на институциональные пробелы, но и потенциальный шаг к формированию новой модели евразийской правовой интеграции.

Список источников

1. Москалькова предлагает создать наднациональный судебный орган по правам человека [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20220322/307816790.html (дата обращения 17.03.2025)
2. Стародубцев Г.С., Макарова С.С. Перспективы защиты прав человека в рамках ЕАЭС // Мониторинг правоприменения. 2024. № 4 (53). С. 15 – 21.
3. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, 1995. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966/ (дата обращения 17.03.2025)
4. Косолапов М.Ф. Конституционное право на обращение в международные органы СНГ: проблемы становления правозащитного механизма // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9 (225). С. 166 – 169.
5. Касьянов Р.А., Торкунова Е.А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве. Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5 (44). С. 56 – 62.
6. Абрамов Н.М., Рудакова О.Ю. Вектор устойчивого развития Евразийского экономического союза: ретроспектива и перспектива // Экономика Профессия Бизнес. 2023. № 1. С. 5 – 13.
7. Лепёхин Н.А., Первухина К.К. Суд по правам человека ЕАЭС: to be, or not to be? // Уральский журнал правовых исследований. 2024. № 1. С. 16 – 24.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014. [Электронный ресурс], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения 17.03.2025)
9. Статут Суда Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/59c6c990db8e37a1c23e01df97ee446e834cf60b/ (дата обращения 17.03.2025)
10. Берtran M. Баланс между защитой национальной самобытности и выполнением международных обязательств: свободные высказывания о преодолимых вызовах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 1. С. 19 – 23.
11. Чайка К.Л. Суды интеграционных объединений и конституционные суды их государств-членов: от отрицания к принятию // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 2. С. 89 – 103.

References

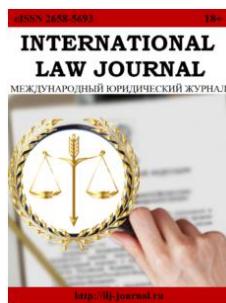
1. Moskalkova proposes to create a supranational judicial body on human rights. [Electronic resource]. URL: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20220322/307816790.html (date of access: 03.17.2025)
2. Starodubtsev G.S., Makarova S.S. Prospects for the protection of human rights within the framework of the EAEU. Monitoring of law enforcement. 2024. No. 4 (53). P. 15 – 21.
3. Convention of the Commonwealth of Independent States on Human Rights and Fundamental Freedoms, 1995. [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966/ (date of access 17.03.2025)

4. Kosolapov M.F. Constitutional right to appeal to international bodies of the CIS: problems of formation of human rights mechanism. Law and state: theory and practice. 2023. No. 9 (225). P. 166 – 169.
5. Kasyanov R.A., Torkunova E.A. Ensuring human rights in the post-Soviet space. Bulletin of MGIMO-University. 2015. No. 5 (44). P. 56 – 62.
6. Abramov N.M., Rudakova O.Yu. Vector of sustainable development of the Eurasian Economic Union: retrospective and prospect. Economy Profession Business. 2023. No. 1. P. 5 – 13.
7. Lepyokhin N.A., Pervukhina K.K. Human Rights Court of the EAEU: to be, or not to be? Ural Journal of Legal Research. 2024. No. 1. P. 16 – 24.
8. Treaty on the Eurasian Economic Union, 2014. [Electronic resource], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (date of access 17.03.2025)
9. Statute of the Court of the Eurasian Economic Union. [Electronic resource], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/59c6c990db8e37a1c23e01df97ee446e834cf60b/ (date of access: 03.17.2025)
10. Bertrand M. The balance between the protection of national identity and the fulfillment of international obligations: free statements on surmountable challenges. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2021. No. 1. P. 19 – 23.
11. Chaika K.L. Courts of integration associations and constitutional courts of their member states: from denial to acceptance. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2021. No. 2. P. 89 – 103.

Информация об авторе

Багдадян Л.О., главный специалист-эксперт Управления международного сотрудничества и валютного контроля ФНС России, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1249-4808>, liddibag@yandex.ru

© Багдадян Л.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 349.2

Роль профсоюзов и охраны труда в защите прав работников при банкротстве

¹ Лилицкий Г.Ю., ¹ Закалюжная Н.В.,
¹ Академия труда и социальных отношений

Аннотация: в статье рассматривается проблема недостаточной защищенности трудовых прав работников в условиях экономической несостоятельности (банкротства) предприятий.

Целью исследования является комплексный анализ правовых и практических аспектов деятельности профсоюзов и системы охраны труда как ключевых инструментов защиты интересов работников. Задачи исследования включают анализ законодательства и судебной практики для выявления системных рисков для профсоюзных организаций, таких как субсидиарная ответственность и правовая неопределенность в очередности перечисления членских взносов. Оценивается влияние этих факторов на финансовую устойчивость и правозащитный потенциал профсоюзов.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов для совершенствования законодательства о банкротстве. Сформулированные выводы предоставляют научное обоснование для усиления правового статуса профсоюзов и создания более сбалансированной системы защиты прав работников. Материалы статьи будут полезны практикующим юристам, арбитражным управляющим и профсоюзным представителям для разработки эффективных стратегий защиты прав работников в процедурах банкротства.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, профсоюзы, профессиональные организации, охрана труда, защита прав работников, трудовые отношения, социальные гарантии

Для цитирования: Лилицкий Г.Ю., Закалюжная Н.В. Роль профсоюзов и охраны труда в защите прав работников при банкротстве // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 34 – 39.

Поступила в редакцию: 6 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

The role of trade unions and labor protection in protecting employees' rights in bankruptcy

¹ Lilitsky G.Yu., ¹ Zakalyuzhnaya N.V.,
¹ Academy of Labor and Social Relations

Abstract: the article deals with the problem of insufficient protection of workers' labor rights in the context of economic insolvency (bankruptcy) of enterprises.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the legal and practical aspects of trade unions and the labor protection system as key tools for protecting the interests of employees. The objectives of the study include an analysis of legislation and judicial practice to identify systemic risks for trade union organizations, such as subsidiary liability and legal uncertainty in the order of transfer of membership fees. The impact of these factors on the financial stability and human rights potential of trade unions is assessed.

The practical significance lies in the possibility of using the results to improve bankruptcy legislation. The formulated conclusions provide a scientific justification for strengthening the legal status of trade unions and creating a more balanced system for protecting workers' rights. The materials of the article will be useful for practicing

lawyers, arbitration managers and trade union representatives to develop effective strategies for protecting the rights of employees in bankruptcy proceedings.

Keywords: insolvency, bankruptcy, trade unions, professional organizations, labour protection, protection of workers' rights, labour relations, social guarantees

For citation: Lilitsky G.Yu., Zakalyuzhnaya N.V. The role of trade unions and labor protection in protecting employees' rights in bankruptcy. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 34 – 39.

The article was submitted: May 6, 2025; Approved after reviewing: July 9, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Банкротство предприятия зачастую является неизбежным результатом его неспособности выполнять свои обязательства в рамках обычной хозяйственной деятельности. Данный процесс подробно регламентирован Федеральным законом от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон), который определяет банкротство как признанную судом или объявленную должником неспособность полностью удовлетворить требования кредиторов [3]. Хотя институт банкротства выполняет важную экономическую функцию, очищая рынок от неэффективных компаний, его социальные последствия крайне значительны. Для работников ликвидация работодателя означает не только потерю рабочих мест, но и прекращение стабильного дохода и социальных гарантий. В условиях, когда банкротство влечет за собой коренные преобразования в организации производства и труда, сотрудники становятся наиболее уязвимой стороной, остро нуждаясь в защите.

Материалы и методы исследований

Остроту проблемы подтверждают и официальные данные. Так, данные Росстата на 2024 год показывают резкое увеличение задолженности по заработной плате, достигшей 427,4 миллиона рублей. Это свидетельствует о том, что существующие механизмы защиты трудовых прав не всегда эффективны. Основная часть долгов сконцентрирована в обрабатывающей промышленности, строительстве и сфере водоснабжения, что указывает на системные риски в данных секторах [12].

Несмотря на наличие законодательных гарантий, на практике защита трудовых прав работников при несостоятельности работодателя сталкивается со значительными трудностями, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих правовых механизмов.

Российское законодательство предусматривает комплекс мер, направленных на защиту интересов работников, включая государственный надзор, судебную защиту, а также механизм конкурсного производства. Ключевой гарантией в рамках последнего является установленная законом приоритетная очередность удовлетворения требований по оплате труда и выплате выходных пособий. Кроме того, законодательством предусмотрена возможность привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности [11, с. 3]. Однако в этих условиях особая роль отводится профсоюзов организациям. Поскольку работники, в отличие от конкурсных кредиторов, не обладают правом инициировать процедуру банкротства, их способность коллективно отстаивать свои права через уполномоченного представителя приобретает первостепенное значение.

Именно профсоюзы выступают в качестве легитимного представителя трудового коллектива в арбитражных процессах и в переговорах с арбитражным управляющим, обеспечивая необходимую защиту и прозрачность процедуры. Будучи уполномоченным представителем трудового коллектива, профсоюз не только обеспечивает информационную и организационную поддержку, позволяя сотрудникам эффективно реализовывать свои права, но и выступает в качестве инструмента независимого контроля. Он осуществляет надзор за деятельностью арбитражного управляющего и ходом реализации активов, что способствует повышению прозрачности процедуры и снижению коррупционных рисков. Правовое регулирование наделяет представителя работников полномочиями участвовать в собраниях кредиторов, заявлять требования по оплате труда для их включения в реестр, а также влиять на ход арбитражного процесса.

Вместе с тем, эффективность данного защитного механизма на современном этапе подрывается наблюдаемой тенденцией к снижению численности членов профсоюзов и их первичных организаций. Данный процесс во многом обусловлен сокращением рабочих мест вследствие реорганизаций, ликвидации и банкротства предприятий, что создает замкнутый круг и ослабляет коллективную защиту работников в самый критический для них момент [13].

Правовой фундамент деятельности профсоюзов заложен в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) [1] и Федеральном законе от 12.01.1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [2], определяющих их как ключевых представителей интересов работников.

Результаты и обсуждения

Одним из главных инструментов является заключение коллективных договоров (ст. 35 Закона), в которые могут быть заблаговременно включены положения о порядке представительства трудового коллектива в случае банкротства. Более того, в рамках арбитражного процесса по делу о банкротстве представитель работников наделен правом оспаривать в суде решения собрания кредиторов (п. 4 ст. 15 Закона), что позволяет ему активно защищать экономические интересы коллектива. Тем не менее, эффективность реализации этих полномочий на практике снижается из-за внутренней раздробленности самого профсоюзного движения, где локальные интересы зачастую препятствуют достижению общих целей [10, с. 160], что подчеркивает необходимость для профсоюзов не только реагировать на уже наступивший кризис, но и использовать имеющиеся правовые механизмы для разработки превентивных стратегий защиты работников.

Существующая законодательная база действительно предоставляет основу для работы профсоюзов, однако, в условиях, когда предприятия объявляются банкротами, особенно если это происходит по «заказу», практика сталкивается с множеством проблем, которые требуют не только юридического, но и активного общественного вмешательства. Нарушения трудового законодательства, такие как невыплата заработной платы или незаконные увольнения, в условиях несостоятельности становятся распространенным явлением.

Ключевую сложность демонстрирует правовая позиция, отраженная в Определении Верховного Суда РФ от 10.02.2023 №301-ЭС22-28136 по делу №А28-14306/2017 [6]. Согласно ей, правомерно выплаченная работнику заработка плата может быть впоследствии оспорена арбитражным управляющим как сделка с предпочтением, совершенная в так называемый «период подозрительности» перед банкротством, что создает парадоксальную ситуацию, при которой добросовестный работник, получивший законное вознаграждение, рискует быть принужденным вернуть эти средства в конкурсную массу. Таким образом, возникает правовой конфликт между защитой интересов конкурсных кредиторов и обеспечением базовых прав работников, чей статус кредиторов по оплате труда оказывается особенно уязвимым в рамках действующих процедур оспаривания сделок должника.

Т.е. эффективность профсоюзной защиты прав работников в условиях несостоятельности напрямую зависит от способности противостоять активному воспрепятствованию со стороны работодателя. Такое противодействие может выражаться в отказе от социального партнерства, создании подконтрольных работодателю профсоюзных структур с целью ослабления легитимных представительных органов работников, а также в непредоставлении информации о финансово-хозяйственной деятельности предприятия под предлогом коммерческой тайны. Последнее лишает профсоюз возможности объективно оценить ситуацию и выработать адекватную стратегию защиты. В этих условиях ключевое значение приобретает повышение компетенций профсоюзных активистов. Это включает разработку практических руководств по правовым действиям, методикам ведения переговоров и взаимодействию со СМИ, а также укрепление межпрофсоюзного сотрудничества для выработки единой, консолидированной позиции в защите трудовых прав.

В процедуре несостоятельности (банкротства) профсоюз реализует свои защитные функции в двух ключевых статусах:

во-первых, в качестве представителя работников должника, на роль которого, как показывает практика, часто назначается председатель профсоюзного комитета;

во-вторых, в качестве самостоятельного кредитора, статус которого возникает при наличии у работодателя задолженности по перечислению членских профсоюзных взносов. В зависимости от момента возникновения долга профсоюз приобретает статус либо «реестрового» кредитора (если задолженность образовалась до возбуждения дела о банкротстве), либо «текущего» кредитора (если долг возник после).

Именно статус «реестрового» кредитора предоставляет профсоюзу наиболее мощные инструменты влияния на процедуру. Профсоюз получает право не только инициировать дело о банкротстве при наличии подтвержденного судебным актом долга, но и участвовать в собраниях кредиторов, оспаривать сделки должника, направленные на вывод активов, и заявлять требования о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Таким образом, использование прав «реестрового» кредитора является для профсоюза действенным механизмом защиты имущественных интересов всего трудового коллектива.

Статус «текущего» кредитора наделяет профсоюзную организацию особыми полномочиями в процедуре банкротства. Ключевым преимуществом является внеочередной порядок удовлетворения требований по текущим платежам, погашаемых до начала расчетов с «реестровыми» кредиторами. Профсоюз как «теку-

щий» кредитор вправе требовать от должника исполнения обязательств по уплате взносов, заявлять о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, а также контролировать соблюдение установленной очередности платежей. При нарушении очередности профсоюз уполномочен обратиться с жалобой в арбитражный суд, который правомочен определить надлежащий размер и порядок удовлетворения требований.

Так, использование статуса «текущего» кредитора обеспечивает эффективную защиту финансовых интересов профсоюза, гарантируя приоритетное погашение задолженности в условиях несостоятельности работодателя.

Анализ теоретических аспектов «подводит» нас к проблемным вопросам в контексте устойчивости профсоюзов как организационных структур, вовлеченных в защиту интересов работников, особенно в условиях экономической нестабильности, а именно: признание несостоятельным (банкротом) организации. Один из рисков связан с финансовой уязвимостью самих профсоюзов. Так, в рамках дела №А34-1915/2023 [8] была подтверждена субсидиарная ответственность профсоюзной федерации по долгам, учрежденной ею организации, что создает прецедент привлечения профсоюза к ответственности по обязательствам подконтрольных ему структур. Другой комплекс проблем связан с защитой работников от нарушений трудового законодательства со стороны администрации должника. Прецедент, установленный в деле Хутатовой [7], где Верховный Суд РФ констатировал несоблюдение формальностей при увольнении, подчеркивает важность строгого процедурного контроля. В подобных ситуациях профсоюзы призваны выступать гарантами соблюдения закона, обеспечивая защиту трудовых прав работников в условиях смены собственника или администрации предприятия-банкрота.

В том числе, была проанализирована судебная практика, связанная с сохранением заработной платы работников в условиях ухудшающейся репутации организации ввиду опубликования информации о её банкротстве, посредством защиты профсоюзами прав работника, где, с одной стороны, существует риск оспаривания конкурсным управляющим выплат, произведенных работникам в преддверии банкротства. Признание законных выплат, включая заработную плату, недействительными сделками ведет к потере работниками денежных средств и требует от профсоюзов настаивать на безупречном документальном оформлении всех финансовых операций. С другой стороны, финансовая устойчивость самих профсоюзов, необходимая для ведения защиты, ставится под вопрос. Судебный прецедент по делу №А37-954/2018 [9] выявил пробелы в правовом регулировании распределения членских взносов. Именно членские взносы являются основным источником средств для осуществления профсоюзами организационных и юридических действий, направленных на защиту интересов работников в кризисных условиях.

Обязанность работодателя по перечислению членских взносов, установленная Федеральным законом «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», сохраняется и в процедуре банкротства. Изначально правоприменительная практика, сформированная письмом Банка России от 27.05.1997 № 456 [4] и Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 30.12.2004 № 87 [5], исходила из того, что профсоюзные взносы перечисляются в той же очередности, что и заработная плата, и на них не распространяется действие моратория, вводимого в процедурах банкротства. Однако последующее изменение позиции Президиума ВАС РФ и исключение соответствующих разъяснений в июле 2014 года создало правовую неопределенность. Сложившаяся ситуация позволяет арбитражным управляющим приостанавливать перечисление взносов при недостаточности средств должника, что подрывает финансовую стабильность профсоюзных организаций и ограничивает их возможность по защите прав работников в период банкротства.

В связи с изложенным, представляется необходимым законодательно закрепить обязанность перечисления профсоюзных взносов одновременно с выплатой заработной платы. Для корректного исчисления и распределения средств следует установить, что на счета первичных профсоюзных организаций подлежит направлению 1% от фактически выплаченной работникам суммы заработной платы. Так, предлагаем внести соответствующие изменения в п. 3 ст. 8 Закона № 415-З, изложив его в следующей редакции: «Право на подачу заявления в экономический суд о признании должника экономически несостоятельным (банкротом) по причине невыполнения обязательств, вытекающих из трудовых и связанных с ними отношений, предоставляется представителю работников должника, а также работнику (или бывшему работнику) должника, имеющим требования по выплате выходных пособий и/или заработной платы, и профсоюзной организации, имеющей требования о перечислении взносов своих членов из заработной платы работников». Кроме того, актуально включение этих изменений в статьи закона, регулирующего реестр требований кредиторов, что обеспечит работникам и профсоюзам возможность реального участия в конкурсном процессе, учитывая их значимость как кредиторов задолженности по заработной плате и взносам.

Проведенное исследование доказывает, что существующие правовые механизмы не обеспечивают должного уровня защиты трудовых прав работников в условиях банкротства, делая их наиболее уязвимой стороной в данном процессе. Анализ судебной практики и законодательства выявил системный парадокс: в момент, когда потребность в защите со стороны профсоюзов максимальна, их финансовая и правовая устойчивость оказывается под угрозой. Правовая неопределенность в отношении перечисления членских взносов, усугубленная рисками привлечения к субсидиарной ответственности, существенно ослабляет способность профсоюзов вести эффективную правозащитную деятельность.

Выводы

Следовательно, для создания сбалансированной и справедливой системы защиты трудовых прав необходимо комплексное совершенствование законодательства. Ключевым направлением является укрепление институционального статуса профсоюзов путем законодательного закрепления гарантий их финансирования и расширения процессуальных прав, включая возможность инициировать процедуру банкротства. Такие меры позволяют трансформировать профсоюзы в полноценных участников антикризисного регулирования и обеспечить работникам реальные инструменты для отстаивания своих законных интересов в наиболее сложных экономических условиях.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Российская газета. 1996. № 12.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. № 209-210.
4. Письмо Банка России от 27.05.1997 № 456 «О порядке перечисления на счета профсоюзов денежных средств (взносов) из заработной платы работников» // Экономика и жизнь. 1997. № 26.
5. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.12.2004 г. № 87 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел, связанных с перечислением работодателями профсоюзным организациям сумм членских профсоюзных взносов из заработной платы работников» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 3.
6. Определение Верховного Суда РФ от 10.02.2023 № 301-ЭС22-28136 по делу № А28-14306/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2023 № 21-КГ23-5-К5 (УИД 07RS0006-01-2022-000771-08) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.01.2024 по делу № А34-1915/2023. URL:<https://sudact.ru/arbitral/doc/U7t0gp8beOYS/>
9. Решение Арбитражного суда Магаданской области от 21.12.2018 г. по делу № А37-954/2018. URL:<https://sudact.ru/arbitral/doc/7LBRb698YUUK/>
10. Крайнов Г.Н. О современном состоянии профсоюзного движения в России // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 157 – 161.
11. Топкаев Д.А. К вопросу правового регулирования представительства трудового коллектива в процедуре банкротства (практические аспекты) // Юридический факт. 2019. № 58. С. 3 – 8.
12. Федеральная служба государственной статистики. Информационно-аналитические материалы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13267>
13. Увеличение профчленства – дело рук самих профсоюзов. URL: <http://fnpr.ru/n/241/19788.html>

References

1. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 2001. No. 256.
2. Federal Law of 12.01.1996 No. 10-FZ "On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity". Rossiyskaya Gazeta. 1996. No. 12.
3. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)". Rossiyskaya Gazeta. 2002. No. 209-210.
4. Letter of the Bank of Russia of 27.05.1997 No. 456 "On the Procedure for Transferring Monetary Funds (Contributions) from Employees' Wages to Trade Union Accounts". Economy and Life. 1997. No. 26.

5. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 30.12.2004 No. 87 "On certain issues arising during the consideration by arbitration courts of cases related to the transfer by employers to trade union organizations of union membership fees from employees' salaries". Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2005. No. 3.

6. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.02.2023 No. 301-ES22-28136 in case No. A28-14306/2017. Reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.08.2023 No. 21-KG23-5-K5 (UID 07RS0006-01-2022-000771-08). Reference and legal system "Consultant-Plus".

8. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 30.01.2024 in case No. A34-1915/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/U7t0gp8beOYS/>

9. Decision of the Arbitration Court of the Magadan Region dated 21.12.2018 in case No. A37-954/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7LBRb698YUUK/>

10. Kraynov G.N. On the current state of the trade union movement in Russia. Sociological studies. 2019. No. 8. P. 157 – 161.

11. Topkaev D.A. On the issue of legal regulation of representation of the labor collective in the bankruptcy procedure (practical aspects). Legal fact. 2019. No. 58. P. 3 – 8.

12. Federal State Statistics Service. Information and analytical materials. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13267>

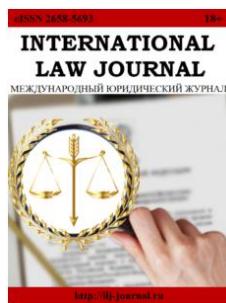
13. The increase in trade union membership is the work of the trade unions themselves. URL: <http://fnpr.ru/n/241/19788.html>

Информация об авторах

Лилицкий Г.Ю., аспирант, Академия труда и социальных отношений, german74lilitdky@mail.ru

Закалужная Н.В., профессор, Академия труда и социальных отношений

© Лилицкий Г.Ю., Закалужная Н.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.951

Некоторые аспекты реализации дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях

¹ Подкорытов С.А., ¹ Мещеряков Г.П.,
¹ Уральский юридический институт МВД России

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы в практике организации дистанционного рассмотрения дела об административном правонарушении.

В соответствии с последними изменениями действующего законодательства Российской Федерации закреплено, что заявления, ходатайство, жалоба, протест и иные документы, изготовленные в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, а также прилагаемые к ним документы могут быть поданы участником производства по делу об административном правонарушении в суд посредством Единого портала госуслуг, либо информационной системы, определенной Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, либо систем электронного документооборота участников производства по делам об административных правонарушениях с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия, а также закреплен порядок участия в рассмотрении дела об административном правонарушении путем использования системы веб-конференции.

Авторы анализируют внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Российской Федерации, касающиеся дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях.

Согласно установленному порядку участия в рассмотрении дела об административном правонарушении путем использования системы веб-конференции: участие в рассмотрении дела об административном правонарушении органом, должностным лицом путем использования систем видеоконференции; участие в рассмотрении дела об административном правонарушении путем использования системы веб-конференции.

Авторами статьи выделено три основные проблемы, которые возникают в процессе организации дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях. Предложено внести изменения касающиеся установления ответственного лица за разработку конкретных требований к технической оснащенности органа исполнительной власти, в котором организуется возможность дистанционного рассмотрения дела об административном правонарушении. Отмечена необходимость более детального разграничения форм дистанционного участия лица.

Ключевые слова: административное правонарушение, дистанционное рассмотрение, административное законодательство

Для цитирования: Подкорытов С.А., Мещеряков Г.П. Некоторые аспекты реализации дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 40 – 44.

Поступила в редакцию: 6 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Some aspects of the implementation of remote participation in proceedings on administrative offenses

¹Podkorytov S.A., ¹Meshcheryakov G.P.,
¹Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the article examines problematic issues in the practice of organizing remote consideration of an administrative offense case.

In accordance with the latest amendments to the current legislation of the Russian Federation, it is established that applications, petitions, complaints, protests and other documents prepared in electronic form, including in the form of an electronic document, as well as documents attached to them, can be submitted by a participant in the proceedings on an administrative offense case to the court through the Unified Portal of State Services, or an information system determined by the Supreme Court of the Russian Federation, the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, or electronic document management systems for participants in proceedings on administrative offenses using a unified system of interdepartmental electronic interaction, and the procedure for participation in the consideration of an administrative offense case by using a web conference system is also established.

The authors analyze amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of the Russian Federation concerning remote participation in proceedings on administrative offenses.

According to the established procedure for participation in the consideration of a case on an administrative offense by using a web conferencing system: participation in the consideration of a case on an administrative offense by a body, official by using video conferencing systems; participation in the consideration of a case on an administrative offense by using a web conferencing system.

The authors of the article identified three main problems that arise in the process of organizing remote participation in proceedings on cases on administrative offenses. It is proposed to make changes concerning the establishment of a person responsible for developing specific requirements for the technical equipment of the executive body in which the possibility of remote consideration of a case on an administrative offense is organized. The need for a more detailed distinction between the forms of remote participation of a person is noted.

Keywords: administrative offense, remote review, administrative legislation

For citation: Podkorytov S.A., Meshcheryakov G.P. Some aspects of the implementation of remote participation in proceedings on administrative offenses. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 40 – 44.

The article was submitted: May 6, 2025; Approved after reviewing: July 9, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Распространение цифровых форм взаимодействия обуславливает тенденцию их внедрение в деятельность государственных органов. Широкое распространение и простое освоение способствуют тому, что гражданам удобнее использовать цифровые средства для реализации своих прав, чем приходить лично в государственные органы. Это выражается в возможности подать заявление в цифровом виде, принять участие дистанционно посредством видеосвязи, а также ознакомиться с принятым решением, обжаловать его, предоставить доказательства в цифровом виде. При этом данные возможности были уже длительное время доступны участникам гражданского и арбитражного судопроизводства [1, с. 180], а с недавнего времени частично были введены и для уголовного судопроизводства [2, с. 233]. Использование же возможностей электронного документооборота и дистанционного участия в производстве по делу об административном правонарушении полноценно введено лишь в июле 2025 года, после вступления в силу изменений в КоАП РФ, внесенных Федеральным законом от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ [3, с. 63].

Однако в связи с введением цифрового производства по делам об административных правонарушениях возникает ряд вопросов, которые требуют решения и не раз уже обозначались авторами в различных научных изданиях. Среди них такие проблемы как сложности идентификации личности [1, с. 184], неэтичность привлечения искусственного интеллекта для автоматизации некоторых процессов производства по делу [4, с. 29], а также решение проблемы низкой материальной оснащенности за счет использования личного оборудования. Ярким примером последнего является дискуссионность использования личного мобильного тел

лефона для фото-, видеофиксации производства следственного действия [5, с. 99]. Указанные вопросы до сих пор не имеют однозначного решения и являются дискуссионными.

В настоящей статье будут рассмотрены проблемы, которые требуют решения в связи с внесением изменений в КоАП РФ, позволяющих гражданами принимать участие в производстве по делу об административном правонарушении в дистанционном формате. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при рассмотрении дела об административном правонарушении посредством видео-конференц-связи или веб-конференции. Целью исследования является анализ особенностей правового регулирования возможности участия в производстве по делу об административном правонарушении посредством видео-конференц-связи или веб-конференции в современной российской административно-юрисдикционной практике. Научная новизна заключается в анализе практики цифровой административной юрисдикции в деятельности полиции, формировании авторских выводов относительно особенностей правового регулирования цифровизации административной юрисдикции на современном этапе.

Материалы и методы исследований

При написании данной статьи в качестве основополагающего метода использовался диалектический материализм, позволяющий рассматривать объект исследования с точки зрения первичности материального над идеальным, а также взаимосвязи элементов системы, их влияния друг на друга и развития ввиду постоянного преодоления неизбежных противоречий. В дополнение к основополагающему методу использовались общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция, сравнение), а также формально-юридический метод. Авторы осуществили анализ положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, практики применения административного законодательства полицией по вопросам дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях, а также научной доктрине по рассматриваемому кругу вопросов.

Результаты и обсуждения

Анализ практики применения полицией норм административного законодательства по вопросам дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях показывает, что существует три основополагающие проблемы: идентификации личности, материальное обеспечение и уровень «цифровой грамотности».

Основная проблема идентификации личности при проведении дистанционного рассмотрения дела заключается в том, что посредством видеосвязи невозможно точно идентифицировать личность. Изначально сомнения вызывали лишь традиционные способы подделки личности, однако в настоящее время в связи с развитием искусственного интеллекта распространены технологии, позволяющие создавать реалистичные изображения и видеозаписи человека, а также синтезировать голос или иные звуки [6, с. 96].

Тем не менее законодателем выработаны правовые механизмы, которые все-таки позволяют формально идентифицировать лицо. Например, привлечь другой орган власти, на территории которого проживает участник производства, и возложить обязанность по идентификации лица на этот орган (ч. 4 ст. 29.14 и ч. 4 ст. 29.15 КоАП РФ). Другой вариант – использование информационных средств, которые позволяют идентифицировать лицо с помощью биометрических данных (отпечатки папиллярных узоров, лицо) или посредством простой электронной подписи (пароль и смс-код) (ч. 1 ст. 29.16 КоАП РФ). Однако последний способ не дает однозначной гарантии, что это именно то лицо, которое прошло авторизацию, так как доступом к устройству или аккаунту может завладеть третье лицо. Так же следует отметить, что процесс идентификации осуществляется только в начале производства, а в дальнейшем не контролируется, что может привести к смене пользователя в последующем.

Отдельно следует рассмотреть вопрос технической возможности осуществления дистанционного рассмотрения дела об административном правонарушении. Законодатель в КоАП РФ предусматривает возможность цифровой административной юрисдикции, но делает оговорку о наличии у органа власти «технической возможности». Только при соблюдении этого условия гражданин вправе воспользоваться своим правом на дистанционное участие и при наличии объективных причин. Несмотря на то, что объективные причины невозможности принятия участия в законе не указаны, на практике под ними понимается, как правило, нахождение лица в специальном помещении для задержанных лиц органов внутренних дел, в следственном изоляторе, а также отбывание наказания в виде ареста или лишения свободы. Для иностранных граждан – специальные учреждения для помещения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации (27.19 КоАП РФ). Однако вопрос технической оснащенности полностью проигнорирован на законодательном уровне и не позволяет сформировать требования о минимальной оснащенности либо критериях оценки такой оснащенности.

Указанное позволяет органу или должностному лицу, в производстве которого находится дело, на свое усмотрение отказать в удовлетворении ходатайства участника производства по данному делу об его участии путем использования систем видео-конференц-связи или веб-конференции. В этой связи считаем необходимым дополнить соответствующие статьи КоАП РФ указанием на то, что конкретные требования к технической оснащенности определяются руководителем федерального органа исполнительной власти, в котором организуется возможность дистанционного рассмотрения дела об административном правонарушении.

Отдельного обсуждения требует вопрос возможности использования личного имущества для организации дистанционного рассмотрения дела. И прежде всего следует однозначно указать на категорическую невозможность использования личного имущества при задействовании сервисов, включенных в ИСОД МВД России, так как это нарушит внутриведомственные требования обеспечения информационной безопасности. Необходимо отметить, что наличие указанных требований вызвано потребностью обеспечения безопасности служебной и иной информации (в том числе и секретной), содержащейся в служебных документах и информационных базах МВД России.

Несмотря на указанное, следует отметить, что в КоАП РФ не уточнены требования к виду подключения и типам используемых устройств. Из этого следует, что нет указаний для органов исполнительной власти осуществлять организацию видео-конференц-связи через системы межведомственного электронного взаимодействия. Действующая редакция КоАП РФ различает только видео-конференц-связь и веб-конференцию, но не разъясняет эти отличия. Толкование норм КоАП РФ позволяет прийти к выводу, что при организации видео-конференц-связи необходимо задействовать другой орган исполнительной власти, который будет содействовать в рассмотрении дела, а при организации веб-конференции такого требования нет, однако процессуальные действия по разъяснению прав и обязанностей осуществляются посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – портал «Госуслуги»).

Таким образом представляется, что для использования портала «Госуслуг» участнику производства допустимо использовать личное устройство. Однако, в случае если доступ сотрудника полиции, рассматривающего дело будет организовано через интеграцию портала «Госуслуги» в ИСОД МВД России, то использование личного оборудования недопустимо.

Последним из обозначенных проблемных вопросов является недостаточный уровень «цифровой грамотности» должностных лиц, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях, чтобы массово перевести процесс рассмотрения дела в цифровую плоскость. В частности, использование систем видео-конференц-связи и веб-конференции требует наличия минимальных навыков владения компьютерной техникой и знаний о порядке делопроизводства в СЭД.

По мнению Н.Д. Бермана отсутствие подобных навыков является крайне острой проблемой, вызванной быстрым развитием соответствующих технологий [7, с. 36]. Однако указанная проблема решается путем включения соответствующих вопросов в программы профессионального и дополнительного образования, и требования проходить обучение по ним для лиц, организующих производство по делу в дистанционном формате. Другим вариантом решения рассматриваемой проблемы является создание единообразной интуитивно понятной в использовании платформы видео-конференц-связи. Однако в настоящий момент в судебных органах своя система, у различных органов исполнительной власти свои, а у граждан портал «Госуслуги».

Выводы

В завершении следует отметить, что правовое регулирование возможности участия в производстве по делу об административном правонарушении посредством видео-конференц-связи или веб-конференции имеет ряд проблем, которые можно объединить в три направления: технические (программные), организационно-материальные и кадровые. При этом для решения комплекса указанных проблем в первую очередь необходимо решить задачу с совершенствованием правового регулирования электронного документооборота в органах внутренних дел, для чего необходимо продолжить исследование данного вопроса. Однако уже сейчас можно отметить необходимость определения ответственного лица за разработку конкретных требований к технической оснащенности органа исполнительной власти, в котором организуется возможность дистанционного рассмотрения дела об административном правонарушении. Также необходимо более конкретно разграничить формы дистанционного участия лица.

Список источников

1. Вильданова М.М. Проблемы идентификации и аутентификации сторон гражданско-правовых споров при дистанционном рассмотрении дел в суде // Право и практика. 2020. № 4. С. 179 – 184.
2. Тютерева Ю.С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу в свете доктринального понимания уголовно-процессуальной формы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 230 – 235.
3. Литвин И.И. Закон об электронном документообороте и дистанционном участии в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 2 (46). С. 62 – 66.
4. Литвин И.И. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Advances in Law Studies. 2022. Т. 10. № 2. С. 26 – 30.
5. Литвин И.И. Мобильный телефон как средство фиксации при производстве следственных действий: процессуальные проблемы оформления и оценки полученных материалов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 97 – 100.
6. Мосечкин И.Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования // Вестник СПбГУ. Серия 14, Право. 2025. № 1. С. 95 – 110.
7. Берман Н.Д. К вопросу о цифровой грамотности // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. № 6 (2). С. 35 – 38.

References

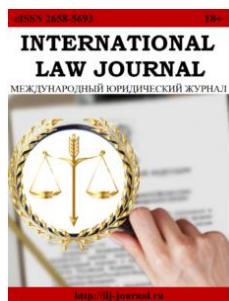
1. Vildanova M.M. Problems of identification and authentication of parties to civil disputes during remote consideration of cases in court. Law and Practice. 2020. No. 4. P. 179 – 184.
2. Tyutereva Yu.S. Remote procedure for criminal proceedings in light of the doctrinal understanding of the criminal procedural form. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2. P. 230 – 235.
3. Litvin I.I. Law on electronic document management and remote participation in proceedings on administrative offenses. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (46). P. 62 – 66.
4. Litvin I.I. On the issue of legal personality of artificial intelligence in criminal proceedings. Advances in Law Studies. 2022. Vol. 10. No. 2. P. 26 – 30.
5. Litvin I.I. Mobile phone as a means of recording during investigative actions: procedural problems of registration and evaluation of the obtained materials. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4. P. 97 – 100.
6. Mosechkin I.N. Deepfake technologies and biometric data: directions of criminal law regulation. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14, Law. 2025. No. 1. P. 95 – 110.
7. Berman N.D. On the issue of digital literacy. Russian Journal of Education and Psychology. 2017. No. 6 (2). P. 35 – 38.

Информация об авторах

Подкорытов С.А., Уральский юридический институт МВД России

Мещеряков Г.П., Уральский юридический институт МВД России

© Подкорытов С.А., Мещеряков Г.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.9

**Регулирование внешнеторговых контрактов купли-продажи
и существенных нарушений их условий в правовых системах
Российской Федерации, Китайской Народной Республики
и специального административного района Гонконг**

^{1, 2} Рындык П.А.

¹ Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева,
² Высшая школа правоведения Института права и национальной безопасности им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме регулирования внешнеторговых контрактов и существенного нарушения их условий в правовых системах Российской Федерации, Китайской Народной Республикой и специального административного района (САР) Гонконг КНР в условиях развивающегося внешнеторгового оборота между Россией и Китаем. Особое внимание в статье уделено решению проблемы различий в подходах трех систем права двух государств к определению существенного нарушения, которое дает право стороне на отказ или расторжение международного контракта. Разная правовая база привносит элемент правовой неопределенности в отношения сторон, что является препятствием, как при заключении внешнеторговых сделок, так и при разрешении споров в судах и арбитражах. Автор с использованием метода сравнительно-правового анализа рассматривает правовую основу такого регулирования, включая применение к международным контрактам Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Венская конвенция 1980, CISG, Конвенция), а также национальных правовых норм и руководящих разъяснений вышестоящих судов России и Китая, а также прецедентных решений общего права САР Гонконг. В работе рассмотрены ситуации применения систем права России, Китая и САР Гонконг при совершении внешнеторговых сделок между сторонами с коммерческими предприятиями, находящимися на их территории, когда применяемое право по контракту определено коллизионными нормами международного частного права или соглашением сторон. Проведённый анализ позволяет выявить аналогии и различия, преимущества и недостатки правового регулирования с целью подготовки рекомендаций для участников внешнеторговых отношений по совершенствованию практики решения возникающих и предотвращения потенциальных проблем при исполнении международных контрактов. Автор приходит к выводу, что наиболее перспективным вариантом исключения правовой неопределенности из отношений сторон международных контрактов является регулирование международных торговых сделок Венской конвенцией 1980 с определением сторонами применимого права к тем аспектам договора, которые не урегулированы CISG.

Ключевые слова: существенное нарушение, предвидимое нарушение, нарушение договора, отказ от договора, внешнеторговый контракт, международная купля-продажа товаров, сравнительно-правовой анализ, Венская конвенция 1980 (CISG)

Для цитирования: Рындык П.А. Регулирование внешнеторговых контрактов купли-продажи и существенных нарушений их условий в правовых системах Российской Федерации, Китайской Народной Республики и специального административного района Гонконг // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 45 – 57.

Поступила в редакцию: 7 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

**Regulation of contracts for the international sale of goods and material
breaches of their terms in the legal systems of the Russian Federation,
the People's Republic of China, and the Hong Kong special administrative region**

^{1, 2} Ryndyk P.A.,

¹ Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev,

² Higher School of Law of the Institute of Law and National Security named after M.M. Speransky
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the article addresses the contemporary issue of legal regulation concerning contracts for the international sale of goods and material breaches of their terms within the legal frameworks of the Russian Federation, the People's Republic of China, and the Hong Kong Special Administrative Region (SAR) of the PRC in relation to the burgeoning foreign trade exchange between Russia and China. The essay focusses on addressing the discrepancies in the methods of the three legal systems of the two states regarding a material breach of the contract, which entitles a party to refuse or terminate an international contract. Diverse legal frameworks infuse legal uncertainty into the relationships of the parties, posing an impediment to both the conclusion of foreign commerce transactions and the resolution of disputes in courts and arbitrations. The author employs comparative legal research to scrutinize the legal foundation for such regulation, encompassing the applicability of the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Vienna Convention 1980, CISG) to international contracts, alongside national legal standards and interpretative guidance from higher courts in Russia and China, as well as precedent rulings from the common law of the Hong Kong SAR. This paper analyses the application of the legal systems of Russia, China, and the Hong Kong SAR in foreign trade transactions involving commercial enterprises situated within their jurisdictions, where the governing law is established by the private international law or by mutual agreement of the parties. The research undertaken enables the identification of similarities and disparities, as well as the advantages and disadvantages of legal regulation, to formulate recommendations for participants in foreign trade relations aimed at enhancing the resolution of current issues and the prevention of possible difficulties. The author asserts that the most effective solution for resolving legal ambiguity in international contract relations is the governance of international trade transactions by the Vienna Convention of 1980, allowing the parties to designate the applicable law for contract aspects not addressed by the CISG.

Keywords: breach of warranty; breach of condition; breach of an innominate term, foreseeable breach, repudiatory breach, material breach, foreign trade contract, international sale of goods, comparative legal research, Vienna Convention 1980 (CISG)

For citation: Ryndyk P.A. Regulation of contracts for the international sale of goods and material breaches of their terms in the legal systems of the Russian Federation, the People's Republic of China, and the Hong Kong special administrative region. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 45 – 57.

The article was submitted: May 7, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Китайская Народная Республика (Китай, КНР), включая Специальный административный район КНР Гонконг (САР Гонконг) является одним из крупнейших международных партнеров Российской Федерации по широкой номенклатуре поставляемых и закупаемых товаров [1]. Продолжение внешнеторгового сотрудничества с КНР и его дальнейшее развитие в настоящее время является критически важным для России с учетом сложившейся геополитической ситуации. Естественно, что при осуществлении внешнеторговых поставок как разновидности предпринимательской деятельности возникают ситуации нарушения условий договоренностей сторонами. Собственно, можно сказать, что цель любого международного контракта – это максимально ясно зафиксировать, о чем стороны договорились, т.е. определить права и обязанности участников международной сделки и указать, что и в каком порядке пострадавшая сторона имеет право делать в случае нарушения согласованных условий. Самые серьезные – существенные нарушения (material breaches) могут дать основания на отказ или расторжение внешнеторговой сделки. Правовая определенность последствий таких существенных нарушений – необходимое условие прогнозируемости предпринимательской деятельности и, как следствие, снижение рисков и затрат при ее осуществлении. Таким образом, ясность и правовая определенность правового регулирования как самого контракта в целом, так и последствий суще-

ственных нарушений его условий является важной и актуальной задачей, так как в противном случае увеличение рисков сторон ведет к включение соответствующей премии за риск в цену товара или в принципе делает невозможным заключение международной сделки.

Материалы и методы исследований

Для решения задачи оптимизации правового регулирования в теоретическом плане может быть использовано достаточно много научных методов, преимуществам и недостаткам которых посвящены многотомные исследования. Одним из таких методов является сравнительно-правовой анализ или юридическая компаративистика (лат. *Comparativus* – сравнительный; англ. *comparative jurisprudence*). Профессор Марченко М. Н. определяет понятие метода как прием или способ изучения реальной действительности для получения о ней объективных знаний [2], отнеся сравнительно-правовой метод к одному из частных методов, который разработан и применяется в юриспруденции. Другой известный профессор, Сорокин В. В., считает, что метод сравнительно-правового анализа позволяет обнаружить критерии заимствования зарубежного правового опыта и даёт подробное обоснование такого вывода в своей работе «История и методология юридической науки» [3]. Юридическая компаративистика в практическом плане позволяет подготавливать практические рекомендации и вносить полезные для субъектов предпринимательской деятельности дополнения и изменения в нормативную базу России и Китая. Как указывает профессор университета Гонконг Яш Гай в эссе «Пересечение китайского права и обычного права в САР Гонконг: вопрос техники или политики?» относительно правовых систем материкового Китая и САР Гонконг «...если две системы разделены, они все равно взаимодействуют в ряде точек. Именно правила взаимодействия интересует учёных-компаративистов» [4].

Обе страны, включая с 2022 года Китай в отношении своего специального административного района Гонконг, ратифицировали CISG. Система права САР Гонконг, имеющая глубокую историю и родственная праву общего Великобритании, значительно отличается от юридических норм как материкового Китая, так и России. С учетом изложенного, автор считает, что оптимальным методом анализа трех сильно отличающихся правовых систем двух стран будет являться сравнительно-правовой анализ как позволяющий максимально полно выявить различия и их последствия для субъектов предпринимательской деятельности через сравнение значительно отличающихся не только регулятивных норм трех правовых систем, но даже отличающихся общих концепций права [5].

Целью настоящей работы является разработка рекомендаций для участников внешнеторговых отношений, направленных на создание такой юридической технологии, которая была бы максимально приемлема для сторон в ситуациях, когда коммерческие предприятия сторон находятся в Китае или России, применимым правом в соответствии с нормами международного частного права или по соглашению сторон является право вышеназванных правовых систем. Объектом исследования в статье выступают общественные отношения, возникающие в процессе международной купли-продажи товаров, в частности при существенном нарушении сторонами условий внешнеторговых договоров купли-продажи товаров, а также их юридическое регулирование в правовых системах РФ, КНР и САР Гонконг. В статье проведен анализ материалов известных российских профессоров-компаративистов Марченко М.Н., Сорокина В.В., Садикова О.Н., Канашевского В.А., а также статей российских авторов Барзилова И.С., Трощинского П.В. и профессора Университета Гонконг Яш Гай, выполнивших сравнительно-правовой анализ правовых систем России, Китая и САР Гонконг, посвященных теоретическим и практическим аспектам внешнеторговой деятельности и существенного нарушение сторонами условий международных контрактов купли-продажи товаров. Проведенное исследование показывает, что отсутствует единый оптимальный подход юридического сообщества к проблеме правовой неопределенности в регулирование международных контрактов, при этом как указывает Трощинский П.В. в монографии «Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики» в Российской Федерации «очевидны существенная нехватка специалистов и слабая государственная поддержка исследований права Китая» [6].

Любой вариант правовой защиты интересов сторон международного договора (контракта) купли-продажи, основан ли он на положениях CISG или на нормах внутреннего законодательства одной из сторон договора или даже на внутренних правовых нормах третьей страны, является продуктом компромисса и будет иметь некоторые недостатки. CISG устанавливает свободу сторон международного договора в отношении ее применения: так статьей 6 установлено, что стороны могут полностью исключить применение CISG к международному контракту купли-продажи. Таким образом, если соответствующий договор (контракт) международной купли-продажи входит в сферу действия Венской конвенции 1980 года, возможна ситуация, когда часть отношений сторон по международной купле-продаже будет регулироваться исключительно положениями Венской конвенции 1980 года (например, условия возмещения убытков и их раз-

мер), а другая часть (например, недействительность договора) – законодательством страны, определенным в соответствии с коллизионными нормами международного частного права или соглашением сторон. Однако, несмотря на все достоинства применения CISG и ее ратификацию такими крупными международными игроками, как США, КНР, Россия, Германия, Канада и Бразилия, стороны международных сделок часто исключают применение CISG к договорам, определяющим отношения между ними. С точки зрения автора, причина этого в том прежде всего, что вопросы, не урегулированные CISG, регулируются иным применимым правом, определенным явно или косвенно сторонами или нормами международного частного права. Это приведет к «двойному действию» законов, когда CISG будет применяться к определенным аспектам договора, а другой свод права – к остальным [7]. В любом случае, можно считать эмпирическим фактом, что часть международных торговых сделок купли-продажи, к которым подлежала бы применению CISG, её применение исключено прямым волеизъявлением сторон. С учетом изложенного, далее будет исследоваться вопрос существенного нарушения условий внешнеторговых договоров (контрактов) купли-продажи товаров в правовых системах России, Китая и САР Гонконг в случае исключения применения CISG сторонами и без такового.

Результаты и обсуждения

Внешнеторговый договор (контракт) и существенное нарушение его условий в CISG

1. Статья 11 CISG декларирует, что не требуется, чтобы договор купли-продажи заключался или подтверждался в письменной форме или подчинялся иному требованию в отношении формы, он может доказываться любыми средствами, включая свидетельские показания.

2. Концепция существенного нарушения (fundamental or material breach) играет важную роль среди средств правовой защиты, доступных при применении CISG. Статья 25 CISG устанавливает, что нарушение договора, допущенное одной из сторон, является существенным, если оно влечет за собой такой вред для другой стороны, что последняя в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать на основании договора, за исключением случаев, когда нарушившая договор сторона не предвидела такого результата и разумное лицо, действующее в том же качестве при аналогичных обстоятельствах, не предвидело бы его. Другими словами необходимо одновременное выполнение трех требований, чтобы в соответствии с Конвенцией нарушение договора могло считаться существенным: во-первых, должник должен нарушить условие, которое стороны предварительно согласовали; во-вторых, потерпевшая сторона понесла такой ущерб в результате такого нарушения, что это по сути лишает ее того, что она обоснованно ожидала от исполнения договора; в-третьих, что сторона, допустившая нарушение, или предвидела ущерб как последствие своего действия или бездействия или такое последствие могло быть предвидено при необходимой внимательности и предусмотрительности [8].

Существенное нарушение договора в соответствии с Венской конвенцией 1980 дает потерпевшей стороне основание на отказ от договора в случаях:

- существенного неисполнения другой стороной (ст. 49(1)(a), 64(1)(a));
- существенного предвидимого нарушения другой стороной (ст. 72(1));
- если неисполнение в отношении одной части товара составляет существенное нарушение при поставке товара несколькими партиями (ст. 73(1));
- в случае, когда неисполнение в отношении одной поставленной части товара дает оправданные основания считать, что существенное нарушение будет и в отношении будущих партий по договору поставки отдельными партиями (ст. 73 (2));
- если частичное неисполнения или частичное несоответствия товара составляют существенное нарушение (ст. 51(2)).

Кроме того, существенное нарушение может привести к возникновению у покупателя права требовать поставку заменяющего товара (ст. 46(2)) и позволяет сохранить права, которые в противном случае были бы утрачены после перехода риска (ст. 70).

Внешнеторговый договор (контракт) и существенное нарушение его условий в правовой системе России

1. Внешнеторговый договор или контракт является основным документом, регулирующим международные торговые операции между резидентами и нерезидентами, предусматривающие передачу товаров, работ, услуг и т.д. По своему содержанию внешнеторговый контракт – это договор коммерческого характера с иностранным партнером, предусматривающий обычно проведение валютных взаиморасчетов. В России, как и в большинстве стран, нормативное регулирование формы и содержания внешнеторговых соглашений основано на сочетании национального законодательства, международных соглашений и деловых обычаях [9]. В РФ, в частности, большое значение имеют положения Гражданского кодекса Российской

Федерации (ГК РФ), законы – например, Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», ратифицированные РФ соглашения с другими странами и иными субъектами международного права, правовые обычаи, такие как INCOTERMS. Особую значимость в отношении регулирования внешнеторговых договоров (контрактов) имеет ратифицированная РФ Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Венская конвенция 1980, CISG, Конвенция).

В силу п.4 ст.15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В силу п.3 ст.1186 ГК РФ, если международный договор Российской Федерации содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается. Из приведенных правовых норм следует, что нормы международного договора, в данной ситуации Венской конвенции 1980, имеют приоритет в той области, где они подлежат применению. В соответствии с пунктом 2 статьи 7 CISG вопросы, относящиеся к предмету регулирования Венской конвенции 1980, которые прямо в ней не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при отсутствии таких принципов – в соответствии с правом, применимым в силу норм международного частного права.

Взаимосвязь между национальным законодательством РФ и международным правом являлось предметом рассмотрения Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09.07.2019 №24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации" в абзаце 3 пункта 3 которого указано, что по вопросам, которые не разрешены в международном договоре Российской Федерации, применимое внутригосударственное право определяется с помощью коллизионных норм международного частного права, которые могут содержаться как в нормах международных договоров, так и в нормах внутригосударственного права Российской Федерации. Например, Венская конвенция 1980 года не регулирует вопросы действительности договора купли-продажи или последствий, которые может иметь этот договор в отношении права собственности на проданный товар.

Содержание внешнеторгового договора (контракта) купли-продажи обычно определяется правилами международной торговли INCOTERMS, которые определяют базовые положения о поставке товара. INCOTERMS являются операционной связью между покупателем и продавцом в контракте и напрямую влияют на эффективность, скорость и результативность, а также на возможность эффективно вести переговоры и оплачивать транспортировку товаров [10]. В соответствии со статьями 5 и 309 ГК РФ или статьей 9 CISG правовой обычай, которым является INCOTERMS, является обязательным для исполнения сторонами, если обратное не предусмотрено сторонами в договоре или применимыми правовыми нормами. В силу ст. 23 CISG внешнеторговый договор считается заключенным в момент, когда акцепт оферты вступает в силу в соответствии с положениями Конвенции.

2. Согласно статье 450 Гражданского кодекса РФ существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. В силу пунктов 1, 2 статьи 310 ГК РФ односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами. Примером, ситуации, в которых возможен отказ от договора – это право потребителя на отказ от договора, если второй стороной является предприниматель. Из приведенных положений гражданского законодательства РФ следует сделать вывод, что в России условием признания нарушения договора существенности является те последствия, которые в результате нарушения договора понесла пострадавшая сторона. Таким образом, если пострадавшая сторона лишается того, на что имела разумные основания рассчитывать при заключении договора, то такое нарушение считается существенным. Как указывает доктор юридических наук, профессор Канашевский В.А. в своих работах расторжение договора по указанному основанию не нуждается в определении наличия у нарушителя реальной возможности предвидеть правонарушение [11]. Критерии существенности при этом могут быть, как определены в соглашении между сторонами, так и определяться законом, что указано в п.2 статьи 450 ГК РФ. Юридическими последствиями существенного нарушения договора может быть как изменение, так и расторжение договора, реализуемые через обращение в суд, кроме как было указано исключительных случаев, связанных с наличием стороны, права которой подлежат особой защите со стороны государства (например, потребителя). В соответствии с руководящими разъяснениями Верховного суда РФ и со сложившейся судебной практикой в РФ суды в России не разделяют существенные и иные основания, а признают наличие/отсутствие обстоятельств для расторжения до-

говора как указывается, например, в Определении Верховного Суда РФ от 18.03.2021 N 305-ЭС20-7170 по делу № А40-297162/2018, вошедшей п. 25 обзора судебной практики Президиума Верховного суда РФ № 3 за 2021 год.

Внешнеторговый договор (контракт) и существенное нарушение его условий в правовой системе Китая

1. Применение Венской конвенции 1980 к договорам международной купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах предусмотрено в подпункте (1)(а) статьи 1 CISG. Подпунктом (1)(б) статьи 1 CISG сфера применения Конвенции может быть расширена за счет вовлечения в регулируемую ей сферу случаи, когда согласно нормам международного частного права применимо право государства, являющегося участником Конвенции, даже если не все стороны международной многосторонней сделки купли-продажи являются участниками CISG. Китай утвердил применение CISG в 1988 году, сделав заявление, что КНР не считает себя связанным положениями подпункта (1)(б) статьи 1 Конвенции, посчитав нецелесообразным расширение сферы действия Конвенции. Таким образом, если стороны внешнеторгового контракта прямо не исключили применение Конвенции в соответствии со ст. 6 CISG и имеют свои коммерческие предприятия в странах членах Венской конвенции 1980, или когда одна или обе стороны имеют свое(и) коммерческое(ие) предприятие(а) в недоговаривающемся государстве, но стороны решают применять CISG, в таких случаях будет правомерным применение CISG с точки зрения правовой системы материкового Китая.

В руководящем деле № 107 Верховного суда КНР Thyssen Krupp Metallurgical Products GmbH vs. Sinochem International (Overseas) Pte Ltd. по спору о международном договоре купли-продажи товаров, Верховным судом КНР разъяснены ситуации возможного применения CISG судами КНР [12]:

«Во-первых, если стороны имеют свои коммерческие предприятия в разных Договаривающихся государствах, CISG должна применяться преимущественно;

Во-вторых, если стороны исключают применение CISG, они должны прямо указать это в судебном разбирательстве;

В-третьих, если применяется CISG, то применимое право, согласованное сторонами, применяется только к вопросам, не охватываемым CISG».

В соответствии с пунктом (2) статьи 7 CISG вопросы, относящиеся к предмету регулирования Венской конвенции 1980, которые прямо в ней не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при отсутствии таких принципов – в соответствии с правом, применимым в силу норм международного частного права, а в случае если стороны выбрали применимое право для международного договора (контракта), то вопросы, не урегулированные CISG, будут регулироваться этим применимым правом.

В целом, согласно законодательству КНР, стороны могут заключать договор в письменной или любой другой форме. Согласно статье 490(2) Гражданского кодекса Китая (Civil Code of the People's Republic of China), требование письменной формы договора не является обязательным и не влияет на действие договора. Любые электронные данные, которые могут показать в материальной форме содержание, указанное в них посредством электронного обмена данными или электронной почты, могут быть доступны для справки и использованы в любое время и должны рассматриваться как письменная форма [13].

При этом надо отметить специфику правосознания китайского предпринимателя, которые «в своем поведении руководствуется не юридическими нормами, а стремлением «сохранить лицо», не подвергнуться осуждению со стороны родственников и знакомых, стремится соответствовать общепринятым нормам морали. Для китайского правосознания характерен приоритет морали над правом» [14]. Естественно, что неразрывно со специфической нормой правосознания связано и такой нюанс китайской правовой системы как большое количество подзаконных актов, которые нигде не публикуются, но включены в правовую систему и с учетом которых выносятся решения судов [15].

2. В статье 563 Гражданского кодекса Китая об определении существенного нарушения договора указаны пять оснований, при которых сторона договора имеет право на отказ от договора: «(1) цель договора не может быть достигнута из-за форс-мажора; (2) до истечения срока исполнения одна из сторон прямо выражает или указывает действием, что она не будет выполнять основное обязательство; 3) одна из сторон задерживает выполнение основного обязательства и все равно не выполняет его в разумный период времени после предъявления требования; (4) одна из сторон задерживает выполнение обязательства или иным образом действует в нарушение договора, что делает невозможным достижение цели договора; (5) существует любое другое обстоятельство, предусмотренное законом».

Постановлением Верховного суда Китая по делу *Jiangsu Shagang Group v. FTM Resources International* (2015) подчеркнуто, что «нарушение условия договора считается существенным, поскольку оно противоречит достижению основной цели покупателя по договору» [16].

Внешнеторговый договор (контракт) и существенное нарушение его условий в правовой системе САР Гонконг

1. 4 мая 2022 года КНР сделала заявление депозитарию CISG о расширении сферы применения Венской конвенции 1980 на территорию САР Гонконг, в котором указала, что «территориальное расширение сферы применения Конвенции вступит в силу 1 декабря 2022 года в соответствии со статьей 97(3) CISG. Заявление о том, что Китай не связан положениями статьи 1(1)(b) CISG, не распространяется на Гонконг» [17]. Таким образом, можно перечислить три случая, при которых с точки зрения правовой системы САР Гонконг Венская конвенция 1980 применима к договору (контракту) международной купли-продажи товаров:

- когда стороны международного контракта купли-продажи имеют свои коммерческие предприятия в государства-участниках Конвенции (подпункт (1) (а) статьи 1 CISG) и стороны прямо не исключили применение Венской конвенции 1980 к международной сделке (статья 6 CISG);
- когда к договору международной купли-продажи товаров должно применяться право САР Гонконг (подпункта (1)(b) статьи 1 CISG) согласно нормам международного частного права;
- когда одна или обе стороны имеют свое(и) коммерческое(ие) предприятие(а) в недоговаривающемся государстве, но стороны решают применять CISG в соответствии с условиями международной торговой сделки.

При рассмотрении ситуации с применением CISG в отношении Китая и САР Гонконг необходимо отметить следующее. В силу п. 1 статьи 1 CISG Конвенция применяется к договорам (контрактам) международной купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. В силу статьи 1 Основного закона специального административного района Гонконг Специальный административный район Гонконг является неотъемлемой частью КНР, в силу статьи 8 законы, действовавшие в Гонконге, то есть общее право, правила справедливости, постановления, подчиненное законодательство и обычное право, сохраняются, за исключением тех, которые противоречат основному закону САР Гонконг. Таким образом, в случае, когда обе стороны международного сделки купли-продажи находятся в КНР и САР Гонконг, они находятся в одном государстве, и CISG не применяется к отношениям сторон.

В целом, затрагивая взаимодействие системы права Китая и САР Гонконг необходимо понимать, что для упрощения понимания ситуации стороны обычного международного контракта могут считать, что Китай и САР Гонконг это просто разные государства с разной правовой базой и полностью раздельной правовой системой несмотря на то, что за последние несколько десятков лет наметилась тенденция судов САР Гонконга принимать во внимание правовые акты КНР [18] в тех сферах, в которых в соответствии с Основным законом САР Гонконг, юридическое регулирование нормами континентального Китая исключено.

2. В САР Гонконг правовой основой, определяющей права и обязанности сторон договора купли-продажи и понятие существенного нарушения условий договора, является статутное право и общее право. Базовым нормативным актом статутного права в области купли-продажи товаров является Постановление о продаже товаров (*Sale of Goods Ordinance*), являющееся глубокой переработкой классического *Sale of Goods Act 1893* – закона Великобритании о купле-продажи товаров. Ключевая классификация основана на природе нарушенного условия договора: нарушение условия (*condition*), дающего право на расторжение, и заверения или обязательства (*warranty*), нарушение которого даёт право только на возмещение убытков (*damages*). Однако, кроме условий и обязательств, существует понятие промежуточного условия (*innominate term*), которое находится между условием и обязательством по договору купли-продажи. В соответствии с классическим определением, данным в постановлении по делу *Hong Kong Fir Shipping Co Ltd v Kawasaki Kisen Kaisha Ltd* (1962) судьей Кеннетом Диплоком, применяемым в САР Гонконг: «некоторые условия могут привести либо к праву на расторжение контракта в качестве средства правовой защиты, либо просто к праву на возмещение ущерба (без права на прекращение). Вопрос не в том, называется ли конкретное условие договора "гарантией" или "условием", а в том, насколько серьезным является нарушение» [19].

Таким образом, критерием для определения того, может ли пострадавшая сторона отказаться от договора, стал ответ на вопрос: «Лишаются ли в результате нарушений пострадавшая сторона того, на что рассчитывала при заключении договора?»: «Лишило ли наступление этих событий фрахтователей в значительной степени всей выгоды, которую стороны намеревались получить, как это было выражено в чартерном договоре, от дальнейшего исполнения своих договорных обязательств».

Постановление о продаже товаров Гонконга не содержит четкого определения "предвидимого нарушения". Однако эта концепция признана в общем праве Гонконга, которое вытекает из принципов английского договорного права; например, возможность отказа от договора в случае предвидимого существенного нарушения определена в precedентах: *Hochster v. De La Tour Neutral Citation Number: [1853] EWHC QB J72 (1853) 2 E & B 678; QB; 118 ER 922*: «предвидимое существенное нарушение позволяет невиновной стороне немедленно подать иск о возмещении убытков, не ожидая даты исполнения» [20] и *Universal Cargo Carriers v Citati [1957] 2 QB 401*: «поведение стороны может являться основанием для отказа от договора»[21].

Венская конвенция 1980 года содержит нормы, определяющие форму заключения договора, в соответствии со статьей 11 CISG наличие международной сделки может доказываться любыми средствами, включая свидетельские показания. В статье 161 Гражданского кодекса РФ предусмотрено, что должны совершаться в простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения сделки юридических лиц между собой. В соответствии с пунктом 1 статьей 162 ГК РФ последствием несоблюдения письменной формы сделки является лишение стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания. Кроме того, в гражданском праве РФ есть императивные нормы, постулирующие необходимость письменной формы соглашения сторон, например, соглашение о неустойке должно быть совершено в письменной форме в силу прямо указания на это в статье 331 ГК РФ, которое может трактоваться судами России достаточно широко.

Таким образом, в силу очевидных противоречий в регулировании формы договора между CISG и ГК РФ возникает правовая неопределенность для сторон международного контракта, например, при рассмотрении спора или заявления о приведении в исполнение решения суда иностранного государства или арбитража судом РФ, для которого обязательно соблюдения сверхимперативных требований национального законодательства, что может привести как к признанию договора частично или полностью недействительным, так и к отказу в приведении в исполнение решения иностранного суда или арбитража.

Статьями 12 и 96 CISG предусмотрена возможность для стран-участниц, законодательство которых требует, чтобы договоры (контракты) международной купли-продажи заключались или подтверждались в письменной форме, сделать заявление о неприменении статьи 11 Венской конвенции 1980, дающей право на заключение договоров без соблюдения письменной формы. При присоединении СССР к CISG в соответствии с Постановлением ВС СССР от 23 мая 1990 г. №1511-И «О присоединении СССР к конвенции ООН о договорах международной купли-продажи» была сделана соответствующая оговорка, что в соответствии с со статьями 12 и 96 CISG, что любое положение статьи 11, статьи 29 или части II Конвенции, которое допускает, чтобы внешнеторговый договор (контракт) купли-продажи или его изменение или прекращение соглашением сторон либо оферта, акцепт или любое иное выражение намерения совершились не в письменной форме, неприменимо, если хотя бы одна из сторон имеет свое коммерческое предприятие на территории СССР. Как следует из Письмом президента РФ 24 декабря 1991 года № Пр-2338 Россия полном объеме приняла на себя ответственность по всем обязательствам СССР согласно Уставу ООН и межгосударственным, включая CISG. Следовательно, требование об обязательной письменной форме применяется к внешнеторговому договору (контракту) купли-продажи, когда одна из сторон имеет предприятие на территории РФ и стороны прямо не исключили применение CISG к международному договору (контракту) купли-продажи. Необходимо отметить, что стороны внешнеторгового договора (контракта) могут самостоятельно определить право третьей страны, применимое к договору, которое не требует письменной формы договора, как право России, и если стороны прямо не исключают применения норм Венской конвенции 1980, то такое право будет применяться субсидиарно к нормам CISG. В силу ст. 1210 ГК РФ соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть прямо выражено или должно определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела. Теоретически в качестве применимого права стороны международного договора купли-продажи, даже если одна из сторон имеет предприятие на территории РФ, могут выбрать право страны, где письменная форма сделки не обязательна, что позволит им заключить договор не в письменной форме. Такая юридическая техника скорее может быть предметом теоретических рассуждений, чем использоваться на практике, так как при рассмотрении спора в судах РФ или в арбитраже при определении права РФ как применимого к договору (контракту) международной купли-продажи очень вероятно судом или арбитражем должен будет обсуждаться вопрос, является ли норма российского законодательства об обязательной письменной форме договора (контракта) международной купли-продажи нормой непосредственного применения или сверхимперативной нормой и должен ли считаться договор, заключённый не в письменной форме, соответствующим нормам внутреннего законодательства

РФ или нет, что не будет способствовать правовой определённости последствий заключения внешнеторгового договора (контракта).

В отношении формы заключения международного контракта, имеющегося в правовых системах материального Китая и САР Гонконг, надо отметить, что обоим правовым системам в настоящее время присущ либеральный подход, соответствующий статье 11 CISG, т.е. наличие международной сделки может доказываться любыми средствами, включая свидетельские показания.

Само понятие «существенного нарушения» внешнеторгового контракта, которое является основанием для «отказа» («прекращения», «аннулирование», «расторжения», «rescind») пострадавшей стороны от договора не только известно в правовых системах и России, и Китая и САР Гонконг, но и неоднократно разъяснено в соответствующих решениях вышестоящих судов. В России существенное нарушение условий договора купли-продажи рассматривается как юридический факт. В случае осуществления сторонами предпринимательской деятельности наличие такого юридического факта, установленного судом, дает право пострадавшей стороне на расторжение или изменение условий договора. Расторжение договора по указанному основанию не нуждается в определении наличия у нарушителя реальной возможности предвидеть правонарушение, как это необходимо согласно определению существенного нарушения по CISG. Правовая система САР Гонконг через разъяснения, содержащиеся в соответствующих прецедентах общего права, устанавливает, что пострадавшая сторона может отказаться от договора купли-продажи при существенном нарушении, и существенное нарушение это то, которое лишает пострадавшую сторону от всей пользы, на которое она рассчитывала при заключении договора. Таким образом, понятие существенного нарушения в правовой базе САР Гонконга напоминает соответствующее понятие, данное в п.п. 2 п. 1 ст. 450 ГК РФ, где указано, что существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора с тем уточнением, что в отличие от законодательства РФ, которым установлено право в общем случае на расторжение коммерческого договора в судебном порядке, процедура защиты права в САР Гонконг предусматривает возможность отказа от договора пострадавшей стороной. Законодательство КНР указывает несколько ситуаций при которых пострадавшая сторона имеет право на отказ от договора, в том числе содержит одно из оснований идентичное с основаниями, имеющимися в правовых системах РФ и САР Гонконг – невозможность достижения цели договора пострадавшей стороной. Однако, гражданский кодекс КНР и соответствующие руководящие разъяснения Верховного суда Китая трактуют понятие существенного нарушения договора более широко, включая как один из случаев существенного нарушения договора форс-мажор, т.е. невозможность неисполнения условий договора по независящим от сторон причине. В статье 25 CISG включенной в Венскую конвенцию 1980, которая является частью правовых систем России, Китая и САР Гонконг, определение существенного нарушения не имеет прямых соответствий ни в одной из названных правовых систем. В соответствии со статьей 25 CISG предполагает право пострадавшей стороны на отказ от международного договора (контракта) купли-продажи товара только в строго определенных случаях и наличия у нарушителя реальной возможности предвидеть правонарушение, что поощряет выполнение договорных обязательств сторонами международного договора (контракта) купли-продажи, тем самым приоритизируя стабильность международной торговли.

Вопрос о том, имеет ли сторона право на отказ от договора в случае предвидимого существенного нарушения “anticipatory repudiation” в законодательстве РФ, Китая и САР Гонконг, разрешен по-разному. Ratio decidendi прецедентного права Гонконга в отношении предвидимых нарушений практически идентичны положению статьи 563 Гражданского кодекса Китая, где прямо указано, что сторона договора имеет право на отказ от него до истечения срока исполнения, если одна из сторон прямо выражает или указывает действием, что она не будет выполнять основное обязательство. Законодательство России, например, в отношении договора подряда содержит только частные случаи предвидимых нарушений, которые дают пострадавшей стороне, при на право на отказ от договора, например, такая норма содержится в ст. 715 ГК РФ.

Выводы

В России существенное нарушение условий договора рассматривается как юридический факт, дающий право в общем случае на расторжение в судебном порядке договора в судебном порядке, если пострадавшая сторона лишается в значительной степени лишается того, на что рассчитывала при заключении договора. Законодательство КНР определяет ряд случаев, при которых пострадавшая сторона имеет право на отказ договора, в концептуальном плане подход законодателя КНР к определению существенного условия договора близок к подходу в России к этому вопросу и не связывает право на отказ от договора с недоброволенностью нарушившей стороны, но правовым последствием существенного нарушения стороной является возможность отказа от договора. Правовая система САР Гонконг связывает право на односторонний

отказ от договора купли-продажи пострадавшей стороной невозможностью достижения в целом целей договора обеими сторонами при этом нарушено может быть как существенное (condition), так и промежуточное условие (innominate term), но не обязательство(warranty). Следовательно, несмотря на то, что правовые системы и России, и КНР и САР Гонконг содержат в целом на уровне словосочетаний базовую концепцию существенного нарушения договора, подход каждой из них имеет свои особенности, что в конечном итоге при общей похожести возрастает до практически полной несовместности при попытке их сравнения. CISG требует для расторжения договора купли-продажи и полного состава существенного нарушения наличия у нарушителя реальной возможности предвидеть правонарушение и предполагает право пострадавшей стороны на отказ от международного договора (контракта) купли-продажи товара только в строго определенных случаях.

Таким образом, правовые последствия для сторон договора в случае существенного нарушения, предусмотренные CISG, приводят к ситуации, когда предпочтение отдается сохранению сделки, достигнутой сторонами, и уравновешивает интересы покупателя и продавца, предоставляя комплексный набор средств правовой защиты в случае неисполнения внешнеторговой сделки, что способствует стабильности в отношениях сторон международной купли-продажи. Однако, несмотря на очевидные достоинства применения CISG в соответствии с пунктом 2 статьи 7 CISG вопросы, относящиеся к предмету регулирования Венской конвенции 1980, которые прямо в ней не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при отсутствии таких принципов – в соответствии с правом, применимым в силу норм международного частного права. Следовательно, разнообразные вопросы неурегулированные конвенцией, могут повлечь разнообразные и долгие судебные споры по этим вопросам, что сильно снижает эффективность применения Конвенции, так как очевидно, что в этом случае приходиться применять дополнительно нормы национальных правовых систем вместо унифицированных норм и понятий Венской конвенции 1980 при этом с перспективой неоднозначных споров о применимом праве.

На основании вышеизложенного практически решением проблемы правовой неопределенности регулирования внешнеторговых контрактов автор считает является заключении международных договоров купли-продажи входящих в сферу действия Конвенции, т.е. без прямого исключения применения CISG к внешнеторговому контракту. С целью исключения споров о применимом праве к вопросам, не урегулированным Конвенцией, рекомендуется сторонами определять в договоре применимое право, которое должно применяться к разрешению всех тех вопросов, которые не урегулированы самой Венской конвенцией 1980.

Список источников

1. Что происходило в торговле России и Китая в 2024 году [Электронный ресурс] // Росбизнесконсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790fa3e9a7947cab6e9d4c1c> (дата обращения: 14.03.2025)
2. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. Москва: Проспект, 2021. 720 с.
3. История и методология юридической науки: коллективная монография / под ред. В.В. Сорокина. Москва: Юрлитинформ, 2016. 468 с.
4. Олива Ж., Кардинал П. (ред.). Одна страна, две системы, три правовых порядка: перспективы эволюции: пер. с англ.; под ред. Ж. Оливы, П. Кардинала. Берлин: Springer, 2009. 650 с. ISBN 978-3-540-68572-2. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=ds1P9gB5j-IC> (дата обращения: 14.03.2025)
5. Барзилов И.С. Правовые системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. 240 с. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.166-173
6. Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики: монография. Москва: ИДВ РАН, 2011. 272 с. ISBN 978-5-8381-0192-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/357336> (дата обращения: 21.03.2025)
7. Швейцнер И. Schlechtriem & Schwenzer: Комментарий к Конвенции ООН о международной купле-продаже товаров [Электронный ресурс] // Сайт по вопросам Венской конвенции 1980. URL: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/CISG-AC-op15.html> (дата обращения: 14.03.2025)
8. Джович К. Концепция существенного нарушения договора в CISG. [Электронный ресурс] // Институт сравнительного правоведения. 2018. 2018. С. 39 – 50. 10.5937/spz0-20337. UDC: 347.447.6 doi: 10.5937/spz0-20337. https://www.researchgate.net/publication/331945952_The_concept_of_the_fundamental_breach_of_contract_in_the_CISG (дата обращения: 14.03.2025)

9. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть I / отв. ред. О.Н. Садиков. Москва, 2003. 788 с.
10. Вогт Дж. Состояние исследований Incoterm [Электронный ресурс] // Транспортный журнал. Сентябрь 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/343754119_The_State_of_IncotermR_Research (дата обращения: 14.03.2025). DOI: 10.5325/transportationj.59.3.0304
11. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Международные отношения, 2019. 704 с.
12. Руководящее дело № 107 Верховного суда КНР (Thyssen Krupp Metallurgical Products GmbH vs. Sinochem International (Overseas) Pte Ltd.) [Электронный ресурс] // Законодательство Китая. URL: <https://lawinfochina.com/display.aspx?id=1843&lib=case> (дата обращения: 14.03.2025)
13. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21757> (дата обращения: 14.03.2025)
14. Трошинский П.В. Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5 (9). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-sistema-kitayskoy-narodnoy-respubliki-stanovlenie-razvitie-i-harakternye-osobennosti> (дата обращения: 14.03.2025)
15. Лависка М. Верховенство права с китайской спецификой: спорный ландшафт/ Гаагский журнал о верховенстве права Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40803-025-00247-6> (дата обращения: 14.07.2025). <https://doi.org/10.1007/s40803-025-00247-6>
16. Постановление Верховного суда КНР по делу Jiangsu Shagang Group v. FTM Resources International (2015) [Электронный ресурс] // JusMundi. URL: <https://jusmundi.com/fr/document/decision/en-loki-owning-company-ltd-v-jiangsu-shagang-group-co-ltd-judgment-of-the-high-court-of-justice-of-england-and-wales-2018-ewhc-330-thursday-1st-march-2018> (дата обращения: 14.03.2025)
17. Заявление о территориальном применении Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров к САР Гонконг [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: <https://unis.unvienna.org/unis/en/pressrels/2022/unisl327.html> (дата обращения: 14.03.2025)
18. Чан К., От правового плюрализма к дуализму: эволюция отношений между правовыми порядками Китая и Гонконга (1 мая 2022 г.). (2022) 16(1) [Электронный ресурс] // Право и этика права человека <https://doi.org/10.1515/lehr-2022-2004>. URL: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4288387> (дата обращения: 14.03.2025)
19. Решение Апелляционного суда Англии и Уэльса по делу Hong Kong Fir Shipping Co Ltd v Kawasaki Kisen Kaisha Ltd [1962] 2 QB 26 [Электронный ресурс] // LawTeacher. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/hong-kong-fir-shipping-co-v-kawasaki-kisen-kaisha.php> (дата обращения: 14.03.2025)
20. Решение Высшего суда правосудия по делу Hochster v. De La Tour [1853] EWHC QB J72 [Электронный ресурс] // Justia Law. URL: <https://law.justia.com/cases/foreign/united-kingdom/2-ellis-bi-678-1853.html> (дата обращения: 14.03.2025)
21. Решение Высокого суда Англии и Уэльса, отделение королевской скамьи, суд по торговым делам по делу Universal Cargo Carriers v Citati [1957] 2 QB 401 [Электронный ресурс] // i-law. URL: <https://www.ilaw.com/ilaw/doc/view.htm?id=147003&environment=prod#LLR:1957010174> (дата обращения: 14.03.2025)

References

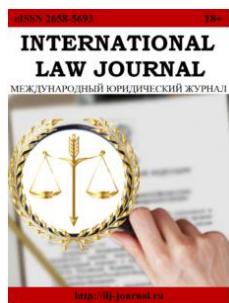
1. What Happened in Trade between Russia and China in 2024 [Electronic Resource]. Rosbusinessconsulting. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790fa3e9a7947ca6e9d4c1c> (date of access: 03.14.2025)
2. Marchenko M.N. Theory of State and Law: textbook. 2nd ed. Moscow: Prospect, 2021. 720 p.
3. History and Methodology of Legal Science: collective monograph. Edited by V.V. Sorokin. Moscow: Yurlit-inform, 2016. 468 p.
4. Oliva J., Cardinal P. (eds.). One Country, Two Systems, Three Legal Orders: Prospects of Evolution: trans. from English; edited by J. Oliva, P. Cardinal. Berlin: Springer, 2009. 650 p. ISBN 978-3-540-68572-2. [Electronic resource]. URL: <https://books.google.ru/books?id=ds1P9gB5j-IC> (date of access: 14.03.2025)
5. Barzilov I.S. Legal systems of the Russian Federation and the People's Republic of China: comparative legal analysis. Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2023. No. 4. 240 p. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.166-173

6. Troshchinsky P.V. Legal liability in the law of the People's Republic of China: monograph. Moscow: IFES RAS, 2011. 272 p. ISBN 978-5-8381-0192-1. [Electronic resource]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/357336> (date of access: 21.03.2025)
7. Schweitzner I. Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods [Electronic resource]. Website on the Vienna Convention 1980. URL: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/CISG-AC-op15.html> (date of access: 14.03.2025)
8. Djovic K. The concept of a material breach of contract in the CISG. [Electronic resource]. Institute of Comparative Law. 2018. 2018. P. 39 – 50. 10.5937/spz0-20337. UDC: 347.447.6 doi: 10.5937/spz0-20337. https://www.researchgate.net/publication/331945952_The_concept_of_the_fundamental_breach_of_contract_in_the_CISG (Accessed: 14.03.2025)
9. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part I.ed. O. N. Sadikov. Moscow, 2003. 788 p.
10. Vogt J. The State of Incoterm Research [Electronic resource]. Transport Journal. September 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/343754119_The_State_of_IncotermR_Research (Accessed: 14.03.2025). DOI: 10.5325/transportationj.59.3.0304
11. Kanashevsky V.A. International transactions: legal regulation. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: International Relations, 2019. 704 p.
12. Guiding case No. 107 of the Supreme Court of the PRC (Thyssen Krupp Metallurgical Products GmbH vs. Sinochem International (Overseas) Pte Ltd.) [Electronic resource]. Legislation of China. URL: <https://lawinfochina.com/display.aspx?id=1843&lib=case> (date accessed: 03.14.2025)
13. Civil Code of the People's Republic of China [Electronic resource]. World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21757> (date of access: 14.03.2025)
14. Troshchinsky P.V. Legal system of the People's Republic of China: formation, development and characteristic features. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2015. No. 5 (9). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-sistema-kitayskoy-narodnoy-respubliki-stanovlenie-razvitiye-i-harakternye-osobennosti> (date of access: 14.03.2025)
15. Laviska M. Rule of law with Chinese characteristics: a contested landscape. The Hague Journal on the Rule of Law. Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40803-025-00247-6> (Accessed: 14.07.2025). <https://doi.org/10.1007/s40803-025-00247-6>
16. Ruling of the Supreme Court of the People's Republic of China in the case of Jiangsu Shagang Group v. FTM Resources International (2015) [Electronic resource]. JusMundi. URL: <https://jusmundi.com/fr/document/decision/en-loki-owning-company-ltd-v-jiangsu-shagang-group-co-ltd-judgment-of-the-high-court-of-justice-of-england-and-wales-2018-ewhc-330-thursday-1st-march-2018> (accessed: 14.03.2025)
17. Statement on the territorial application of the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods to the Hong Kong SAR [Electronic resource]. Official website of the UN. URL: <https://unis.unvienna.org/unis/en/pressrels/2022/unisl327.html> (accessed: 14.03.2025)
18. Chan K., From Legal Pluralism to Dualism: The Evolution of Relations between the Legal Orders of China and Hong Kong (1 May 2022). (2022) 16(1) [Electronic resource]. Law and Ethics of Human Rights <https://doi.org/10.1515/lehr-2022-2004>. URL: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4288387> (date accessed: 14.03.2025)
19. Decision of the Court of Appeal of England and Wales in the case of Hong Kong Fir Shipping Co Ltd v Kawasaki Kisen Kaisha Ltd [1962] 2 QB 26 [Electronic resource]. LawTeacher. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/hong-kong-fir-shipping-co-v-kawasaki-kisen-kaisha.php> (date accessed: 14.03.2025)
20. Decision of the High Court of Justice in the case of Hochster v. De La Tour [1853] EWHC QB J72 [Electronic resource]. Justia Law. URL: <https://law.justia.com/cases/foreign/united-kingdom/2-ellis-bi-678-1853.html> (Accessed: 14.03.2025)
21. Decision of the High Court of England and Wales, Queen's Bench Division, Commercial Court in the case of Universal Cargo Carriers v Citati [1957] 2 QB 401 [Electronic resource]. i-law. URL: <https://www.ilaw.com/ilaw/doc/view.htm?id=147003&environment=prod#LLR:1957010174> (date of access: 14.03.2025)

Информация об авторе

Рындык П.А., кандидат экономических наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева; Высшая школа правоведения Института права и национальной безопасности им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

© Рындык П.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 340.5:341.4:343.3

Особенности закрепления статуса «экстремистской организации» по законодательству Российской Федерации и ЕС: сравнительный анализ

¹ Салванин Р.З.,
¹ председатель регионального общественного движения социального развития в г. Москве «Доблесть и Честь»

Аннотация: в настоящей статье автор всесторонне исследует наполнение категории «экстремистская организация» посредством использования компаративного метода исследования. В качестве примеров для осуществления сравнительного анализа выступают развивающееся и постоянно совершенствующееся законодательство Российской Федерации, законодательство такого коллективного объединения как Европейский Союз (ЕС), а также национальное (внутреннее) законодательство государств-участниц данного объединения.

В рамках исследования автор поступательно доказывает, что российское законодательство на сегодняшний день в сфере противодействия экстремистской деятельности как таковой является более совершенным, по многим аспектам опережает законодательство европейских государств.

В исследовании отдельное внимание уделяется национальным стратегиям как основе противодействия преступной деятельности экстремистских организаций. Кроме того, автор отдельно исследует полномочия профильных национальных и наднациональных органов, которые уполномочены выявлять экстремистские организации и осуществлять дальнейшие действия по пресечению преступной деятельности таких организаций. В исследовании особо отмечается роль отдельных Списков террористических и экстремистских организаций и материалов, которые ведутся уполномоченными органами на территории Российской Федерации.

В статье также затрагивается проблематика, связанная с пресечением экстремистской деятельности, реализуемой посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, экстремистская организация, экстремистское сообщество, международные экстремистские движения, конституционный строй, национальные стратегии, Европейский Союз (ЕС), финансирование экстремизма, криптовалюты

Для цитирования: Салванин Р.З. Особенности закрепления статуса «экстремистской организации» по законодательству Российской Федерации и ЕС: сравнительный анализ // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 58 – 64.

Поступила в редакцию: 8 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Features of securing the status of an "extremist organization" under the legislation of the Russian Federation and the EU: a comparative analysis

¹ Salvanin R.Z.,

¹ Chairman of the regional public movement for social development in Moscow "Valor and Honor"

Abstract: in this article, the author comprehensively examines the content of the category "extremist organization" through the use of a comparative research method. The examples for comparative analysis are the developing and constantly improving legislation of the Russian Federation, the legislation of such a collective association as the European Union (EU), as well as the national (internal) legislation of the member states of this association.

As part of the research, the author consistently proves that Russian legislation today in the field of countering extremist activities as such is more advanced, in many aspects ahead of the legislation of European states.

The study pays special attention to national strategies as the basis for countering the criminal activities of extremist organizations. In addition, the author separately examines the powers of relevant national and supranational bodies that are authorized to identify extremist organizations and carry out further actions to curb the criminal activities of such organizations. The study highlights the role of individual Lists of terrorist and extremist organizations and materials maintained by authorized bodies on the territory of the Russian Federation.

The article also touches upon the issues related to the suppression of extremist activities carried out through the Internet.

Keywords: extremism, terrorism, extremist organization, extremist community, international extremist movements, constitutional order, national strategies, European Union (EU), financing of extremism, cryptocurrencies

For citation: Salvanin R.Z. Features of securing the status of an "extremist organization" under the legislation of the Russian Federation and the EU: a comparative analysis. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 58 – 64.

The article was submitted: May 8, 2025; Approved after reviewing: July 11, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что в XXI веке происходит непрекращающееся поступательное увеличение количества преступлений экстремистской направленности. Явления экстремизма переживает период подъёма. Кроме того, из года в год увеличивается не только видовое многообразие преступлений экстремистской направленности, но также и качественно расширяется круг потенциальных субъектов, способных осуществить акт экстремистского толка. Перечисленные негативные условия, сформировавшиеся в окружающей нас действительности, наглядно сигнализируют о необходимости своевременного и всестороннего законодательного реагирования на преступления экстремистской направленности. Промедление в выявлении функционирующих экстремистских организаций чревато подрывом основ конституционного строя, безопасности и миропорядка как таковых.

Экстремистские организации сегодня стремятся всячески воздействовать на нормальное функционирование налаженных экономических, политических, социолог-культурных и религиозных процессов, которые стали следствием поступательной созиательной деятельности государства, институтов гражданского общества и отдельного индивида.

На сегодняшний день явление экстремизма является одним из наиболее масштабных и всесторонних явлений, результаты которого могут подтачивать как отдельные институты, так и более внушительные сферы жизнедеятельности общества. При этом важно подчеркнуть, что преступления экстремистской направленности крайне сложно выявлять и пресекать на практике по причине чрезмерно широкого круга его возможных проявлений, а также в связи с многообразием экстремистских организаций. В связи с чем, крайне важным и актуальным видится исследование категории «экстремистская организация» как ключевой категории, правильное раскрытие которой в дальнейшем позволяет осуществлять целый комплекс предусмотренных в действующем законе мер по противодействию деятельности запрещённых в Российской Федерации организаций.

Кроме того, автор исследования видит актуальным сопоставлять отечественный опыт борьбы с экстремистскими организациями с передовым опытом аналогичной борьбы в рамках ЕС, поскольку явление экстремизма в подавляющем большинстве случаев может быть охарактеризовано как явление трансграничное

– явление, для которого не существует государственных границ и, которое, «расползается» по миру, свободно пересекая любые, условные для него, государственные границы. В связи с чем, законодательная база для борьбы с деятельностью экстремистских организаций должна подвергнуться в ближайшем будущем неминуемой практике сближения национальных моделей государств в рамках не только Европы, но и всего мира.

Цель исследования заключается в выявлении, постановке и разрешении проблем нормативно-правового регулирования закрепления статуса «экстремистской организации» и установления процедурных особенностей противодействия её деятельности в законодательных актах Российской Федерации, законодательстве такого коллективного объединения как Европейский Союз (ЕС), а также в национальном (внутреннем) законодательстве государств-участниц данного объединения.

Гипотеза – на сегодняшний день законодательство Российской Федерации в части противодействия экстремизму и терроризму во многом опережает законодательство ЕС, а также национальное законодательство государств-членов данного регионального объединения. Законодательство Российской Федерации в сфере развития легальных рычагов противодействия экстремистской деятельности отличается крайне динамичным характером. В российском праве категория «экстремистская организация» раскрывается многостороннее, нежели в региональных и национальных актах стран-участниц ЕС.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу при осуществлении настоящего исследования составила выверенная система методов, к числу которых относятся как общенаучные, так и частно-научные (специальные) методы исследования.

Среди общенаучных методов стоит выделить следующие методы, которые были использованы автором в рамках подготовки статьи: исторический, логический, системный, функциональный методы. Активно использовалось изучение и обобщение сведений, их классификация, а также индукция, дедукция, аналогия.

Помимо общенаучных методов были использованы такие специальные методы исследования как сравнительно-правовой метод, диалектический метод, метод юридической герменевтики.

Теоретическую основу научной статьи составили труды отечественных учёных, предметом исследований которых в той или иной степени является доктринальные изыскания, затрагивающие проблему определения и закрепления статуса «экстремистской организации».

Нормативную основу для компаративного исследования составили акты российского законодательства, национальные (внутренние) акты стран-участниц Европейского Союза (далее – ЕС), а также нормативные акты, разработанные в рамках регионального объединения ЕС, а именно специальные Регламенты, регулирующие отдельные аспекты противодействия актам терроризма и экстремизма.

Результаты и обсуждения

В настоящее время категория «экстремизм» активно применяется в научной литературе в качестве термина, с помощью которого достигается обобщение целого ряда преступлений крайней направленности. При этом чрезмерная содержательная составляющая той или иной правовой категории вызывает определённые практические трудности, связанные с толкованием неоднозначных признаков анализируемого явления. Так, категория «экстремизм», являясь крайне пространной, может быть раскрыта как через призму анализа её философского (абстрактного) компонента и её социально-политических проявлений, так и через интересующую нас в рамках настоящего исследования формально-юридическую призму [7, с. 69].

На сегодняшний день категория «экстремистская деятельность (экстремизм)» определяется в Российской Федерации на основании положения п. 1 ст. 1 профильного закона, нацеленного на противодействие экстремизму – на основании Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон № 114-ФЗ) [1]. В данном пункте законодатель, исходя из правовой природы категории «экстремизм», а также учитывая всю многогранность проявления данного негативного явления на практике, логично принимает решение определить интересующее нас явление не посредством универсальной дефиниции, а посредством перечисление деяний, которые должны быть расценены право-применителем как акт экстремизма.

При этом анализ п. 1 ст. 1 Закона № 114-ФЗ позволяет прийти к выводу о том, что положения данного пункта во многом могут быть расценены как устаревшие и не отвечающие духу времени. Данное положение дел во многом обусловлено тем фактом, что Закон № 114-ФЗ был принят в 2002 г, а последнее изменение в текст п. 1 ст. 1 были внесены в 2020 г. [2]. Учитывая общую динамику становления и развития законодательства об экстремизме в Российской Федерации за последние пять лет, подобная статичность основ

вополагающей статьи профильного акта, содержащей в себе ключевые дефиниции, выглядит крайне странно.

Нормативное регулирование в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации в последние годы начинает разветвляться и дополняться посредством принятия актов стратегического толка, которые вобралы в себя определения многих ключевых категорий, ранее не раскрывавшихся в тексте Закона № 114-ФЗ. Так, например, с принятием Указа Президента России от 28.12.2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [4] (далее – Стратегия) были официально утверждены дефиниции таких важных для правоприменителя категорий как «идеология насилия», «радикализм», «экстремистская идеология», «проявления экстремизма», «ксенофобия», «русофобия» и др. Отдельное внимание также было уделено раскрытию понятия «финансирование экстремистской деятельности», что является крайне важным уточнением в свете развития рынка криптовалют и высоких технологий. При этом важно учитывать, что данная Стратегия не является первым документов подобной направленности. Так, до 2025 г. действовала ранее принятая Стратегия, утверждённая Указом Президента РФ от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [3].

Что же касается непосредственной практики борьбы с деятельностью экстремистских организаций в рамках ЕС, то здесь необходимо отметить, что борьба с экстремистскими организациями в ЕС является приоритетом как для самого регионального объединения, так и для государств – её непосредственных участниц. Законодательные органы ЕС занимаются выработкой единой позиции по общим вопросам противодействия экстремизму и терроризму. При этом важно отметить, что в законодательстве ЕС не прослеживается такая чёткая законодательная грань между такими субъектами преступлений как экстремистские и террористические организации, которая существует на сегодняшний день в Российской Федерации.

Исполнительные органы ЕС работают над предотвращением радикализации, выявлением и ликвидацией террористических сетей и защитой граждан от террористических атак. Данная деятельность предусматривает активное взаимодействие между полицией и судебными органами, широкую практику обмена информацией, борьбу с финансированием экстремизма и укрепление безопасности границ. Как правило, регулирование для пресечения деятельности террористических и экстремистских организаций не обладает качеством широкого разветвления и конкретизации норм, а носит общий универсальный характер.

Государства-члены ЕС тесно сотрудничают в обмене информацией и при координации своих усилий в борьбе с терроризмом. В рамках ЕС поддерживаются инициативы по всестороннему исследованию, выявлению и устранению причин радикализации в ЕС. Кроме того, на региональном уровне вырабатывается единая политика по содействию социальной интеграции и поддержки молодежи из групп риска, которые склонны к преступления экстремистской направленности и могут в ближайшем будущем, без правильной работы с ними, примкнуть к экстремистским организациям.

В рамках ЕС создана целая система организаций, который уполномочены выявлять и пресекать деятельность любых организаций экстремистского толка.

Так, Европол — Агентство Европейского союза по сотрудничеству полиции с Европейским антитеррористическим центром (ECTC) [12] и другие агентства ЕС работают над выявлением и ликвидацией террористических и экстремистских сетей, отслеживая их деятельность, а также исследуя цепочки их финансирования. При этом на сегодняшний день именно Европол играет центральную роль в сборе и последующем анализе разведывательной информации о деятельности террористических и экстремистских организаций. Иными словами, Европол выступает в качестве первичного органа, который выявляет организации, подпадающие под критерии экстремистских.

Следующим не менее значимым учреждением в рамках ЕС является ЕвроХост – Агентство Европейского союза по сотрудничеству в уголовно-правовой сфере [13]. ЕвроХост проводит значительную работу в сфере судебного сотрудничества между государствами-членами. Борьба с терроризмом и насилием экстремизмом является постоянной задачей, требующей сотрудничества всех государств-членов, институтов ЕС и других международных партнеров.

В рамках исследования массива законодательства ЕС, посвящённого практике установления статуса и последующей борьбы с экстремистскими и террористическими организациями, отдельное внимание автора привлек Регламент ЕС по борьбе с распространением террористического контента в Интернете, а именно Регламент (ЕС) 2021/784 [5], который вступил в силу в 2021 году. Данный Регламент нацелен на воспрепятствование использованию экстремистскими и террористическими организациями информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для распространения пропаганды, обучения изготовлению взрыв-

чтых веществ, подстрекательства к террористическим и экстремистским актам, а также непосредственной рекламы и продвижения своей деятельности среди неперсонифицированного круга лиц.

Ключевые аспекты Регламента (ЕС) 2021/784 сводятся к спектру обязательств поставщиков услуг хостинга. Так, Интернет-платформы, содержащие экстремистский контент, должны удалить или немедленно заблокировать доступ к такого рода контенту в течение одного часа после получения приказа об удалении, поступившего от компетентных органов. При этом детальная процедура привлечения к ответственности экстремистской организации, разместившей такой контент, в тексте Регламента (ЕС) 2021/784 не предусматривается.

Важно учитывать, что анализируемый Регламент применяется ко всем поставщикам услуг, предлагающим услуги в рамках ЕС, независимо от их местонахождения, за единственным исключением. Так, положения Регламента не распространяются на учебные, журналистские, художественные или исследовательские материалы, а также на материалы, предназначенные для предотвращения терроризма или борьбы с ним. Регламент применяется без ущерба для прав на свободу выражения мнений и информации.

Конкретика по порядку выявления и борьбы с экстремистскими организациями и спецификой установления их статуса содержится по большой части на уровне национального законодательства.

Так, например, в Королевстве Испания в соответствии с положениями Приказа РС/406/2024 от 07.05.2023 «О публикации Национальной контртеррористической стратегии на 2023 год, утвержденной Советом национальной безопасности» [6] организация считается экстремистской, когда она «неоднократно и серьезно применяет насилие или подстрекает к нему для достижения политических, идеологических или религиозных целей или когда она стремится подорвать конституционный порядок или стабильность государства. Данная экстремистская активность организации включает также в себя совершение террористических актов, разжигание ненависти и дискриминации, а также нарушение основных прав».

Концепция экстремизма в Испании тесно связана с насильственной радикализацией, которая подразумевает принятие идей и взглядов, которые оправдывают или поощряют использование насилия как средства достижения политических или идеологических целей. Эта радикализация может происходить в различных сферах, включая крайне правых и крайне левых, и может проявляться в различных формах насилия, таких как физическое насилие, терроризм, разжигание ненависти и дискриминация.

Для того чтобы организация считалась экстремистской, недостаточно только наличия экстремистских идей или идеологий, необходимо, чтобы эти идеи вылились в насильственные действия или подстрекательство к насилию. Также экстремистские действия по законодательству Королевства Испания могут быть выражены в подрывах демократических институтов. Подобная формулировка предусматривает крайне широкое толкование и оставляет за собой поле для активных действий со стороны судебных органов.

При сравнении законодательной модели Российской Федерации и ЕС можно прийти к выводу о том, что основные отличия в закреплении категории «экстремистская организация» наблюдаются по целому ряду критериев.

1. Определение категории «экстремистской деятельности» и «экстремистской организации».

Законодательство Российской Федерации на сегодняшний день чётче определяет понятие экстремизма и экстремистской организации. В отечественном праве делается акцент на насильственных действиях и подрыве конституционного строя действиями такой организации. В рамках ЕС интересующие нас категории определяются гораздо шире, охватывают пропаганду насилия и поддержку терроризма.

2. Процедурные особенности признания организации экстремистской.

В Российской Федерации на сегодняшний день действует единый федеральный список, формируемый на основании решений суда, в ЕС процедура более децентрализована, решения принимаются на уровне государств-членов и ЕС в целом.

Список организаций, признанных террористическими и экстремистскими вместе с отдельным списком «Террористических и экстремистских организаций и материалов», которые занесены в данный перечень на основании соответствующего решения суда, можно найти на сайте Национального антитеррористического комитета Российской Федерации (НАК РФ) [9].

Аналогичные сведения в виде отдельных списков также содержатся на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации (далее – Минюст РФ). Кроме того, на сайте Минюста РФ можно найти как список ликвидированных в соответствии с требованиями Закона № 114-ФЗ, так и перечень организаций, деятельность которых временно приостановлена [10].

В связи с тенденцией по расширению круга потенциальных субъектов несения ответственности по делам экстремистской направленности, возникла острая необходимость выделения отдельного списка экс-

тремистских сообществ, который будет вестись параллельно со списком экстремистских организаций. Ведение нового списка будет поручено Минюсту РФ.

Учитывая всевозрастающее влияние криптовалют на развитие общественных и политических отношений, важным становится также своевременное обращение к «Перечню организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму», размещённом на сайте Росфинмониторинга [11].

2. Последствия отнесения организации к экстремистской.

Как в Российской Федерации, так и в рамках ЕС основными правовыми последствиями закрепления за организацией статуса экстремистской является запрет её дальнейшей деятельности и применение соответствующих норм об уголовной ответственности, предусмотренных в национальных уголовных законах. При этом важно также учитывать, что запрет деятельности может быть сопряжён с ликвидацией организации или с её временным приостановлением деятельности. Кроме того, в ЕС отдельное внимание уделяется работе с банковскими счетами экстремистской организации, а именно с «заморозкой» любых операций по ним.

Выводы

На сегодняшний день как в Российской Федерации, так и в ЕС, сформировались схожие механизмы противодействия экстремистской деятельности, которые преследуют в качестве основополагающей цели цель

защиты конституционного строя, безопасности и прав граждан. При этом важно учитывать, что подходы к определению категорий «экстремизм», «экстремистская организация», процедура признания организаций экстремистскими и последствия такого признания имеют свои особенности, которые напрямую обусловленные спецификой законодательства каждой из юрисдикций.

Для эффективной борьбы с экстремизмом, безусловно, необходимо укрепление международного сотрудничества, обмен опытом и передача лучших практик между странами. Важно также осуществлять образовательные программы, направленные на формирование толерантного общества и предотвращение радикализации [8, с. 176].

Учитывая трансграничный характер преступлений экстремистской направленности, видится логичным, несмотря на продолжающуюся политику санкционного воздействия, объединить силы Российской Федерации, ЕС, а также всего мирового сообщества для борьбы с трансформирующими проявлениями экстремизма. Так, с учётом роста влияния криптовалют, усложнением схем финансирования экстремистских организаций, настоятельно рекомендуется создать единый международный реестр экстремистских организаций в целях контроля за банковскими поступлениями на счета таких организаций. Кроме того, настоятельно рекомендуется форсировать переход на цифровые валюты по всему миру в целях безоговорочного пресечения «серых схем» финансирования экстремистских организаций.

Список источников

1. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 29.07.2002 г. № 30. Ст. 3031.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 299-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 03.08.2020 г. № 31 (часть I). Ст. 5058.
3. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 01.06.2020 г. № 22. Ст. 3475.
4. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 22.03.2025)
5. Регламент (ЕС) 2021/784 Европейского парламента и Совета ЕС от 29.04.2021 года «О борьбе с распространением террористического контента в Интернете» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=DOUE-L-2021-80627> (дата обращения: 22.03.2025)
6. Приказ РJC/406/2024 от 07.05.2023 «О публикации Национальной контртеррористической стратегии на 2023 год, утвержденной Советом национальной безопасности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2024-9149> (дата обращения: 22.03.2025)
7. Печатнова Ю.В., Стародубцева М.А., Пинчук А.П. К вопросу о понятии экстремизма // Юрислингвистика. 2023. № 28. С. 68 – 72.
8. Эргешов А.К. К вопросу о понятии экстремизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 89. Вып. 2-3. С. 173 – 177.

9. Официальный сайт Национального антитеррористического комитета Российской Федерации: Террористические и экстремистские организации и материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://nac.gov.ru/main/list/terroristExtremistOrganizations> (дата обращения: 22.03.2025)

10. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-nko-likvidirovannyh/> (дата обращения: 22.07.2025)

11. Официальный сайт Росфинмониторинга: Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-nko-likvidirovannyh/> (дата обращения: 22.03.2025)

12. Официальный сайт Европейского центра по борьбе с терроризмом (ECTC) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europol.europa.eu/> (дата обращения: 22.03.2025)

13. Официальный сайт Агентства Европейского союза по сотрудничеству в уголовно-правовой сфере (Евроюст) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurojust.europa.eu/> (дата обращения: 22.03.2025)

References

1. Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ "On Counteracting Extremist Activity". Collected Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002 No. 30. Art. 3031.

2. Federal Law of July 31, 2020 No. 299-FZ "On Amending Article 1 of the Federal Law "On Counteracting Extremist Activity". Collected Legislation of the Russian Federation. August 3, 2020 No. 31 (Part I). Art. 5058.

3. Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 No. 344 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025". Collected Legislation of the Russian Federation. 01.06.2020 No. 22. Art. 3475.

4. Decree of the President of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 1124 "On approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (date of access: 22.03.2025)

5. Regulation (EU) 2021/784 of the European Parliament and of the Council of the EU of 29.04.2021 "On combating the dissemination of terrorist content on the Internet" [Electronic resource]. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=DOUE-L-2021-80627> (date of access: 22.03.2025)

6. Order PJC/406/2024 dated 07.05.2023 "On the publication of the National Counter-Terrorism Strategy for 2023, approved by the National Security Council" [Electronic resource]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2024-9149> (date of access: 22.03.2025)

7. Pechatnova Yu.V., Starodubtseva M.A., Pinchuk A.P. On the concept of extremism. Jurislinguistics. 2023. No. 28. P. 68 – 72.

8. Ergeshov A.K. On the Concept of Extremism. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 89. Issue. 2-3. P. 173 – 177.

9. Official website of the National Anti-Terrorist Committee of the Russian Federation: Terrorist and Extremist Organizations and Materials [Electronic resource]. URL: <https://nac.gov.ru/main/list/terroristExtremistOrganizations> (date of access: 03/22/2025)

10. Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-nko-likvidirovannyh/> (date of access: 07.22.2025)

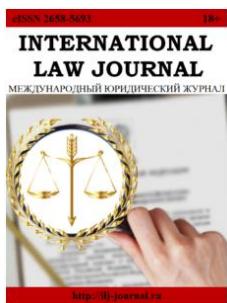
11. Official website of Rosfinmonitoring: List of organizations and individuals with respect to whom there is information about their involvement in extremist activity or terrorism [Electronic resource]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-nko-likvidirovannyh/> (date of access: 22.03.2025)

12. Official website of the European Counter-Terrorism Centre (ECTC) [Electronic resource]. URL: <https://www.europol.europa.eu/> (date of access: 22.03.2025)

13. Official website of the European Union Agency for Cooperation in Criminal Matters (Eurojust) [Electronic resource]. URL: <https://www.eurojust.europa.eu/> (date of access: 22.03.2025)

Информация об авторе

Салванин Р.З., председатель регионального общественного движения социального развития в г. Москве «Доблесть и Честь», rod@doblestichest.ru.

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 343.3

Коррупционные проявления: теоретико-правовой аспект

¹Ленточников А.М.,
¹Прокуратура Московской области

Аннотация: в статье рассматривается коррупция как сложное и многогранное социально-правовое явление, охватывающее все сферы общественной жизни. Автор анализирует существующие научные подходы к пониманию коррупции и предпринимает попытку обосновать необходимость формирования стройной теории коррупции с единым понятийным аппаратом. В работе делается акцент на дефицит четкости в использовании термина «коррупционные проявления» в российском законодательстве: понятие присутствует в подзаконных правовых актах, но отсутствует в базовом Федеральном законе «О противодействии коррупции». Даются примеры нормативных источников, включающих термин, с правовым анализом их недостатков. На примерах конкретных правовых документов, таких как приказы Федеральной налоговой службы и Федеральной антимонопольной службы, выявляются методологические и юридико-технические изъяны в регулировании антикоррупционных механизмов. Автор подчёркивает, что отсутствие четкого и унифицированного понимания термина «коррупционные проявления» снижает действенность правоприменения в антикоррупционной сфере. Особое внимание уделено документу стратегического планирования в сфере антикоррупционной деятельности и проблемам унификации понятий. Автор предлагает выработку единого научно-методологического подхода к разработке антикоррупционного законодательства как необходимого условия для повышения эффективности противодействия коррупции в России.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные проявления, антикоррупционная политика, правовое регулирование, стратегическое планирование, подзаконные нормативные акты, профилактика коррупции

Для цитирования: Ленточников А.М. Коррупционные проявления: теоретико-правовой аспект // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 65 – 70.

Поступила в редакцию: 25 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Corruption-related manifestations: theoretical and legal aspect

¹Lentochnikov A.M.,
¹Prosecutor's Office of the Moscow Region

Abstract: the article examines corruption as a complex and multifaceted socio-legal phenomenon that permeates all spheres of public life. The author analyzes current scholarly approaches to the understanding of corruption and attempts to substantiate the need for the development of a coherent theory of corruption supported by a unified conceptual framework. The work highlights the lack of clarity in the use of the term "corruption-related manifestations" in Russian legislation: although the term appears in subordinate legal acts, it is absent from the core Federal Law "On Combating Corruption." The article provides examples of legal sources that include this term and offers a legal analysis of their shortcomings. Methodological and legal-technical flaws in the regulation of anti-corruption mechanisms are identified through specific examples, such as orders issued by the Federal Tax Service and the Federal Antimonopoly Service. The author emphasizes that the absence of a clear and unified interpreta-

tion of the term "corruption-related manifestations" undermines the effectiveness of law enforcement in the anti-corruption field. Special attention is given to a strategic planning document in the area of anti-corruption policy, as well as the challenges related to the unification of legal terminology. The author proposes the development of a unified scientific and methodological approach to the drafting of anti-corruption legislation as a necessary condition for improving the efficiency of anti-corruption efforts in Russia.

Keywords: corruption, corruption-related manifestations, anti-corruption policy, legal regulation, strategic planning, subordinate legal acts, corruption prevention

For citation: Lentochnikov A.M. Corruption-related manifestations: theoretical and legal aspect. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 65 – 70.

The article was submitted: June 25, 2025; Approved after reviewing: August 4, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Коррупция как социально-правовое явление в последние десятилетия прочно заняла место в повестке научных, правовых и общественно-политических дискурсов. Её проявления не только подрывают легитимность государственных институтов, но и существенно тормозят процессы модернизации ключевых сфер общественной жизни. Заметная трансформация коррупционного поведения, его адаптация к различным сферам общественных отношений – цифровым, экономическим, управленческим – указывают на необходимость постоянной модернизации как категориальной основы, так и нормативных механизмов противодействия данному явлению. В данном контексте возникает острая потребность в научной систематизации понятийного аппарата теории коррупции, включая такую базовую категорию, как «коррупционные проявления». Несмотря на активное использование этого термина в подзаконных нормативных правовых актах, его легального определения в отечественном антикоррупционном законодательстве по-прежнему не существует.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на междисциплинарной методологии, сочетающей доктринальный и нормативно-правовой подходы. Анализу подвергались положения действующего российского законодательства в области противодействия коррупции, акты федеральных органов исполнительной власти (в частности, ФНС России и ФАС России), а также документы юридического стратегирования. В исследовании использован сравнительно-правовой метод для выявления различий в терминологическом наполнении понятий «коррупция», «коррупционные правонарушения» и «коррупционные проявления». Особое внимание уделено выявлению юридико-технических и методологических несоответствий в построении понятийного аппарата антикоррупционного законодательства. В этой связи в процессе исследования применялись методы буквального и системного толкования, а также логические приемы анализа и синтеза для выявления смысловых расхождений в правовых категориях в пределах правовой регламентации типовых общественных отношений.

Результаты и обсуждения

Конец двадцатого и первая четверть двадцать первого столетия для российской социальной действительности стали эпохой перемен и перманентных государственно-правовых трансформаций. Причем следует отметить, что изменения происходят практически во всех сферах жизнедеятельности нашего общества: политической, экономической, культурной, духовно-нравственной и других. Формирование рыночных механизмов, технологический прогресс, экологические вызовы, процессы цифровизации – это лишь те немногие вектора, которых закладывают основы позитивного среза современного государственно-правового строительства в России. Однако, к сожалению, практически все эти процессы конструктивных социальных преобразований в той или иной мере сопряжены с весьма деструктивным и сложным социальным явлением, которым является коррупция. Следует согласиться с Ю.П. Гармаевым, Э.А. Ивановым и С.А. Маркунцовым, авторами монографии «Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты» в том, что «Коррупция развивается под влиянием различных факторов общественной жизни и адаптируется к новым реалиям, таким как формирование глобальных рынков товаров и услуг, создание межгосударственных объединений и отсутствие границ в отдельных регионах мира, внедрение новых технологий передачи информации, управления и ведения бизнеса, появление криптовалют и новых платежных систем» [7].

Именно сложность, многогранность и многомерность этого социального феномена обусловили тот факт, что его изучением занимаются представители разных наук: политологии, социологии, психологии и, конечно, ученые-юристы (специалисты в области международного права, уголовного права, предпринимательского права, криминологии, криминалистики). В этой связи представляется возможным констатировать, что в науке сложилась теория коррупции. Следует отметить, что эта теория носит полидисциплинарный характер, поскольку в её формирование внесли свой вклад представители различных отраслей научного знания. Считаем возможным согласиться с учеными, которые определяют, что на доктринальном уровне складывается многообразие подходов к пониманию сущности этого явления. К числу основных подходов, господствующих в науке, по нашему мнению, стоит отнести институциональный подход (С. Хантингтон, Я. Тарковски), функциональный подход (М. Вебер, Г. Мюрдал, Р. Теобальд), интегрированный подход (Т. Нэс, А. Прайс), бихевиористский подход (Дж. Скиннер), принципал-агентский подход (М. Дженсен, У. Меклинг). Безусловно, наличие целого ряда подходов порождает и многообразие определений понятия коррупции. Вместе с тем представляется возможным обозначить, что подведение академических знаний под один общий знаменатель способствовало бы формированию качественной научно-методологической основы модернизации механизма противодействия этому социальному злу. В этом плане следует согласиться с Т.Н. Синюковой, которая отмечает, что само семантическое прояснение этого термина «возможно лишь при всестороннем изучении данного явления в рамках теории государства и права, с опорой на междисциплинарный опыт исследования этого явления в политологии, философии, психологии и других науках» [10, с. 333].

На наш взгляд, теория коррупции имеет свой понятийный аппарат, который представляет собой совокупность базовых и производных категорий, характеризующих этот сложный социально-правовой феномен. К таковым понятиям, по нашему мнению, можно отнести: коррупция, коррупционное поведение, коррупционные проявления, коррупционные риски, коррупционные схемы, коррупционные правонарушения, антикоррупционная политика, антикоррупционные меры, противодействие коррупции, коррупциогенный фактор, коррупционно опасные функции и другие. Развивая авторскую исследовательскую линию, для раскрытия заявленной темы представляется целесообразным перейти от доктринального уровня исследования к нормативно-правовому и проанализировать действующее отечественное законодательство, понимаемое в широком смысле слова, на предмет закрепления в нем понятийного аппарата теории коррупции.

Опираясь на принципы методологии научного исследования, считаем правильным сначала обратиться к законодательной дефиниции базового понятия «коррупция», которое закреплено в Федеральном законе «О противодействии коррупции». По нашему мнению, законодатель, формулируя определение данного понятия, отчасти проигнорировал правила законодательной техники и использовал не совсем удачный прием простого перечисления отдельных видов преступлений коррупционной направленности, не принимая во внимание многообразие форм проявления коррупции в современном социуме. В этой связи некоторые исследователи, например В.В. Астанин, С.Б. Иванов, П.А. Кабанов, настаивают на том, что коррупция – понятие куда шире закрепленного нормами отечественного и международного права. Они исходят из того, что коррупция – явление социально-правовое, а значит, и затрагивает все сферы общественной жизни [6, 9, 11]. По утверждению Т.Я. Хабриевой, коррупция «не просто снижает эффективность государственных институтов, а подрывает авторитет власти и престиж страны» [11]. Как отмечают Ю.П. Гармаев, Э.А. Иванов, С.А. Маркунцов, любые проявления коррупции «убивают доверие граждан к органам государственной власти», способствуют «исчезновению выработки эффективных законодательных и управленческих решений» [8]. В последним из вышеприведенных высказываний используется профессиональное клише «проявление коррупции». Представляется, что данное словосочетание по содержанию очень близко к понятию «коррупционные проявления», которое вынесено в заголовок статьи. Анализ доступной автору литературы по данной теме позволяет констатировать, что понятия «проявление коррупции» и «коррупционные проявления» вполне можно считать тождественными, делая поправку на определенную долю условности, которая не имеет критического значения при проведении научного исследования в сфере гуманитарного знания. Вместе с тем для доказательства целесообразности модернизации понятийного аппарата теории коррупции представляется возможным обратиться к действующему законодательству и проанализировать его на предмет использования в нем понятия «коррупционные проявления». Следует отметить, что в базовом Федеральном законе данное понятие не используется [1]. Пожалуй, самым крупным массивом подзаконных нормативных правовых актов, в которых встречается понятие «коррупционные проявления», являются положения различных федеральных органов исполнительной власти «О порядке работы «телефона доверия» по вопросам противодействия коррупции». Проиллюстрируем данную ситуацию на основе Положения о порядке работы «телефона доверия» по вопросам противодействия коррупции в Федеральной налоговой

службе, ее территориальных органах и подведомственных организациях, утвержденного Приказом ФНС России от 17.04.2025 № ЕД-7-4/297@. Так, в пункте 1 данного Положения закреплено, что «Телефон доверия» по вопросам противодействия коррупции... – это канал связи с гражданами и организациями..., созданный в целях оперативного реагирования на возможные коррупционные проявления в деятельности федеральных государственных гражданских служащих ФНС России, территориальных налоговых органов...» [2]. Представляется, что данные юридические конструкции далеки от совершенства, поскольку при системном толковании данного нормативного правового акта получается, что граждане (следует отметить, в большинстве своем – обыватели с невысоким уровнем правовых знаний) должны четко представлять, что такое коррупционные проявления. И даже грамотный юрист – представитель крупной организации, апеллируя к действующему антикоррупционному законодательству, не найдет четкой законодательной дефиниции коррупционного проявления, чтобы грамотно отдифференцировать его от коррупционного поведения, коррупционных рисков и т.п.

На наш взгляд, весьма колоритным с точки зрения содержания и формы закрепления в разрезе коррупционных проявлений является Приказ ФАС России от 28.06.2021 № 640/21 «Об организации работы по профилактике коррупционных и иных правонарушений в Федеральной антимонопольной службе», пункт 6.2 которого императивно закрепляет обязанность территориальных органов ФАС ежеквартально направлять информацию по фактам коррупционных проявлений по утвержденной форме. Анализируя данную форму, содержащуюся в приложении 2 к указанному Приказу, мы видим следующие наименования граф в предлагаемой таблице: «Представления и предостережения органов прокуратуры»; «Возбуждено уголовных дел»; «Привлечено к уголовной ответственности»; «Привлечено к административной ответственности»; «Привлечено к дисциплинарной ответственности за нарушения, указанные в ст. 59.2 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ» [3]. Получается, что Федеральная антимонопольная служба к коррупционным проявлениям относит все перечисленные правовые инструменты. Используемый подход представляется не совсем удачным. Из системного толкования текста данного правового акта следует, что факт коррупционного проявления является основой для применения мер юридической ответственности. Такой прием, по нашему мнению, является не корректным не только с точки зрения соблюдения правил юридической техники, но и противоречащим общим положениям теории юридической ответственности, суть которой состоит в том, что основанием юридической ответственности является юридический состав правонарушения. Получается, что при буквальном толковании правовых предписаний этого акта уголовная, административная и дисциплинарная ответственность наступает по факту коррупционного проявления.

В контексте данного исследования заслуживают определенного внимания вопросы стратегического планирования. Стоит отметить, что на современном этапе государственно-правового регулирования различных сфер жизнедеятельности нашего общества активно используется инструментарий юридического стратегирования. На федеральном, региональном, муниципальном уровнях публичной власти принимаются различного рода стратегии, концепции, проекты, программы, которые являются своего рода средствами государственного управления и модернизации различных сегментов российской социальной деятельности. В формате темы статьи заслуживает внимания приоритетный проект «Внедрение системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности». Анализ паспорта данного проекта позволяет автору вести речь о том, что в его содержании присутствует определенный терминологический разнобой. Притом, что в названии проекта фигурирует термин «коррупционные проявления», по тексту его паспорта данный термин не встречается ни разу. В тексте идет речь о профилактике коррупционных и иных правонарушений и преступлений коррупционной направленности [4]. Получается, что по контексту данного правового акта коррупционные проявления сводятся к коррупционным правонарушениям и преступлениям коррупционной направленности. На наш взгляд, такое отождествление неприемлемо и может стать фактором снижения эффективности системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности.

Выводы

Подводя итоги авторских рассуждений по заявленной теме, еще раз хотелось бы отметить, что коррупция – это системная проблема современного российского общества. Недаром в рамках расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры 15 марта 2023 года Президент Российской Федерации В.В. Путин призвал прокуроров уделять серьезное внимание борьбе с коррупцией в первую очередь в таких сферах, как размещение государственных и оборонных заказов, предоставление государственных услуг [5]. В предложенном контексте роль юридической науки в модернизации механизма противодействия коррупции видится, прежде всего, в выработке стройной системы научных взглядов по вопросам коррупции как деструктивного социально-правового явления. На наш взгляд, единство терминологического аппарата может

стать прочной научно-методологической основой совершенствования антикоррупционного законодательства. Разработка четких понятийных конструкций, закрепление их в нормативных актах и согласование с теоретическими подходами различных отраслевых наук может служить основой для формирования устойчивой и действенной системы антикоррупционного регулирования на современном этапе государственно-правового развития. Именно реализация взвешенного подхода к формированию законодательных инструментов противодействия коррупции позволит не только устраниТЬ терминологический разнобой, но и выведет содержание категориального аппарата антикоррупционного законодательства на качественно более высокий уровень, что в свою очередь позволит усовершенствовать организационно-правовой механизм борьбы с коррупцией в современной России.

Список источников

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 14.07.2025.
2. Приказ ФНС России от 17.04.2025 № ЕД-7-4/297@ «Об утверждении Положения о порядке работы «телефона доверия» по вопросам противодействия коррупции в Федеральной налоговой службе, ее территориальных органах и подведомственных организациях» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.06.2025)
3. Приказ ФАС России от 28.06.2021 № 640/21 «Об организации работы по профилактике коррупционных и иных правонарушений в Федеральной антимонопольной службе» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.06.2025)
4. Паспорт приоритетного проекта «Внедрение системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности» (утв. протоколом заседания проектного комитета от 24.04.2018 № 3) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.06.2025)
5. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры 15 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70678>
6. Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI-XX веков: развитие системного подхода. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2003. 92 с.
7. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: Монография // СПС КонсультантПлюс. 2020.
8. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. О формировании междисциплинарной концепции антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации // Право. Журнал высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 106 – 128.
9. Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение / Моск. гуманитарно-экономический институт, Нижнекамский филиал. Казань: Новое знание, 2004. 174 с.
10. Синюкова Т.Н. Понятие и подходы к содержанию коррупции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 333 – 337.
11. Хабриева Т.Я., Иванов С.Б., Чиханчин Ю.А. Противодействие коррупции: новые вызовы: Монография / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. Москва: ИНФРА-М, 2016. 384 с.

References

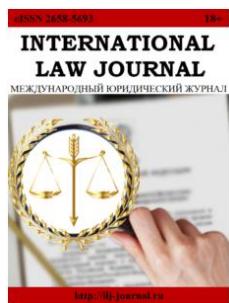
1. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" (current version). SPS "Consultant Plus". Date of access: 14.07.2025.
2. Order of the Federal Tax Service of Russia dated 17.04.2025 No. ED-7-4/297@ "On approval of the Regulation on the operating procedure of the "helpline" on anti-corruption issues in the Federal Tax Service, its territorial bodies and subordinate organizations" (current version). SPS "Consultant Plus" (date of access: 14.06.2025)
3. Order of the FAS Russia dated 28.06.2021 No. 640/21 "On the organization of work on the prevention of corruption and other offenses in the Federal Antimonopoly Service" (current version). SPS "Consultant Plus" (date of access: 14.06.2025)
4. Passport of the priority project "Implementation of a system for the prevention and prevention of corruption in control and supervisory activities" (approved by the minutes of the meeting of the project committee dated 24.04.2018 No. 3). SPS "Consultant Plus" (date of access: 14.06.2025)
5. Speech by the President of the Russian Federation V.V. Putin at the expanded meeting of the board of the Prosecutor General's Office on March 15, 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70678>
6. Astanin V.V. The fight against corruption in Russia in the 16th-20th centuries: the development of a systems approach. Moscow: Russian Criminological Association. 2003. 92 p.

7. Garmaev Yu.P., Ivanov E.A., Markuntsov S.A. Anti-corruption compliance in the Russian Federation: interdisciplinary aspects: Monograph. SPS ConsultantPlus. 2020.
8. Garmaev Yu.P., Ivanov E.A., Markuntsov S.A. On the Formation of an Interdisciplinary Concept of Anti-Corruption Compliance in the Russian Federation. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 4. P. 106 – 128.
9. Kabanov P.A. Political Corruption in Russia: Concept, Essence, Causes, Prevention. Moscow Humanitarian and Economic Institute, Nizhnekamsk Branch. Kazan: New Knowledge, 2004. 174 p.
10. Sinyukova T.N. Concept and Approaches to the Content of Corruption. Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1 (29). P. 333 – 337.
11. Khabrieva T.Ya., Ivanov S.B., Chikhanchin Yu.A. Combating corruption: new challenges: Monograph. Ed. T.Ya. Khabrieva. Moscow: INFRA-M, 2016. 384 p.

Информация об авторе

Ленточников А.М., прокуратура Московской области

© Ленточников А.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.3/.7

Виды и признаки преступлений экстремистского характера, совершаемых в киберпространстве

¹ Суховеев Е.М., ² Воронина А.А.,
¹ Российский новый университет,
² Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация: современный этап развития информационного общества характеризуется стремительной трансформацией всех сфер человеческой жизнедеятельности под влиянием цифровых технологий. Ключевым фактором этой трансформации стало формирование и эволюция особой среды – киберпространства, которое представляет собой не просто техническую инфраструктуру, но и новую форму социальной реальности. В условиях цифровизации киберпространство становится не только платформой для конструктивного взаимодействия, но и средой совершения разнообразных преступлений, в том числе, экстремистского характера. Специфические свойства киберпространства создают беспрецедентные возможности для противоправной деятельности, что определяет необходимость его глубокого криминалистического исследования как объекта научного познания.

Ключевые слова: киберпространство, криминалистические исследования, интернет, информационные технологии, нормативная база, киберэкстремизм, преступление, методология

Для цитирования: Суховеев Е.М., Воронина А.А. Виды и признаки преступлений экстремистского характера, совершаемых в киберпространстве // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 71 – 75.

Поступила в редакцию: 10 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Types and characteristics of extremist crimes committed in cyberspace

¹ Sukhoveev E.M., ² Voronina A.A.,
¹ Russian New University,
² Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: the current stage of development of the information society is characterized by the rapid transformation of all spheres of human activity under the influence of digital technologies. The key factor in this transformation was the formation and evolution of a special environment - cyberspace, which is not just a technical infrastructure, but also a new form of social reality. In the context of digitalization, cyberspace is becoming not only a platform for constructive interaction, but also an environment for committing various crimes, including extremist ones. The specific properties of cyberspace create unprecedented opportunities for illegal activities, which determines the need for in-depth forensic research as an object of scientific knowledge.

Keywords: cyberspace, forensic research, Internet, information technology, regulatory framework, cyber extremism, crime, methodology

For citation: Sukhoveev E.M., Voronina A.A. Types and characteristics of extremist crimes committed in cyberspace. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 71 – 75.

The article was submitted: May 10, 2025; Approved after reviewing: July 12, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Исследование видов и признаков преступлений экстремистского характера, совершаемых в киберпространстве, представляет собой одну из наиболее актуальных проблем современной криминалистики, поскольку от глубины понимания сущности данных деяний напрямую зависит эффективность их выявления, раскрытия и расследования. Особую значимость данная проблематика приобретает в контексте стремительного развития цифровых технологий, которые не только расширяют арсенал средств и инструментов, используемых экстремистскими организациями, но и кардинально изменяют механизм следообразования, требуя от криминалистов овладения новыми методами работы с цифровыми отпечатками. Вопрос классификации преступлений экстремистского характера, совершаемых в киберпространстве уже, давно является предметом научных дискуссий. А.Ю. Головин отмечает, что комплексный анализ позволяет выявить устойчивые, повторяющиеся и юридически значимые характеристики конкретного вида преступлений, что затем служит основой для разработки эффективных методов обнаружения характера преступлений [2]. В.Ю. Белицкий подчеркивает, что такая классификация позволяет выделить признаки и характеристики, юридически общие для всех преступлений рассматриваемого вида, на основе которых выстраивается стройная следственная методика [1].

Материалы и методы исследований

Комплексный анализ преступлений экстремистского характера в киберпространстве предполагает рассмотрение их в системной взаимосвязи с общими закономерностями экстремистской деятельности, с одной стороны, и специфическими особенностями киберпространства как среды совершения преступлений, с другой. Такой подход позволяет выявить как универсальные признаки экстремистских преступлений, сохраняющие свою актуальность независимо от способа их совершения, так и качественно новые характеристики, присущие исключительно цифровой форме экстремистской активности. Именно синтез традиционных криминалистических знаний с инновационными подходами к исследованию цифровых следов создает методологическую основу для эффективного противодействия современным формам экстремизма. Традиционные подходы становятся все более недостаточными для обработки огромного объема, скорости и разнообразия данных, генерируемых в различных средах в режиме реального времени, особенно когда сталкиваешься с тонкими и сложными схемами преступлений, что отмечается в исследованиях А.А. Кузнецова, Е.А. Лесных [5, 6].

Фундаментальной основой для исследования видов и признаков преступлений экстремистского характера, совершаемых в киберпространстве, является уголовно-правовое определение преступлений экстремистской направленности, закрепленное Уголовном кодексе РФ. Согласно данному определению, преступления экстремистской направленности представляют собой уголовно наказуемые деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями УК РФ [10].

Данное законодательное определение, несмотря на свою формальную универсальность, в условиях цифровой реальности приобретает новые смысловые аспекты, требующие криминалистического переосмысления. Использование информационно-телекоммуникационных сетей для совершения экстремистских преступлений не только изменяет способы их реализации, но и создает принципиально новые возможности для воздействия на массовое сознание, формирования экстремистских убеждений и организации противоправной деятельности. В этой связи криминалистическая наука должна развивать концептуальные подходы, позволяющие адекватно отражать специфику экстремистской деятельности в киберпространстве при сохранении преемственности с традиционными формами экстремизма.

Особую значимость в контексте кибертерроризма приобретает мотивационная составляющая преступлений экстремистской направленности [9]. Мотивы политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды в условиях киберпространства получают новые формы выражения и способы реализации. Цифровые технологии позволяют не только транслировать экстремистские идеи широкой аудитории, но и создавать виртуальные сообщества единомышленников, формировать эхо-камеры, усиливающие радикальные настроения, и координировать действия территориально распределенных групп экстремистской направленности.

Криминалистическое значение данного расширительного толкования заключается в том, что оно создает методологическую основу для выявления латентных форм экстремистской деятельности в киберпростран-

стве, которые могут маскироваться под формально нейтральные действия. Например, организация DDoS-атак на сайты определенных этнических или религиозных организаций, несанкционированный доступ к персональным данным представителей конкретных социальных групп, распространение компьютерных вирусов, целенаправленно поражающих информационные ресурсы определенной направленности, могут квалифицироваться как преступления экстремистской направленности при установлении соответствующих мотивов [8]. Поскольку мошенники постоянно совершают свои тактики, статические правила требуют регулярного обновления, что увеличивает трудозатраты и снижает эффективность системы [7].

Особую сложность в квалификации преступлений экстремистской направленности в киберпространстве представляет установление субъективной стороны преступления, в частности мотивов ненависти или вражды. Если в традиционных формах экстремизма мотивация зачастую проявляется достаточно очевидно через прямые призывы, лозунги, символику, то в киберпространстве экстремистские мотивы могут быть закодированы, завуалированы или выражены через сложные семиотические конструкции, требующие специальных знаний для их расшифровки и интерпретации.

Результаты и обсуждения

Анализ судебной практики показывает, что экстремистские мотивы в киберпространстве могут проявляться через различные формы: использование специфической терминологии и символики, характерной для определенных экстремистских движений; создание и распространение мемов, содержащих завуалированные призывы к ненависти; организацию целенаправленных информационных кампаний против представителей определенных групп; использование алгоритмов социальных сетей для таргетированного распространения экстремистского контента среди уязвимых категорий пользователей. Указанные преступления направляют внимание в сфере экономической безопасности, в том числе защиты национальных интересов в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) [3].

Принципиальной особенностью преступлений экстремистской направленности в киберпространстве является их потенциально массовый характер воздействия. Если традиционные формы экстремистской пропаганды ограничивались возможностями непосредственного контакта или использования традиционных средств массовой информации, то киберпространство предоставляет практически неограниченные возможности для достижения широкой аудитории с минимальными затратами ресурсов. Данная особенность кардинально изменяет общественную опасность экстремистских преступлений, многократно усиливая их деструктивный потенциал.

Систематизация преступлений экстремистского характера, совершаемых в киберпространстве, представляет собой сложную криминалистическую задачу, требующую комплексного учета как традиционных критериев классификации экстремистских преступлений, так и специфических особенностей цифровой среды их совершения. Научно обоснованная классификация данных преступлений имеет принципиальное значение для разработки эффективных методик их расследования, поскольку позволяет выявить общие закономерности и специфические особенности различных видов экстремистской деятельности в киберпространстве.

В основу систематизации преступлений экстремистского характера в киберпространстве целесообразно положить несколько взаимодополняющих критериев классификации. Первым и наиболее важным критерием является уголовно-правовая характеристика преступлений, позволяющая разделить их на специальные составы экстремистских преступлений и общие составы преступлений, совершаемые по экстремистским мотивам. Второй критерий связан с характером использования информационных технологий в преступной деятельности, позволяя выделить преступления, где киберпространство выступает основной средой совершения деяния, и преступления, где цифровые технологии используются как вспомогательное средство. Третий критерий основан на объекте воздействия экстремистской деятельности в киберпространстве, позволяя дифференцировать преступления по направленности их общественно опасного воздействия.

К первой группе преступлений относятся специальные составы экстремистских преступлений, непосредственно предусматривающие экстремистские мотивы или цели и адаптированные законодателем к условиям цифровой реальности.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в киберпространстве приобретают качественно новые характеристики по сравнению с традиционными формами данного преступления. Уголовный кодекс РФ устанавливает повышенную ответственность за совершение данного деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Криминалистический анализ показывает, что данная форма экстремистской деятельности характеризуется использованием разнообразных цифровых платформ: социальных сетей, видеохостингов, форумов, блогов, мессенджеров, спе-

циализированных экстремистских сайтов. Преступники могут предпринимать меры для мгновенного уничтожения цифровых следов при обнаружении следственных действий [4].

Особенностью призывов к экстремистской деятельности в киберпространстве является их потенциальная вирусность и способность к многократному воспроизведению через механизмы репостов, лайков, комментариев и других форм пользовательской активности. Цифровые следы таких преступлений характеризуются сложной структурой, включающей не только основной контент, но и метаданные о его распространении, реакциях пользователей, алгоритмических рекомендациях платформ. Анализ судебной практики показывает, что Петропавловск-Камчатский городской суд признал гражданина виновным в совершении преступления, который в сети Интернет призывал к совершению убийств сотрудников Росгвардии, используя для этого популярную социальную платформу.

Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, предусматривающий использование информационно-телекоммуникационных сетей является видом преступлений в киберпространстве и характеризуется использованием геополитической тематики, исторических фактов и событий для обоснования сепаратистских идей, применением картографических материалов, видеоконтента, интерактивных элементов для усиления воздействия на аудиторию.

Криминалистически значимой особенностью данных преступлений является часто встречающееся использование зарубежных платформ и серверов, что создает дополнительные сложности при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Цифровые следы таких преступлений могут быть распределены между различными юрисдикциями, требуя налаженного международного сотрудничества для их выявления и фиксации.

Выводы

В заключении можно отметить следующее. Во-первых, установлено, что преступления экстремистского характера в киберпространстве представляют собой качественно новую форму преступной деятельности, характеризующуюся синергетическим взаимодействием традиционных экстремистских мотивов с возможностями современных информационных технологий. Данное взаимодействие порождает принципиально новые способы воздействия на общественное сознание, методы организации экстремистской деятельности и механизмы следообразования, что требует пересмотра традиционных криминалистических подходов к исследованию экстремистских преступлений.

Во-вторых, установлено, что данные признаки идентификации преступлений экстремистского характера в киберпространстве имеют многоуровневую структуру, сочетающую универсальные элементы, характерные для всех форм экстремизма, со специфическими особенностями, присущими исключительно цифровой среде. Разработанная система признаков обеспечивает возможность точной квалификации преступлений и определения оптимальных методов их расследования.

Список источников

1. Белицкий В.Ю. Мошенничества и возможные критерии их криминалистической классификации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 179.
2. Головин А.Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 33.
3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации».
4. Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2020. С. 415 – 416.
5. Кузнецов А.А. Отграничение мошенничества от смежных составов преступлений // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 26-3. С. 41 – 44.
6. Лесных Е.А. Некоторые элементы криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 131. С. 32 – 43.
7. Богма К.А., Тихонов К.А. Стратегия национальной безопасности РФ в условиях цифровой трансформации: развитие просветительской парадигмы // Ред.-изд. группа: В.В. Рудой, А.В. Понеделков, А.Ю. Голобородько. 2022. С. 381–385.

8. Гладких А.В. Методы защиты от DDoS-атак в интеллектуальных сетях// Цифровая трансформация общества и информационная безопасность: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 18 мая 2022 г.). Екатеринбург, 2022. С. 3 – 5.

9. Красинский В.В., Mashko V.V. Cyberterrorism: criminological characteristics and qualification // Государство и право. 2023. № 1. С. 79 – 91.

10. Мансуров Г.З. Право цифровой безопасности: учебник. Москва: Директ-Медиа, 2022. С. 150 – 155.

References

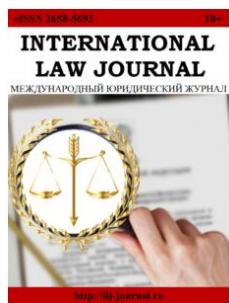
1. Belitsky V.Yu. Frauds and possible criteria for their forensic classification. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (99). P. 179.
2. Golovin A.Yu. Basic forensic classifications of crimes. Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. No. 2-2. P. 33.
3. Explanatory note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Other Legislative Acts of the Russian Federation".
4. Russkevich E.A. Differentiation of responsibility for crimes committed using information and telecommunication technologies, and problems of their qualification: dis. ... doc. jurid. sciences. Moscow, 2020. P. 415 – 416.
5. Kuznetsov A.A. Distinguishing Fraud from Related Crimes. Trends in the Development of Science and Education. 2017. No. 26-3. P. 41 – 44.
6. Lesnykh E.A. Some Elements of the Forensic Characteristics of Fraud in the Field of Insurance. Polythematic Network Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University. 2017. No. 131. P. 32 – 43.
7. Bogma K.A., Tikhonov K.A. National Security Strategy of the Russian Federation in the Context of Digital Transformation: Development of an Educational Paradigm. Ed. and Publishing Group: V.V. Rudoy, A.V. Ponedelkov, A.Yu. Goloborodko. 2022. P. 381 – 385.
8. Gladkikh A.V. Methods of protection against DDoS attacks in intelligent networks. Digital transformation of society and information security: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ekaterinburg, May 18, 2022). Ekaterinburg, 2022. P. 3 – 5.
9. Krasinsky V.V., Mashko V.V. Cyberterrorism: criminological characteristics and qualification. State and Law. 2023. No. 1. P. 79 – 91.
10. Mansurov G.Z. Digital security law: textbook. Moscow: Direct-Media, 2022. P. 150 – 155.

Информация об авторах

Суховеев Е.М., соискатель кафедры уголовно-правовых наук, Российский новый университет, Baton180781@yandex.ru

Воронина А.А., Финансовый университет при Правительстве РФ, Nastena.voronina.00@list.ru

© Суховеев Е.М., Воронина А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 340.1

Перспективы развития экономического законодательства в условиях цифровизации и устойчивого развития

¹ Ашикто Н.Е., ¹ Симаков Е.В., ¹ Хамидуллина В.Р.,
¹ Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: в статье исследуются ключевые тенденции и перспективы развития экономического законодательства в контексте цифровизации и перехода к устойчивому развитию. Рассматриваются вызовы, связанные с внедрением цифровых технологий (блокчейн, ИИ, большие данные) и необходимостью правового регулирования новых экономических отношений. Особое внимание уделяется вопросам экологизации права, внедрению принципов ESG и стимулированию «зелёной» экономики. Анализируются возможные направления совершенствования законодательства, включая гармонизацию нормативной базы, поддержку ответственного бизнеса и международное сотрудничество. Статья предлагает рекомендации по адаптации правовых механизмов для обеспечения устойчивого экономического роста в условиях технологических и экологических трансформаций.

Ключевые слова: экономическое законодательство, цифровизация, устойчивое развитие, ESG, регулирование цифровой экономики, «зелёные» финансы, правовые вызовы

Для цитирования: Ашикто Н.Е., Симаков Е.В., Хамидуллина В.Р. Перспективы развития экономического законодательства в условиях цифровизации и устойчивого развития // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 76 – 81.

Поступила в редакцию: 10 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Prospects for the development of economic legislation in the context of digitalization and sustainable development

¹ Ashitko N.E., ¹ Simakov E.V., ¹ Khamidullina V.R.,
¹ Far Eastern Federal University

Abstract: the article explores key trends and prospects for the development of economic legislation in the context of digitalization and the transition to sustainable development. It examines the challenges associated with the introduction of digital technologies (blockchain, AI, and big data) and the need for legal regulation of new economic relations. Special attention is given to the environmentalization of law, the implementation of ESG principles, and the promotion of a green economy. The article analyzes possible areas for improving legislation, including the harmonization of the regulatory framework, support for responsible business, and international cooperation. The article offers recommendations on adapting legal mechanisms to ensure sustainable economic growth in the context of technological and environmental transformations.

Keywords: economic legislation, digitalization, sustainable development, ESG, regulation of the digital economy, green finance, legal challenges

For citation: Ashitko N.E., Simakov E.V., Khamidullina V.R. Prospects for the development of economic legislation in the context of digitalization and sustainable development. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 76 – 81.

The article was submitted: May 10, 2025; Approved after reviewing: July 12, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Современный мир переживает эпоху одновременного и взаимосвязанного воздействия двух мощнейших мегатрендов: стремительной цифровизации и глобального распространения принципов ESG (Environmental, Social, Governance). Их совокупное влияние кардинально трансформирует ландшафт экономики и создает беспрецедентные вызовы для правовых систем, что делает изучение данной темы исключительно актуальным [1, 3].

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический и сравнительно-правовой метод. Использованы также элементы системного подхода для комплексного рассмотрения взаимодействия цифровых и экологических трансформаций в экономике и праве.

Из эмпирических источников использованы – федеральное законодательство Российской Федерации (включая Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах»), статистические и аналитические данные Центрального банка РФ, социологические и экономические исследования, в том числе данные НИУ ВШЭ по платформенной занятости, публикации в научных и экспертных журналах за последние пять лет [5].

Результаты и обсуждения

В рамках сравнительного анализа изучен зарубежный опыт правового регулирования устойчивого развития, цифровых финансов и ESG-практик. Проведён обзор правовых позиций, затрагивающих взаимодействие цифровой экономики, гиг- занятости, экологической устойчивости и нормативного регулирования в условиях трансформации глобального правового порядка. Цифровизация, проникая во все сферы хозяйственной жизни, радикально меняет модели ведения бизнеса, цепочки создания стоимости, формы занятости и потребительское поведение. Возникновение платформенной экономики, распространение больших данных, искусственного интеллекта, блокчейна и интернета вещей создают не только новые возможности для роста и инноваций, но и порождают сложные вопросы регулирования: защита данных, кибербезопасность, цифровой суперенитет, правовой статус цифровых активов и алгоритмов, конкуренция на цифровых рынках. Экономика требует гибких правовых рамок, способных стимулировать инновации, одновременно обеспечивая безопасность и справедливость [11, 12].

Параллельно ESG-трансформация перестает быть лишь корпоративной социальной ответственностью, становясь ключевым фактором конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и долгосрочной устойчивости бизнеса. Инвесторы, потребители, регуляторы и сотрудники все активнее требуют от компаний прозрачности и реальных действий в области снижения экологического следа, обеспечения социальной справедливости и эффективного корпоративного управления. Это влечет за собой необходимость разработки и внедрения новых стандартов отчетности, систем оценки рисков (включая климатические), а также создания адекватных правовых механизмов стимулирования "зеленых" инвестиций и ответственности за ESG-нарушения [13].

Взаимодействие этих двух трендов создает синергетический эффект повышенной сложности. Цифровые инструменты становятся ключевыми для сбора, анализа и верификации ESG-данных, автоматизации процессов устойчивого развития. В то же время, сами технологии и цифровая инфраструктура оказываются под пристальным вниманием с точки зрения их экологического воздействия (энергопотребление дата-центров, электронные отходы) и социальных последствий (цифровое неравенство, влияние ИИ на занятость) [7, 12]. Правовые системы сталкиваются с необходимостью одновременно регулировать цифровую трансформацию через призму ESG и обеспечивать правовые основы для цифровизации ESG-процессов.

Таким образом, изучение влияния цифровизации и ESG-трансформации на экономику и право критически важно для понимания векторов развития современного общества. Оно позволяет выявить новые экономические закономерности, сформировать эффективные и сбалансированные правовые нормы, способствующие инновационному, устойчивому и социально ответственному развитию в условиях фундаментальных

изменений глобального масштаба. От способности экономики адаптироваться, а права – адекватно реагировать на эти вызовы, зависит будущее благополучие и стабильность.

Российский рынок цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) демонстрирует взрывной рост. За первое полугодие 2025 года объём размещений ЦФА достиг 268,8 млрд рублей, приближаясь к показателю всего 2024 года (383,6 млрд рублей). Этот бум обусловлен совершенствованием правовой базы. Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» (2020 г.) легализовал выпуск токенизованных прав на реальные активы – от недвижимости и драгметаллов до долей в капитале компаний [9, 10].

Смарт-контракты автоматизируют выплаты дивидендов, а токенизация активов (например, проект ООО «Цифровой километр» дочерней структуры КАМАЗа) позволяет привлекать мелких инвесторов под 21% годовых.

ЦБ РФ внедрил «регулятивную песочницу» для тестирования решений, а новые поправки упростили эмиссию ЦФА, стимулируя выход на рынок операторов из Азии и Ближнего Востока.

Цифровой рубль активно интегрируется в экосистему. Хотя прямое упоминание в результатах отсутствует, контекстно его роль прослеживается через национальный проект «Экономика данных», где 475 млрд рублей направлено на цифровизацию госуправления, включая внедрение алгоритмов ИИ для проактивных госуслуг.

Гиг-экономика стала структурным элементом российского рынка труда. По данным НИУ ВШЭ, 16% населения РФ в возрасте 18-72 лет вовлечено в платформенную занятость, причём для 79% исполнителей это основной источник дохода [4].

Взаимодействие цифровых активов и гиг-экономики порождает новые модели. Так, ЦФА используются для страхования рисков в платформенной занятости: на площадке А-Токен внедрены цифровые гарантии, автоматически компенсирующие убытки при выявлении скрытых проблем (например, экологических штрафов).

Существенным аспектом в контексте современных социально-экономических реалий является множественность латентных рисков и детерминирующих факторов, требующих системного анализа и адаптивного реагирования как со стороны правоприменительных институтов и хозяйствующих субъектов, так и нормотворческих структур. Данная проблематика обусловлена динамичной трансформацией правовой среды, усилением экзогенных и эндогенных вызовов, а также необходимостью обеспечения баланса между регуляторной гибкостью и правовой определенностью.

Одним из ключевых экзогенных факторов, оказывающих многокомпонентное воздействие на процессы цифровой трансформации и экономическое развитие Российской Федерации, выступает санкционный режим, инициированный западными государствами. Данный феномен характеризуется диалектической природой, проявляющейся в бинарности последствий: с одной стороны, он активизирует процессы импортозамещения и технологического суверенитета, с другой – создает существенные структурные ограничения в области международного технологического сотрудничества и доступа к критическим цифровым решениям.

Парадоксальным образом, санкционное давление на Российскую Федерацию, несмотря на очевидные краткосрочные дестабилизирующие эффекты, выступило в роли катализатора структурных преобразований в национальной экономике. Эмпирические данные свидетельствуют об активизации процессов импортозамещения, особенно в стратегически значимых секторах, включая сферу цифровых технологий. Данный феномен соответствует теоретической концепции "creative destruction" [2], где внешние ограничения стимулируют инновационную активность и переориентацию производственных цепочек.

В современной отечественной правовой доктрине сформировалась концепция, согласно которой санкционное давление интерпретируется как фактор, обладающий значительным трансформационным потенциалом для национальной экономической системы. Ряд авторитетных исследователей в области экономического права отмечают, что введенные ограничения спровоцировали структурную перестройку хозяйственного механизма, выражющуюся в:

Активизации инновационных процессов в приоритетных отраслях;

Формировании новых институциональных моделей хозяйствования;

Ускоренной модернизации правового регулирования экономических отношений [14].

Эксперты подчеркивают, что подобный эффект соответствует принципу адаптационного развития, когда внешние ограничительные меры становятся катализатором эндогенных изменений, способствующих повышению экономического суверенитета и конкурентоспособности национальной производственной системы.

В современной российской правовой доктрине прослеживается концепция, согласно которой санкционное давление следует рассматривать как фактор, стимулирующий структурную трансформацию нацио-

нальной экономики. Ряд отечественных исследователей в области экономического права отмечают, что введение ограничительных мер создало условия для ускоренной модернизации производственного и технологического потенциала страны.

В частности, отмечается, что санкционный режим:

- Способствовал активизации процессов импортозамещения в стратегически значимых отраслях;
- Стимулировал развитие национальной правовой базы в сфере цифровой экономики;
- Ускорил формирование альтернативных механизмов международного экономического взаимодействия.

Данная позиция основывается на наблюдаемых институциональных изменениях, включая:

Развитие механизмов валютного регулирования;

Совершенствование законодательства о цифровых активах;

Создание правовых условий для технологического суверенитета.

Таким образом, в рамках данной концепции санкции интерпретируются не только как ограничительный фактор, но и как катализатор системных преобразований, способствующих повышению устойчивости национальной экономической системы.

Санкционное давление на российскую экономику, введенное западными странами, стало мощным катализатором процессов цифровой трансформации. Первоначально создав серьезные вызовы для технологического сектора, ограничительные меры стимулировали качественную перестройку всей цифровой инфраструктуры страны. Это привело к формированию принципиально новой модели технологического развития, основанной на принципах цифрового суверенитета и импортонезависимости.

Одним из наиболее значимых последствий санкций стало ускоренное развитие отечественных ИТ-решений. Вынужденный отказ от зарубежного программного обеспечения и оборудования создал беспрецедентный спрос на российские аналоги. В результате в кратчайшие сроки были разработаны и внедрены национальные операционные системы, системы управления базами данных, офисные пакеты и специализированное программное обеспечение для различных отраслей экономики. Особое внимание было уделено созданию полного технологического цикла - от процессоров и серверного оборудования до конечных пользовательских решений.

Параллельно происходило укрепление цифровой инфраструктуры страны. Санкции активизировали процесс создания автономного сегмента интернета, развитие национальной системы доменных имен и строительство распределенной сети data-центров. Эти меры не только повысили устойчивость цифрового пространства России к внешним воздействиям, но и создали основу для долгосрочного технологического развития. Особое значение приобрело формирование отечественных облачных платформ, способных обеспечить потребности бизнеса и государственных структур в условиях ограниченного доступа к международным сервисам.

Финансовая сфера цифровой экономики также претерпела существенные изменения. Санкции ускорили развитие национальной платежной системы, внедрение системы быстрых платежей и создание инфраструктуры для цифрового рубля. Эти решения не только компенсировали ограничения в использовании международных платежных систем, но и заложили основу для принципиально новых моделей финансовых взаимодействий, основанных на цифровых технологиях.

Государственная политика в области цифровизации получила новый импульс развития. В ответ на санкции были значительно усилены меры поддержки ИТ-сектора, включая налоговые льготы, льготное кредитование и программы подготовки кадров. Особое внимание уделяется развитию критически важных технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные, квантовые вычисления и технологии распределенных реестров. Эти направления рассматриваются как ключевые для обеспечения технологического лидерства России в долгосрочной перспективе.

Важным следствием санкционного давления стало изменение подходов к регулированию цифровой сферы. Была значительно обновлена законодательная база, регулирующая вопросы кибербезопасности, защиты данных, использования цифровых активов и развития инфраструктуры цифровой экономики. Эти изменения создали более благоприятные условия для развития отечественных технологических компаний и привлечения инвестиций в цифровые проекты.

Таким образом, несмотря на первоначальные трудности, санкции стали мощным стимулом для качественного преобразования цифрового ландшафта России. Сформированная в ответ на ограничения экосистема цифровых технологий не только компенсировала потери от санкций, но и создала основу для долгосрочного технологического развития страны. Опыт адаптации к санкционному давлению демонстрирует

значительный потенциал российской ИТ-индустрии и ее способность к быстрой трансформации в условиях внешних вызовов.

Выводы

Современные вызовы, связанные с цифровизацией экономики и необходимостью перехода к устойчивому развитию, требуют глубокой трансформации экономического законодательства. Внедрение цифровых технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект и большие данные, создаёт новые правовые реалии, которые необходимо регулировать с учётом баланса между инновациями, защитой прав субъектов и обеспечением кибербезопасности. Одновременно усиление экологических и социальных стандартов в законодательстве способствует формированию устойчивой экономической модели, отвечающей принципам ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление) [6, 10].

Для успешного развития экономического права в этих условиях необходимо:

Гармонизировать нормативную базу, устранив пробелы и противоречия в регулировании цифровых активов, автоматизированных сделок и «зелёных» финанс.

Стимулировать ответственное предпринимательство через налоговые льготы, гранты и иные меры поддержки бизнеса, внедряющего устойчивые и цифровые технологии.

Укреплять международное сотрудничество для выработки единых стандартов в сфере цифровой экономики и экологического регулирования.

Только комплексный и гибкий подход к совершенствованию законодательства позволит обеспечить устойчивый экономический рост в условиях технологических и экологических вызовов XXI века.

Список источников

1. Абрамова А.В., Гришина И.В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в России // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 89 – 102.
2. Антипина Е.В., Шапкин И.Н. Перспективы развития капитализма: взгляды Й.А. Шумпетера // Век глобализации. 2014. № 1. С. 147 – 159.
3. Архипова Т.В., Сидоренко М.Г. Драйверы устойчивого развития социально-экономических систем в условиях цифровизации: региональный аспект // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. Т. 7. № 2. С. 189.
4. Воронин С.Н. Цифровизация экономики: вызовы для правовой системы // Государство и право. 2023. № 7. С. 23 – 31.
5. Кузнецова И.А., Шабанова И.В. ESG-трансформация бизнеса: правовой аспект // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2021. № 5. С. 45 – 51.
6. Митрофанова Е.Н. Правовые аспекты устойчивого развития: тенденции в российском и международном праве // Право и управление. XXI век. 2020. № 1. С. 14 – 20.
7. Орлова А.И. Искусственный интеллект и правовое регулирование: перспективы и риски // Закон. 2022. № 11. С. 65 – 74.
8. Невзоров С.В. Правовая природа смарт-контрактов в условиях цифровизации // Российский юридический журнал. 2023. № 2. С. 102 – 110.
9. Гуляев И.Л. Экономика замкнутого цикла и “зелёные финансы” как основа устойчивого развития // Финансовое право. 2021. № 6. С. 21 – 29.
10. Ларина Н.В. Платформенная занятость и цифровая экономика: вызовы правовому регулированию // Социальное и пенсионное право. 2020. № 3. С. 50 – 58.
11. Дмитриева Т.С. Государственное регулирование цифровой экономики: проблемы и решения // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 1. С. 37 – 45.
12. Черникова Е.Г. ESG и правовая политика в сфере устойчивого развития: международный и российский опыт // Юридический мир. 2022. № 9. С. 18 – 26.
13. Цифровые финансовые активы: что это такое и как работает // mv.legal URL: <https://mv.legal/news/cifrovizaciya-i-vypusk-cifrovyyh-finansovyh-aktivov/> (дата обращения: 12.04.2025)
14. Запорожан А.Я. Цифровой рубль ЦБ РФ // Управленческое консультирование. 2021. № 6 (150). С. 32 – 39.
15. Шманев С.В. Санкции как стимул развития национальной экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 250 – 257.

References

1. Abramova A.V., Grishina I.V. Legal regulation of digital financial assets in Russia. *Journal of Russian Law*. 2022. No. 4. P. 89 – 102.
2. Antipina E.V., Shapkin I.N. Prospects for the development of capitalism: the views of J.A. Schumpeter. *The Age of Globalization*. 2014. No. 1. P. 147 – 159.
3. Arkhipova T.V., Sidorenko M.G. Drivers of sustainable development of socio-economic systems in the context of digitalization: regional aspect. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022. Vol. 7. No. 2. P. 189.
4. Voronin S.N. Digitalization of the economy: challenges for the legal system. *State and Law*. 2023. No. 7. P. 23 – 31.
5. Kuznetsova I.A., Shabanova I.V. ESG transformation of business: legal aspect. *Business in law. Economic and legal journal*. 2021. No. 5. P. 45 – 51.
6. Mitrofanova E.N. Legal aspects of sustainable development: trends in Russian and international law. *Law and management. XXI century*. 2020. No. 1. P. 14 – 20.
7. Orlova A.I. Artificial intelligence and legal regulation: prospects and risks. *Law*. 2022. No. 11. P. 65 – 74.
8. Nevzorov S.V. Legal nature of smart contracts in the context of digitalization. *Russian Law Journal*. 2023. No. 2. Pp. 102 – 110.
9. Gulyaev I.L. Circular Economy and “Green Finance” as a Basis for Sustainable Development. *Financial Law*. 2021. No. 6. P. 21 – 29.
10. Larina N.V. Platform Employment and Digital Economy: Challenges to Legal Regulation. *Social and Pension Law*. 2020. No. 3. P. 50 – 58.
11. Dmitrieva T.S. State Regulation of the Digital Economy: Problems and Solutions. *Journal of Legal and Economic Research*. 2023. No. 1. P. 37 – 45.
12. Chernikova E.G. ESG and Legal Policy in the Sphere of Sustainable Development: International and Russian Experience. *Legal World*. 2022. No. 9. P. 18 – 26.
13. Digital financial assets: what are they and how do they work. *mv.legal* URL: <https://mv.legal/news/cifrovizaciya-i-vypusk-cifrovyyh-finansovyh-aktivov/> (date of access: 12.04.2025)
14. Zaporozhan A.Ya. Digital ruble of the Central Bank of the Russian Federation. *Management consulting*. 2021. No. 6 (150). P. 32 – 39.
15. Shmanev S.V. Sanctions as an incentive for the development of the national economy. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 2. P. 250 – 257.

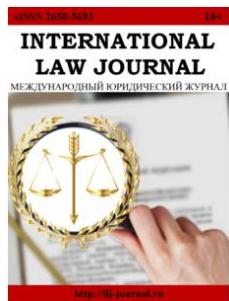
Информация об авторах

Ашитко Н.Е., Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

Симаков Е.В., Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

Хамидуллина В.Р., Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

© Ашитко Н.Е., Симаков Е.В., Хамидуллина В.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.9:349

Медицинское право в правовой системе ЕАЭС: становление, проблемы и перспективы

^{1,2} Азизова Э.Ш.,
¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,
² Частнопрактикующий юрист

Аннотация: в статье исследуются формирующиеся правовые основания и перспективы развития медицинского права в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с акцентом на институциональные, интеграционные и цифровые аспекты. На основе анализа нормативных актов, судебной практики и стратегических документов Союза раскрывается правовая природа трансграничной медицинской помощи, единых рынков лекарственных средств и медицинских изделий, а также концептуальных шагов по внедрению телемедицины. Особое внимание уделяется роли медицинского права как новой подотрасли в наднациональном правопорядке ЕАЭС и его значению для реализации «четырех свобод» и цифровой трансформации здравоохранения. Приводятся позиции ведущих исследователей, а также рекомендации Коллегии ЕЭК по развитию единого цифрового и высокотехнологичного медицинского пространства. Автором делается вывод, что путь к созданию единой системы медицинского права в рамках ЕАЭС требует согласованных усилий стран-участниц, направленных на гармонизацию законодательства, развитие инфраструктуры и совершенствование механизмов взаимодействия.

Ключевые слова: унификация права в ЕАЭС, медицинское право, унификация медицинского права, гармонизация медицинского права, телемедицина, трансграничная медицинская помощь, цифровизация здравоохранения, фармацевтический рынок, интеграционное право, ЕЭК, Digital Union, ESG

Для цитирования: Азизова Э.Ш. Медицинское право в правовой системе ЕАЭС: становление, проблемы и перспективы // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 82 – 89.

Поступила в редакцию: 11 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Medical law in the EAEU legal framing: development, problems and prospects

^{1,2} Azizova E.Sh.,
¹ Kazan (Volga Region) Federal University,
² Private Practice Lawyer

Abstract: this article explores the emerging legal foundations and developmental prospects of medical law within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU), with a particular focus on institutional, integrative, and digital dimensions. Drawing upon the analysis of regulatory acts, judicial practice, and strategic documents of the Union, the study examines the legal nature of cross-border medical care, common markets for pharmaceuticals and medical devices, and conceptual steps towards the implementation of telemedicine. Special attention is devoted to the role of medical law as an evolving sub-branch of supranational EAEU law and its significance for the realization of the “four freedoms” and the digital transformation of healthcare. The article further considers the positions of leading scholars as well as the recommendations of the EAEU Commission on the development of a unified digital and high-tech medical space. The author concludes that the path toward establishing a unified system of

medical law within the EAEU requires coordinated efforts by the Member States aimed at harmonizing legislation, advancing infrastructure, and improving cooperation mechanisms.

Keywords: *legal unification in the EAEU, medical law, harmonization of medical regulation, healthcare law integration, telemedicine, cross-border medical services, healthcare digitalization, pharmaceutical market, integration law, EEC, Digital Union, ESG principle*

For citation: Azizova E.Sh. Medical law in the EAEU legal framing: development, problems and prospects. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 82 – 89.

The article was submitted: May 11, 2025; Approved after reviewing: July 13, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

В условиях стремительной трансформации международных и региональных правопорядков особое значение приобретает формирование новых отраслей права, способных обеспечить нормативный отклик на вызовы цифровизации, трансграничной мобильности и роста значимости человеческого капитала. Одной из таких правовых конструкций становится медицинское право, которое в последние годы активно институционализируется на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

На международной медико-правовой конференции в Праге в 1977 году было признано, что развитие медицины, изменение природы медицинских услуг и усиление социальной функции здравоохранения требует формирования самостоятельного раздела – медицинского права, сосредоточивающегося на юридических аспектах прав и обязанностей медицинских работников, а также пациентов. Эта идея получила реальное продолжение в правовых системах государств ЕАЭС лишь в последние десятилетия, однако сегодня уже можно говорить о становлении комплексной наднациональной модели регулирования в данной сфере.

Актуальность исследования определяется рядом факторов. Во-первых, это растущая значимость интеграционных процессов в сфере здравоохранения, включая создание общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий, что прямо предусмотрено в разделе VII Договора о ЕАЭС. Во-вторых, тенденцией становится внедрение цифровых решений – в частности, телемедицины, цифровых реестров и обмена медицинской информацией. В-третьих, речь идёт об обеспечении фундаментального права на медицинскую помощь для граждан всех государств-членов Союза, включая трудящихся и членов их семей, вне зависимости от места работы и проживания. Это, в свою очередь, требует унификации правовых механизмов, расширения трансграничного взаимодействия и пересмотра роли публичного порядка в применении норм в сфере здравоохранения.

Системное развитие наднационального регулирования подтверждается принятием Рекомендации Коллегии ЕЭК № 26 от 17 декабря 2024 г. [2], направленной на обеспечение доступности высокотехнологичной помощи, развитие телемедицины и стандартизацию медицинских данных. Значение приобретают также документы ЕЭК, касающиеся минимального стандартного набора медицинских услуг, который гарантируется всем трудящимся наравне с гражданами принимающего государства.

В этом контексте медицинское право ЕАЭС выступает не только как новая комплексная отрасль, но и как инструмент реализации «четырех свобод» Союза, цифровой трансформации здравоохранения и формирования единого правового пространства, устойчивого к вызовам глобализации и трансграничной миграции.

Цель исследования – выявить и проанализировать правовые механизмы формирования и функционирования медицинского права в рамках ЕАЭС, обозначить его институциональные, интеграционные и цифровые аспекты, а также оценить перспективы становления данной правовой подотрасли в контексте наднационального регулирования.

Задачи исследования включают:

1. анализ содержания правовых основ медицинского права ЕАЭС (Договора, соглашений, решений ЕЭК);
2. раскрытие роли медицинского права в обеспечении трансграничной медицинской помощи;
3. изучение подходов к телемедицине, фармакологической интеграции и цифровизации здравоохранения;
4. оценка судебной практики и механизмов защиты прав граждан на медицинскую помощь;
5. определение направлений дальнейшего развития медицинского права как правовой модели устойчивой интеграции.

Таким образом, формирование и развитие медицинского права в ЕАЭС рассматривается как отражение качественно нового этапа интеграции, в котором социальные права граждан и цифровые механизмы здравоохранения становятся ядром трансграничного правопорядка.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется на комплексном междисциплинарном подходе, сочетающем международно-правовой, сравнительно-правовой и институционально-аналитический методы.

Материалной основой исследования выступают:

- I. учредительные и программные документы ЕАЭС, в том числе Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [1], Решения Высшего Евразийского экономического совета, акты Коллегии и Совета ЕЭК;
- II. соглашения государств-членов в сфере обращения лекарственных средств, медицинских изделий, телемедицины и здравоохранения;
- III. Рекомендация Коллегии ЕЭК № 26 от 17 декабря 2024 года [2], касающаяся развития цифрового и высокотехнологичного медицинского пространства в Союзе;
- IV. официальный доклад ЕЭК 2022 года о минимальном стандартном наборе медицинских услуг для трудающихся и членов их семей [7];
- V. судебная практика Верховного Суда Российской Федерации, отражающая подходы к реализации права на бесплатную медицинскую помощь, в том числе в трансграничных случаях [8];
- VI. монографии и учебные издания ведущих специалистов, в частности труды А.А. Мохова и М.Ю. Старчика, посвящённые вопросам медицинского права и защиты прав пациентов [12];
- VII. цифровые источники ЕЭК и государственных органов, включая статистику, нормативно-правовые базы и аналитические материалы по интеграционным инициативам в области здравоохранения.

Методологический аппарат исследования включает:

1. формально-юридический метод – применён при анализе положений Договора о ЕАЭС, актов вторичного права Союза и национального законодательства в сфере медицины;
2. сравнительно-правовой метод – использован для выявления общих черт и различий в подходах к медицинскому праву в странах ЕАЭС и для анализа перспектив унификации норм;
3. системный подход – позволил рассмотреть медицинское право как развивающуюся интеграционную правовую подотрасль, находящуюся на пересечении публичного и частного права;
4. институциональный анализ – применён к механизмам, обеспечивающим реализацию «четырёх свобод» через развитие трансграничной медицины и цифрового взаимодействия;
5. логический и прогностический методы – использованы при оценке перспектив формирования единого медицинского правового пространства в ЕАЭС и разработки предложений по его дальнейшему нормативному оформлению.

Таким образом, в ходе исследования автор опирался как на юридические источники (документы, судебные акты, нормы), так и на структурные элементы интеграционных процессов, что позволило раскрыть тему на стыке права, политики и цифровой трансформации здравоохранения в ЕАЭС.

Результаты и обсуждения

Современное общество переживает период стремительного технологического, демографического и эпидемиологического трансформирования, что напрямую влияет на институциональное и правовое содержание сферы здравоохранения. Именно в этой связи возникает необходимость выделения медицинского права как комплексной правовой отрасли, регулирующей широкий спектр общественных отношений, связанных с охраной здоровья, медицинской помощью и обращением медицинских продуктов.

Еще в 1977 году международная медико-правовая конференция в Праге акцентировала внимание на важности системного подхода к правовому регулированию медицинской деятельности. На конференции было официально признано, что современное состояние медицины требует выделения специального правового раздела – медицинского права, фокусирующегося на юридических аспектах взаимоотношений пациента и медицинского работника, включая вопросы ответственности, этики и прав пациента. Советские учёные А.А. Маракушев, С.Я. Чикина, В.К. Кузнецова в то время писали: учитывая важность врачебной этики и медицинской деонтологии как особой профессиональной категории, а также возникающие острые морально-этические и юридические вопросы в области медицины и медицинских исследований, особенно в трансплантации непарных органов, эвтаназии и других проблем, следует поддержать предложение учёных о создании специальной отрасли права – медицинского права [10].

В странах постсоветского пространства развитие медицинского права происходило фрагментарно и зачастую в виде подотраслей административного, трудового или гражданского права. По мнению А.А. Мохова

ва, медицинское право представляет собой комплексную правовую конструкцию, сочетающую элементы публичного и частного права, имеющую в своей основе нормативное обеспечение медицинской деятельности, защиты прав пациентов и охраны здоровья граждан в целом [10]. М.Ю. Старчиков также подчёркивает особую значимость правового минимума врача, как инструмента, способного обеспечить реализацию прав на жизнь, телесную неприкосновенность и квалифицированную медицинскую помощь в условиях нормативного многообразия [11].

Тем не менее, в последние годы наблюдается тенденция к формированию медицинского права в качестве самостоятельной межотраслевой категории, а в рамках интеграционных объединений – и как наднационального правового института. Ярким примером выступает правовая система Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в которой впервые реализуются согласованные подходы к медицинскому регулированию на основе международных соглашений и унифицированных норм.

Медицинское право в рамках ЕАЭС представляет собой наднациональный правовой режим, формирующийся на пересечении международного права, права региональной интеграции и национальных правовых систем. Его предмет включает:

1. установление общих стандартов обращения лекарственных средств и медицинских изделий,
2. гарантии прав трудящихся ЕАЭС на медицинскую помощь в странах трудаустройства,
3. регламентацию клинических исследований и медицинского страхования,
4. а также координацию в вопросах санитарно-эпидемиологического надзора и медицинской эвакуации.

Характерной чертой правовой природы медицинского права ЕАЭС является его интегративность – нормы формируются как результат согласования позиций государств-членов и воплощаются в обязательных к исполнению решениях Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), международных договорах в рамках Союза и национальных актах, имплементирующих согласованные стандарты.

Ключевым нормативным актом, определяющим правовую архитектуру в медицинской сфере, выступает Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [1], который содержит специальный раздел VII, посвящённый регулированию обращения лекарственных средств и медицинских изделий.

Так, статья 30 Договора устанавливает принципы формирования общего рынка лекарственных средств, включающие:

1. гармонизацию законодательства государств-членов,
2. принятие единых правил обращения,
3. создание общих требований к качеству, эффективности и безопасности,
4. разработку сопоставимых методов исследований и контроля.

Соответственно, с 1 января 2016 года функционирует единое правовое пространство для лекарственных препаратов, подкреплённое международным договором в рамках Союза, заключённым до 2015 года. Аналогичным образом выстраивается регулирование в отношении медицинских изделий (статья 31 Договора), включая медицинскую технику. Эти акты задают структурный каркас медицинского права ЕАЭС, реализующийся через нормативные и подзаконные акты ЕЭК.

На практике внедрение единого правового поля подкрепляется такими актами, как:

1. Решение Совета ЕЭК от 3 ноября 2016 года №79 [5], которым утверждены Правила надлежащей клинической практики ЕАЭС.

2. Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий, подписанное в 2014 году [6].

Эти документы вводят стандартизованные процедуры регистрации, контроля и допуска на рынок, включая использование единого регистра лекарств и механизма взаимного признания разрешений.

Особое внимание заслуживает гарантированный доступ трудящихся стран ЕАЭС и членов их семей к медицинской помощи наравне с гражданами государства пребывания. Эта норма имеет не только гуманистическое значение, но и способствует реализации принципа свободы передвижения рабочей силы, являющегося краеугольным камнем интеграции.

Примечательно, что такая помощь оказывается вне зависимости от наличия страхового полиса, в рамках экстренной и неотложной помощи, а в ряде стран и по системе обязательного медицинского страхования.

Положения Договора охватывают также процедуру медицинской эвакуации граждан ЕАЭС в случае невозможности получения адекватной помощи на месте. Эта норма особенно актуальна в условиях трансграничной миграции и неравномерного распределения медицинских ресурсов. Кроме того, функционируют совместные механизмы эпидемиологического мониторинга, важные в условиях угроз пандемий.

В 2022 году Евразийская экономическая комиссия представила Доклад о минимальном стандартном наборе медицинских услуг [7], который подтвердил право трудящихся и членов их семей на получение

бесплатной скорой и неотложной медицинской помощи в странах Союза – на тех же основаниях, что и граждан государства пребывания. Эти гарантии охватывают не только экстренные случаи (отравления, травмы, роды), но и высокотехнологичную помощь при неотложных состояниях.

Решения, вынесенные судами государств-членов, подтверждают приоритет таких подходов. Так, в деле, касающемся финансирования офтальмологической помощи (катаракта), суд признал, что отказ в частичной оплате за ОМС при приобретении пациентом дорогостоящего материала (иностранный линзы) является нарушением, если медицинская услуга была оказана в рамках утвержденной госпрограммы.

Несмотря на высокий уровень правовой детализации, в реализации медицинского права в ЕАЭС остаются значительные барьеры:

1. фрагментарность национальных подходов к здравоохранению,
2. недостаточный уровень цифровой интеграции реестров,
3. разрыв между формальной гармонизацией и фактической унификацией,
4. сложности в имплементации правил ЕАЭС в национальные законодательства.

В условиях роста трансграничной медицинской торговли, а также развития телемедицины и искусственного интеллекта, правовая система ЕАЭС нуждается в гибком, но системном обновлении, способном не только следовать за медицинскими инновациями, но и управлять рисками, возникающими на стыке технологий, этики и права.

Реализация четырех свобод, провозглашенных Договором о Евразийском экономическом союзе – свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы – невозможна без институционального и нормативного сближения в области здравоохранения. Обеспечение эквивалентности стандартов в сфере медицинских услуг, лекарственного обеспечения и биомедицинских исследований является критическим условием для эффективного функционирования внутреннего рынка Союза.

Так, свобода перемещения рабочей силы, как закреплено в статье 96 Договора ЕАЭС, предполагает равный доступ трудающихся к социальным гарантиям, включая экстренную и неотложную медицинскую помощь. Однако без гармонизированного подхода к правам пациента, к медицинской ответственности, медицинской эвакуации и страхованию, это право остается фрагментарным. В этом контексте создание общего рынка медицинских изделий и лекарств, зафиксированное в статьях 30-31 Договора, – это лишь базис, требующий дополнения этическими и процессуальными стандартами.

Современный вектор цифровизации медицинской сферы (в том числе в рамках реализации Дорожной карты цифровой повестки ЕАЭС) требует единых подходов к регулированию таких чувствительных процессов, как дистанционная диагностика, телемедицина, обращение медицинских данных, что немыслимо без совместно выработанных этико-правовых норм. Здесь особую значимость приобретают Международные этические рекомендации CIOMS и ВОЗ (2016), выступающие глобальным ориентиром для правовых систем в сфере здравоохранения [9]. Эти рекомендации:

- подчеркивают необходимость информированного согласия в условиях телемедицины и трансграничных клинических исследований;
- фиксируют требования к гарантиям конфиденциальности и защите персональных данных пациентов, что перекликается с положениями Регламента GDPR, имплементируемыми в ряде стран ЕАЭС;
- акцентируют важность создания наднациональных этических органов, что может лежать в основу формирования, к примеру, Совета по биоэтике ЕАЭС.

Сближение медицинского регулирования в ЕАЭС является не только следствием имплементации Договора, но и предпосылкой для подлинной реализации четырех свобод в гуманитарно-социальном измерении. Это сближение не может ограничиваться только техническими стандартами – оно должно включать ценностно-этическую компоненту, основанную на международно признанных документах, таких как рекомендации CIOMS.

Становление медицинского права в рамках Евразийского экономического союза демонстрирует устойчивую тенденцию к институционализации, однако характер этого процесса по-прежнему носит эволюционный, а не революционный характер. Рекомендация Коллегии ЕЭК №26 от 17 декабря 2024 г. предлагает конкретный набор мер по развитию трансграничной медицины, включая:

- стандартизацию правовых подходов в сфере телемедицины;
- создание реестров телемедицинских учреждений в рамках Союза;
- кооперацию в сфере ИКТ и высокотехнологичных медицинских производств;
- защиту персональных медицинских данных в трансграничном контексте;
- разработку общих требований к обмену цифровыми данными в медицинской сфере [2].

Эти шаги раскрывают новый вектор медицинской интеграции – цифровой. Медицинское право ЕАЭС не только отвечает на традиционные вызовы (качество, доступность, безопасность), но и выступает нормативным фундаментом для цифровой трансформации здравоохранения, в том числе через реализацию повестки «Digital Union» и ESG-принципов. Медицинское право ЕАЭС выходит за рамки межгосударственной координации и трансформируется в инструмент устойчивого развития региона. Подход, при котором медицинская помощь воспринимается не только как социальная гарантия, но и как компонент экономического сотрудничества, отражает целевые установки Стратегических направлений до 2025 года. Формирование единой нормативной платформы, развитие телемедицины и цифровых реестров, признание высокотехнологичной помощи как трансграничной услуги – всё это говорит о зарождении в ЕАЭС новой правовой подотрасли, соразмерной масштабу вызовов XXI века. Среди перспективных направлений развития медицинского права ЕАЭС следует выделить следующие векторы:

I. Цифровизация и создание единого информационного пространства здравоохранения

В условиях активной цифровой трансформации здравоохранения назрела необходимость формирования общей цифровой экосистемы в сфере медицинских услуг. Это предполагает развитие:

- единой базы электронных медицинских карт,
- межстрановой системы отслеживания лекарственных средств,
- объединенного реестра медицинских изделий,
- цифровой идентификации пациентов.

Формирование такой системы потребует разработки единого нормативного акта, регулирующего персональные медицинские данные с учетом положений GDPR (Регламент (ЕС) 2016/679) и принципов цифрового суверенитета.

II. Регламентация телемедицины и искусственного интеллекта в медицине

Развитие телемедицинских технологий в трансграничном контексте требует юридического признания удаленной консультации и дистанционного наблюдения как формы медицинской помощи. Необходимы единые подходы к:

- ответственности медработников при телемедицинском вмешательстве,
- аккредитации платформ,
- трансграничной лицензии врача в ЕАЭС,
- регулированию использования алгоритмических решений на основе ИИ при постановке диагноза или выборе терапии.

Одним из важнейших аспектов, который должен быть учтен при развитии наднационального регулирования клинических испытаний и цифровых медицинских технологий, является соблюдение этических принципов в биомедицинских исследованиях, сформулированных в Международных этических рекомендациях CIOMS–ВОЗ. В частности:

Принцип информированного согласия требует не только юридического оформления согласия пациента, но и обеспечения его подлинной осознанности при участии в дистанционных или автоматизированных медицинских процедурах.

Рекомендации акцентируют внимание на особой уязвимости трансграничных пациентов, участвующих в клинических исследованиях в других странах, что особенно актуально для ЕАЭС.

В документе закреплены требования к национальным этическим комитетам, что может служить основанием для создания Евразийского совета по биоэтике.

Таким образом, рекомендации CIOMS должны быть положены в основу при разработке Евразийского кодекса этики в здравоохранении, что усилит легитимность и гуманистический вектор правового регулирования.

III. Создание независимого наднационального органа по этике и контролю медицинской деятельности

Предлагается учредить Евразийский этический совет в сфере здравоохранения, обладающий консультативными и аналитическими функциями по вопросам:

- биоэтики,
- биобезопасности,
- клинических испытаний,
- защиты прав пациентов.

Такой орган мог бы стать площадкой для выработки этических стандартов, сопоставимых с нормами ВОЗ и Совета Европы, адаптированных под реалии ЕАЭС.

IV. Углубление интеграции через право пациентов

Необходима разработка Евразийской хартии прав пациентов, которая обеспечила бы гарантии на получение медицинской помощи при пребывании на территории другого государства ЕАЭС. В ней могут быть закреплены:

права на информированное согласие,
доступ к меддокументации,
транспарентность лечения,
независимая медицинская экспертиза.

Такой акт может получить статус рамочного соглашения, обязательного к имплементации в национальные системы здравоохранения.

Выводы

Медицинское право в рамках Евразийского экономического союза находится на стадии институционального формирования, демонстрируя элементы межотраслевой, наднациональной и публично-правовой специализации. В его основе лежит стремление государств-членов к унификации стандартов обращения медицинских продуктов, обеспечению прав пациентов и трудающихся, развитию единых механизмов надзора и контроля.

Несмотря на достигнутые результаты – функционирование общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий, формирование системы клинической практики и правовых основ медицинской миграции – остается ряд структурных, технологических и нормативных вызовов, требующих комплексного подхода.

Будущее медицинского права ЕАЭС связано с его цифровизацией, этическим институционализмом, а также с расширением правовой субъектности пациента как участника трансграничных медицинских отношений. На данном этапе важно не только развивать правовую базу, но и обеспечить ее реальную имплементацию и правоприменительную согласованность, включая судебную практику и межгосударственные механизмы разрешения споров.

Медицинское право в рамках ЕАЭС приобретает особое значение в контексте реализации четырех свобод, закрепленных в Договоре о Евразийском экономическом союзе. Формирование общего правового пространства в области медицины позволяет не только повысить качество и доступность медицинской помощи для граждан государств-членов, но и способствует формированию эффективного единого рынка медицинских услуг.

Цифровая трансформация здравоохранения, развитие механизмов электронного взаимодействия между медицинскими учреждениями, национальными и наднациональными органами управления открывают новые возможности для интеграции. В этом контексте особую важность приобретает унификация правовых и этических стандартов, включая применение руководящих принципов CIOMS, что позволяет обеспечить защиту прав пациентов и соблюдение международных норм при проведении медицинских исследований.

Путь к созданию единой системы медицинского права в рамках ЕАЭС требует согласованных усилий стран-участниц, направленных на гармонизацию законодательства, развитие инфраструктуры и совершенствование механизмов взаимодействия. Такие шаги укрепят суверенитет государств в сфере здравоохранения и одновременно обеспечат их интеграцию в глобальное медицинское и научное сообщество.

Список источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Собр. законодательства РФ. 2015. № 6. Ст. 885.
2. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2024 г. № 26 «О развитии экономического сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза в области здравоохранения» // ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org> (дата обращения: 10.04.2025)
3. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (в ред. на 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.
4. Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2023 г. № 2353 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2024-2026 годы».
5. Решение Совета ЕЭК от 3 ноября 2016 г. № 79 «О Правилах надлежащей клинической практики Евразийского экономического союза».
6. Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий на территории Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 г.

7. Доклад о проработке вопроса об определении минимального стандартного набора медицинских услуг. ЕЭК, 2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/389/Doklad-ob-opredelenii-minimalnogo-standartnogo-nabora-meditsinskikh-uslug.pdf> (дата обращения: 10.04.2025)
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(3), 2024 г. // ВС РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/32075> (дата обращения: 10.04.2025)
9. CIOMS (Совместный комитет экспертов ВОЗ и Совета международных организаций медицинских наук). Международные этические рекомендации по проведению биомедицинских исследований с участием людей. Женева: ВОЗ, 2016. URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/WEB-CIOMS- EthicalGuidelinesRussianLayout.pdf> (дата обращения: 10.04.2025)
10. Мохов А.А. Медицинское право: курс лекций. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. 496 с.
11. Старчиков М.Ю. Правовой минимум медицинского работника: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮРКОМПАНИ, 2024. 256 с.
12. Сергеев Ю.Д, Мохов А.А. Основы медицинского права России. М., 2007. 206 с.

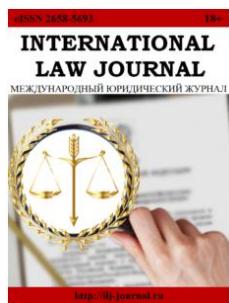
References

1. Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014. Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 6. Art. 885.
2. Recommendation of the Board of the Eurasian Economic Commission of December 17, 2024 No. 26 "On the Development of Economic Cooperation of the Member States of the Eurasian Economic Union in the Field of Healthcare". EEC. URL: <https://eec.eaeunion.org> (date of access: 10.04.2025)
3. Federal Law of November 29, 2010 No. 326-FZ "On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation" (as amended for 2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 49. Art. 6422.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 28, 2023 No. 2353 "On the Program of state guarantees for the free provision of medical care to citizens for 2024-2026".
5. Decision of the EEC Council of November 3, 2016 No. 79 "On the Rules of Good Clinical Practice of the Eurasian Economic Union".
6. Agreement on uniform principles and rules for the circulation of medical devices in the territory of the Eurasian Economic Union of December 23, 2014.
7. Report on the development of the issue of determining the minimum standard set of medical services. EEC, 2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/389/Doklad-ob-opredelenii-minimalnogo-standartnogo-nabora-meditsinskikh-uslug.pdf> (date of access: 10.04.2025)
8. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (3), 2024. Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/32075> (date of access: 10.04.2025)
9. CIOMS (Joint Expert Committee of the WHO and the Council for International Organizations of Medical Sciences). International ethical guidelines for biomedical research involving human subjects. Geneva: WHO, 2016. URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/WEB-CIOMS-EthicalGuidelinesRussianLayout.pdf> (date accessed: 10.04.2025)
10. Mokhov A.A. Medical law: course of lectures. Moscow: GEOTAR-Media, 2020. 496 p.
11. Starchikov M.Yu. Legal minimum of a medical worker: textbook. manual. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: YURKOMPANI, 2024. 256 p.
12. Sergeev Yu.D, Mokhov A.A. Fundamentals of medical law of Russia. Moscow, 2007. 206 p.

Информация об авторе

Азизова Э.Ш., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-1121-0219>, Казанский (Приволжский) федеральный университет; юрист, член реестра юридического и аудиторско-консалтингового рынка в области маркетинга, развития, рекламы и PR «Точка опоры»

©Азизова Э.Ш., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 349.6

Правовое обеспечение экологической безопасности в Республике Дагестан

¹ Алиев Ш.И., ¹ Абакарова Б.Г.,
¹ Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

Аннотация: в статье исследуется современное состояние правового обеспечения экологической безопасности в Республике Дагестан. Анализируются федеральные и региональные нормативные правовые акты, регулирующие природоохранную деятельность, изучается практика их применения за период 2019-2024 годов. Выявлены основные проблемы в сфере экологического права региона: недостаточная эффективность контрольно-надзорной деятельности, слабая межведомственная координация, ограниченность финансовых ресурсов. Особое внимание уделено правовому регулированию использования водных ресурсов Каспийского моря, сохранению биоразнообразия горных территорий и предотвращению деградации пастбищных земель. По результатам исследования предложены направления совершенствования правового механизма обеспечения экологической безопасности: усиление межведомственной координации, развитие общественного экологического контроля, совершенствование экономических механизмов природопользования, создание региональной системы экологического мониторинга.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологическое право, Республика Дагестан, природоохранное законодательство, правовое регулирование, экологический контроль, охрана окружающей среды, природопользование

Для цитирования: Алиев Ш.И., Абакарова Б.Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в Республике Дагестан // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 90 – 94.

Поступила в редакцию: 12 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Legal provision of environmental safety in the Republic of Dagestan

¹ Aliev Sh.I., ¹ Abakarova B.G.,
¹ Dagestan State University in Izberbash

Abstract: the article examines the current state of legal framework for environmental security in the Republic of Dagestan. Federal and regional regulatory legal acts governing environmental protection activities are analyzed, and their implementation practice for the period 2019-2024 is studied. The main problems in the field of environmental law in the region are identified: insufficient effectiveness of control and supervisory activities, weak inter-agency coordination, limited financial resources. Special attention is paid to the legal regulation of the use of water resources of the Caspian Sea, conservation of biodiversity in mountainous areas and prevention of degradation of pasture lands. Based on the research results, directions for improving the legal mechanism for ensuring environmental security are proposed: strengthening inter-agency coordination, developing public environmental control, improving economic mechanisms of nature management, creating a regional system of environmental monitoring.

Keywords: environmental security, environmental law, Republic of Dagestan, environmental legislation, legal regulation, environmental control, environmental protection, nature management

For citation: Aliev Sh.I., Abakarova B.G. Legal provision of environmental safety in the Republic of Dagestan. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 90 – 94.

The article was submitted: May 12, 2025; Approved after reviewing: July 14, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Экологическая безопасность представляет собой одну из ключевых составляющих национальной безопасности Российской Федерации. Республика Дагестан, обладающая уникальными природными комплексами Каспийского моря, горных экосистем Кавказа и степных ландшафтов, сталкивается с особыми вызовами в сфере экологического права.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования правовых механизмов охраны окружающей среды в условиях интенсивного промышленного развития региона, роста антропогенной нагрузки на экосистемы и изменения климатических условий.

Цель исследования заключается в анализе современного состояния правового обеспечения экологической безопасности в Республике Дагестан и разработке предложений по его совершенствованию.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу составляют системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы анализа. Эмпирическую базу формируют федеральные и региональные нормативные правовые акты, данные государственной статистики, материалы правоприменительной практики природоохранных органов Республики Дагестан за период 2019-2024 годов.

Результаты и обсуждения

Правовую основу экологической безопасности в Республике Дагестан составляют федеральные законы "Об охране окружающей среды", "Об экологической экспертизе", региональные законы "Об охране окружающей среды в Республике Дагестан", "Об особо охраняемых природных территориях".

Анализ правоприменительной практики выявил основные проблемные области: недостаточная эффективность контрольно-надзорной деятельности, слабая координация между федеральными и региональными органами власти, ограниченность финансовых ресурсов для реализации природоохранных мероприятий.

Недостаточная эффективность контрольно-надзорной деятельности проявляется в низком уровне выявляемости экологических правонарушений, формальном подходе к проведению проверок и несоответствии применяемых санкций тяжести причиненного экологического вреда [2]. Контролирующие органы зачастую не располагают необходимым техническим оснащением для объективной оценки воздействия на окружающую среду, что снижает качество надзорной деятельности.

Слабая координация между уровнями власти выражается в дублировании полномочий, противоречии в принимаемых решениях и отсутствии единой стратегии экологической политики [4]. Федеральные природоохранные инициативы часто не находят адекватного отражения в региональных программах, что создает пробелы в правоприменении и снижает эффективность природоохранных мер.

Данная проблема усугубляется различиями в приоритетах федерального центра и регионов. Если на федеральном уровне акцент делается на соблюдении международных экологических обязательств и реализации масштабных природоохранных проектов, то региональные власти зачастую сосредоточены на решении локальных экономических задач. Это приводит к ситуации, когда федеральные экологические стандарты формально принимаются к исполнению, но не обеспечиваются необходимыми механизмами реализации на местах [6, 8].

Отсутствие четкого разграничения полномочий между уровнями власти создает правовую неопределенность. Региональные органы исполнительной власти нередко не имеют достаточных компетенций для эффективного воздействия на крупных природопользователей, деятельность которых регулируется на федеральном уровне. В то же время федеральные структуры не всегда учитывают региональную специфику при разработке общих природоохранных требований.

Особую проблему представляет временной разрыв между принятием федеральных решений и их имплементацией в регионах. Региональные власти часто получают федеральные предписания без соответствующего методического обеспечения и финансовых гарантий, что затрудняет их своевременное исполнение. Это создает ситуацию формального соблюдения требований при фактическом отсутствии результата.

Недостаточная информационная связь между уровнями управления препятствует созданию единой системы экологического мониторинга и оценки эффективности принимаемых мер. Региональные дан-

ные о состоянии окружающей среды не всегда своевременно передаются на федеральный уровень, что затрудняет корректировку общегосударственной экологической политики.

Ограниченностю финансовых ресурсов препятствует реализации долгосрочных экологических проектов, модернизации очистных сооружений и внедрению современных технологий экологического мониторинга [3]. Недостаточное бюджетное финансирование компенсируется за счет средств природопользователей, что создает конфликт интересов и снижает мотивацию к добровольному соблюдению экологических требований.

Система финансирования экологических мероприятий характеризуется существенной зависимостью от экономической конъюнктуры и бюджетных приоритетов. В условиях экономических трудностей экологические программы часто становятся объектом первоочередного сокращения расходов, что нарушает преемственность природоохранной деятельности и снижает доверие к государственным экологическим инициативам [8].

Преобладание краткосрочного планирования в бюджетном процессе противоречит долгосрочному характеру экологических проблем [5]. Многие природоохранные проекты требуют многолетних инвестиций с отсроченным эффектом, что плохо согласуется с годовым циклом бюджетного планирования. Это приводит к фрагментарности финансирования и неэффективному использованию выделенных средств.

Механизм компенсации недостатка бюджетных средств за счет платежей природопользователей создает порочный круг. Предприятия, вынужденные финансировать государственные экологические программы, получают основания для сопротивления дополнительным природоохранным требованиям. Такая система подрывает принцип государственной ответственности за состояние окружающей среды и превращает экологическое регулирование в инструмент изъятия средств.

Отсутствие стабильных источников финансирования экологических программ препятствует привлечению квалифицированных кадров в природоохранную сферу [9]. Нестабильность финансирования создает неопределенность в карьерных перспективах специалистов-экологов, что снижает качество человеческого капитала в данной области.

Недостаточное финансирование исследований и разработок в экологической сфере ограничивает возможности внедрения инновационных решений [10]. Отечественные научные и технологические разработки в области охраны окружающей среды остаются невостребованными из-за отсутствия средств на их практическое применение, что усиливает технологическую зависимость от зарубежных решений.

Дополнительной проблемой является низкий уровень экологической грамотности населения и хозяйствующих субъектов, что затрудняет реализацию принципа общественного участия в принятии экологически значимых решений. Отсутствие эффективных механизмов информирования граждан о состоянии окружающей среды ограничивает возможности общественного экологического контроля.

Особое внимание требует правовое регулирование использования водных ресурсов Каспийского моря, сохранения биоразнообразия горных территорий и предотвращения деградации пастбищных земель [1, 7].

В сфере использования водных ресурсов Каспийского моря действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику трансграничного водного объекта. Существующие правовые механизмы охраны морской среды требуют адаптации к современным вызовам, включая загрязнение нефтепродуктами, сброс неочищенных сточных вод и нерегулируемое рыболовство. Необходимо усиление правового режима прибрежной защитной полосы и совершенствование процедур выдачи разрешений на водопользование.

Правовое обеспечение сохранения биоразнообразия горных экосистем характеризуется фрагментарностью и недостаточной детализацией режимов особо охраняемых природных территорий. Действующие нормы не обеспечивают эффективную защиту эндемичных видов флоры и фауны Дагестана. Требуется разработка специальных правовых механизмов сохранения горных ландшафтов, включая регламентацию рекреационной деятельности и ограничение хозяйственного освоения высокогорных территорий.

Проблема деградации пастбищных земель обусловлена несовершенством правового регулирования животноводческой деятельности и отсутствием эффективных механизмов контроля за соблюдением норм пастбищной нагрузки. Существующие правовые инструменты не обеспечивают баланс между традиционным природопользованием и требованиями экологической безопасности. Необходимо совершенствование системы государственного мониторинга состояния пастбищных угодий и внедрение правовых стимулов для устойчивого ведения животноводства.

Выводы

Современное состояние правового обеспечения экологической безопасности в Республике Дагестан характеризуется наличием развитой нормативной базы при недостаточной эффективности правоприменительных механизмов.

Региональное экологическое законодательство Дагестана формально соответствует федеральным требованиям и международным стандартам, однако практическая реализация правовых норм сталкивается с серьезными институциональными ограничениями. Разрыв между декларируемыми принципами и реальной правоприменительной практикой создает ситуацию правового нигилизма в экологической сфере.

Контрольно-надзорная система испытывает дефицит квалифицированных кадров, способных эффективно применять сложное экологическое законодательство. Недостаточная техническая оснащенность контролирующих органов ограничивает возможности объективной оценки экологических нарушений, особенно в труднодоступных горных районах республики.

Судебная практика по экологическим делам характеризуется неоднородностью подходов к оценке ущерба окружающей среде и назначению санкций. Отсутствие специализированных судов по экологическим спорам приводит к тому, что сложные природоохранные дела рассматриваются судьями общей юрисдикции без достаточной экологической компетенции.

Механизм возмещения экологического ущерба остается малоэффективным из-за сложности доказательства причинно-следственных связей между хозяйственной деятельностью и негативными экологическими последствиями. Методики оценки экологического ущерба часто оказываются неприменимыми к специфическим природно-климатическим условиям горного Дагестана.

Правовое регулирование традиционного природопользования коренных народов требует совершенствования с учетом особенностей этнокультурного многообразия региона. Существующие правовые механизмы недостаточно учитывают традиционные формы хозяйствования, что создает конфликты между формальными требованиями законодательства и исторически сложившимися практиками природопользования.

Предлагается: усиление межведомственной координации, развитие института общественного экологического контроля, совершенствование экономических механизмов природопользования, создание региональной системы экологического мониторинга.

Внедрение цифровой платформы экологического управления позволит интегрировать разрозненные информационные потоки различных ведомств и обеспечить прозрачность принятия решений в сфере природопользования. Автоматизация процедур экологической экспертизы и выдачи разрешительной документации сократит коррупционные риски и повысит оперативность государственных услуг.

Развитие института экологической медиации создаст альтернативный механизм разрешения природоохранных споров без длительного судебного разбирательства. Подготовка специализированных медиаторов по экологическим вопросам будет способствовать достижению компромиссных решений между хозяйствующими субъектами и природоохранными организациями.

Формирование региональной сети экологических общественных инспекторов из числа представителей научного сообщества и гражданских активистов расширит охват территории республики системой общественного контроля. Правовое закрепление статуса и полномочий общественных экологических инспекторов придаст их деятельности официальный характер.

Создание специализированного экологического суда или судебных составов по экологическим делам обеспечит профессиональное рассмотрение сложных природоохранных споров. Подготовка судей по вопросам применения экологического законодательства повысит качество судебных решений и единообразие судебной практики.

Внедрение дифференцированной системы экологических платежей с учетом природно-климатических особенностей различных территорий Дагестана создаст справедливые экономические стимулы для природопользователей. Установление льготных режимов для экологически ответственных предприятий будет способствовать добровольному переходу к наилучшим доступным технологиям.

Разработка регионального экологического кодекса, систематизирующего все природоохранные требования применительно к специфике республики, упростит правоприменение и повысит правовую определенность для хозяйствующих субъектов.

Список источников

1. Абдулаев М.А. Правовые аспекты охраны водных ресурсов Каспийского моря в контексте обеспечения экологической безопасности Дагестана // Экологическое право. 2023. № 4. С. 12 – 18.
2. Гаджиев Р.С., Магомедов А.М. Совершенствование региональной системы экологического мониторинга в Республике Дагестан: правовые и организационные проблемы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2022. Т. 37. № 2. С. 89 – 95.
3. Исмаилов А.Г. Правовое регулирование природопользования в горных районах Дагестана // Горные территории. 2021. Т. 13. № 3. С. 456 – 462.

4. Магомедова З.Р. Экологическая безопасность как объект правового регулирования в субъектах СКФО // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 33. № 1. С. 78 – 83.
5. Мирзоев Д.А., Алиев С.М. Проблемы правового обеспечения охраны биоразнообразия в Республике Дагестан // Аграрное и земельное право. 2023. № 7. С. 34 – 39.
6. Омаров К.М. Административно-правовые механизмы обеспечения экологической безопасности в Дагестане // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 67 – 72.
7. Рамазанов А.С. Правовые основы предотвращения деградации пастбищных угодий в Республике Дагестан // Земельное право. 2021. № 8. С. 23 – 28.
8. Салихов И.Н., Гасанов Э.А. Межведомственная координация в сфере экологического контроля: опыт Республики Дагестан // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 11. С. 45 – 50.
9. Умакханов Р.У. Экономико-правовые инструменты стимулирования природоохранной деятельности в регионе // Экономика природопользования. 2023. № 2. С. 102 – 108.
10. Хизриева М.О. Общественный экологический контроль в системе правового обеспечения экологической безопасности Дагестана // Экология и промышленность России. 2022. Т. 26. № 6. С. 58 – 63.

References

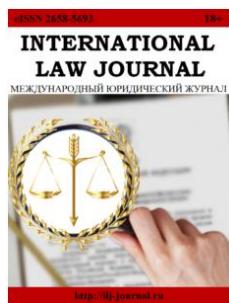
1. Abdullayev M.A. Legal aspects of the protection of water resources of the Caspian Sea in the context of ensuring environmental safety of Dagestan. Environmental law. 2023. No. 4. P. 12 – 18.
2. Gadzhiev R.S., Magomedov A.M. Improving the regional system of environmental monitoring in the Republic of Dagestan: legal and organizational problems. Bulletin of the Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2022. Vol. 37. No. 2. P. 89 – 95.
3. Ismailov A.G. Legal regulation of nature management in the mountainous regions of Dagestan. Mountainous territories. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 456 – 462.
4. Magomedova Z.R. Environmental safety as an object of legal regulation in the constituent entities of the North Caucasus Federal District. Legal Bulletin of DSU. 2020. Vol. 33. No. 1. P. 78 – 83.
5. Mirzoev D.A., Aliyev S.M. Problems of legal support for the protection of biodiversity in the Republic of Dagestan Agrarian and land law. 2023. No. 7. P. 34 – 39.
6. Oмаров К.М. Administrative and legal mechanisms for ensuring environmental safety in Dagestan Administrative law and process. 2022. No. 5. P. 67 – 72.
7. Ramazanov A.S. Legal framework for preventing the degradation of pasture lands in the Republic of Dagestan Land law. 2021. No. 8. P. 23 – 28.
8. Salikhov I.N., Gasanov E.A. Interdepartmental coordination in the field of environmental control: the experience of the Republic of Dagestan. State power and local self-government. 2020. No. 11. P. 45 – 50.
9. Umakhanov R.U. Economic and legal instruments for stimulating environmental activities in the region. Economics of Nature Management. 2023. No. 2. P. 102 – 108.
10. Khizrieva M.O. Public environmental control in the system of legal support for environmental safety of Dagestan. Ecology and Industry of Russia. 2022. Vol. 26. No. 6. P. 58 – 63.

Информация об авторах

Алиев Ш.И., доктор социологических наук, профессор, директор, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

Абакарова Б.Г., преподаватель 2 категории, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

© Алиев Ш.И., Абакарова Б.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 349.3(075.8)

Молодёжная политика в системе социальной политики в России

¹ Гасанова Ш.А., ¹ Магомедова Р.И., ² Абакарова Б.Г.,

¹ Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений,

² Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

Аннотация: статья посвящена анализу места и роли молодёжной политики в системе социальной политики Российской Федерации. Исследуются концептуальные основы государственной молодёжной политики, её институциональные механизмы и взаимосвязь с общей системой социального регулирования. Проанализированы современные тенденции развития молодёжной политики в контексте социально-экономических трансформаций российского общества. Выявлены ключевые проблемы реализации государственной молодёжной политики и предложены направления её совершенствования. Методологической основой исследования выступают системный и институциональный подходы к анализу социальной политики государства.

Ключевые слова: молодёжная политика, социальная политика, государственное регулирование, молодёжь, социальные институты, социальная защита

Для цитирования: Гасанова Ш.А., Магомедова Р.И., Абакарова Б.Г. Молодёжная политика в системе социальной политики в России // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 95 – 99.

Поступила в редакцию: 12 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Youth policy in the social policy system in Russia

¹ Gasanova Sh.A., ¹ Magomedova R.I., ² Abakarova B.G.,

¹ Dagestan Humanitarian Institute (branch) Academy of Labor and Social Relations,

² Dagestan State University in Izberbash

Abstract: the article is devoted to the analysis of the place and role of youth policy in the social policy system of the Russian Federation. The conceptual foundations of state youth policy, its institutional mechanisms and relationship with the general system of social regulation are studied. Modern trends in the development of youth policy in the context of socio-economic transformations of Russian society are analyzed. Key problems of state youth policy implementation are identified and directions for its improvement are proposed. The methodological basis of the research is systemic and institutional approaches to the analysis of state social policy.

Keywords: youth policy, social policy, state regulation, youth, social institutions, social protection

For citation: Gasanova Sh.A., Magomedova R.I., Abakarova B.G. Youth policy in the social policy system in Russia. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 95 – 99.

The article was submitted: May 12, 2025; Approved after reviewing: July 15, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Молодёжная политика представляет собой один из важнейших компонентов современной системы социальной политики государства, направленный на создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодых граждан. В условиях демографических вызовов и необходимости обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны вопросы формирования и реализации эффективной государственной молодёжной политики приобретают особую актуальность.

Российская Федерация располагает значительным молодёжным потенциалом, составляющим основу человеческого капитала страны. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, численность молодёжи в возрасте от 14 до 35 лет составляет более 39 миллионов человек, что представляет около 27% от общей численности населения страны.

Актуальность исследования молодёжной политики в системе социальной политики России обусловлена несколькими факторами. Во-первых, молодёжь является стратегическим ресурсом общественного развития, определяющим будущее страны. Во-вторых, современные социально-экономические трансформации требуют адаптации механизмов государственной поддержки молодых граждан к изменяющимся условиям. В-третьих, необходимость повышения эффективности социальной политики государства актуализирует вопросы оптимизации молодёжной политики как её составной части.

Как отмечает Зубок В.А. [4], современная молодёжь сталкивается с комплексом вызовов, связанных с нестабильностью рынка труда, трансформацией традиционных социальных институтов и необходимостью адаптации к цифровой экономике. Данные процессы требуют формирования адекватных механизмов государственной поддержки молодёжи в рамках социальной политики.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования выступают системный и институциональный подходы к анализу социальной политики. Системный подход позволяет рассматривать молодёжную политику как подсистему общей системы социальной политики государства, выявляя взаимосвязи и взаимозависимости между различными её элементами. Институциональный подход фокусируется на анализе формальных и неформальных институтов, регулирующих отношения в сфере молодёжной политики.

В процессе исследования использовались методы сравнительного анализа, контент-анализа нормативно-правовых актов, статистический анализ данных о реализации программ молодёжной политики. Эмпирической базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики, материалы федеральных и региональных органов исполнительной власти, ответственных за реализацию молодёжной политики.

Результаты и обсуждения

Анализ современного состояния молодёжной политики в России показывает её эволюцию от узкоспециализированной сферы государственного регулирования к интегрированной системе мер социальной поддержки молодёжи. Исследования Ростовской Т.К. и Калиева О.М. [8] демонстрируют, что современная молодёжная политика характеризуется расширением спектра направлений деятельности и усилением координации между различными уровнями власти.

Институциональная структура молодёжной политики в России включает федеральные, региональные и муниципальные органы власти, специализированные учреждения и общественные организации. Как показывает анализ, проведённый Меркуловым П.А. [7], ключевым элементом системы является Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь), осуществляющее координацию реализации государственной молодёжной политики на федеральном уровне.

Современные исследования, проведённые Чупровым В.И. и Зубок В.А. [10], выявляют трансформацию приоритетов молодёжной политики в сторону усиления внимания к вопросам профессиональной подготовки, трудоустройства и предпринимательской деятельности молодёжи. Данные изменения отражают потребности цифровой экономики и требования инновационного развития страны.

Анализ региональных практик реализации молодёжной политики, представленный в работах Луковой В.А. [6], показывает значительную дифференциацию подходов к организации работы с молодёжью в различных субъектах Российской Федерации. Наиболее успешные модели характеризуются интеграцией молодёжной политики в общую систему социально-экономического планирования региона [1].

Такой подход обеспечивает системность и взаимосвязанность мер поддержки молодёжи с долгосрочными целями развития территории. Интеграция предполагает включение молодёжных программ в стратегические документы регионального развития, что позволяет обеспечить стабильное финансирование и координацию с другими направлениями социальной политики [3, 4]. При этом молодёжная политика рассматривается

ется не как изолированная сфера деятельности, а как важный элемент формирования человеческого капитала региона.

Эффективность такого подхода проявляется в возможности реализации комплексных проектов, охватывающих образование, трудоустройство, жилищную политику и социальную поддержку молодых семей[11]. Координация между различными ведомствами и уровнями власти способствует устраниению дублирования функций и повышению результативности использования бюджетных средств.

Кроме того, интегрированный подход позволяет учитывать специфические потребности региона в развитии определённых отраслей экономики и формировать соответствующие образовательные и профессиональные траектории для молодёжи, что способствует решению кадровых проблем территории и закреплению молодых специалистов в регионе.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется вопросам цифровизации молодёжной политики. Работы Селивановой З.К. [9] демонстрируют потенциал использования цифровых технологий для повышения эффективности взаимодействия с молодёжью и предоставления государственных услуг в сфере молодёжной политики.

Исследования Криворученко В.К. и Тарханова И.Ю. [5] выявляют проблемы координации между различными направлениями социальной политики, затрагивающими интересы молодёжи. Отсутствие единого подхода к планированию и реализации мер поддержки молодых граждан приводит к дублированию функций и снижению эффективности использования бюджетных средств.

Анализ финансирования молодёжной политики, проведённый Бабинцевым В.П. [2], показывает недостаточность объёмов государственного финансирования для решения комплекса задач в сфере поддержки молодёжи. Необходимость привлечения внебюджетных источников финансирования актуализирует вопросы развития государственно-частного партнёрства в данной сфере.

Исследования показывают, что эффективное взаимодействие государственных и частных структур в сфере молодёжной политики может значительно расширить возможности для реализации социальных программ и инициатив, направленных на развитие молодого поколения.

Механизмы государственно-частного партнёрства в молодёжной сфере включают в себя создание совместных образовательных проектов, программ профессиональной подготовки и трудоустройства молодёжи, а также развитие молодёжного предпринимательства. Данный подход позволяет объединить ресурсы государства и бизнеса для достижения общих целей социального развития.

Особое значение приобретает вопрос создания эффективной институциональной среды для развития такого партнёрства. Необходимо формирование чёткой нормативно-правовой базы, регламентирующей взаимодействие государственных органов и частных партнёров в реализации молодёжных программ, а также механизмов контроля за целевым использованием средств и достижением поставленных социальных результатов.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы относительно места и роли молодёжной политики в системе социальной политики России:

Молодёжная политика представляет собой неотъемлемый компонент социальной политики государства, обеспечивающий создание условий для успешной социализации и самореализации молодых граждан. Её эффективность определяется степенью интеграции в общую систему социального регулирования и координации с другими направлениями государственной политики.

Современное состояние молодёжной политики характеризуется процессами институциональной трансформации, направленными на повышение адаптивности к изменяющимся социально-экономическим условиям. Однако существующие механизмы координации требуют дальнейшего совершенствования для обеспечения системности и комплексности государственного воздействия.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие направления совершенствования молодёжной политики в системе социальной политики России:

Разработка интегрированной модели планирования социальной политики, обеспечивающей координацию между различными направлениями поддержки молодёжи на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Создание единой цифровой платформы для предоставления государственных услуг в сфере молодёжной политики, интегрированной с системами социальной защиты населения и содействия занятости.

Развитие механизмов государственно-частного партнёрства в сфере молодёжной политики для расширения возможностей финансирования программ поддержки молодёжи.

Совершенствование системы мониторинга и оценки эффективности молодёжной политики на основе комплексных показателей социального развития.

Список источников

1. Антонова Н.Л. Проблемы трудоустройства молодёжи в контексте государственной политики занятости // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 145 – 158.
2. Бабинцев В.П. Финансовые механизмы реализации государственной молодёжной политики // Социология и право. 2021. № 3. С. 45 – 52.
3. Данилова И.С. Региональная специфика реализации молодёжной политики в субъектах Российской Федерации // Регионология. 2023. № 1. С. 78 – 94.
4. Зубок В.А. Молодёжь в условиях неопределённости: вызовы XXI века // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 95 – 105.
5. Криворученко В.К., Тарханова И.Ю. Координация молодёжной политики в системе государственного управления // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2023. № 2. С. 123 – 135.
6. Лукова В.А. Региональные модели молодёжной политики: сравнительный анализ // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 78 – 89.
7. Меркулов П.А. Институциональные основы государственной молодёжной политики в России // Власть. 2022. № 6. С. 67 – 74.
8. Ростовская Т.К., Калиев О.М. Современные тенденции развития молодёжной политики в России // Социальная политика и социальная работа. 2021. № 2. С. 34 – 42.
9. Селиванова З.К. Цифровизация молодёжной политики: возможности и ограничения // Информационное общество. 2022. № 5. С. 56 – 63.
10. Чупров В.И., Зубок В.А. Трансформация приоритетов государственной молодёжной политики // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 112 – 121.
11. Яковлева И.П., Морозов А.В. Социальное партнёрство в реализации молодёжной политики // Социология власти. 2021. № 3. С. 98 – 107.

References

1. Antonova N.L. Problems of youth employment in the context of state employment policy. Issues of Economy. 2022. No. 8. P. 145 – 158.
2. Babintsev V.P. Financial mechanisms for the implementation of state youth policy. Sociology and Law. 2021. No. 3. P. 45 – 52.
3. Danilova I.S. Regional specifics of youth policy implementation in the constituent entities of the Russian Federation. Regionalology. 2023. No. 1. P. 78 – 94.
4. Zubok V.A. Youth in conditions of uncertainty: challenges of the 21st century. Sociological research. 2020. No. 11. P. 95 – 105.
5. Krivoruchenko V.K., Tarkhanova I.Yu. Coordination of youth policy in the system of public administration. Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and political science. 2023. No. 2. P. 123 – 135.
6. Lukova V.A. Regional models of youth policy: comparative analysis. Knowledge. Understanding. Skill. 2021. No. 4. P. 78 – 89.
7. Merkulov P.A. Institutional foundations of state youth policy in Russia. Power. 2022. No. 6. P. 67 – 74.
8. Rostovskaya T.K., Kaliev O.M. Modern trends in the development of youth policy in Russia. Social policy and social work. 2021. No. 2. P. 34 – 42.
9. Selivanova Z.K. Digitalization of youth policy: opportunities and limitations. Information society. 2022. No. 5. P. 56 – 63.
10. Chuprov V.I., Zubok V.A. Transformation of priorities of state youth policy. Sociological research. 2023. No. 7. P. 112 – 121.
11. Yakovleva I.P., Morozov A.V. Social partnership in the implementation of youth policy. Sociology of power. 2021. No. 3. P. 98 – 107.

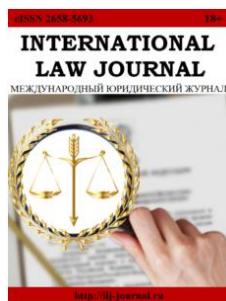
Информация об авторах

Гасанова Ш.А., старший преподаватель, Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений

Магомедова Р.И., старший преподаватель, Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений

Абакарова Б.Г., преподаватель 2 категории, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

© Гасанова Ш.А., Магомедова Р.И., Абакарова Б.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.231.2/7

Охрана окружающей среды и неотъемлемый суверенитет государств над природными ресурсами (на примере Восточноафриканского сообщества)

¹ Ндувимана Ж., ¹ Шайхутдинова Г.Р.,
¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: данная статья посвящена анализу принципа неотъемлемого суверенитета государств над природными ресурсами в контексте международного экологического права и устойчивого развития. Подчеркивается, что безопасная окружающая среда выступает необходимым условием реализации фундаментальных прав человека и достижения целей устойчивого развития. Принцип суверенитета рассматривается не как абсолютное право, а как право, связанное с конкретными обязательствами: соблюдением прав человека, международным сотрудничеством и уважением норм международного права. Особое внимание уделяется взаимосвязи данного принципа с проблемой изменения климата. Доказывается, что международно-правовые экологические механизмы не ограничивают неотъемлемый суверенитет, а предполагают инструменты для предотвращения нерациональной эксплуатации природных ресурсов. Подтверждается тезис Генеральной Ассамблеи ООН о том, что реализация принципа неотъемлемого суверенитета над естественными ресурсами критически важна для укрепления экономической независимости государств. Также анализируются современные вызовы, связанные с необходимостью гармонизации международных и национальных норм в сфере охраны окружающей среды. Особое внимание уделяется роли ООН и кодексов стран Восточноафриканского сообщества в формировании эффективных механизмов сотрудничества для предотвращения экологических конфликтов и достижения баланса между суверенитетом и глобальными интересами. В заключение обосновывается, что рассматриваемый принцип является ключевым элементом поддержания глобальной стабильности и международного мира.

Ключевые слова: суверенитет над природными ресурсами, благосостояние людей, охрана окружающей среды, устойчивое развитие, принцип сотрудничества, принцип предосторожности, принцип «загрязнитель платит»

Для цитирования: Ндувимана Ж., Шайхутдинова Г.Р. Охрана окружающей среды и неотъемлемый суверенитет государств над природными ресурсами (на примере Восточноафриканского сообщества) // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 100 – 106.

Поступила в редакцию: 13 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Environmental protection and the inalienable sovereignty of states over natural resources (the case of the East African Community)

¹ Nduvimana Zh., ¹ Shaikhutdinova G.R.,
¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this article analyzes the principle of permanent sovereignty of states over natural resources in the context of international environmental law and sustainable development. It is emphasized that a safe environment is a necessary condition for the implementation of fundamental human rights and the achievement of sustainable development goals. The principle of sovereignty is considered not as an absolute right, but as a right associated

with specific obligations: compliance with human rights, international cooperation and respect for international law. Particular attention is paid to the relationship of this principle with the problem of climate change. It is proved that international legal environmental mechanisms do not limit permanent sovereignty, but offer tools to prevent the irrational exploitation of natural resources. The thesis of the UN General Assembly that the implementation of the principle of permanent sovereignty over natural resources is critically important for strengthening the economic independence of states is confirmed. Modern challenges associated with the need to harmonize international and national standards in the field of environmental protection are also analyzed. Particular attention is paid to the role of the UN and the codes of the East African Community countries in the formation of effective mechanisms of cooperation to prevent environmental conflicts and achieve a balance between sovereignty and global interests. In conclusion, it is substantiated that the principle in question is a key element in maintaining global stability and international peace.

Keywords: sovereignty over natural resources, well-being of the people, environment protection, sustainable development, principle of cooperation, precautionary principle, polluter pays principle

For citation: Nduvimana Zh., Shaikhutdinova G.R. Environmental protection and the inalienable sovereignty of states over natural resources (the case of the East African Community). International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 100 – 106.

The article was submitted: May 13, 2025; Approved after reviewing: July 16, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Эксплуатация естественных ресурсов напрямую связана с принципом неотъемлемого суверенитета над такими ресурсами, утвержденным Организацией Объединенных Наций в 1952 году. Согласно этому принципу обладатель природных ресурсов может использовать, эксплуатировать и распоряжаться природными ресурсами и богатствами, находящимися на его территории [2, с. 3]. В африканских странах в целом и в восточноафриканском сообществе в частности природные ресурсы рассматривались как основной способ достижения целей экономического развития. Именно поэтому природные ресурсы лежат в основе процесса экономического роста стран Восточной Африки, а следовательно, и улучшения благосостояния их населения.

Однако эксплуатация этих природных ресурсов не происходит без нанесения ущерба окружающей среде и населению, которое напрямую зависит от них. Так, в силу все ухудшающегося состояния окружающей среды в результате эксплуатации природных ресурсов мы спрашиваем себя, можно ли совместить принцип неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами с защитой окружающей среды.

Цель исследования – выявление и анализ правовых проблем, связанных с нахождением, разработкой и использованием природных ресурсов, оценка рисков, связанных с их воздействием на окружающую среду, и предложение решений.

Задачи – анализ существующих международных, региональных и местных нормативно-правовых актов, выявление пробелов и существенных проблем в этой области и предложение практических путей их решения.

Гипотеза – пресловутое противоречие между принципом государственного суверенитета и обязательствами, вытекающими из международного экологического права, может быть разрешено, если усовершенствовать законодательство путем внесения изменений в действующие нормативно-правовые акты соответствующих стран.

Материалы и методы исследований

В качестве исследовательских материалов использовались международные документы, касающиеся охраны окружающей среды и изменения климата, резолюции о неотъемлемом суверенитете государств над их природными ресурсами, законодательные нормы, действующие в странах Восточноафриканского сообщества, прямо или косвенно затрагивающие охрану окружающей среды и эксплуатацию природных ресурсов, а также научные работы по изучаемым вопросам.

В исследовании использовались следующие общенаучные методы исследования: системный, формально-логический, анализ и синтез, метод сравнительного правоведения. Это позволило провести углубленный анализ регулирования мер по охране окружающей среды, направленных против чрезмерной эксплуатации природных ресурсов.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим принцип неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами. Данный принцип развивался через Резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций. К ним относятся Резолюция 523 от 12 января 1952 г., Резолюция 626 от 21 декабря 1952 г., Резолюция 1314 от 12 декабря 1958 г. и Резолюция 1803 от 14 декабря 1962 г.

Резолюция 523 о соглашениях о комплексном экономическом развитии и торговле является первым документом ООН, в котором рассматриваются суверенные права страны на свои ресурсы. В первой редакции Резолюции 523 говорится: «Принимая во внимание, что малоразвитые страны имеют право свободно определять способ использования своих естественных богатств и что они должны пользоваться ими так, чтобы иметь лучшую возможность выполнить свои планы экономического развития согласно своим национальным интересам и содействовать расширению мировой экономики».

При анализе этого положения становится очевидным, что данная Резолюция носит ограничительный характер, поскольку она касается только развивающихся стран. Однако она положила историческое начало принятию ряда других резолюций в рамках деятельности ООН.

Резолюция 523 побудила Уругвай предложить Резолюцию о праве на свободную эксплуатацию природных богатств и ресурсов, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 21 декабря 1952 года (Резолюция 626). В её тексте подтверждается необходимость привлечения неразвитых стран к надлежащему использованию своих природных богатств и в очередной раз упоминается, что право народов свободно использовать свои ресурсы неотъемлемо от их суверенитета и соответствует целям и принципам, закрепленным в Уставе ООН.

Для «проведения тщательного расследования ситуации с этим основополагающим правом народов и наций на самоопределение» пункт 1 Резолюции 1314, принятой 12 декабря 1958 года, учредил Комиссию по неотъемлемому суверенитету над естественными ресурсами, в состав которой вошли СССР, Афганистан, Гватемала, Нидерланды, Филиппины, Чили, Швеция, Объединенная Арабская Республика и США.

После четырех лет работы Комиссия предложила Генеральной Ассамблее ООН проект резолюции, впоследствии ставшей известной как Резолюция 1803 «О неотъемлемом суверенитете над природными ресурсами». Она была принята 14 декабря 1962 года подавляющим большинством в 87 голосов, что представляет собой «своего рода провозглашение принципа» [9, с. 143].

В первом абзаце Резолюции неотъемлемый суверенитет над природными ресурсами закрепляется как «фундаментальный элемент права народов на самоопределение». В первой редакции Резолюции говорится, что международное сотрудничество в экономической области «должно основываться на признании неотъемлемого права каждого государства свободно распоряжаться своими богатствами и природными ресурсами в соответствии со своими национальными интересами и с уважением экономической независимости каждого государства». Этот документ обозначил право на суверенитет над природными ресурсами как неотъемлемое право, которого следует придерживаться в международных экономических отношениях.

Как утверждает Джордж Фишер, хотя резолюции Генеральной Ассамблеи ООН носят рекомендательный характер, их влияние на национальное законодательство и судебную практику очевидно, и Резолюция 1803 стала своего рода символическим провозглашением суверенитета над ресурсами [10, с. 518].

Перейдем к влиянию международного экологического права на эксплуатацию природных ресурсов. Защита окружающей среды – одна из областей, где применение принципа суверенитета над природными ресурсами действительно заметно. Принцип 21 Стокгольмской декларации гласит: «В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства имеют суверенное право эксплуатировать свои собственные ресурсы в соответствии со своей экологической политикой». Принцип 2 Рио-де-Жанейрской декларации вторит данной формулировке. В Рамочной конвенции ООН об изменении климата также подтверждаются суверенные права государств на свои природные ресурсы.

В 1962 году, до того, как сохранение окружающей среды стало восприниматься как важная проблема, Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию «Экономическое развитие и охрана природы» [5]. Она демонстрирует осознание того, в какой степени экономический рост развивающихся стран может поставить под угрозу состояние их природных ресурсов, включая их флору и фауну, и впервые формулирует мысль, согласно которой природные ресурсы не должны растратчиваться впустую. В Резолюции одобряется инициатива ЮНЕСКО по вынесению рекомендаций относительно внедрения эффективного внутреннего законодательства, направленного на сохранение и рациональное использование природных ресурсов.

В Стокгольмской декларации 1972 г. об окружающей человеком среде указывается, что для сохранения природных ресурсов Земли на благо нынешнего и будущих поколений необходимы тщательное планирование и рациональное использование: «Защита и улучшение окружающей человека среды – важнейший во-

прос, влияющий на благосостояние народов и экономическое развитие во всем мире; это настоятельное желание народов всего мира и обязанность всех правительств» [4].

В общих чертах, Принцип 2 направлен на сохранение природных ресурсов в интересах нынешнего и будущих поколений посредством тщательного регулирования. Принцип 13 рекомендует государствам применять комплексный и скоординированный подход к планированию своего развития с целью обеспечить его соответствие необходимости защиты и улучшения окружающей человека среды на благо их народов.

В Резолюции 36/6 и Резолюции 37/7 говорится об обязательстве государств-членов осуществлять свою деятельность с учетом признания первостепенной важности защиты природных систем. В Резолюции 37/7 сказано: «Человек может изменять природу и истощать природные ресурсы своими действиями или последствиями и, следовательно, должен полностью признать настоятельную необходимость поддержания стабильности и качества природы и сохранения природных ресурсов». Следовательно, она включает в себя принципы, которые гласят, что природные ресурсы должны «не растративаться впустую, а использоваться в умеренных количествах» [8].

Несмотря на то что в некоторых резолюциях подтверждается неотъемлемый суверенитет государств, в них же указывается, что последствия нерациональной и расточительной эксплуатации природных ресурсов на окружающую среду может представлять угрозу осуществлению неотъемлемого суверенитета другими странами (в особенности развивающимися странами) [6]. Декларация об установлении нового международного экономического порядка (1974 г.) и последующая Резолюция 3326 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН подчеркнули данную проблему.

Более того, важным аспектом является подтверждение защиты окружающей среды в кодексах о полезных ископаемых стран Восточноафриканского сообщества. Со временем ряд международных конвенций в области окружающей среды и развития повлияли на осуществление государствами их неотъемлемого суверенитета над своими природными ресурсами. Например, статья 30 главы III Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации гласит: «Защита, сохранение и приумножение окружающей среды для нынешнего и будущих поколений является обязанностью всех государств. Все государства стремятся разработать свою собственную политику в области охраны окружающей среды и развития в соответствии с такой ответственностью. Экологическая политика всех государств должна укреплять нынешний и будущий потенциал развивающихся стран в области развития, а не оказывать негативное воздействия на него» [7].

Именно в этом контексте государства-члены Восточноафриканского сообщества пересмотрели свои экологические и горнодобывающие кодексы, чтобы соответствовать международным и региональным обязательствам, гарантирующим защиту окружающей среды при разведке, разработке и эксплуатации природных ресурсов. Для достижения этой цели для заинтересованных сторон горнодобывающего сектора разработаны системы оценки и контроля, планы реабилитации рудников, проекты экологического развития и исследования воздействия на окружающую среду, при этом каждое звено в этой цепочке несет самостоятельную ответственность.

Например, в Демократической Республике Конго любой претендент на получение лицензии на эксплуатацию, разрешения на эксплуатацию сброса, разрешения на эксплуатацию небольших шахт или разрешения на эксплуатацию карьеров должен представить исследование воздействия данной деятельности на окружающую среду и социальную сферу (EIS), сопровождаемое планом управления экологическим проектом (EPMP) [11, с. 204].

Горнорудный кодекс Бурунди 2023 года также требует проведения исследований воздействия на окружающую среду (EIS) перед выдачей разрешений на добычу полезных ископаемых. Это направлено на принятие мер по смягчению возможных последствий. Что касается ответственности лиц, то горнодобывающие компании обязаны придерживаться строгих экологических стандартов и внедрять планы экологического менеджмента. Это включает в себя восстановление участков добычи полезных ископаемых после эксплуатации, при этом принимаются во внимание проблемы пострадавшего населения [13, с. 192].

Закон Танзании «О добыче полезных ископаемых» в редакции 2019 года устанавливает экологические принципы и обязательства в этой области. В пункте 1 статьи 107 Закона указывается, что владелец разрешения и любое другое лицо, которое выполняет какие-либо законные обязанности, касающиеся добычи полезных ископаемых, должен соблюдать экологические принципы и меры защиты, предписанные Законом «Об охране окружающей среды» и другими соответствующими законами. Владелец лицензии и подрядчик должны обеспечить такую ситуацию, в которой управление производством, транспортировкой, хранением, обработкой и удалением отходов, образующихся в результате добычи полезных ископаемых, осуществлялось бы в соответствии с экологическими принципами и гарантиями, предписанными Законом [14]. Дан-

ный Закон также поддерживается Законом «Об управлении окружающей средой» 2004 года (EMA 2004) и различными нормативными актами по управлению окружающей средой.

Защита окружающей среды стала еще более актуальной проблемой в связи с развитием международного экологического права и изменением климата [1]. Права и интересы коренных народов, обязанность сотрудничать в области международного развития, уважение международного права и справедливое обращение с иностранными инвесторами [3] также упоминаются в нескольких международных нормах.

Некоторые принципы международного сотрудничества были инкорпорированы в национальные законодательства африканских стран. В Демократической Республике Конго владелец прав на добычу полезных ископаемых связан принципом предосторожности. В процессе получения и продления права на добычу полезных ископаемых заявитель (или обладатель) такого права должен исследовать экологические и социальные последствия. Эта ситуация также связана с принципом устойчивого развития.

Экологический кодекс Бурунди 2021 года добавил и детализировал статьи о предотвращении рисков бедствий и управлении ими, статьи о подотчетности, закрепил принцип «загрязнитель платит». В статье 201 демонстрируется международное интегрирование: Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол и Парижское соглашение, принятые по итогам 21-й Конференции Сторон (КС21). В статье 202 говорится о предотвращении риска бедствий и управлении им в Бурунди.

Нерациональная эксплуатация природных ресурсов приводит к ухудшению условий жизни людей и скавывается на их здоровье. Это возлагает на государства обязанность использовать свои природные ресурсы в строгом соответствии с принципом благополучия людей. Участие местных сообществ повышает осведомленность об экологических проблемах и поощряет практику устойчивого управления ресурсами [12]. Кодекс также может способствовать наращиванию потенциала государственных учреждений и организаций гражданского общества в области мониторинга и регулирования горнодобывающей деятельности, что важно для обеспечения охраны окружающей среды. Кроме того, национальные органы, например NEMC в Танзании, и принцип «загрязнитель платит», вступивший в экологические кодексы стран Восточной и Центральной Африки, являются практическими следствиями развития норм для защиты общества и ресурсов.

Выводы

Принцип суверенитета над природными ресурсами, родившийся в результате дискуссий в ООН в 1960-х годах, стал важнейшим принципом после его подтверждения в ряде международных и региональных правовых документов. Этот принцип, зародившийся в разгар обретения политической независимости колонизированными государствами и экономической независимости развивающимися странами, стал мощным фундаментом, на котором строились международные экономические отношения.

Хотя неотъемлемый суверенитет над природными ресурсами имеет большое значение для экономического развития государства, он должен осуществляться параллельно с соблюдением прав человека и в интересах населения, а также в рамках принципов международного сотрудничества и соблюдения обязательств, вытекающих из международного права, в частности, в области защиты окружающей среды. Таким образом, представляется очевидным, что принцип суверенитета над природными ресурсами неотделим от защиты окружающей среды, особенно если принимать во внимание экономическую политику стран Восточноафриканского сообщества, а также их направленность на широкомасштабную эксплуатацию природных ресурсов, представляющую многочисленные риски для населения и окружающей среды.

Список источников

1. Алексанян С.Р. Принцип равноправия и самоопределения народов в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 228 с.
2. Боголюбов С.А. Суверенитет России на ее природные ресурсы // Государство и право. 2007. № 9. С. 5–13.
3. Данельян А.А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. ... д-ра юрид. наук. 24 июня 2016 г. 367 с.
4. Декларация Конференции Организации Объединённых Наций по окружающей среде. Стокгольм, 1972. URL: <https://www.un.org/en/conferences/environment/Stockholm> (дата обращения: 12.04.2025)
5. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Резолюция 1831 (XVII) «Экономическое развитие и сохранение природы», 1962 г. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/204288?v=pdf> (дата обращения: 05.04.2025)

6. Организация Объединённых Наций. Генеральная Ассамблея. Резолюция 3129 (XXVIII) «Сотрудничество в области окружающей среды в отношении природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами» // Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблей на её двадцать восьмой сессии, 18 сентября – 18 декабря 1973 г. Нью-Йорк, 1974. С. 49 – 51.

7. Организация Объединённых Наций. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г.). Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 02.04.2025)

8. Резолюция 37/7 «Всемирная хартия природы». Нью-Йорк: ООН, 1983. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/84366?ln=ru> (дата обращения: 05.04.2025)

9. Розенберг Д. Принцип суверенитета государств над их природными ресурсами. Париж, 1983. С. 1002-1004. URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032342x_1983_num_48_4_5720_t1_1002_0000_3 (дата обращения: 02.04.2025)

10. Фишер Ж. Суверенитет над природными ресурсами // Annuaire français de droit international. 1962. С. 516 – 528.

11. Loi № 007/2002 du 11 juillet 2002 portant Code minier, telle que modifiée et complétée par la Loi № 18/001 du 09 mars 2018 // Journal officiel de la République Démocratique du Congo. Kinshasa, 2002, 2018. 60 c.

12. Loi № 1/010 du 30 juin 2000 portant Code de l'Environnement de la République du Burundi // Journal Officiel de la République du Burundi. Bujumbura, 2000. 45 c.

13. Loi № 1/19 du 04 août 2023 portant modification de la loi № 1/21 du 15 octobre 2013 portant Code minier du Burundi // Journal Officiel de la République du Burundi. Bujumbura, 2023. 58 c.

14. The Mining Act of the United Republic of Tanzania. United Republic of Tanzania, 2019. 130 c.

References

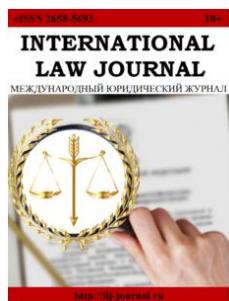
1. Aleksanyan S.R. The principle of equality and self-determination of peoples in modern international law: dis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2018. 228 p.
2. Bogolyubov S.A. Russia's sovereignty over its natural resources. State and Law. 2007. No. 9. P. 5 – 13.
3. Danelyan A.A. International legal regime of foreign investments: dis. ... Doctor of Law. June 24, 2016. 367 p.
4. Declaration of the United Nations Conference on the Environment. Stockholm, 1972. URL: <https://www.un.org/en/conferences/environment/Stockholm> (date of access: 12.04.2025)
5. United Nations. General Assembly. Resolution 1831 (XVII) "Economic Development and Conservation of Nature", 1962. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/204288?v=pdf> (date of access: 05.04.2025)
6. United Nations. General Assembly. Resolution 3129 (XXVIII) "Environmental cooperation with respect to natural resources shared by two or more States". Resolutions and decisions adopted by the General Assembly at its twenty-eighth session, 18 September – 18 December 1973. New York, 1974. P. 49 – 51.
7. United Nations. UN Conference on Environment and Development (Rio de Janeiro, 3-14 June 1992). Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development. Rio de Janeiro, 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (date of access: 02.04.2025)
8. Resolution 37/7 "World Charter for Nature". New York: UN, 1983. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/84366?ln=ru> (date of access: 05.04.2025)
9. Rosenberg D. The principle of sovereignty of states over their natural resources. Paris, 1983. P. 1002-1004. URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032342x_1983_num_48_4_5720_t1_1002_0000_3 (date of access: 04/02/2025)
10. Fischer J. Sovereignty over natural resources. Annuaire français de droit international. 1962. P. 516 – 528.
11. Loi No. 007/2002 du 11 juillet 2002 portant Code minier, telle que modifiée et complétée par la Loi No. 18/001 du 09 Mars 2018. Journal officiel de la République Démocratique du Congo. Kinshasa, 2002, 2018. 60 p.
12. Loi No. 1/010 du 30 juin 2000 portant Code de l'Environnement de la République du Burundi. Journal Officiel de la République du Burundi. Bujumbura, 2000. 45 p.
13. Loi No. 1/19 du 04 August 2023 portant modification de la loi No. 1/21 du 15 October 2013 portant Code minier du Burundi. Journal Officiel de la République du Burundi. Bujumbura, 2023. 58 p.
14. The Mining Act of the United Republic of Tanzania. United Republic of Tanzania, 2019. 130 p.

Информация об авторах

Ндуманана Ж., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Шайхутдинова Г.Р., доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Ндуманана Ж., Шайхутдинова Г.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 349.2

История становления и развития источников трудового права Российской Федерации

¹ Ашитко Н.Е., ¹ Симаков Е.В., ¹ Хамидуллина В.Р., ¹ Волошина Т.В.,
¹ Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: данная статья посвящена анализу истории формирования и развития источников трудового права Российской Федерации. В работе рассматриваются этапы становления трудового законодательства, основные нормативные акты, а также особенности их эволюции в контексте социально-экономических изменений страны. Особое внимание уделяется роли федеральных законов, подзаконных актов и международных договоров в формировании современного трудового правового поля России. Статья позволяет проследить динамику развития источников трудового права и определить их значение для регулирования трудовых отношений в современной России.

Ключевые слова: история трудового права, источники трудового права, развитие трудового законодательства, Российской Федерации, нормативные акты, трудовые отношения, правовая эволюция.

Для цитирования: Ашитко Н.Е., Симаков Е.В., Хамидуллина В.Р., Волошина Т.В. История становления и развития источников трудового права Российской Федерации // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 107 – 114.

Поступила в редакцию: 14 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

History of formation and development of sources of labor law of the Russian Federation

¹ Ashitko N.E., ¹ Simakov E.V., ¹ Khamidullina V.R., ¹ Voloshina T.V.,
¹ Far Eastern Federal University

Abstract: this article is devoted to the analysis of the history of the formation and development of sources of labor law in the Russian Federation. The work examines the stages of the formation of labor legislation, the main regulations, as well as the features of their evolution in the context of socio-economic changes in the country. Particular attention is paid to the role of federal laws, by-laws and international treaties in the formation of the modern labor legal field of Russia. The article allows us to trace the dynamics of the development of sources of labor law and determine their importance for regulating labor relations in modern Russia.

Keywords: history of labor law, sources of labor law, development of labor legislation, Russian Federation, regulations, labor relations, legal evolution

For citation: Ashitko N.E., Simakov E.V., Khamidullina V.R., Voloshina T.V. History of formation and development of sources of labor law of the Russian Federation. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 107 – 114.

The article was submitted: May 14, 2025; Approved after reviewing: July 17, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Актуальность исследования истории источников трудового права России обусловлена необходимостью понимания их эволюции в контексте социально-экономических и политических изменений. Несмотря на отсутствие законодательного определения понятия «источник права», его доктринальное осмысление остается ключевым для анализа системы трудовых норм. Дискуссии о роли судебной практики, юридической доктрины и времени формирования отрасли требуют комплексного изучения, что позволит совершенствовать законодательство в современных условиях.

Материалы и методы исследований

Основными методами исследования выступили системный анализ, сравнительно-правовой подход и формально-юридический метод, что позволило выявить закономерности развития источников трудового права. Особое внимание уделено анализу доктринальных позиций ведущих исследователей по дискуссионным вопросам отрасли.

В исследовании использованы законодательные акты, регулирующие трудовые отношения, а также монографии и статьи российских правоведов.

Результаты и обсуждения

Первостепенное значение в рамках данного исследования имеет корректное определение понятия источника права. Несмотря на его фундаментальную роль в правовой науке, легальное (закреплённое в нормативных актах) определение данного термина отсутствует во всех отраслях российской правовой системы. Таким образом, источник права относится к категории доктринальных понятий, содержание которого варьируется в зависимости от методологических подходов различных правовых школ.

Под источником права традиционно понимают форму выражения и закрепления правовых норм, придающую им обязательную силу. В юридической науке это понятие рассматривается в нескольких аспектах, а именно это в материальном (социальные условия, порождающие право) и в формальном (нормативные акты, обычаи и др.). Некоторые авторы, такие как Г.Ф. Шершеневич [1], отождествляют источник права с внешней формой его выражения, подчеркивая, что именно через неё право становится общеобязательным. Другие, например, С.С. Алексеев, включают в это понятие и процессы правообразования, акцентируя динамику возникновения норм [2].

В современной российской юридической науке сохраняется ряд дискуссионных вопросов, касающихся природы и системы источников права, приобретающих особую актуальность в условиях трансформации правопорядка. Одним из наиболее спорных аспектов является проблема правовой природы судебного precedента и его места в системе источников права Российской Федерации. Ряд исследователей признают за судебной практикой, особенно за решениями высших судов, нормативно-регулятивный потенциал, сближающий её с прецедентным правом [3]. В то же время сторонники формально-юридического подхода отрицают прецедент в качестве самостоятельного источника, ссылаясь на верховенство закона в российской правовой системе [4].

Не менее спорным остается вопрос о признании юридической доктрины в качестве источника права. Часть ученых указывают на её опосредованное влияние через толкование норм и формирование правовой политики, допуская квази-источниковый статус [5]. Другие авторы подчеркивают, что в условиях российской правовой традиции доктрина выполняет лишь вспомогательную функцию и не обладает формальной обязательностью [6]. Однако в контексте развития международного и сравнительного права отмечается тенденция к усилению роли научных концепций в судебной аргументации, что актуализирует дискуссию о возможной трансформации её статуса [7].

Трудовое право, как отрасль права регулирует общественные отношения, возникающие в процессе трудовой деятельности, и основывается на системе формально-определеных нормативных актов, обычаев, судебных прецедентов и международных договоров. Источники трудового права представляют собой внешние формы выражения и закрепления правовых норм, обладающих обязательной силой и регулирующих отношения между работниками, работодателями, государством и иными субъектами трудовых правоотношений.

Источник права – это официально признанная форма объективации правовых норм, посредством которой государство придаёт им обязательный характер. В трудовом праве к источникам относятся законы, подзаконные акты, коллективные договоры, международные трудовые стандарты, а также правовые обычаи и судебная практика (в тех правовых системах, где она признаётся источником права). Таким образом, источники трудового права представляют собой совокупность нормативных и индивидуально-правовых актов, обеспечивающих регулирование трудовых отношений в соответствии с принципами справедливости, равенства и защиты интересов сторон.

Несмотря на устоявшуюся в отечественной доктрине точку зрения, согласно которой Л.С. Таль рассматривается в качестве основоположника трудового права, его научные изыскания, посвящённые обоснованию автономии трудового договора в рамках цивилистической парадигмы, носили скорее теоретико-методологический характер [8]. Хотя его работы, безусловно, оказали существенное влияние на последующую дифференциацию трудовых отношений из системы гражданско-правовых обязательств, вопрос о формировании самостоятельной системы источников трудового права на данном историческом этапе не может быть разрешён однозначно.

Становление источников трудового права как обособленного нормативного массива детерминировано более поздними социально-экономическими и политическими процессами, включая институционализацию трудовых отношений, законодательное закрепление специальных гарантий для наёмных работников и создание специализированных органов разрешения трудовых споров. Таким образом, концептуальные построения Л.С. Талля, несмотря на их теоретическую значимость, следует рассматривать в качестве предпосылки, а не завершённого этапа формирования системы источников трудового права.

Кроме того, в современной российской науке трудового права существует дискуссия относительно времени его формирования как самостоятельной отрасли. Учёные разделились на два основных лагеря: одни считают, что трудовое право зародилось ещё в дореволюционной России, другие полагают, что оно возникло только в советский период.

Как отмечают К.А. Гусов [9] и Е.Б. Хохлов [10], зачатки трудового права можно проследить ещё в период Российской империи. В подтверждение своей точки зрения исследователи ссылаются на нормативные акты XIX – начала XX веков, которые регламентировали взаимодействие между наёмными работниками и владельцами предприятий. Среди таких документов можно выделить «Положение о найме рабочих на фабрики и заводы» (1835 г.), а также «Закон о вознаграждении потерпевших от несчастных случаев на производстве» (1903 г.). Кроме того, они также акцентируют внимание на фабричное законодательство, включавшее нормы о рабочем времени, условиях труда и ответственности предпринимателей (например, «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности» (1886 г.)).

Следует отметить, что сторонником данного подхода являются М.В. Лушникова и А.В. Лушников, которые подчеркивают, что хотя трудовое право в этот период еще не было кодифицировано, его источники уже складывались в виде отдельных законов, подзаконных актов и сложившейся судебной практике, которая уже начала отделять данные источники, как источники трудового права [11].

Ряд исследователей, включая В.М. Лебедева, придерживаются позиции, согласно которой трудовое право сформировалось как самостоятельная отрасль лишь после 1917 года. В качестве обоснования данной точки зрения указывается, что в дореволюционный период трудовые отношения регулировались в рамках гражданского права, а именно через институт договора личного найма, закреплённый в Своде законов Российской империи [12].

Важным аргументом является отсутствие в царской России развитой системы трудовых гарантий, характерных для современного трудового права. Такие элементы, как минимальная заработка, социальное страхование работников или право на забастовки, получили законодательное закрепление лишь после установления советской власти. Первые кодифицированные акты в сфере труда – КЗоТ РСФСР 1918 и 1922 годов – стали отправной точкой для формирования новой правовой реальности.

Кроме того, подчёркивается, что ключевые институты трудового права, такие как профсоюзы и коллективные договоры, обрели реальное юридическое значение только в советский период. До Октябрьской революции они либо отсутствовали, либо носили декларативный характер.

Сторонники этой концепции, среди которых С.П. Маврин, делают вывод о том, что в дореволюционной России трудовое право существовало лишь в зачаточной форме. Его становление как полноценной отрасли права они связывают исключительно с социалистическими преобразованиями, коренным образом изменившими характер регулирования трудовых отношений [13].

Таким образом, вопрос о времени возникновения трудового права в России остаётся дискуссионным. Если одни исследователи видят его истоки в дореволюционном законодательстве, то другие связывают его формирование исключительно с советским периодом. Различие подходов обусловлено как трактовкой самого понятия «трудовое право», так и оценкой степени системности его источников в разные исторические эпохи.

С установлением Советской власти произошла кардинальная реформа системы регулирования трудовых отношений, характеризующаяся существенным усилением государственного вмешательства. Данные преобразования носили ярко выраженный идеологический характер и в значительной степени выполняли по-

литико-пропагандистскую функцию, что предопределило их декларативность на начальном этапе реализации [14].

В рамках новой правовой парадигмы были институционализированы принципиально иные подходы к регулированию трудовой сферы. Важнейшим достижением этого периода стало законодательное закрепление системы социальных гарантий, включающей:

- обеспечение безопасных условий трудовой деятельности;
- внедрение государственного социального страхования;
- установление нормативной продолжительности рабочего времени.

Фундаментальное значение имело принятие "Декрета Совета народных комиссаров о восьмичасовом рабочем дне" от 29 октября 1917 года, который не только регламентировал временные параметры трудовой деятельности, но и символизировал разрыв с прежней системой производственных отношений. Однако, реальное воплощение этих норм на практике столкнулось с существенными трудностями, обусловленными как объективными экономическими условиями, так и недостаточной разработанностью механизмов право-применения.

Анализ историко-правовых источников позволяет заключить, что раннее советское трудовое законодательство, при всех его новаторских характеристиках, носило во многом переходный характер, сочетая прогрессивные нормативные установления с недостаточной эффективностью их реализации. Этот парадокс отражал общую противоречивость процесса формирования новой правовой системы в условиях революционной трансформации общества.

Рассматриваемый нормативный акт содержал прогрессивные положения, направленные на специальную защиту трудовых прав социально уязвимых групп населения. Законодатель впервые на системной основе дифференцировал подход к регулированию условий труда женщин, несовершеннолетних и молодежи, что представляло собой существенный отход от прежней правовой парадигмы [15].

В рамках проведенной реформы были закреплены принципиально новые гарантии для работников. Центральное место заняло установление нормативной продолжительности рабочего времени - 8-часового рабочего дня при 48-часовой рабочей неделе. Особое внимание уделялось защите молодых работников: минимальный возраст приема на работу определялся в 14 лет, а для лиц моложе 18 лет устанавливался сокращенный 6-часовой рабочий день.

Значимым нововведением стало расширенное толкование рабочего времени, включавшего не только непосредственное выполнение трудовых обязанностей, но и время, необходимое для подготовки и завершения работы. В соответствии с принципами охраны здоровья, законодатель ввел строгие ограничения на привлечение к сверхурочным работам лиц моложе 18 лет и женщин, а также существенно ограничил возможность применения сверхурочных работ для взрослых работников. Особый защитный режим предусматривал полный запрет ночного труда для подростков до 16 лет и женщин.

Сфера действия декрета носила всеобщий характер, распространяясь на все предприятия и категории наемных работников. В качестве меры обеспечения соблюдения установленных норм предусматривалась уголовная ответственность в виде лишения свободы сроком до одного года. Такие санкции свидетельствовали о стремлении законодателя придать новым нормам императивный характер и обеспечить их безусловное исполнение.

В декабре 1918 года был принят Кодекс законов о труде РСФСР, ставший первым в истории России систематизированным актом трудового законодательства. Данный нормативный документ не только кодифицировал разрозненные декреты первых лет советской власти, но и заложил принципиально новые основы регулирования трудовых отношений.

Кодекс вводил ряд революционных для того времени положений. Центральное место занимал принцип всеобщей трудовой повинности, который, отражал специфику переходного периода. Особое внимание уделялось регулированию положения безработных – они обязаны были регистрироваться в органах Народного комиссариата труда, а отказ от предложенной работы квалифицировался как дисциплинарный проступок.

В рамках создания централизованной системы оплаты труда кодекс устанавливал:

- тарифную систему заработной платы по видам профессиональной деятельности;
- особый порядок оплаты сверхурочных работ как исключительной формы дополнительного заработка;
- гарантий социального характера, включая право на оплачиваемый отпуск и пособие по временной нетрудоспособности.

Важным нововведением стало обязательное ведение трудовых книжек, которые, выполняли не только учетную, но и контрольную функцию. Отсутствие такой книжки рассматривалось как серьезное нарушение трудовой дисциплины [16].

Последующее развитие советского трудового права ознаменовалось принятием в 1922 году нового Кодекса законов о труде, который существенно отличался от своего предшественника 1918 года. Данный нормативный акт отражал переход к новой экономической политике и закреплял принципиально иную концепцию трудовых отношений.

Основные новации КЗоТ 1922 года включали:

- Отказ от принудительного труда и введение договорной системы найма, что, означало возврат к рыночным принципам регулирования трудовых отношений. Кодекс закрепил добровольный характер трудовых правоотношений, что стало важным шагом в развитии трудового права.
- Развитие системы коллективно-договорного регулирования. Введение института коллективных договоров создало правовую основу для участия профсоюзов в установлении условий труда.
- Закрепление принципа двустороннего расторжения трудового договора, что существенно изменило баланс прав работников и работодателей по сравнению с предыдущим законодательством.
- Введение важных социальных гарантий, включая обязанность предприятий обеспечивать работников необходимыми инструментами и спецодеждой за свой счет.
- Расширение контрольных функций профсоюзов, которые получили право осуществлять надзор за соблюдением норм охраны труда, санитарных требований и своевременностью выплаты заработной платы.

Сфера действия нового кодекса распространялась на все предприятия независимо от формы собственности. Установление административной и уголовной ответственности за нарушения трудового законодательства подчеркивало его императивный характер и значимость в новой правовой системе.

КЗоТ 1922 года, по оценкам современных исследователей, стал важным этапом в формировании советской модели трудового права, сочетавшей элементы рыночного регулирования с сохраняющимся государственным контролем над трудовыми отношениями [17].

Период Великой Отечественной войны стал особым этапом в развитии отечественного трудового права, потребовавшим существенной корректировки существовавших правовых норм. Военные условия обусловили введение специального правового режима в сфере трудовых отношений, характеризовавшегося усилением административных методов регулирования.

Ключевые изменения в трудовом законодательстве военного периода включали в себя изменение режима рабочего времени. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года "О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время" допускалось введение обязательных сверхурочных работ продолжительностью:

- до 3 часов в день для взрослых работников;
- до 2 часов в день для лиц моложе 16 лет.

При этом сохранение повышенной оплаты за сверхурочные работы (в полуторном размере) свидетельствовало о стремлении законодателя хотя бы частично компенсировать возросшую трудовую нагрузку.

Во времена Великой Отечественной Войны действовала временная отмена ежегодных оплачиваемых отпусков с заменой их денежной компенсацией. Данная мера была вынужденной и отражала необходимость максимальной мобилизации трудовых ресурсов для нужд обороны [18].

Характерно, что, все эти временные меры носили строго ограниченный срок действия и были отменены вскоре после окончания войны, что подтверждает их исключительный, чрезвычайный характер. Восстановление прежних трудовых гарантий в послевоенный период, как подчеркивают современные правоведы, демонстрировало приверженность советского государства принципам социальной защиты трудящихся в мирных условиях.

После окончания Великой Отечественной войны система трудового права сохраняла стабильность в течение длительного периода. Существенные изменения произошли лишь в 1970 году с принятием Основ законодательства СССР и союзных республик о труде – первого всесоюзного кодифицированного акта, систематизировавшего нормы, регулирующие трудовые отношения рабочих и служащих.

Дальнейшее развитие трудового законодательства связано с введением в действие в 1971 году нового Кодекса законов о труде (КЗоТ), который:

- установил гарантированный минимальный размер оплаты труда;
- закрепил централизованную систему регулирования заработной платы;
- унифицировал нормы трудового права на всей территории СССР.

Значительная трансформация трудового законодательства началась во второй половине 1980-х годов в связи с изменением экономического курса страны. Принятые в этот период нормативные акты закрепили принцип свободы труда, включая право граждан самостоятельно распоряжаться своими профессиональными способностями, что означало отход от прежней административно-командной модели регулирования трудовых отношений [19].

Сформировавшаяся после распада СССР правовая система потребовала кардинального обновления трудового законодательства. Результатом этой работы стало введение с 1 февраля 2002 года нового Трудового кодекса Российской Федерации, ознаменовавшего качественно новый этап в регулировании трудовых отношений.

Трудовой Кодекс РФ 2001 года сохранил преемственность с советской правовой традицией, одновременно интегрировав международные стандарты труда, закрепленные в конвенциях Международной организации труда. Кодекс зафиксировал фундаментальные принципы:

- свобода трудовой деятельности;
- запрет дискриминации и принудительного труда;
- гарантия справедливых условий труда.

Значительные изменения коснулись системы оплаты труда:

- отменена прежняя тарифная система;
- расширено понятие заработной платы;
- введен комплекс дополнительных выплат и компенсаций.

Принятие Трудового кодекса 2001 года стало ответом на трансформацию экономических и социальных отношений в постсоветской России, создав правовую основу для регулирования трудовых отношений в новых исторических условиях [20].

Выводы

Проведенный историко-правовой анализ позволяет констатировать, что формирование трудового права как самостоятельной отрасли представляет собой длительный и многогранный процесс. Динамика его развития отражает трансформацию социально-экономических отношений на различных этапах государственного строительства. Современное трудовое законодательство продолжает развиваться, отражая новые вызовы цифровой экономики и глобализации трудовых отношений.

Список источников

1. Карапович М.К., Працко Г.С. Исследование права и особенности правопонимания Г. Ф. Шершеневича // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 108 – 111.
2. Сулейманов Б.Б. Учение С.С. Алексеева о правовых системах // Вестник КГУ. 2019. № 3. С. 206 – 210.
3. Зорькин: мы определяем судьбу закона, затрагивая интересы тысяч истцов и ответчиков // Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/zorkin-my-opredelyaem-sudbu-zakona-zatragivaya-interesy-tysyach-istsov-i-otvetchikov/> (дата обращения: 10.04.2025)
4. Савинкин М.С. Правовой прецедент как источник права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11-3 (98). С. 137 – 140.
5. Мхитарян Л.Ю., Мхитарян А.С. Роль доктрины в системе источников права России // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 6 (144). С. 90.
6. Дойников И.В. О научной школе профессора А. М. Васильева и материалистической концепции права в современных условиях // Образование и право. 2024. № 4. С. 550 – 553.
7. Зарубина Е.В. и др. И.А. Ильин об основах российской государственности // Образование и право. 2024. № 9. С. 29 – 34.
8. Цесарский Ф.А. Учение Л.С. Таля о трудовом договоре как основе развития современных теорий трудового права // Проблемы законности. 2011. № 115. С. 66 – 74.
9. Лушников А.М., Лушникова М.В. К.А. Гусов // Lex Russica. 2015. № 7. С. 117 – 124.
10. Трудовое право России. Общая часть: учебник для вузов / под ред. Е.Б. Хохлова, В.А. Сафонова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 233 с.
11. Лушникова М.В., Лушников А.В. Очерки трудового права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2022. 900 с.
12. Лебедев В.М. Некоторые проблемы развития трудового права России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 158 – 166.

13. Маврин С.П., Гребенщиков А.В. Источники трудового права // Трудовое право России / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. 2002. С. 183.
14. Кирпишникова В.С. История развития трудового права в России // Всероссийский юридический форум: сб. ст. II Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 133 – 138.
15. Лушников А.М. «Женский вопрос» и отечественное трудовое право: историко-правовой очерк // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 182 – 189.
16. Рощин Б.Е. Советская трудовая книжка в эпоху военного коммунизма: юридический аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20. № 5. С. 192 – 196.
17. Андашев У.Т. Правовое регулирование рабочего времени в Кыргызстане в годы установления советской власти (1917-1924 гг.) // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 6. С. 529 – 534.
18. Нахибашев З.М., Рамазанова Б.Ш., Луганова С.Г. Патриотический подъем трудящихся Дагестана в период Великой Отечественной войны // Образование и право. 2024. № 5. С. 637 – 641.
19. Процесский В.А., Моисеенко М.А. Проблемы правового регулирования деятельности профсоюзных организаций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 3. С. 131 – 139.
20. Азюкова А.М., Гальчуткина М.Н. Трудовое право России: история и современность // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 8 (77). С. 47 – 51.

References

1. Karanovich M.K., Pratsko G.S. Study of law and features of legal understanding of G.F. Shershenevich. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. No. 8. P. 108 – 111.
2. Suleimanov B.B. Teachings of S.S. Alekseev on legal systems. Bulletin of KSU. 2019. No. 3. P. 206 – 210.
3. Zorkin: we determine the fate of the law, affecting the interests of thousands of plaintiffs and defendants. Association of Lawyers of Russia. URL: <https://alrf.ru/news/zorkin-my-opredelyaem-sudbu-zakona-zatragivaya-interesy-tysyach-isttsov-i-otvetchikov/> (date of access: 10.04.2025)
4. Savinkin M.S. Legal precedent as a source of law. International journal of humanitarian and natural sciences. 2024. No. 11-3 (98). P. 137 – 140.
5. Mkhitaryan L.Yu., Mkhitaryan A.S. The role of doctrine in the system of sources of law of Russia. International research journal. 2024. No. 6 (144). P. 90.
6. Doynikov I.V. On the scientific school of professor A.M. Vasiliev and the materialistic concept of law in modern conditions. Education and law. 2024. No. 4. P. 550 – 553.
7. Zarubina E.V. et al. I.A. Ilyin on the foundations of Russian statehood. Education and law. 2024. No. 9. P. 29 – 34.
8. Tsesarsky F.A. The teachings of L. S. Talya on the employment contract as the basis for the development of modern theories of labor law. Problems of legality. 2011. No. 115. P. 66 – 74.
9. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. K.A. Gusov. Lex Russica. 2015. No. 7. P. 117 – 124.
10. Labor law of Russia. General part: textbook for universities. edited by E. B. Khoklov, V. A. Safonov. 9th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2025. 233 p.
11. Lushnikova M.V., Lushnikov A.V. Essays on labor law. St. Petersburg: Legal Center Press, 2022. 900 p.
12. Lebedev V.M. Some Problems of Development of Labor Law in Russia. Bulletin of Tomsk State University. 2014. No. 384. P. 158 – 166.
13. Mavrin S.P., Grebenschchikov A.V. Sources of Labor Law. Labor Law of Russia. edited by S.P. Mavrin, E.B. Khokhlova. 2002. P. 183.
14. Kirpishnikova V.S. History of Development of Labor Law in Russia. All-Russian Legal Forum: collection of articles of the II All-Russian scientific and practical conference. Petrozavodsk, 2021. Pp. “Women's Issue” and Domestic Labor Law: Historical and Legal Essay. Actual Problems of Russian Law. 2015. No. 3. P. 182 – 189.
16. Roshchin B.E. Soviet work record book in the era of war communism: legal aspect. Bulletin of Kostroma State University. 2014. Vol. 20. No. 5. P. 192 – 196.
17. Andashev U.T. Legal regulation of working hours in Kyrgyzstan during the establishment of Soviet power (1917-1924). Bulletin of Science and Practice. 2024. Vol. 10. No. 6. P. 529 – 534.
18. Nakhibashev Z.M., Ramazanova B.Sh., Luganova S.G. Patriotic upsurge of workers of Dagestan during the Great Patriotic War. Education and Law. 2024. No. 5. P. 637 – 641.

19. Protsevsky V.A., Moiseenko M.A. Problems of legal regulation of trade union organizations. Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2024. Vol. 26. No. 3. P. 131 – 139.

20. Azyukova A. M., Galchutkina M. N. Labor law of Russia: history and modernity. Bulletin of science. 2024. Vol. 2. No. 8 (77). P. 47 – 51.

Информация об авторах

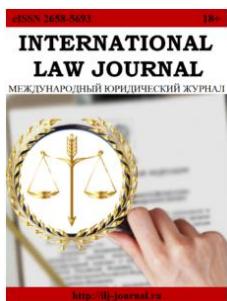
Ашитко Н.Е., Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

Симаков Е.В., Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

Хамидуллина В.Р., Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

Волошина Т.В., Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

© Ашитко Н.Е., Симаков Е.В., Хамидуллина В.Р., Волошина Т.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.102

Медицинские ошибки как повод для возбуждения уголовного дела

¹ Торопов П.И.,
¹ Удмуртский государственный университет

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию поводов для возбуждения уголовных дел связанных с медицинскими ошибками. Проанализирована их правовая природа, основные причины и факторы, приводящие к нарушению медицинских стандартов, способы выявления медицинских ошибок, их правовая оценка, квалификация и особенности доказывания по данной категории дел. Особое внимание уделено уголовно-правовым и уголовно-процессуальным аспектам при производстве по делам в связи с медицинскими ошибками. Работа основана на анализе российского и зарубежного законодательства, судебной практики и современных научных исследований.

Ключевые слова: врачебная ошибка, медицинское право, ответственность медицинских работников, уголовно – процессуальное доказывание, медицинские стандарты, уголовная ответственность, производство судебных экспертиз, ятрогения

Для цитирования: Торопов П.И. Медицинские ошибки как повод для возбуждения уголовного дела // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 115 – 122.

Поступила в редакцию: 6 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Medical errors as a reason for initiating a criminal case

¹ Toropov P.I.,
¹ Udmurt State University

Abstract: the article is devoted to a comprehensive study of the grounds for initiating criminal cases related to medical errors. Their legal nature, the main reasons and factors leading to the violation of medical standards, methods for identifying medical errors, their legal assessment, qualification and features of proof in this category of cases are analyzed. Particular attention is paid to criminal-legal and criminal-procedural aspects in the proceedings on cases related to medical errors. The work is based on the analysis of Russian and foreign legislation, judicial practice and modern scientific research.

Keywords: medical error, medical law, responsibility of medical workers, criminal-procedural proof, medical standards, criminal liability, forensic examinations, iatrogenesis

For citation: Toropov P.I. Medical errors as a reason for initiating a criminal case. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 115 – 122.

The article was submitted: August 6, 2025; Approved after reviewing: August 9, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

В последние годы в России наблюдается тревожная тенденция: растёт количество уголовных дел, возбуждаемых в отношении медицинских работников. Так, в 2023 году было возбуждено 2332 уголовных дела против врачей, что на 25% больше, чем в предыдущем году. Наибольшее число дел связано с обвинениями по статьям 109 (причинение смерти по неосторожности), 118 (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности) и 124 (неоказание помощи больному) УК РФ.

Особую обеспокоенность вызывает отсутствие чёткого юридического определения понятия «врачебная ошибка». В российском законодательстве данный термин не закреплён, что создаёт правовую неопределенность. На практике «врачебной ошибкой» называют неправильное действие или бездействие врача при исполнении профессиональных обязанностей, обусловленное добросовестным заблуждением и не содержащие состава преступления или признаков проступков. Однако отсутствие официального определения затрудняет разграничение между профессиональным риском и халатностью, между невольной ошибкой и грубой небрежностью.

Такая неопределенность порождает напряжение как в медицинском сообществе, так и среди пациентов. Медицинские работники опасаются уголовного преследования за действия, совершённые в условиях профессионального риска, что может привести к «оборонительной медицине» – практике назначения избыточных обследований и процедур с целью юридической защиты, а не клинической необходимости. С другой стороны, пациенты испытывают недоверие к системе здравоохранения, опасаясь, что ошибки врачей останутся безнаказанными.

Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью чёткого правового регулирования понятия «врачебная ошибка», установления критериев разграничения между различными формами ответственности медицинских работников и обеспечения баланса между защитой прав пациентов и правами медицинского персонала. Решение этих вопросов требует всестороннего анализа действующего законодательства, судебной практики и разработку предложений по реформированию правовой базы в сфере здравоохранения.

Цель работы – всесторонне проанализировать, на каких основаниях и в каком порядке возбуждаются уголовные дела против медицинских работников в связи с врачебными ошибками, оценить современную судебную практику и предложить пути её реформирования.

Материалы и методы исследований

Объект исследования – это общественные отношения, возникающие при уголовно-правовой оценке случаев ненадлежащего оказания медицинской помощи. Предмет исследования – основания и порядок возбуждения уголовных дел по фактам врачебных ошибок, а также проблемы, выявляющиеся в существующем законодательстве и правоприменительной практике.

В статье используются методы сравнительно-правового анализа, эмпирического исследования, историко-правового и системного подходов. Также применяются методы прогнозирования, основанные на изучении текущих тенденций судебной и следственной практики.

Научная новизна и практическая значимость заключается в комплексной оценке уголовно-правовых аспектов врачебных ошибок с учётом их медицинской специфики. Практическая значимость выражается в разработке рекомендаций для совершенствования законодательства и правоприменительной практики, а также в возможности использования результатов исследования в образовательных и экспертных целях.

Проблематика уголовной ответственности медицинских работников уже затрагивалась в научной литературе, однако многие вопросы остаются недостаточно проработанными. Особенно это касается критериев разграничения преступной халатности и профессионального риска, а также особенностей квалификации врачебных ошибок в уголовном процессе. Настоящее исследование направлено на восполнение этих пробелов.

Результаты и обсуждения

Обоснование необходимости системной кодификации «медицинских составов».

Современное состояние уголовного законодательства в сфере медицинской деятельности демонстрирует наличие многочисленных проблем, связанных с разрозненностью и пересечением норм. При анализе статей 109, 118, 122, 124 и 293 УК РФ очевидно, что регулирование ответственности медицинских работников осуществляется бессистемно, через общие нормы, предназначенные для регулирования широкого круга общественных отношений, а не специфики медицинской практики [27].

Отсутствие специализированного правового регулирования приводит к дублированию, конкуренции норм и к трудностям в правоприменительной практике. Следственные органы и суды вынуждены прибегать к расширительному толкованию существующих норм, что влечёт правовую неопределенность и сни-

жает качество уголовного преследования. В некоторых случаях это приводит к несправедливым приговорам в отношении медицинских работников, действовавших в условиях профессионального риска. Учитывая данные обстоятельства, в научной литературе всё чаще высказывается идея о необходимости системной кодификации так называемых "медицинских составов" преступлений. Под этим понимается выделение в уголовном законе отдельной главы или раздела, посвящённого преступлениям в сфере здравоохранения, с чётким определением состава преступления, особенностей субъекта, объективной и субъективной стороны деяния [21].

Системная кодификация медицинских составов позволила бы:

-Чётко разграничить случаи, когда действия врача должны квалифицироваться как преступные, а когда — как дисциплинарные проступки или гражданско-правовые деликты.

-Повысить качество предварительного расследования и судебного разбирательства, исключив случаи произвольной оценки медицинской деятельности.

-Установить дифференцированную ответственность в зависимости от тяжести последствий и степени вины медицинского работника.

-Учесть специфику медицинского риска и невозможность достижения абсолютной гарантии успешного исхода лечения.

В качестве модели может рассматриваться опыт отдельных зарубежных стран, где уголовная ответственность за медицинские ошибки регулируется в специальных разделах уголовных кодексов или через отдельные медицинские уголовные законы (например, в Германии и Франции) [35].

Таким образом, инициирование процесса системной кодификации "медицинских составов" представляется необходимым шагом для гармонизации уголовного законодательства в области здравоохранения, защиты как интересов пациентов, так и прав медицинских работников.

Юридическая природа врачебной ошибки. Границы между: ошибкой, халатностью, небрежностью, дефектом оказания помощи.

Вопрос разграничения понятий «врачебная ошибка», «халатность», «небрежность» и «дефект оказания медицинской помощи» представляет собой одну из ключевых проблем в правовом регулировании медицинской деятельности. Отсутствие четких юридических определений и критериев различия между этими понятиями затрудняет квалификацию действий медицинских работников и определение степени их ответственности.

Врачебная ошибка традиционно понимается как добросовестное заблуждение врача при выполнении профессиональных обязанностей, не связанное с небрежностью, халатностью или невежеством. Это может быть результатом объективных обстоятельств, таких как сложность клинического случая, недостаток информации или непредсказуемая реакция пациента на лечение. Врачебная ошибка, в отличие от халатности и небрежности, не предполагает злого умысла или грубого нарушения стандартов медицинской помощи [2].

Халатность характеризуется как несоблюдение установленных норм и правил, что может привести к ухудшению состояния пациента. Она включает в себя действия или бездействие, свидетельствующие о недобросовестном отношении к профессиональным обязанностям, и может повлечь за собой уголовную ответственность.

Небрежность определяется как недостаточное внимание к деталям или отсутствие должной осторожности, что также может стать причиной вреда. В отличие от халатности, небрежность может быть следствием недостатка опыта или знаний, однако при наличии вредных последствий для пациента также может повлечь юридическую ответственность [4].

Дефект оказания медицинской помощи подразумевает неправильные действия врача, обусловленные недобросовестным выполнением профессиональных обязанностей, при отсутствии прямого умысла причинения вреда пациенту. Это понятие близко к понятию врачебной ошибки, однако в отличие от последней, дефект медицинской помощи может быть результатом как объективных, так и субъективных причин, включая неудовлетворительную организацию деятельности медицинских учреждений [9].

Таким образом, разграничение между врачебной ошибкой, халатностью, небрежностью и дефектом оказания медицинской помощи основывается на анализе субъективной стороны деяния (наличие или отсутствие вины), объективных обстоятельств и соответствия действий медицинского работника установленным стандартам и нормам. Чёткое определение этих понятий и критериев их различия необходимо для обеспечения справедливого и обоснованного привлечения медицинских работников к ответственности.

Юридическая природа врачебной ошибки (*DisserCat*). Предложения по легализации дефиниций: «медицинский деликт», «релевантная ошибка».

Современная правовая практика в сфере медицинской деятельности сталкивается с необходимостью четкого разграничения понятий, описывающих различные аспекты профессиональной ответственности медицинских работников. В связи с этим предлагается легализация и четкое определение таких терминов, как «медицинский деликт» и «релевантная ошибка», что позволит унифицировать подходы к оценке действий медицинских специалистов и обеспечит более справедливое применение норм права.

Медицинский деликт представляет собой противоправное деяние медицинского работника, повлекшее причинение вреда пациенту. Это понятие охватывает случаи, когда действия или бездействие специалиста нарушают установленные нормы и стандарты медицинской помощи, независимо от наличия умысла. Таким образом, медицинский деликт может быть результатом как небрежности, так и недостаточной квалификации, при условии, что они привели к ущербу для пациента [23].

Релевантная ошибка – это добросовестное заблуждение медицинского работника, возникшее в процессе оказания медицинской помощи и повлекшее неблагоприятные последствия для пациента. Ключевым признаком релевантной ошибки является отсутствие вины в действиях специалиста, при условии, что он действовал в рамках своей компетенции и в соответствии с существующими медицинскими стандартами. Такая ошибка может быть обусловлена сложностью клинической ситуации, индивидуальными особенностями пациента или ограниченностью диагностических возможностей [10].

Легализация данных дефиниций позволит:

1. Унифицировать правоприменительную практику в отношении медицинских работников, обеспечив единообразие в оценке их действий.

2. Разграничить случаи, подлежащие уголовной ответственности, от тех, где действия специалиста следуют рассматривать как профессиональный риск.

3. Снизить уровень правовой неопределенности для медицинских работников, что способствует повышению качества медицинской помощи и укреплению доверия между врачами и пациентами.

Таким образом, внедрение четких юридических определений «медицинского деликта» и «релевантной ошибки» является необходимым шагом для совершенствования правового регулирования медицинской деятельности и обеспечения баланса между защитой прав пациентов и правовой защитой медицинских работников.

Проверка поводов к возбуждению уголовного дела в связи с медицинскими ошибками.

Проблема уголовно-правовой ответственности медицинских работников за ошибки в профессиональной деятельности продолжает вызывать острые научные и практические дискуссии. В последние годы актуальность данной темы существенно возросла ввиду увеличения числа обращений граждан с жалобами на некачественное медицинское обслуживание.[8] Важнейший этап в рассмотрении подобных заявлений – проверка поводов к возбуждению уголовного дела, в ходе которой закладываются методологические и процессуальные основы всего последующего расследования. Особое значение приобретает выработка адекватных критериев дифференциации случаев, связанных с медицинской ошибкой, и фактов, имеющих признаки преступления.

В случаях предполагаемой медицинской ошибки инициатором проверки, как правило, выступает пациент (либо его родственники), реже – коллеги по медицинскому учреждению, или надзорные органы [22]. Важно подчеркнуть, что сам термин «медицинская ошибка» не закреплён в действующем уголовном законодательстве, и ограничение ошибки от халатности, небрежности или умышленных действий осуществляется лицо, проводящее предварительную проверку [33].

Проблемы доказывания и критерии проверки медицинских ошибок.

Осуществляя проверку поводов, следователь или дознаватель сталкивается с необходимостью экспертного анализа обстоятельств причинения вреда здоровью или гибели пациента. Ключевая задача – установление наличия (или отсутствия) состава преступления в действиях медицинского работника. Юридическая доктрина и судебная практика выделяют основные критерии оценки действий медицинских работников:

- Соответствие оказания помощи установленным стандартам;
- Наличие причинно-следственной связи между действиями и наступившими последствиями;
- Степень вины (умысел, неосторожность, грубая небрежность);
- Возможность предотвращения вреда при должной осмотрительности [36].

Особую сложность вызывает необходимость разграничения небрежности (ст. 293 УК РФ) от обычных профессиональных рисков медицинской практики. Практика Верховного Суда РФ предусматривает обязательное привлечение к проверке специалистов-клиницистов по соответствующему профилю, а также проведение судебно-медицинской экспертизы [16].

Основания для возбуждения уголовного дела в виду медицинской ошибки: правовая природа и проблематика применения.

Медицинская ошибка представляет собой крайне сложное с юридической точки зрения явление, стоящее на стыке медицинского стада и уголовно-правовой политики. Вопросы, связанные с основаниями возбуждения уголовного дела в случае медицинской ошибки, традиционно вызывают в правоприменительной практике значительные сложности. Решение задачи баланса между интересами защиты пациента и недопущением чрезмерной криминализации врачебной деятельности требует четкой аргументации исходя из действующего законодательства, судебных позиций и сравнительного анализа зарубежных правовых систем.

Критерии юридической оценки медицинской ошибки.

Юридическая практика и научная доктрина сходятся в необходимости комплексной правовой оценки медицинских ошибок по нескольким направлениям:

1. Наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) медицинского работника и наступившими последствиями (вред здоровью, смерть пациента и т.п.).
2. Отклонение от установленных стандартов и протоколов оказания медицинской помощи – формулируется с учетом действующих приказов и клинических рекомендаций Минздрава РФ.
3. Форма вины – умысел или неосторожность (преимущественно простая или грубая небрежность, ст. 293 УК РФ, ч. 2 ст. 109, ст. 118 УК РФ).
4. Предотвратимость события при должной осмотрительности, то есть возможность и обязанность медицины извлечь риск и предотвратить результат [7].

Постановление Пленума Верховного суда РФ № 10 от 26.04.2022 особо подчеркивает обязанность судебно-медицинской экспертизы, без которой невозможно достоверно установить наличие состава преступления именно в виде медицинской ошибки. В ряде случаев основания возникают лишь после получения экспертного заключения, поясняющего, действительно ли имело место отклонение от стандарта, а главное – квалифицируется ли это как преступное деяние [16].

Проблема различия медицинской ошибки и преступления.

Далеко не любая медицинская ошибка образует основание для возбуждения уголовного дела. В большинстве ситуаций ошибка – объективно обусловленный профессиональный риск и не является преступлением, если отсутствует грубая неосторожность или умысел. Важнейшее основание – доказанность того, что действия медицинского работника выходили за рамки общепринятой медицинской практики, что привело к существенному вреду здоровью или смерти пациента [34].

В качестве иллюстрации – дела, рассмотренные судами РФ, где возбуждение дела признавалось обоснованным лишь при наличии фальсификации медицинской документации, отказа от диагностики при явных признаках патологии, использования заведомо устаревших методов лечения и т.п. [13].

Выводы

Проведённый сравнительно-правовой анализ классификаций медицинских ошибок свидетельствует о необходимости комплексного подхода к их определению, систематизации и учёту. Российской правовой системе стоит позаимствовать позитивный зарубежный опыт двухуровневой классификации ошибок, где ключевой акцент делается не на наказание, а на профилактику и снижение частоты инцидентов путём развития системы внутреннего мониторинга и формирования национального регистра ошибок. Целесообразно законодательно ввести понятие «медицинская ошибка» с разграничением на подвиды, опираясь как на клинико-экспертные критерии, так и на процессуальные нормы, что позволит повысить качество диагностики, лечения и обеспечить защиту прав пациентов без неоправданной криминализации медицины.

Таким образом, основания для возбуждения уголовного дела в связи с медицинской ошибкой должны оцениваться чрезвычайно строго и взвешенно, с обязательным учетом позиции экспертов и прозрачности процедур анализа. Подобный подход соответствует как международным стандартам, так и интересам справедливого баланса между защитой пациентов и необходимой защитой профессиональной автономии медицины.

В ходе проверки поводов к возбуждению уголовного дела в связи с медицинскими ошибками необходимо строгая дифференциация между уголовно-наказуемыми деяниями и ошибками, обусловленными сложностью медицинской практики. Применение системного экспертного подхода, развитие механизмов предварительной независимой оценки и внедрение зарубежного опыта позволяют минимизировать число ошибочных возбуждений дел, повысить доверие к правоприменителю и создать более справедливую систему ответственности в здравоохранении. Применение специальных знаний выступает краеугольным камнем объективного уголовного преследования и судопроизводства по делам о медицинских ошибках.

Считаю необходимым продолжать развивать институт экспертного фильтра на этапе проверки поводов к возбуждению уголовного дела. Следствием успешных зарубежных моделей может стать введение обязательного заключения специализированного экспертного совета при медицинских палатах либо страховых компаний до вынесения решения о возбуждении дела. Это обеспечит баланс между интересами пациентов и медицинских работников, создаст дополнительные гарантии против необоснованной криминализации медицины.

Международный и отечественный опыт свидетельствует о необходимости постоянного совершенствования процедур экспертизы, повышения уровня независимости экспертов, а также обеспечения равнодоступности специальных знаний для всех участников процедуры. Баланс между справедливостью, профессионализмом и правовой грамотностью – основа устойчивого развития системы медицинского права.

Список источников

1. Врачей освободили от уголовной ответственности по ст. 238 УК России // Известия. 18.12.2024. URL: <https://iz.ru/1809065/2024-12-18/vrachei-osvobodili-ot-ugolovnoi-otvetstvennosti-po-st-238-uk-rossii> (01.08.2025 г.)
2. Врачебная ошибка или халатность? / Новосибирская областная ассоциация врачей. URL: <https://www.noav.ru/?p=39773>(01.08.2025)
3. Врачебная ошибка: невежество или халатность? URL: <https://www.umj.com.ua>. (01.08.2025)
4. Врачебные ошибки: юридическая ответственность и сроки. URL: <https://www.orlaw.ru>. (Орленко и партнеры) (01.08.2025)
5. Всемирная организация здравоохранения. Доклад по безопасности пациентов, 2019 г. URL: <https://www.who.int/ru/campaigns/world-patient-safety-day/2019> (01.08.2025)
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.01.2025).
7. Гладышев Д.В. Критерии возбуждения уголовного дела при медицинской ошибке // Вестник медицинского права. 2022. № 2. С. 43 – 47.
8. Глушков И.Н. Уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные ошибки // Медицинское право. 2023. № 1. С. 17 – 19.
9. Дефекты оказания медицинской помощи: правовые последствия. URL: <https://www.journals.ecovector.com>. (Журналы Эко-Вектор) (01.08.2025)
10. Засыпкина Е.В., Катрунов В.А., Кузнецова М.Н. К вопросу о врачебных ошибках: методология и критерии определения // Портал медицинского права. URL: <https://www.medconfer.com> (01.08.2025)
11. Киселева А.А. Уголовная статья об оказании небезопасных услуг не будет применяться к медикам // Ведомости. 18.12.2024.(Ведомости) URL:<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/18/1082047-ugolovnaya-statya-ob-okazanii-nebezopasnih-uslug-ne-budet-primenyatsya-k-medikam> (01.08.2025)
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.(ред. 25.07.2025)
13. Обзор судебной практики по делам о медицинских ошибках. СПС "Консультант+", 2023. С. 112 – 116.
14. Постановление Правительства РФ от 20 июня 2001 г. № 529 "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации".
15. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 323 «О Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения».
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2022 № 10, п. 20.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2022 г. № 8 "О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья".
18. Приказ Минздрава РФ от 09.10.2012 № 366н «Об утверждении стандарта медицинской помощи...»; клинические рекомендации по профилям.
19. Приказ Минздрава РФ от 10.05.2017 № 203н «Об утверждении порядка осуществления внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности».
20. Приказ Наркомздрава РСФСР от 1922 года "О создании судебно-медицинской службы".
21. Саркисов С.Г. Уголовная ответственность медицинских работников: проблемы теории и практики. М., 2020. с. 22-29.
22. Сивохина К.Н. Анализ жалоб пациентов при возбуждении уголовных дел // Вестник медицинского права. 2022. № 2. С. 52 – 54.
23. Старчиков М. Врачебная ошибка или медицинский деликт? // Адвокатская газета. 2017. № 18. С. 69.

24. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025)
25. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года.
26. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года.
27. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2025)
28. Уголовно процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025)
29. Устав уголовного судопроизводства 1864 года.
30. Уголовная ответственность за врачебные ошибки отменена? Изменения в статью 238 УК РФ: мифы и реальность URL: <https://www.orlaw.ru>. (Орленко и партнеры) (01.08.2025)
31. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».
32. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
33. Шабунова А.А. Медицинское право: природа ошибки и уголовная ответственность // Журнал российского права, 2020, №9, с. 110–113.
34. Якубовская И.П. Медицинская ошибка или преступление? М.: Юрайт, 2021. С. 77 – 98.
35. Comparative Criminal Law and Medical Practice: Germany, France and the United Kingdom. Legal Medicine Journal, 2019. Р. 74 – 79.
36. Kohn L.T., Corrigan J.M., Donaldson M.S. To Err is Human: Building a Safer Health System. National Academies Press, 2000. P. 43 – 66.
37. OLG München, Urteil vom 06.12.2018 – 1 U 1825/16; Bock, H. Arzthaftungsrecht. Berlin: Springer, 2021, P. 149 – 156.
38. Royal College of Surgeons. Guidelines on Gross Negligence Manslaughter, 2021. P. 25 – 31.

References

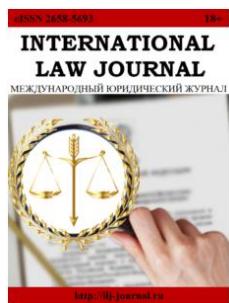
1. Doctors were released from criminal liability under Article 238 of the Criminal Code of Russia. Izvestia. 12/18/2024. URL: <https://iz.ru/1809065/2024-12-18/vrachei-osvobodili-ot-ugolovnoi-otvetstvennosti-po-st-238-uk-rossii> (08.01.2025)
2. Medical error or negligence? Novosibirsk Regional Association of Doctors. URL: <https://www.noav.ru/?p=39773> (08/01/2025)
3. Medical error: ignorance or negligence? URL: <https://www.umj.com.ua>. (08/01/2025)
4. Medical errors: legal liability and terms. URL: <https://www.orlaw.ru>. (Orlenko and Partners) (01.08.2025)
5. World Health Organization. Patient Safety Report, 2019. URL: <https://www.who.int/ru/campaigns/world-patient-safety-day/2019> (01.08.2025)
6. Civil Code of the Russian Federation. Part Two of 01.26.1996 No. 14-FZ (as amended on 01.13.2025).
7. Gladyshev D.V. Criteria for Initiating a Criminal Case for a Medical Error. Bulletin of Medical Law. 2022. No. 2. P. 43 – 47.
8. Glushkov I.N. Criminal Liability of Healthcare Workers for Professional Errors. Medical Law. 2023. No. 1. P. 17 – 19.
9. Defects in the provision of medical care: legal consequences. URL: <https://www.journals.eco-vector.com>. (Eco-Vector Journals) (01.08.2025)
10. Zasyapkina E.V., Katrunov V.A., Kuznetsova M.N. On the issue of medical errors: methodology and criteria for determination. Portal of medical law. URL: <https://www.medconfer.com> (01.08.2025)
11. Kiseleva A.A. Criminal article on the provision of unsafe services will not be applied to doctors. Vedomosti. 18.12.2024. (Vedomosti) URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/18/1082047-ugolovnaya-statya-ob-okazanii-nebezopasnih-uslug-ne-budet-primenyatsya-k-medikam> (01.08.2025)
12. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ. (as amended on 25.07.2025)
13. Review of judicial practice in cases of medical errors. SPS "Consultant+", 2023. P. 112 – 116.
14. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 20, 2001 No. 529 "On forensic activity in the Russian Federation".
15. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2004 No. 323 "On the Federal Service for Surveillance in Healthcare".
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 26, 2022 No. 10, clause 20.

17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 26, 2022 No. 8 "On judicial practice in cases of crimes against life and health".
18. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 09.10.2012 No. 366n "On approval of the standard of medical care ..."; clinical recommendations by profiles.
19. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 10.05.2017 No. 203n "On approval of the procedure for implementing internal quality control and safety of medical activities".
20. Order of the People's Commissariat of Health of the RSFSR dated 1922 "On the establishment of a forensic medical service".
21. Sarkisov S.G. Criminal liability of medical workers: problems of theory and practice. Moscow, 2020. pp. 22-29.
22. Sivokhina K.N. Analysis of patient complaints when initiating criminal cases. Bulletin of Medical Law. 2022. No. 2. P. 52 – 54.
23. Starchikov M. Medical error or medical tort? Advocate newspaper. 2017. No. 18. P. 69.
24. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 07.04.2025)
25. Criminal Code of the RSFSR of 1926.
26. Criminal Code of the RSFSR of 1960.
27. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 07.04.2025)
28. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 07.06.2025)
29. Charter of Criminal Procedure of 1864.
30. Has criminal liability for medical errors been abolished? Amendments to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation: myths and reality URL: <https://www.orlaw.ru>. (Orlenko and Partners) (01.08.2025)
31. Federal Law of 29.11.2010 No. 326-FZ "On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation".
32. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation".
33. Shabunova A.A. Medical Law: The Nature of Error and Criminal Liability. Journal of Russian Law, 2020, No. 9, pp. 110-113.
34. Yakubovskaya I.P. Medical Error or Crime? Moscow: Yurait, 2021. P. 77 – 98.
35. Comparative Criminal Law and Medical Practice: Germany, France and the United Kingdom. Legal Medicine Journal, 2019. P. 74 – 79.
36. Kohn L.T., Corrigan J.M., Donaldson M.S. To Err is Human: Building a Safer Health System. National Academies Press, 2000. P. 43 – 66.
37. OLG München, Urteil vom 06.12.2018 – 1 U 1825/16; Bock, H. Arzthaftungsrecht. Berlin: Springer, 2021, P. 149 – 156.
38. Royal College of Surgeons. Guidelines on Gross Negligence Manslaughter, 2021. P. 25 – 31.

Информация об авторе

Торопов П.И., аспирант, Институт права социального управления и безопасности, Удмуртский государственный университет, djsous@mail.ru

© Торопов П.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.77(470)

Уголовно-правовая политика России в сфере охраны экологической безопасности

¹ Долгополов К.А., ² Калинкин А.В.,
¹ Северо-Кавказский федеральный университет,
² Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

Аннотация: в статье рассмотрена уголовно-правовая политика России в сфере охраны экологической безопасности, показано, что, имеющиеся в национальном законодательстве уголовно-правовые средства обеспечивают реализацию функций по общей и частной превенции в отношении лиц, в результате действий которых был причинен ущерб окружающей среде, а также в отношении неопределенного круга в целях предупреждения совершения подобных противоправных действий. Новые вызовы современного мира, различные социальные процессы, обострение геополитической обстановки, в том числе в Арктике, требуют осуществления активной правотворческой деятельности по совершенствованию имеющейся нормативно-правовой базы и принятия новых НПА, а также применения органами государственной власти своевременных мер уголовно-правового реагирования.

Ключевые слова: уголовное право, наказание, уголовная политика, экологическая безопасность

Для цитирования: Долгополов К.А., Калинкин А.В. Уголовно-правовая политика России в сфере охраны экологической безопасности // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 123 – 128.

Поступила в редакцию: 15 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Russia's criminal law policy in the field of environmental safety

¹ Dolgopolov K.A., ² Kalinkin A.V.,
¹ North Caucasus Federal University,
² St. Petersburg Academy of the Investigative Committee

Abstract: the article examines the criminal law policy of Russia in the field of environmental safety protection, showing that the criminal law tools available in national legislation ensure the implementation of functions on general and private prevention in relation to persons whose actions caused damage to the environment, as well as in relation to an indefinite circle in order to prevent the commission of such illegal acts. New challenges of the modern world, various social processes, the aggravation of the geopolitical situation, including in the Arctic, require the implementation of active law-making activities to improve the existing regulatory framework and the adoption of new NPA, as well as the application of timely measures of criminal law response by public authorities.

Keywords: criminal law, punishment, criminal policy, environmental safety

For citation: Dolgopolov K.A., Kalinkin A.V. Russia's criminal law policy in the field of environmental safety. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 123 – 128.

The article was submitted: May 15, 2025; Approved after reviewing: July 18, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

В соответствии с Рио-де-Жанейрской декларацией по окружающей среде и развитию достижение устойчивого развития защиты окружающей среды должно рассматриваться как часть общего процесса развития и не может развиваться обособлено от него, в связи с этим на государства возлагается обязанность по разработке соответствующих национальных законов, регламентирующих ответственность и возмещение экологического ущерба [1].

Следовательно, на данный момент остается насущной проблема угрозы окружающей среде как обстоятельства, посягающего на жизненно важные интересы человечества. В свою очередь негативное антропогенное воздействие на окружающую среду ведет к ухудшению качества жизни населения, вместе с этим растет смертность, усиливается миграционный отток населения, в совокупности указанные факторы ухудшают все сферы жизнедеятельности людей, что особенно прослеживается на примере Арктической зоны.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования автором задействованы различные методологические подходы: сравнительный, статистический анализ данных электоральных кампаний, систематизация, обобщение.

Результаты и обсуждения

Так, на начало 2024 года численность населения Арктики составляла 2,36 млн. человек, что на 13,8% меньше, чем в 2010 г. и на 37,6% – в конце советского периода [2]. Объем научных исследований, предметом которых выступают указанные проблемы, а также статистические данные свидетельствуют о наличии рисков для национальной безопасности России.

Имеющиеся в национальном законодательстве уголовно-правовые средства обеспечивают реализацию функций по общей и частной превенции в отношении лиц, в результате действий которых был причинен ущерб окружающей среде, а также в отношении неопределенного круга в целях предупреждения совершения подобных противоправных деяний. Новые вызовы современного мира, различные социальные процессы, обострение геополитической обстановки, в том числе в Арктике, требуют осуществления активной правотворческой деятельности по совершенствованию имеющейся нормативно-правовой базы и принятия новых НПА, а также применения органами государственной власти своевременных мер уголовно-правового реагирования.

В настоящий момент, как уже было отмечено, действует достаточное количество нормативных актов, содержащих положения в сфере охраны окружающей среды, в том числе и уголовно-правовой, их действие распространяется на всю территорию, на которой действует суверенитет и юрисдикция Российской Федерации, тем самым также предполагается применение законов на стратегически важных территориях. Наряду с ними активно реализуются политические, социально-экономические, организационные, собственно экологические меры, также при проведении различных конференций, форумов и иных мероприятий поднимаются актуальные вопросы, которые предусматривают необходимость в своевременном совершенствовании законодательства. Угрозы охраны экологической безопасности требуют принятия комплексных мер в рамках проводимой уголовно-правовой политики. Об этом свидетельствует деятельность следственных и судебных органов при выявлении, расследовании и квалификации экологических преступлений. Подобные проблемы требуют научных исследований и предложений по разрешению имеющихся проблем.

Первоначально надлежит определить, что представляет собой уголовно-правовая политика, её структура, содержание и принципы, а также какое место она занимает в сфере охраны экологической безопасности, какие вызовы и тенденции прослеживаются на нынешнем этапе.

Основное назначение уголовно-правовой политики заключается в разработке целей и направленных на их достижение задач, а также их последующей реализации в сфере борьбы с преступными посягательствами на различные общественные отношения.

В доктрине уголовного права существуют различные подходы к определению понятия «уголовно-правовая политика». Так, например, В.М. Кудрявцев под указанным термином понимал определенную часть государственной политики в сфере борьбы с преступностью, которая реализуется путем применения методов и средств уголовного права [3]. Другие авторы под уголовно-правовой политикой понимают направление, формируемое уголовным, уголовно-процессуальным и исправительным законодательством, определяющим цели и средства воздействия на существующую преступность и вырабатывающим в связи с этим предупредительные меры.

Так, например, рассматривая определение с точки зрения широкого подхода, Э.Ф. Побегайло толковал уголовно-правовую политику как одно из направлений социальной политики, включающего государственную политику в области борьбы с преступлениями [4]. Подобный подход охватывает все государственные отрасли права, связанные с противодействием преступности.

Что касается узкого подхода, то в соответствии с ним уголовно-правовая политика основывается на уголовном праве. Д.Г. Мороз, исследуя доктринальные подходы к определению уголовной политики, придерживается мнения о том, что уголовно-правовая политика – это государственная функция по управлению процессами предупреждения и разрешения конфликтов криминогенного характера в социуме посредством установления уголовных запретов и реализации их действия [5]. Однако с приведенным мнением трудно согласиться, так как, во-первых, в полной мере не раскрываются характерные признаки, предмет и содержание уголовной политики, а, во-вторых, уголовно-правовая политика представляет собой одно из направлений деятельности органов государственной власти, предусматривающее создание правовых мер не только путем создания запретов, но и, организуя нормальное функционирование всех социальных систем с помощью разработки целей и задач.

Так, уголовно-правовую политику следует рассматривать в следующих аспектах:

1. как часть государственной политики, предусматривающую борьбу с преступностью путем принятия соответствующих актов и закрепления в них положений об уголовной охране;
2. как вид социальной деятельности, направленный на предупреждение совершения преступных посягательств;
3. как накопленную базу научных изысканий путем синтеза имеющихся в доктрине подходов к определению понятия, установлению структуры, содержания, основных целей и задач.

Уголовная политика является вспомогательным инструментом в процессе поддержания правопорядка в обществе, обеспечивая защиту интересов личности, общества и государства. Будучи частью внутренней политики России, данное направление способствует охране стабильности государства, также его социальной и экономической стратегии, противодействует преступности и содействует интегративным процессам в правовой среде [6].

Исходя из исследованных подходов, можно предложить наиболее обобщающее определение уголовно-правовой политики. Так, под ней понимается комплексная деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц по формированию нормативно-правовой базы, уголовно-правовых средств, способов и стратегий, применение которых направлено на защиту граждан, общества и государства от преступных посягательств.

Содержание уголовно-правовой политики включает в себя:

1. политico-правовые отношения, складывающиеся в обществе;
2. уголовно-правовые нормы, являющиеся материальным выражением проводимой уголовно-правовой политики;
3. деятельность государственных органов и должностных лиц по борьбе с преступностью.

В рамках реализации уголовно-правовой политики осуществляется разработка теоретических основ и научных изысканий, формирующих её концепцию, устанавливаются директивно-политические аспекты, принимаются новые законодательные акты, совершенствуется правоприменительная практика.

Для разработки уголовно-правовой политики необходимо учитывать реальное состояние преступности, уровень её латентности непосредственно в субъектах РФ, именно учет региональных особенностей, уровень социально-экономического развития позволяют установить основные направления политики.

В связи с этим уголовно-правовая охрана экологической безопасности Арктической зоны России приобретает первостепенное значение. Наличие изменений в политической и социально-экономической сферах, желание заполучить природные ресурсы опосредуют негативное воздействие на уникальную природу региона. Особую актуальность ввиду обозначенных проблем имеют правовые механизмы противодействия экологической преступности, среди которых важная роль отведена уголовно-правовой политике. Ранее были обозначены статистические показатели, свидетельствующие об отсутствии тенденции к снижению числа экологических преступлений. Кроме того, на некоторых территориях данный вид преступности характеризуется приростом и сложностью в выявлении латентных преступлений, что еще раз подтверждает необходимость совершенствования уголовно-правового регулирования отношений в сфере охраны экологической безопасности.

В настоящий момент отсутствует теоретическое обоснование понимания и принципов уголовно-правовой политики в сфере обеспечения охраны экологической безопасности. К определению уголовно-правовой политики в сфере обеспечения экологической безопасности также применяются различные подходы. В широком смысле уголовно-правовая политика в сфере охраны экологической безопасности включает в себя направление деятельности государства и общества, имеющей стратегической целью стабилизацию преступности, а также принципы и меры, реализуемые государственными органами и направленные на противодействие преступлениям, посягающим на экологическую безопасность.

Сторонники узкого подхода предлагают следующее определение. Так, уголовная политика в сфере охраны окружающей среды предполагает направление деятельности по предотвращению и предупреждению реальных и потенциальных угроз окружающей среде и интересам человека путем принятия различных форм, методов, способов и средств уголовно-правового воздействия[7]. Представленное понятие наиболее полноценно раскрывает содержание и сущность уголовно-правовой политики в сфере охраны экологической безопасности.

В основе уголовной политики в сфере обеспечения охраны экологической безопасности должны быть следующие принципы:

1. нацеленность на сохранение окружающей среды и улучшение её качества, рациональное отношение к природным ресурсам;
2. природные ресурсы выступают в качестве основы жизнедеятельности народов, проживающих на определенных территориях, что следует из положения, закрепленного в ст. 9 Конституции;
3. создание условий для реализации право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду;
4. рассмотрение экологии живых систем и рационального пользования природными ресурсами в качестве приоритета национальной безопасности РФ;
5. правовое закрепление охраны экологической безопасности как составляющей части национальной безопасности РФ;
6. соответствие принципам охраны окружающей среды.

Нормы, закрепленные в гл. 26 УК РФ, отличаются несовершенством диспозиций, имеют неточные формулировки, во многих случаях для правоприменителей является затруднительным разграничивать некоторые уголовно-наказуемые и административные деяния в экологической сфере. Кроме того, имеющиеся ППВС, которые призваны разъяснить закрепленные уголовные нормы, характеризуются противоречивостью и низкой юридической техникой.

Еще одной проблемой является, как уже отмечалось, сохраняющийся уровень латентных преступлений, особо характерный для экологических преступлений. Это приводит к тому, что, например, нормы, предусмотренные ст. 250, 252 УК РФ, применяются крайне редко, несмотря на то, острая экологическая ситуация характерна для ЯНАО ввиду наличия там нефтегазопромысловых районов. Скрытый характер совершаемых преступлений также прослеживается в разделе «Антропогенное воздействие на окружающую среду АЗРФ» в Докладе «О состоянии охраны окружающей среды РФ в 2023 году», представленном Минприроды РФ[8].

Так, например, в 2023 году случаи высокого загрязнения были зафиксированы 232 раза на 42 водных объектах и в 105 случаях на 26 объектах – экстремально высокого уровня, подобные сведения свидетельствуют о том, что суммарное число загрязнений за период с 2014 по 2023 г.г. увеличилось на 50%. Несмотря на достоверные данные, статистика по привлечению к уголовной ответственности отражает совсем иную ситуацию, при которой случаи вынесения приговора в отношении лица, совершившего экологическое преступление, либо единичны, либо вовсе отсутствуют. Подобные результаты позволяют сделать вывод о том, что современное состояние уголовно-правовой политики в сфере охраны экологической безопасности характеризуется отсутствием единой концепции, а наличие перечня, определенного гл. 26 УК, не равно эффективности деятельности по охране окружающей среды. Также существует проблема ограничения составов преступления, предусмотренного отдельными статьями 26 главы УК и имеющимися в АК РФ составами правонарушений [9].

Вызывает вопросы и отнесение составов экологических преступлений к определенной категории тяжести. Из их числа 24 состава относятся к преступлениям лишь небольшой тяжести, 15 – к средней тяжести, 8 – к тяжким. Однако соответствует ли подобная регламентация характеру и степени общественной опасности, в соответствии с которыми определяется категория преступного деяния?

Среди тенденций уголовно-правовой политики в сфере охраны экологической безопасности можно выделить различные направления: криминализация и декриминализация, либерализация и гуманизация, смягчение уголовной ответственности, пенализация и депенализация. Следует рассмотреть основные из них:

1. процесс криминализации не коснулся целого ряда составов преступлений, посягающих на окружающую среду и на отдельные природные компоненты, к числу которых относятся ст. 246-248, 250, 254, 259, 262 УК РФ. Вносимые изменения касаются лишь квалифицированных составов, например, ФЗ от 29.10.2024 в ст. 248 УК РФ была введена ч. 3, предусматривающая ответственность за нарушение правил безопасности при обращении с патогенными биологическими агентами, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц. К числу относительно недавних поправок можно отнести лишь некоторые. В 2013

г. был введен новый состав преступления, закрепленной в ст. 258.1 УК РФ, в 2017 году был криминализирован признак «публичность», «использование средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей», в 2019 г. был введен признак «группа лиц по предварительному сговору», в ст. 255 УК РФ были внесены ч. 2 и ч. 3 и т.д. Однако проблема применения указанных составов все же остается не разрешенной [10];

2. впервые декриминализация была проведена в 1998 году путем исключения умышленного причинения вреда в составах, предусмотренных ст. 249 и 251 УК РФ, и закрепления в диспозиции неосторожной формы вины. В 2003 г. также были внесены изменения в ст. 260 УК РФ, в связи с исключением в уголовной политике признака «неоднократности». В последующем были случаи унификации терминологии в соответствии с отраслевым законодательством, также были пересмотрены размеры ущерба;

3. преобладание процесса депенализации в отношении преступлений, посягающих на охрану земли, недр, вод и атмосферы, связанных с их загрязнением, также снижение медианы санкций в составах ст. 250-252, 254-255 УК РФ, то есть произошло уменьшение уголовной репрессии в отношении составов экологических преступлений;

4. усиление уголовной репрессии, что прослеживается в составе ст. 260 УК РФ, в отношении установленной санкции которой изменения вносились около 17 раз. Однако акты пенализации за период с 2003 по 2018 консульствались лишь ст. 260 и 261 УК РФ.

5. бессистемность во введении изменений в санкции исследуемых составов. Так, например, в ст. 246 УК и ст. 249 УК определен одинаковый размер наказания в виде штрафа до 120 т.р. Однако в первом случае деяние в соответствии со ст. 15 УК РФ относится к преступлениям средней тяжести, а во втором случае – к преступлениям небольшой тяжести.

Представляется, что указанные недостатки противоречат многим принципам уголовного законодательства, прежде всего, принципу справедливости, а также препятствуют осуществлению эффективной уголовно-правовой политики в сфере охраны экологической безопасности.

Реализация методов проводимой уголовно-правовой политики не позволяет в полной мере достигнуть поставленных целей и задач. В связи с этим нуждается в совершенствовании закрепленные в УК составы экологических преступлений, должны быть введены «рабочие» изменения, а не формальные поправки, следует пересмотреть в соответствии с закрепленными принципами степень общественной опасности указанных деяний для приведения в соответствие с ней санкций норм.

Выводы

Кроме того, важное значение имеет дифференциация индивидуализация уголовно-правовой ответственности при квалификации составов экологических преступлений. Без надлежащего правового регулирования и обозначения приоритетных направлений уголовно-правовой политики в сфере охраны экологической безопасности не представляется возможным добиться защиты национальных интересов России в Арктической зоне.

Политика борьбы с преступностью осуществляется на следующих уровнях: концептуальном, законодательном и правоприменительном. Правоприменительный уровень предполагает реализацию уголовных, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных норм в ходе осуществления своей деятельности органов следствия и дознания, суда, прокуратуры, органов, осуществляющих ОРД, органов ФСИН и т.д.

Своё практическое воплощение уголовно-правовая политика получает в деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью. Так, от эффективности работы указанных структур зависит эффективность применения уголовного законодательства, так как основные тенденции и изменения, известные из статистических данных о работе следственных и иных органов, являются основой для мониторинга изменений и принятия в соответствии с ними надлежащих мер.

Список источников

1. Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development. URL <https://www.cbd.int/doc/ref/rio-declaration.shtml> (дата обращения: 07.05.2025)
2. Смирнов А.В. Продолжительность проживания населения в Российской Арктике: влияние смертности и миграции // Арктика: экология и экономика. 2025. Т. 15. № 1. С. 131.
3. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / под ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. Москва: Наука, 1982. С. 127.
4. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. Москва: Норма, 2006. № 143. С. 14 – 15.

5. Морозов Д.Г. Доктринальные подходы к определению понятия уголовно-правовой политики и факторов, ее определяющих // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 76.
6. Ревин В.П., Жариков Ю.С., Ревина В.В. Уголовная политика: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 6.
7. Кузнецова Н.И. Понятие и принципы уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 118.
8. Доклад «О состоянии и о об охране окружающей среды РФ в 2023 году». URL: <https://2023.ecology-gosdoklad.ru/doklad/arkticheskaya-zona-rossiyskoy-federacii/> (дата обращения: 07.05.2025)
9. Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью: монография. М.: Норма: Инфа-М, 2017. 368 с.
10. Сверчков В.В. Экологическая безопасность Российской Федерации: актуальные вопросы реализации уголовно-правовой политики // Государство и право. 2018. № 7. С. 81 – 90.

References

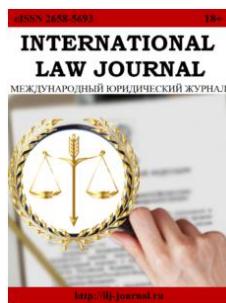
1. Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development. URL <https://www.cbd.int/doc/ref/rio-declaration.shtml> (date of access: 07.05.2025)
2. Smirnov A.V. Residence time in the Russian Arctic: the impact of mortality and migration. Arctic: ecology and economy. 2025. Vol. 15. No. 1. P. 131.
3. Grounds for criminal-legal prohibition. Criminalization and decriminalization. Edited by V.N. Kudryavtsev, A.M. Yakovlev. Moscow: Nauka, 1982. P. 127.
4. Alekseev A.I., Ovchinsky V.S., Pobegaylo E.F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. Moscow: Norma, 2006. No. 143. P. 14 – 15.
5. Morozov D.G. Doctrinal approaches to defining the concept of criminal law policy and the factors that determine it. Legal Bulletin of Samara University. 2021. Vol. 7. No. 4. P. 76.
6. Revin V.P., Zharikov Yu.S., Revina V.V. Criminal policy: textbook for universities. 3rd ed., corrected. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. P. 6.
7. Kuznetsova N.I. Concept and principles of criminal policy in the field of environmental safety. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (81). P. 118.
8. Report "On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2023". URL: <https://2023.ecology-gosdoklad.ru/doklad/arkticheskaya-zona-rossiyskoy-federacii/> (date of access: 07.05.2025)
9. Kudryavtsev V.N. Strategy for combating crime: monograph. Moscow: Norma: Infa-M, 2017. 368 p.
10. Sverchkov V.V. Environmental safety of the Russian Federation: topical issues of implementation of criminal law policy. State and Law. 2018. No. 7. P. 81 – 90.

Информация об авторах

Долгополов К.А., доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет, nadal06@mail.ru

Калинкин А.В., кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, майор юстиции

© Долгополов К.А., Калинкин А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 340.115

Студенческие научные исследования по юриспруденции как форма проектной деятельности: теоретические основы и практика реализации

¹ Магомедова Е.А., ¹ Курзаков М.В., ¹ Петренко И.А., ² Зайцева М.А.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,

² Калужский институт, филиал Московского гуманитарно-экономического университета

Аннотация: в статье рассматриваются студенческие научные исследования по юриспруденции как разновидность проектной деятельности в условиях реализации компетентностного подхода к обучению в системе высшего образования. Рассматриваются нормативные основания интеграции проектного обучения с учетом требований федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) третьего поколения. Для формирования доказательственной базы в статье охарактеризованы теория и этапы проектной деятельности, проведены параллели между структурой и этапами научного исследования и алгоритмом выполнения исследовательских студенческих курсовых проектов. На основе практического опыта подготовки юридических кадров в Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского показаны элементы успешного внедрения методики формирования исследовательских и проектных навыков у студентов при освоении учебной дисциплины «Проектирование в профессиональной деятельности». В этой связи охарактеризован методический опыт внедрения проектного подхода при выполнении курсовых проектов в форме научных статей студентами юридических направлений подготовки и специальностей. Авторами делается акцент на том, что использование данной методики преподавания формирует у студентов опыт проведения научных исследований, который в последующем успешно используется при написании выпускных квалификационных работ. Обосновывается, что проектный подход в обучении способствует развитию самостоятельности, аналитического мышления и профессиональной компетентности будущих юристов, а также их подготовке к осуществлению качественной юридической деятельности.

Ключевые слова: юриспруденция, студенческие научные исследования, проектная деятельность, компетенции, юридическое образование, ФГОС, исследовательские проекты, профессиональная подготовка

Для цитирования: Магомедова Е.А., Курзаков М.В., Петренко И.А., Зайцева М.А. Студенческие научные исследования по юриспруденции как форма проектной деятельности: теоретические основы и практика реализации // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 129 – 134.

Поступила в редакцию: 15 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Student scientific research in jurisprudence as a form of project activity: theoretical foundations and implementation practice

¹ Magomedova E.A., ¹ Kurzakov M.V., ¹ Petrenko I.A., ² Zaitseva M.A.,

¹ K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University,

² Kaluga Institute (branch) of the Moscow Humanities and Economics University

Abstract: this article examines student scientific research in jurisprudence as a type of project activity within the framework of implementing a competency-based approach to education in higher education institutions. The regulatory basis for integrating project-based learning in accordance with the requirements of the third-generation

Federal State Educational Standards (FSES) is analyzed. To form an evidential foundation, the article characterizes the theory and stages of project activity, and draws parallels between the structure and stages of scientific research and the algorithm for performing student research coursework projects. Based on practical experience in training legal professionals at K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University, elements of successful implementation of a methodology for developing research and project skills among students while mastering the course "Designing in Professional Activity" are demonstrated. In this regard, the article describes the methodological experience of applying a project-based approach when completing coursework in the form of scientific articles by students majoring in legal disciplines and specialties. The authors emphasize that using this teaching methodology develops students' experience in conducting scientific research, which is subsequently successfully applied in writing graduation qualification works. It is argued that the project-based approach in education promotes the development of independence, analytical thinking, and professional competence of future lawyers, as well as prepares them to perform high-quality legal activities.

Keywords: jurisprudence, student scientific research, project activity, competencies, legal education, FSES, research projects, professional training

For citation: Magomedova E.A., Kurzakov M.V., Petrenko I.A., Zaitseva M.A. Student scientific research in jurisprudence as a form of project activity: theoretical foundations and implementation practice. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 129 – 134.

The article was submitted: May 15, 2025; Approved after reviewing: July 18, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Современная система высшего образования в России активно интегрирует проектную деятельность в образовательные траектории студентов, в том числе в области юриспруденции. Одним из ключевых направлений такой трансформации является включение научных исследований в компетентностную модель подготовки будущих юристов. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) предполагают необходимость формирования у студентов универсальной компетенции, заключающейся в способности формировать задачи для достижения поставленной цели и выбирать оптимальные способы их достижения на основе имеющихся ресурсов и действующего законодательства. В условиях модернизации образования научно-исследовательская деятельность студентов становится важным инструментом развития самостоятельности, аналитического мышления и профессиональных навыков. Очевидно, что эффективная организация проектной деятельности требует как нормативной, так и методической проработки, а также практического осмысливания основных этапов выполнения студенческих исследовательских работ.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов использовались нормативные правовые акты (Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», федеральные государственные образовательные стандарты), монографии и учебные пособия по проектной и исследовательской деятельности, а также практический опыт организации проектной работы студентов в Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского. В ходе работы применялись методы сравнительного, логического и структурного анализа, проблемно-целевой и деятельностный подходы, а также обобщение практического опыта.

Результаты и обсуждения

Последние три десятилетия в России характеризуются модернизацией практических сфер социальной действительности. Не стала исключением в этом плане и образовательная сфера. Стоит отметить, что общественные отношения, возникающие в процессе образовательной деятельности, находятся под воздействием множества факторов и их динамика определяется научно-технологическим прогрессом, интеграционными процессами в международном пространстве, необходимостью и целесообразностью подготовки высококвалифицированных кадров для различных отраслей народного хозяйства и т.д. В этих условиях важное значение для конструктивного поступательного развития образовательной среды имеет её государственно-правовое регулирование. Следует отметить, что фундаментальную основу правовой регламентации образовательных отношений закладывают нормы статей Конституции Российской Федерации. Так, статья 71 закрепляет, что в ведении Российской Федерации находится «установление единых правовых основ системы воспитания и образования [1].

В контексте заявленной темы также представляет интерес пункт 5 статьи 43 Конституции РФ, который закрепляет, что «Российский Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты...» [1]. В этой связи считаем целесообразным обратиться к статье 11 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», которая закрепляет контуры содержательного наполнения федеральных государственных образовательных стандартов и их значение как инструмента правового регулирования подготовки бакалавров, специалистов, магистров [2]. Следует согласиться с учеными, которые отмечают, что образование, особенно высшее, рассматривается как главный, ведущий фактор социального и экономического прогресса [5, с. 12]. Анализ федеральных государственных образовательных стандартов (далее по тексту – ФГОС) по различным специальностям и направлениям подготовки позволяет авторам сделать вывод, что важной составляющей стандартов третьего поколения являются универсальные компетенции. Если рассуждать о динамике развития ФГОС высшего образования в России в XXI веке, то необходимо обозначить, что в стандартах первого и второго поколений не было данного вида компетенций, а были общекультурные компетенции. Представляется, что введение во ФГОС третьего поколения универсальных компетенций вполне оправданно, поскольку их содержательное наполнение в большей степени отвечает объективным социальным запросам и способно поднять на качественно более высокий уровень систему подготовки выпускников вузов.

Развивая исследовательскую линию, считаем целесообразным отметить, что компетентностная модель, реализуемая в системе высшего образования в нашей стране на протяжении более двух десятилетий является предметом научных исследований социологов, психологов, педагогов. При этом ученые – специалисты вышеобозначенных областей знания довольно по-разному дефинируют понятие «компетенция». На наш взгляд, в разрезе авторских рассуждений заслуживает внимания позиция И.А. Зимней, которая определяет компетенцию как совокупность некоторых внутренних потенциальных, скрытых психологических новообразований (знаний, представлений, программ действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях [7, с. 26]. Именно актуальные деятельностные проявления на основе знаниевой составляющей, на наш взгляд, и являются собой сущность компетенций, закрепленных во ФГОС.

С учетом темы статьи считаем необходимым обратиться к содержанию универсальной компетенции УК-2, закрепленной во ФГОС по направлению подготовки «Юриспруденция». Следует акцентировать внимание на том, что данная компетенция внесена в категорию «разработка и реализация проектов», а её содержание представлено следующим образом: способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений [3]. По нашему мнению при подготовке юристов данное содержание в определенной степени необходимо преломлять к типам профессиональной деятельности, закрепленным в стандарте. Считаем, что в рамках нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной, экспертно-консультационной деятельности юристу необходимы навыки по определению круга задач для достижения поставленной цели, а также умение выбирать оптимальные способы их решения и все это с учетом имеющихся ресурсов и ограничений, а также на основе действующего законодательства. Данная компетенция формируется у студентов в процессе освоения разных дисциплин. Причем, как правило, каждый вуз самостоятельно комплектует набор дисциплин, в рамках изучения которых у студентов формируется данная компетенция. На наш взгляд, при формировании данной компетенции у студентов закладываются знания, умения и навыки, которые позволяют осуществлять различные типы профессиональной деятельности под знаменателем проектирования. Чтобы более системно подвести аргументацию под данный авторский посыл, считаем необходимым обратиться к теории проектной деятельности. Представляется важным сделать оговорку о том, что в последние десятилетия данная теория обогатилась научными достижениями в области социологии, политологии, психологии, педагогики, юриспруденции и других областей гуманитарного научного знания. Тем не менее считаем важным изначально обратиться к содержанию базового понятия «проект». В толковом словаре русского языка содержатся три определения слова «проект»: 1) разработанный план сооружения, какого-нибудь механизма; 2) предварительный текст какого-нибудь документа; 3) замысел, план [13]. При таком довольно широком смысловом разбросе содержательного наполнения данного понятия, а также принимая во внимание контекст темы статьи, считаем правильным обозначить, что в современной литературе по управлению проектами выделяют два основных подхода: системный и деятельностный. Н.М. Полевая и В.В. Ситникова считают, что в формате деятельностного подхода проект в самом широком смысле может пониматься как творческая, разумная, целеполагающая деятельность субъекта [11, с. 7]. Именно данный подход, по нашему мнению, целесообразно использовать как основу при содержательном наполнении некоторых тем учебной дисциплины «Проектирование в профессиональной деятельности», включенную в

учебные планы ряда вузов по направлению подготовки «Юриспруденция». Кроме того, считаем уместным сделать акцент на том, что государственная итоговая аттестация бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция», как правило, включает написание выпускной квалификационной работы, которая представляет собой самостоятельное научное исследование студента по выбранной теме. В этой связи важно констатировать, что, в случае если в учебный план подготовки будущих юристов не включены курсовые работы, то фактически написание выпускной квалификационной работы может стать для студента лишь первым опытом осуществления научного исследования. Именно поэтому считаем важным в рамках освоения студентами проектирования в профессиональной деятельности сформировать у них знания, умения и навыки проведения научных исследований. В этом разрезе предлагается рассматривать научные исследования студентов как разновидность проектной деятельности. В качестве элементов доказательственной базы данного постулата считаем возможным привести позицию А.В. Сазановой, которая считает, что «участие в проектировании развивает исследовательские и творческие данные личности: способность к самоопределению и целеполаганию, способность к соорганизации различных позиций и умение ориентироваться в информационном пространстве» [12]. Кроме того, представляется весьма созвучной заявленному тезису позиция уже упоминавшихся нами авторов учебного пособия Н.М. Полевой и В.В. Ситниковой, которые при построении классификационных рядов проектов используют такой критерий, как сфера и направление деятельности и выделяют в качестве разновидностей проекта исследовательский [11, с. 13]. Расширяя аргументационную основу авторской позиции, считаем правильным обратиться к сущности понятия «научное исследование». Безусловно, в академической среде сформировалось множество подходов к сущности данного понятия. Анализ доступной авторам литературы позволяет, поднявшись на довольно высокую ступень научного обобщения, обозначить, что научные исследования – это деятельность, направленная на всестороннее изучение объекта, процесса или явления, их структуры и связей. Поскольку задача авторов статьи доказать, что научные исследования студентов можно рассматривать как проектную деятельность, считаем целесообразным сфокусировать исследовательский потенциал на вопросах этапов и стадий научных исследований. В этом плане заслуживают внимания учебные и учебно-методические пособия, издаваемые в последние годы разными вузами, посвященные данному вопросу [4, 10, 11]. В обозначенных источниках просматривается позиция, суть которой обобщенно можно свести к стадийному характеру научных исследований. Так, например, Н.В. Липчиу и К.В. Липчиу выделяют два основных этапа научного исследования: эмпирический и теоретический [8, с. 13]. Г.А. Герцог, характеризуя особенности научных исследований, обозначает, что изучение любой научной проблемы необходимо начинать с продумывания и составления программы исследования [6, с. 48]. Далее, рассуждая в этом направлении, названный автор отмечает, что программа исследования, наряду с другими функциями, выполняет и организационную. Считаем, что между программой научного исследования и сущностью проектной деятельности вполне можно провести параллели.

Заслуживает внимания в этом плане учебное пособие Ю.Н. Колмогорова, А.П. Сергеева, Д.А. Тарасова, С. П. Араповой «Методы и средства научных исследований». Авторы данного пособия рубрицировали его таким образом, что отдельные этапы научных исследований вывели в названия самостоятельных глав пособия: подготовительный этап, сбор научной информации, написание и оформление научных работ [9]. Приведенные доктринальные позиции показывают и доказывают стадийный характер научных исследований. В этой связи, а также с учетом магистральной линии авторских рассуждений, обратимся к вопросу стадийности проектной деятельности. В этом плане вновь заслуживает внимания материал учебного пособия Н.П. Полевой и В.В. Ситниковой, в рамках которого обозначается, что исследовательские проекты включают в себя подготовительный, технологический и заключительный этапы [11, с. 13]. Весьма интересным в плане стадийности представляется подход, используемый в Омском государственном техническом университете. Авторы учебного текстового электронного издания локального распространения А.И. Блесман, К.Н. Полещенко, Н.А. Семенюк, А.А. Теплоухов вводят понятие «жизненный цикл проекта» и выделяют в его структуре следующие элементы: 1) выделение проблемы, работа с заказом; 2) постановка целей, гипотезы, задачи, планирование; 3) реализация продукта; 4) оформление и представление результатов; 5) рефлексия образовательных результатов [10]. Не менее доказательной представляется позиция авторов учебно-методического пособия «Проектная деятельность» – Г.В. Ахметжановой, И.В. Руденко, И.В. Голубевой, Т.В. Емельяновой, которые в части исследовательских проектов обозначают требования к проработанности их структуры и выделяют в качестве элементов: актуальность темы; проблема, объект, предмет, цель и задачи; методы исследования; обсуждение и оформление результатов; выводы; обозначение новых проблем; внешняя оценка [4].

В завершающей части научной статьи представляется конструктивным проиллюстрировать практику реализации проектного подхода, используемого при написании студентами, обучающимися по направлению подготовки «Юриспруденция» в Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского, научных статей в рамках освоения первой части дисциплины «Проектирование в профессиональной деятельности». Фактически студентами осуществляется подготовка научно-исследовательского проекта. Схематично данный проект состоит из следующих этапов: выбор темы курсового проекта; подбор учебной и научной литературы по теме; подбор научных статей из юридических журналов по теме курсового проекта; подбор нормативных правовых актов по теме исследования; составление плана курсового проекта в форме научной статьи с учетом методологии проведения научного исследования; согласование составленного плана с научным руководителем курсового проекта. Кроме того, процесс подготовки научной статьи также основан на определенном алгоритме, содержание которого сводится к следующему: 1) изучение подобранный учебной и научной литературы по выбранной теме; 2) выделение основных научных трудов ученых-предшественников; 3) сопоставление нескольких взглядов на одну проблему, сравнение мнений представителей различных научных школ и течений; 4) определение недостатков и пробелов в существующей теории; 5) проведение анализа действующего законодательства, закрепляющего правовой формат предмета исследования; 6) проведение анализа правоприменительной практики по теме исследования (при необходимости).

Выводы

Таким образом, по материалу данной статьи можно сделать вывод о том, что студенческие научные исследования по юриспруденции представляют собой одну из форм проектной деятельности, позволяющей формировать у будущих юристов одну из универсальных компетенций – УК-2. Введение проектных подходов в образовательный процесс способствует освоению методологии научного исследования, формированию умения анализировать правовые нормы и правоприменительную практику, а также развитию у студентов навыков самостоятельного поиска решения актуальных профессиональных задач. Анализ этапов научного исследования и проектной деятельности выявляет их структурную и содержательную схожесть, подтверждая методологическую обоснованность рассмотрения студенческих научных исследований как разновидности проектов. Практика реализации проектного подхода в подготовке курсовых и выпускных квалификационных работ способствует интеграции исследовательских и профессиональных умений и навыков. Такой опыт позволяет обеспечить комплексность образовательной траектории, связанной с реальными требованиями юридической профессии. Преобразование учебного процесса в сторону проектности через призму проводимых научных исследований обеспечивает не только получение знаний, но и формирование самостоятельности, логичности и критичности мышления у студентов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.05.2025)
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.05.2025)
3. Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.05.2025)
4. Ахметжанова Г.В., Руденко И.В., Голубева И.В., Емельянова Т.В.. Проектная деятельность: электрон. учеб.-метод. пособие. Тольятти, Изд-во ТГУ, 2019.
5. Буланова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. С. 12.
6. Герцог Г.А. Основы научного исследования: методология, методика, практика: учебное пособие. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. 208 с.
7. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004. 40 с.
8. Липчиу Н.В., Липчиу К.В. Методология научного исследования: учебное пособие. Краснодар, Куб. ГАУ, 2013. 290 с.
9. Колмогоров Ю.Н. и др. Методы и средства научных исследований: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 152 с.

10. Основы проектной деятельности: метод. указания / Минобрнауки России, Ом. гос. техн. ун-т; сост.: А.И. Блесман, К.Н. Полещенко, Н.А. Семенюк, А.А. Теплоухов. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2021.
11. Полевая Н.М., Ситникова В.В. Основы проектной деятельности: учебное пособие для студентов направления подготовки «Социальная работа». Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2022. 125 с.
12. Сазанова А.В. Генезис и сущность понятия «проектная деятельность» // Психология, социология и педагогика. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.sciencedom.ru/2012/06/673> (дата обращения: 03.05.2025)
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. 907 с.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) (current version). SPS "Consultant Plus" (date of access: 01.05.2025)
2. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" (current version). SPS "Consultant Plus" (date of access: 01.05.2025)
3. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 13.08.2020 No. 1011 "On approval of the federal state educational standard of higher education – bachelor's degree in the direction of training 40.03.01 Jurisprudence" (current version). SPS "Consultant Plus" (date of access: 01.05.2025)
4. Akhmetzhanova G.V., Rudenko I.V., Golubeva I.V., Emelyanova T.V. Project activity: electronic. teaching aid. Tolyatti, TSU Publishing House, 2019.
5. Bulanova-Toporkova M.V. Pedagogy and psychology of higher education: teaching aid. Rostov-on-Don: Phoenix, 2002. P. 12.
6. Gertsog G.A. Fundamentals of scientific research: methodology, methods, practice: teaching aid. Chelyabinsk: Publishing house of Chelyabinsk. state ped. University, 2013. 208 p.
7. Zimnyaya I.A. Key competencies as a result-target basis of the competence-based approach in education. Moscow, 2004. 40 p.
8. Lipchiu N.V., Lipchiu K.V. Methodology of scientific research: textbook. Krasnodar, Kub. SAU, 2013. 290 p.
9. Kolmogorov Yu.N. et al. Methods and means of scientific research: textbook. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2017. 152 p.
10. Fundamentals of project activities: method. Instructions. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Omsk State Technical University; compiled by: A.I. Blesman, K.N. Polleshchenko, N.A. Semenyuk, A.A. Teploukhov. Omsk: OmskGTU Publishing House, 2021.
11. Polevaya N.M., Sitnikova V.V. Fundamentals of project activities: a textbook for students majoring in "Social Work". Blagoveshchensk: Amur State University, 2022. 125 p.
12. Sazanova A.V. Genesis and essence of the concept of "project activity". Psychology, sociology and pedagogy. 2012. No. 6. [Electronic resource]. URL: <https://psychology.sciencedom.ru/2012/06/673> (accessed: 03.05.2025)
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72,500 Words and 7,500 Phraseological Expressions. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Russian Cultural Foundation. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Az, 1994. 907 p.

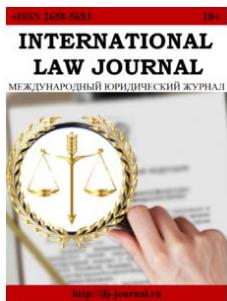
Информация об авторах

Магомедова Е.А., кандидат юридических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Курзаков М.В., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Петренко И.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Зайцева М.А., Калужский институт, филиал Московского гуманитарно-экономического университета

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.8

Информационно-телекоммуникационные технологии как инструмент мошенничества: международно-правовой аспект борьбы

¹ Харбедия Г.А.,

¹ Московский государственный лингвистический университет

Аннотация: в условиях цифровой трансформации глобального общества информационно-телекоммуникационные технологии (далее – ИТТ) стали не только катализатором социально-экономического прогресса, но и новым инструментом преступной деятельности. Особую актуальность приобретает проблема использования ИТТ в целях мошенничества, что требует комплексного международно-правового регулирования. В данной статье анализируются современные формы мошенничества, инструментом совершения которого становится ИТТ, а также оценивается эффективность существующих международных механизмов противодействия и формируются перспективные направления развития правового сотрудничества государств в данной сфере. Цель: выявление тенденций и значения законодательного определения механизмов охраны и защиты исторической памяти как одного из направлений укрепления традиционных ценностей в России. В статье решались следующие задачи: изучение современных форм и тенденций развития ИТТ-мошенничества в условиях цифровой трансформации, а также определение противоречий в правовом регулировании кибермошенничества на международном уровне. На основе анализа современного состояния совместной деятельности по борьбе с ИТТ-мошенничеством и международных договоров выявлены пробелы действующего регулирования, а также предложены способы их преодоления. Результаты исследования способствуют формированию согласованных международных стратегий противодействия технологически обусловленному мошенничеству.

Ключевые слова: киберпреступность, мошенничество, информационные технологии, международное сотрудничество, международная борьба

Для цитирования: Харбедия Г.А. Информационно-телекоммуникационные технологии как инструмент мошенничества: международно-правовой аспект борьбы // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 135 – 140.

Поступила в редакцию: 16 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Information and telecommunication technologies as a tool of fraud: international legal aspect of the fight

¹ Harbediya G.A.,

¹ Moscow State Linguistic University

Abstract: in the context of the digital transformation of global society, information and telecommunication technologies (hereinafter referred to as ITT) have become not only a catalyst for socio-economic progress, but also a new tool for criminal activity. The problem of using ITT for fraud is becoming particularly relevant, which requires comprehensive international legal regulation. This article analyzes modern forms of fraud, the instrument of which is ITT, and also assesses the effectiveness of existing international counteraction mechanisms and forms promising areas for the development of legal cooperation between states in this area. Objective: to identify trends and the importance of the legislative definition of mechanisms for the protection and defense of historical memory

as one of the areas of strengthening traditional values in Russia. Based on the analysis of the current state of joint activities to combat ITT fraud and international treaties, gaps in the current regulation are identified, and ways to overcome them are proposed. The results of the study contribute to the formation of coordinated international strategies to counter technologically conditioned fraud.

Keywords: cybercrime, fraud, information technology, international cooperation, international fight

For citation: Harbediya G.A. Information and telecommunication technologies as a tool of fraud: international legal aspect of the fight. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 135 – 140.

The article was submitted: May 16, 2025; Approved after reviewing: July 19, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Современная эпоха характеризуется беспрецедентным развитием цифровых технологий, которые, наряду с очевидными преимуществами, создали новые вызовы для правопорядка. Цифровая трансформация глобального общества привела к появлению новых форм преступной деятельности. Среди которых особую опасность представляет мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу настоящей статьи формируют положения международно-правовой доктрины и нормативный материал в виде международных договоров. Методологический аппарат исследования представлен диалектическим единством общеначальных методов познания (анализа, синтеза, индукции, дедукции) и частнонаучных методов, прежде всего формально-юридического и системно-структурного. Данный подход обеспечил необходимую глубину и объективность при изучении взаимосвязей и взаимозависимостей исследуемых правовых феноменов.

Результаты и обсуждения

Стремительное развитие информационных технологий порождает новые угрозы реализации фундаментальных прав человека, в частности, таких как право на неприкосновенность частной жизни и свободу выражения мнения. Кибератаки, использование вредоносного программного обеспечения, иные противоправные действия в цифровой среде имеют своей целью получение несанкционированного доступа к персональным данным, а также компрометацию электронных устройств. Подобные деструктивные действия посягают на права и свободы граждан, а также создают прямую угрозу национальной безопасности государства [8].

ИТТ играют значительную роль в увеличении числа мошеннических действий. И данная проблема имеет несколько ключевых аспектов, которые стоит рассмотреть более подробно. Первой и одной из самых очевидных причин является доступности и анонимность, которые предоставляет Интернет. Мошенники могут действовать незаметно, скрывая свою личность с помощью различных технологий, таких как VPN, прокси-серверы и криптовалюты. Это позволяет им работать из любой точки мира, что значительно усложняет задачу правоохранительных органов по их поимке. Анонимность в сети создает благоприятные условия для злоумышленников, поскольку они могут легко укрываться от правосудия и продолжать свою преступную деятельность. Второй аспект – это массовость атак. С развитием технологий мошенники получили доступ к автоматизированным инструментам, таким как боты и фишинговые рассылки, которые позволяют им одновременно атаковать тысячи или миллионы людей. Третий важный фактор – это использование методов социальной инженерии и психологических манипуляций. ИТТ дают мошенникам доступ к огромным объемам личной информации, которая может быть получена в результате утечек из социальных сетей или баз данных. Четвертая причина заключается в развитии технологий, таких как искусственный интеллект и deepfake – технологии, которые позволяют мошенникам имитировать голоса и лица реальных людей, что делает обман более убедительным.

Ключевой характеристикой современных мошеннических практик выступает их динамическая эволюция, детерминированная способностью преступных акторов к оперативной адаптации к изменяющейся социально-экономической конъюнктуре и общественно-политической повестке [5]. Эта эволюция представляет собой асимметричный ответ на превентивные и информационно-просветительские контрмеры, предпринимаемые финансовыми регуляторами, такими как Банк России, и правоохранительными структурами. Вследствие этого прослеживается отчетливый сдвиг парадигмы: от неселективных, массовых атак (например, веерных телефонных обзвонов) к высокотаргетированным, многокомпонентным операциям, отличающимися

иющимся повышенной сложностью и латентностью. Если ранее преобладали нецелевые обзвоны по базам телефонных номеров, то сегодня активно применяются многоэтапные атаки. Они сочетают в себе технические средства (например, вредоносное ПО, имитирующее PUSH-уведомления от банков) и методы социальной инженерии (звонки от имени служб безопасности).

Ключевым этапом такой атаки является предварительный сбор и анализ данных о потенциальной жертве. Мошенники приобретают базы номеров, отсеивают неактивные, а затем обогащают данные сведениями о личности: паспортные данные, состав семьи, место работы, жительства и, что критически важно, информация об обслуживающем банке. Следует отметить, что наличие такого цифрового профиля позволяет злоумышленникам выстраивать более убедительные сценарии обмана, воздействуя на психологические уязвимости цели. Упомянутое, в свою очередь, повышает эффективность хищений, позволяя похищать имеющиеся на счетах средства, а также заемные или кредитные ресурсы [4].

Мошенничество с использованием ИТТ приобрело транснациональный характер, что обусловлено анонимностью сети Интернет, возможностью мгновенного перевода средств через границы и отсутствием единых международных стандартов уголовного преследования.

Трансграничное мошенничество приводит к значительным прямым финансовым потерям как для отдельных граждан, так и для бизнеса и государственных учреждений. Кроме того, банки и платежные системы несут дополнительные расходы, связанные с необходимостью повышения уровня безопасности и компенсациями, что приводит к увеличению тарифов на услуги для клиентов. В результате всего этого снижается общее доверие к цифровым финансовым услугам, что тормозит развитие экономики в целом, так как многие люди начинают избегать использования онлайн-сервисов [6].

Также трансграничное ИТТ-мошенничество представляет собой угрозу и для национальной безопасности, так как противоправные схемы могут финансировать организованную преступность, а также террористические организации, что создает дополнительные риски для общества [7].

Следующим важным аспектом являются правовые и операционные сложности, возникающие в процессе расследования таких преступлений. Чаще всего для привлечения к ответственности преступников требуется международное сотрудничество, что значительно замедляет процесс. Каждая страна имеет свои законы и правила в области кибербезопасности, и отсутствие единых стандартов позволяет мошенникам использовать «слабые» юрисдикции, где правоохранительные органы не способны эффективно реагировать на угрозы.

В международном праве данная проблема рассматривается в контексте борьбы с киберпреступностью, где особое значение имеют такие акты, как Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция) 2001 года [1], резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, а также региональные инициативы (например, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом) [2].

Формирование глобального режима противодействия киберпреступности происходит при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций. Именно данная универсальная международная организация выступает в качестве ключевого институционального архитектора, обеспечивающего легитимность и универсальность разрабатываемых концептуальных и нормативно-правовых основ. Масштаб и тяжесть последствий противоправных деяний в киберпространстве представляют собой вызов основам социального правопорядка, что детерминирует необходимость выработки мировым сообществом безотлагательных и консолидированных ответных мер [10]. В этом контексте ООН, обладающая уникальным политическим мандатом, является единственной легитимной площадкой для гармонизации подходов и имплементации международно-правового регулирования в данной сфере. Принятие профильных резолюций Генеральной Ассамблеи, устанавливающих рамочные принципы сотрудничества, следует рассматривать как краеугольный камень в фундаменте глобальной архитектуры кибербезопасности.

Институционализации международного сотрудничества предшествовал этап выработки доктринальных основ на высоком политическом уровне. Знаковым событием стала встреча министров юстиции и внутренних дел стран «Большой восьмерки» (Вашингтон, 1997 г.), по итогам которой был сформулирован документ «Десять принципов борьбы с высокотехнологичными преступлениями». Центральное место в нем занял принцип ликвидации «безопасных гаваней» (*no safe havens*), согласно которому ни одна юрисдикция не должна служить убежищем для лиц, использующих информационные технологии в преступных целях. Данный постулат заложил концептуальную основу для преодоления территориальных ограничений национального уголовного права, утвердив двойную обязанность государств: во-первых, проактивно обеспечивать защиту конфиденциальности, целостности и доступности данных и систем и, во-вторых, гарантировать неотвратимость ответственности за их компрометацию.

Переход от декларативных принципов к созданию операционных механизмов нашел свое практическое воплощение на региональном уровне. 18 января 2013 года в Гааге был учрежден Европейский центр по борьбе с киберпреступностью (ЕС3), ставший моделью институционализированного взаимодействия. Его мандат носит комплексный характер и включает: аккумуляцию и стратегический анализ разведывательных данных о киберугрозах; проведение высокотехнологичных криминалистических экспертиз; разработку и внедрение передовых методик профилактики и расследования; а также осуществление кадровой подготовки специалистов. Предоставляя оперативную и экспертно-аналитическую поддержку правоохранительным и судебным органам государств-членов, Центр координирует транснациональные операции, тем самым напрямую способствуя повышению уровня коллективной безопасности в европейском киберпространстве.

На других региональных треках, в частности в рамках Евразийского экономического союза, процессы гармонизации находятся на менее продвинутой стадии. Несмотря на наличие в национальных уголовных кодексах государств-участников схожих составов преступлений, связанных с противоправными деяниями в цифровой среде, наблюдается существенная дивергенция в правоприменительных подходах и стратегических приоритетах. Фрагментация правового поля и отсутствие единой доктрины кибербезопасности остаются системными вызовами. Преодоление данных барьеров требует интенсификации межгосударственного диалога, направленного на сближение (конвергенцию) национальных законодательств, унификацию технических стандартов и протоколов реагирования, а также укрепление организационного взаимодействия на уровне компетентных органов. Формирование единой региональной архитектуры кибербезопасности является императивом для обеспечения устойчивого и безопасного цифрового развития в регионе [3].

Необходимость международного сотрудничества имманентно обусловлена экстерриториальной природой киберпреступности, которая нивелирует сам концепт государственной границы и эрозирует традиционные принципы юрисдикции [9]. Дистанционный характер совершения деяния, при котором преступник и последствия его действий могут находиться в разных частях мира, создает фундаментальные сложности для правоприменения. Ключевой проблемой становится атрибуция атаки, то есть установление ее источника. Высокая латентность киберпреступлений и возможность практически мгновенного уничтожения цифровых следов предоставляют злоумышленнику значительное временное преимущество, что в ряде случаев делает раскрытие преступления и идентификацию виновного лица практически невозможным. В этих условиях существующие модели сотрудничества, особенно на постсоветском пространстве, демонстрируют ограниченную эффективность. Зачастую они сводятся к реактивным, постфактум механизмам уголовно-правовой помощи (например, экстрадиция), тогда как современные угрозы требуют проактивных и превентивных стратегий, охватывающих техническое, оперативное и нормативное взаимодействие в режиме реального времени.

Как было отмечено ранее, фрагментированность правового регулирования и различия в национальных законодательствах создают существенные препятствия для эффективного противодействия кибермошенничеству.

Выводы

На сегодняшний день международное сообщество сталкивается с рядом вызовов в сфере противодействия ИТТ-мошенничеству. Во-первых, сохраняется проблема юрисдикции: преступники часто действуют из стран, не являющихся участниками ключевых международных соглашений, что затрудняет их экстрадицию и привлечение к ответственности. Во-вторых, стремительное развитие технологий опережает нормотворческий процесс – появляются новые формы мошенничества (фишинг, криптовалютные схемы, deepfake-атаки), которые не всегда охватываются существующими правовыми нормами.

В качестве положительного примера международного сотрудничества можно отметить деятельность Глобального форума по киберпреступности, а также инициативы интерпола по созданию единых баз данных о киберпреступниках. Вместе с тем, отсутствие универсальной конвенции ООН о киберпреступности ограничивает возможности глобального реагирования. Для повышения эффективности противодействия ИТТ-мошенничеству необходима выработка комплексного подхода, включающего следующие меры:

- Унификация законодательства – разработка и принятие всеобъемлющей конвенции ООН по киберпреступности, которая установила бы единые стандарты криминализации мошеннических схем и механизмы оперативного взаимодействия правоохранительных органов.
- Усиление трансграничного сотрудничества – создание международных центров по расследованию киберпреступлений с участием представителей различных государств (по аналогии с Европолом)
- Развитие превентивных мер – внедрение международных стандартов кибербезопасности для финансовых учреждений и ИТ-компаний, а также повышение цифровой грамотности населения

- использование технологий искусственного интеллекта – применение ИИ для мониторинга подозрительных транзакций и выявления новых схем мошенничества в режиме реального времени.

- Борьба с мошенничеством с использованием ИТТ требует скоординированных условий всего международного сообщества. Несмотря на существующие правовые механизмы, их эффективность остается ограниченной из-за быстро меняющихся технологий и отсутствия всеобъемлющей нормативной базы. Перспективы развития данной сферы связаны с укреплением международного сотрудничества, гармонизацией законодательства и внедрением инновационных методов противодействия киберпреступности.

Список источников

1. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). <https://base.garant.ru/4089723/>
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом" (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // Бюллетень международных договоров. 2004. N 1. С. 29 – 36.
3. Дехерт А.А. Детерминанты гиперлатентности преступлений, совершенных в виртуальном пространстве // Высокие технологии и инновации в науке: Сборник избранных статей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт "НАЦРАЗВИТИЕ", 2021. С. 229 – 232.
4. Димидов Д.С. Борьба с мошенничеством, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий: проблемы и пути решений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 491 – 494.
5. Приходько Д.В., Белькова А.А. Киберпреступность как глобальная проблема современности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4 (74). С. 90 – 94.
6. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е. А. Громовой. Москва: Проспект, 2022. 896 с.
7. Сатбаева А.М. Проблемы противодействия киберпреступности: опыт международного сотрудничества // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2024. № 3 (78). С. 211 – 221.
8. Фанцов П.П. Актуальные проблемы международного сотрудничества по обеспечению информационной безопасности // Форум. 2024. № 1(31). С. 303 – 307.
9. Хусаинов О.Б., Коржумбаева Т.М. Международный опыт правового регулирования противодействия преступности в сфере высоких технологий // Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есболатова 2023. № 1 (74). С. 359 – 369.
10. Введение в киберпреступность. Модуль 1. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. ООН, Вена, 2019. https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/Cybercrime_Module_1_Introduction_to_Cybercrime_RU.pdf

References

1. Convention on Cybercrime ETS N 185 (Budapest, November 23, 2001). <https://base.garant.ru/4089723/>
2. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism" (Concluded in Shanghai on June 15, 2001). Bulletin of International Treaties. 2004. N 1. P. 29 – 36.
3. Dekhert A.A. Determinants of hyperlatency of crimes committed in virtual space. High technologies and innovations in science: Collection of selected articles of the International scientific conference, St. Petersburg, November 27, 2021. St. Petersburg: Private scientific and educational institution of additional professional education Humanitarian National Research Institute "NATSRZAVITIE", 2021. P. 229 – 232.
4. Dimidov D.S. Combating fraud committed with the use of information and communication technologies: problems and solutions. Law and state: theory and practice. 2024. No. 12 (240). P. 491 – 494.
5. Prikhodko D.V., Belkova A.A. Cybercrime as a global problem of our time. Economy and business: theory and practice. 2021. No. 4 (74). P. 90 – 94.
6. Law of the digital environment: monograph. Edited by T.P. Podshivalov, E.V. Titova, E.A. Gromova. Moscow: Prospect, 2022. 896 p.
7. Satbaeva A.M. Problems of counteracting cybercrime: experience of international cooperation. Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2024. No. 3 (78). P. 211 – 221.
8. Fanцов P.P. Actual problems of international cooperation in ensuring information security. Forum. 2024. No. 1 (31). P. 303 – 307.

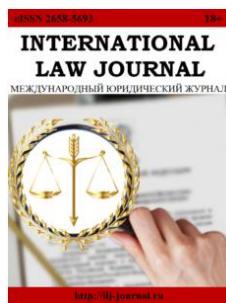
9. Khusainov O.B., Korzhumbaeva T.M. International experience of legal regulation of combating crime in the field of high technologies. Scientific works of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbolatov 2023. No. 1 (74). P. 359 – 369.

10. Introduction to cybercrime. Module 1. United Nations Office on Drugs and Crime. UN, Vienna, 2019. https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/Cybercrime_Module_1_Introduction_to_Cyber-crime_RU.pdf

Информация об авторе

Харбедия Г.А., аспирант, Московский государственный лингвистический университет, geohal6@mail.ru

© Харбедия Г.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 37.014.1

Содержание конституционного права на высшее образование в Российской Федерации: историко-правовой аспект

^{1,2} Дзодзиков З.У., ² Цалиев А.М., ² Хугаева Р.Г., ² Беликова С.Б.,

¹ Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,

² Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)

Аннотация: предметом рассмотрения в настоящей статье является содержание конституционного права на высшее образование по смыслу, который вкладывается в это право в Конституции Российской Федерации, законодательством и правоприменительной практикой. Рассматриваются основные нормативные акты, формулировки и принципы, определяющие гарантии и обязанности государства и граждан в сфере получения высшего образования. Особое внимание уделяется правовым механизмам и проблемам при реализации данного права, его месту среди других прав и свобод человека и истории становления. В статье рассматривается содержание конституционного права на высшее образование в Российской Федерации, анализируются его смысловое наполнение в Конституции РФ, законодательстве и правоприменительной практике, а также основные нормативные акты, принципы и гарантии, определяющие обязанности государства и права граждан в сфере высшего образования. В работе применены общие, общенакальные, частно-научные и специальные методы исследования, использован междисциплинарный и системный подход к изучению правового регулирования высшего образования. Статья выявляет эволюцию права на высшее образование от допетровской Руси до современности и подчеркивая его трансформацию в важнейшее социальное право, обеспечивающее реализацию других конституционных свобод и прав. Нормативное содержание права на высшее образование представляет собой комплекс гарантий на доступ всех граждан к качественному и бесплатному образованию на равных условиях с учетом вызовов времени. Развитие этого права видится ключевым фактором формирования демократического гражданского общества и социально ориентированного государства, а также способствует продвижению ценности научных знаний и интеллектуальной деятельности в постиндустриальном обществе. Право на высшее образование является важным условием реализации других основных прав и конституционных свобод. Нормативное содержание права на высшее образование закреплено нормативными актами, а на практике выражено в практических механизмах реализации права. При законотворческой деятельности в области решения имеющихся проблем в системе образования и в области совершенствования права на высшее образование должны учитывать потребности и приоритеты государства в специалистах и научных кадрах, а также мировые тенденции в области высшего образования и все более интенсивной академической мобильности.

Ключевые слова: высшее образование, доступность, законодательство, защита прав, конституционное право, конституция, нормативное регулирование, образовательная политика, правовая гарантия, реализация прав

Для цитирования: Дзодзиков З.У., Цалиев А.М., Хугаева Р.Г., Беликова С.Б. Содержание конституционного права на высшее образование в Российской Федерации: историко-правовой аспект // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 141 – 156.

Поступила в редакцию: 16 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Content of the constitutional right to higher education in the Russian Federation: historical and legal aspect

^{1,2} Dzodzikov Z.U., ² Tsaliev A.M., ² Hugaeva R.G., ² Belikova S.B.,
¹ North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
² North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)

Abstract: the content of constitutional right to higher education in the Russian Federation: historical and legal aspect. The subject of this article is the content of the constitutional right to higher education in the sense attributed to this right in the Constitution of the Russian Federation, legislation, and law enforcement practice. The main regulatory acts, formulations, and principles that define the guarantees and obligations of the state and citizens in the field of higher education are examined. Special attention is given to the legal mechanisms and issues in the realization of this right, its place among other rights and freedoms of individuals, and its history of development. The article explores the content of the constitutional right to higher education in the Russian Federation, analyzes its semantic filling in the Constitution of the Russian Federation, legislation, and law enforcement practice, as well as the main regulatory acts, principles, and guarantees that define the obligations of the state and the rights of citizens in the sphere of higher education. The work applies general, scientific, specific scientific, and specialized research methods, utilizing an interdisciplinary and systemic approach to studying the legal regulation of higher education. The article reveals the evolution of the right to higher education from pre-Petrine Russia to the present day, emphasizing its transformation into a crucial social right that ensures the realization of other constitutional freedoms and rights. The normative content of the right to higher education constitutes a set of guarantees for all citizens' access to quality and free education on equal terms, taking into account the challenges of the time. The development of this right is seen as a key factor in the formation of a democratic civil society and a socially oriented state, as well as promoting the value of scientific knowledge and intellectual activity in a post-industrial society. The right to higher education is an important condition for the realization of other fundamental rights and constitutional freedoms. The normative content of the right to higher education is enshrined in legislative acts, and in practice, it is expressed in practical mechanisms for the realization of the right. When legislating in the area of addressing existing problems within the education system and improving the right to higher education, it is essential to consider the needs and priorities of the state regarding specialists and scientific personnel, as well as global trends in higher education and the increasingly intensive academic mobility.

Keywords: higher education, accessibility, legislation, rights protection, constitutional law, constitution, regulatory framework, educational policy, legal guarantee, implementation of rights

For citation: Dzodzikov Z.U., Tsaliev A.M., Hugaeva R.G., Belikova S.B. Content of the constitutional right to higher education in the Russian Federation: historical and legal aspect. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 141 – 156.

The article was submitted: May 16, 2025; Approved after reviewing: July 20, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Совершенствование нормативно-правового регулирования и реформирования права на высшее образование является способом решения политических и идеологических задач, защиты государственных интересов в области экономики и национальной безопасности. Поэтому оно не может осуществляться без систематического уточнения базовых для этого смыслового поля понятий.

Конституционное право на высшее образование в России относится к социальным правам человека. Основным законом страны наряду с иными нормативными актами сформулированы приоритеты государственной политики в сфере образования и научной деятельности, образовательные стратегии, а также гарантии доступности, равных возможностей и принципы обеспечения качества высшего образования.

Созданием возможностей для реализации всеми гражданами права на высшее образование обеспечивается личностное развитие населения, формирование чувства профессиональной реализации, возможности участия граждан в культурной жизни общества и в интеллектуальном труде, что способствует движению к созданию общества равных возможностей, к устранению явлений дискриминации и иных нежелательных социальных явлений, продвигает ценность интеллектуального труда и его значения для постиндустриального общества.

Содержание конституционного права на высшее образование не является статичным и меняется параллельно с появлением новых явлений в жизни в целом и в образовательной политике страны в частности, реагируя, таким образом, на изменения политической, социальной и экономической ситуации в стране, а также на смену политических приоритетов и ориентаций.

С учетом эволюционного изменения конституционного права на высшее образование целью данной статьи является уточнение нормативного содержания права на высшее образование, уточнение ценностей, лежащих в его основе и место этого права среди иных основных прав и свобод человека. Также мы остановимся на некоторых важных моментах, зафиксированных в истории формирования права на высшее образование в России.

Такое уточнение выполняет две функции. Во-первых, оно способствует углубленному пониманию исторических и современных особенностей в правовом регулировании и реформировании системы высшего образования в России. Во-вторых, оно способствует ведению рациональной и последовательной законотворческой деятельности в области образовательной политики, решению выявленных проблем, имеющихся в системе высшего образования.

Материалы и методы исследований

С целью комплексного исследования содержания конституционного права на высшее образование, его теоретических основ и практической реализации в российской правовой системе, в том числе в исторической ретроспективе, в исследовании использованы общие, общенаучные, частно-научные и специальные методы, например, метод анализа научной литературы, аналитический, доктринальный, историко-правовой и в некоторой степени феноменологический методы.

В рамках междисциплинарного поля в основу исследования положен системный подход. На его базе изучаются явления, объекты и процессы в системе как широкое и неразрывное целое, как система взаимосвязанных элементов. Кроме того, система российского высшего образования рассматривается как часть глобальной системы социальных отношений.

Отметим многообразие подходов к изучению конституционного права на высшее образование как базы для государственно-правового регулирования сферы высшего образования. В каждом из подходов акцентируется внимание на одном или нескольких аспектах.

Например, Т.А. Гаврилина [1] изучает нормативное регулирование сферы высшего образования как единую, взаимосвязанную систему в контексте «регуляторной гильотины». Под «регуляторной гильотиной» понимается практика оптимизации управлеченческих процессов, основанная на систематическом критическом пересмотре нормативных и регулирующих актов для модификации, сокращения или удаления из совокупности нормативных документов ненужных, устаревших, избыточных (дублирующих) или конфликтующих положений, документов, правил и процедур в консультациях с заинтересованными сторонами. На наш взгляд, это способствует повышению эффективности регулирования, контролю эффективности новых правил и процедур, снижению административной нагрузки и устранению бюрократических барьеров, а также привлечению современных и релевантных методов управления.

В рамках формально-юридического подхода В.К. Гришина [2] рассматривает конституционное право на высшее образование как часть правовой системы, анализируя нормативные акты (в том числе международные) и юридические нормы. Она относит конституционное право на образование к субъективному праву личности. Отметим, при реализации конституционного права на высшее образование человек использует возможность, юридически предоставленную (обеспеченную) объективным правом, действовать в рамках системы правовых норм, удовлетворяя свои интересы.

С.М. Рукавишников [3], изучая механизмы административно-правового регулирования в сфере высшего образования и конституционно-правовые основы формирования его системы, обсуждает внесение поправок в Конституцию РФ и модернизационный потенциал ее положений, устанавливающих право на высшее образование и общие вопросы его организации. На наш взгляд, учет такого потенциала позволит сделать получение качественного и отвечающего потребностям современности высшего образования как целью, так и результатом деятельности органов законодательной и исполнительной власти.

М.С. Алексеева [4] подходит к изучению содержания права на высшее образование в аспекте выявленных многочисленных нарушений такого права по отношению к учащимся и слабой связи системы высшего образования с курсами повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Автор также предлагает рекомендации по эффективному внедрению элементов Европейской системы перевода и накопления баллов.

Совместный подход с историко-правовым и другими подходами, И.Ф. Никитина [5] изучает юридическую конструкцию и приводит характеристику конституционного права на образование, комментирует

основные этапы становления законодательства о высшем профессиональном образовании в Российской Федерации, обращается к специфике современной системы законодательства, основным конституционно-правовым принципам и конституционно-правовым гарантиям высшего профессионального образования в России.

В рамках сравнительно-правового подхода изучает нормативное закрепление права на высшее образование в России и зарубежных странах Т.В. Троицкая [6], применяя в своей работе функциональный, социально-правовой, философско-правовой и другие подходы.

Результаты и обсуждения

Право на высшее образование – это конституционно закрепленная возможность каждого гражданина получать качественное высшее образование на равных условиях, а также реализовывать свои профессиональные и личностные потребности и цели в образовательной и научной деятельности. Это социальное право, связанное с обеспечением доступа к знаниям, научной деятельности и культурным ценностям.

Статья 43 Конституции РФ устанавливает следующее: «Каждый имеет право на образование. Государство обеспечивает доступность и бесплатность начального общего, основного общего и среднего профессионального образования. Высшее образование осуществляется на конкурсной основе».

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» конкретизирует содержание этого права, устанавливая принципы организации и реализации образовательных программ.

Это закрепление подчеркивает приоритетность данного права в системе основных свобод граждан. Кроме того, статья 19 гарантирует равенство всех перед законом и судом, что дает равный доступ к получению высшего образования независимо от пола, национальности или социального происхождения.

Право на высшее образование включает не только возможность обучения, но и гарантии его реализации – доступность, равенство возможностей, качество образования и свобода выбора образовательных программ [7, 8].

Отметим ключевые характеристики права на высшее образование:

- социальная природа права, обеспечивающая социальную мобильность и равенство возможностей для получения знаний независимо от социального происхождения;
- гарантированность, то есть закрепленность права в основном законе страны (Конституция РФ) и регулирование федеральным законодательством;
- многоаспектность (под которой подразумевается право на получение образования различных уровней (бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура), участие в научной деятельности;
- обеспеченность государством (создание органами власти условий для реализации этого права с помощью механизмов финансирования образования, создания образовательной инфраструктуры и совершенствования нормативно-правовой базы в области высшей школы).

К элементам нормативного содержания права также следует отнести:

- доступность (право свободно выбирать образовательные учреждения и программы без необоснованных препятствий);
- недопустимость дискриминации по признакам пола, национальности, вероисповедания или социального происхождения (равенство возможностей);
- качество образования (государство обязано обеспечивать стандарты качества обучения);
- бесплатный характер (статья 43 Конституции РФ предусматривает право на получение высшего образования бесплатно – на конкурсной основе);
- гарантии социальной поддержки (стипендии, гранты и иные меры поддержки студентам из малообеспеченных семей или нуждающимся).

Приведенное выше нормативное содержание и структурные элементы установлены федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» и другими нормативными актами.

Обеспечение доступа граждан к высшему образованию способствует формированию информированного гражданского общества, развитию критического мышления человека, формированию активной гражданской позиции [9]. Тем самым реализуется демократический потенциал права на высшее образование.

Выделим основные принципы содержания конституционного права на высшее образование:

- доступность;
- государственная поддержка;
- конкурсный принцип;
- автономия образовательных учреждений;
- качество образования.

Направления развития для системы образования в целом и высшего образования в частности задаются документами стратегического планирования федерального уровня: законами и подзаконными актами, стратегиями национальной и экономической безопасности Российской Федерации, стратегиями научно-технологического, пространственного развития Российской Федерации, ежегодными посланиями Президента Российской Федерации Федеральному собранию, документами национальных проектов, государственных программ и т.п.

Указанные акты определяют образование как стратегический национальный приоритет, а стратегическая цель государственной политики в области образования состоит в повышении доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и человека [10].

Становление и развитие права на высшее образование

По историческим и законодательным источникам можно проследить историю постепенного развития права на высшее образование в Российской империи и СССР, где формировались первые системы образования и правовые нормы, регулирующие доступ к высшему образованию.

Вопрос о начале университетского образования в России до сих пор относится к числу дискуссионных. По мнению доктора исторических наук Анатолия Авруса [11], историю российских университетов следует начинать с 8 февраля 1724 г. (по новому стилю), когда Сенат принял указ об учреждении Академии наук с Петербургским университетом и гимназией, а 7 января 1726 года состоялось официальное открытие Академии.

Однако мысль о необходимости создания университета возникла гораздо раньше, когда Борис Годунов в 1600 г. направил в Германию Иоанна Крамера для поиска профессоров и организации их прибытия в Москву. Сопротивление духовенства заставило Бориса Годунова отказаться от этой идеи. Лжедмитрий I также высказывался за открытие университета, но осуществить планы не успел [12].

В Москве университет появляется в 1755 году. В это время многие европейские университеты переживали процессы реформирования, а в некоторых странах от университетской формы организации высшего образования и вовсе отказываются.

В.И. Добреньков и Т.Ю. Полежаева [13] указывают на двойственность задач, стоящих перед университетами любой страны и эпохи. Цитируя М. Фурмана, они пишут, что, с одной стороны, вузы должны подготовить профессионалов для удовлетворения запроса общества, бизнеса, государства. С другой стороны, университеты должны заниматься научно-исследовательской работой. Этой двойственностью объясняется то, что университеты могут переживать кризисные времена, период упадка или возрождения: «...с одной стороны, университет транслирует полезные знания и потому пользуется спросом как учреждение, дающее престижные профессии, с другой – он не желает растворяться в служении церкви, государству и обществу, но стремится развивать науку ради нее самой» [14].

Важным событием рассматриваемого процесса стало принятие Университетского устава 1804 г. В нем излагались принципы управления университетами и учебным процессом. Основная роль в управлении университетом отводилась Совету профессоров, который избирал ректора и определял учебный процесс. Данная реформа имела ограниченное влияние на реальное состояние российских университетов.

В России в начале XIX века высшее образование было доступно ограниченному кругу лиц из состоятельных семей, принадлежавших к кругу аристократии.

В 1809 г. Вильгельм фон Гумбольдт основывает в Берлине университет по принципиально иной модели. В нем преподавание неразрывно связано с развитием науки. Студенты занимаются научной работой в библиотеках и лабораториях помимо классического посещения лекций. Новая форма организации университетского обучения через науку быстро доказывает свою эффективность, завоевывает популярность и распространяется в Европе.

В России реформирование университетов по типу Гумбольдтовского осуществляется под руководством министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова. В 1835 г. появляется новый Университетский устав. Документ существенно ограничил университетскую автономию, передав основные рычаги управления попечителям учебных округов, но привел и к позитивным переменам: появлению университетов нового типа, где проводится как обучение, так и серьезные научные исследования.

Отмена крепостного права при Александре II во второй половине XIX века потребовала реформирования системы государственного управления во многих ее аспектах (судебная реформа, создание земского и городского самоуправления, ограничение использования телесных наказаний, ослабление цензуры, реформа армии). Наконец, не обойтись было и без реформы образования. Развитие сельского хозяйства и промышленности, новые суды, армия, полиция, земства требовали подготовленных специалистов по новым

специальностям, которых старая образовательная система не готовила, как не готовила и преподавателей для открывающихся новых кафедр.

Подготовка университетской реформы началась в 1856 г., а активизировалась под влиянием беспорядков в студенческой среде. Параллельно с разработкой реформы выпускники российских университетов направляются на стажировку в Европу, чтобы по возвращении занять преподавательские должности на новых кафедрах в преобразованных университетах.

Принятие Общего устава императорских российских университетов 18 июня 1863 г. [15] стало важным шагом к правовому признанию принципов и ценностей демократизации высшего образования, стало закреплением основ университетской автономии и академической свободы. Наиболее известное положение Университетского устава 1863 г. – введение выборности ректоров и профессоров.

В тот же день были открыты все факультеты закрытого из-за беспорядков Санкт-Петербургского университета, было реорганизовано Министерство народного просвещения. Реформа была призвана создать условия для развития и подъема высшей школы на качественно новый уровень.

Устав 1863 г. главную роль в управлении университетом отводит Университетскому совету (собранию всех ординарных и экстраординарных профессоров университета) с широкими полномочиями. На данном совете избирали ректора и проректора. Устав рассматривал обязательное участие профессоров в заседаниях Университетского совета (т.е. в управлении университетом) не как право, а как обязанность. Введена двухступенчатая система выборов. Устав предусматривал механизмы подготовки квалифицированных преподавательских кадров. Также вводился институт внештатных преподавателей.

Утверждением документа под названием «Штаты императорских российских университетов» годовая плата преподавателей была повышена в два и более раз по сравнению с дореформенными цифрами.

В Уставе оговаривалось требование к наличию в университете таких подразделений, как библиотека, музеи, клиники, лаборатории. Оговаривалось право университетов свободно и беспошлинно (т.е. без проволочек и без досмотра на приграничной таможне) выписывать из-за границы учебные пособия. Также не предусматривалось цензурирование зарубежных книг, рукописей и периодических изданий, получаемых университетами. Фактически был установлен особый режим снабжения высших учебных заведений. Важным было и то, что Устав предоставил университетам право создавать «ученые общества». Об том Д.И. Менделеев высказался следующим образом: «Освобождение крестьян, можно сказать, совпало с освобождением русской науки» [16].

Университетская реформа Александра II была частью более масштабной реформы образования в целом. Она оживила научную и учебную жизнь в университетах, но не решила всех проблем. Она также подверглась мощной критике. В 1884 г. новый Университетский устав покончит с автономией российских университетов [17].

В этот период наблюдается активизация процессов регулирования высшего образования через нормативные акты и уставы университетов. В 1908 г. был введен Закон о высших учебных заведениях. Этот закон формально устанавливал права и обязанности студентов и преподавателей, правовой статус указанных социальных групп [18, 19].

Законодательные акты сыграли большую роль в закреплении права граждан на получение высшего образования. Законом 1908 г. устанавливалось, что получение высшего образования является правом каждого гражданина, но при этом должны соблюдаться установленные академические требования. Закон свидетельствует о начале процесса закрепления в правовой системе понятия «права на высшее образование» как гарантированного гражданского права, а не как сословной привилегии.

В XIX – начале XX в. образование стало важнейшим аспектом государственной политики, направленным на модернизацию общества и укрепление национальной идентичности. Одним из ключевых этапов было закрепление права на высшее образование как социальной ценности и федеральной гарантии на законодательном уровне.

Развитие этого права продолжилось в советский период, однако формально закреплено было еще в дореволюционной России. М. Сидоренко [20] отмечает, что именно в императорский период заложены основы нормативного регулирования доступа к высшему образованию, которые оказали влияние на дальнейшие правовые этапы.

В ранний советский период право на высшее образование стало одним из приоритетных направлений в государственной политике в части создания системы бесплатных вузов и развития области научных исследований. М.О. Ивова [21] отмечает, что заложенные в 1917-1930 гг. принципы высшего образования актуальны до сих пор. Более того, для изучения истории законодательства о высшем образовании этот период особо значим, так как именно тогда происходили коренные изменения в системе образования.

Разнородные нормативно-правовые акты о реформировании системы высшего образования становятся для исследовательницы базой для выявления двух тенденций – централизации и демократизации. Эти тенденции способствовали решению политических задач, стоявших перед советской властью. Законодатель и представители власти понимали образование как способ формирования базы политического режима. Такая база (масса людей) виделась как подконтрольная и политически лояльная. Частые реформы становились показателем активного поиска способов оптимизации в решении задач обеспечения получения высшего профессионального образования гражданами, развития производства и экономического роста.

С одной стороны, частая смена подходов к развитию системы профессиональной подготовки является показателем того, что государство оперативно реагирует на выявляемые трудности. С другой стороны, неэффективность некоторых решений является естественной и неизбежной в процессе становления нового подхода к образовательной политике и в процессе реализации пилотных инициатив и анализа их результатов.

Пересматривались принципы ее построения, организационная модель и содержательное наполнение для обеспечения доступности высшего образования и решения экономических задач. Принимавшиеся нормативно-правовые акты предусматривали основные принципы, по которым строилась образовательная система, регламентировали структуру органов управления образованием и органов управления высшим учебным заведением.

С целью расширения социального состава студентов высших учебных заведений был принят Декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» [О правилах приема в высшие учебные заведения [Электронный ресурс]: Декрет СНК РСФСР от 02.08.1918 // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8667#qptDGnUrvXCAOr3P> (дата обращения: 05.08.2025)]. Все граждане, независимо от гражданства и пола, с 16 лет могли стать слушателями любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании какой-либо школы. Вводился запрет на взимание платы за обучение в высших учебных заведениях. Гарантировалось преимущественное право приема в высшее учебное заведение представителей пролетариата и беднейшего крестьянства с предоставлением стипендий. Также привлечение представителей пролетарской и крестьянской среды в систему профессионального образования планировалось через рабочие факультеты.

После решения первоначальной задачи по привлечению в сферу высшего образования рабочего класса и крестьянства государство стало вводить дополнительные требования к обучающимся. Таких требований со временем становилось все больше.

Таким образом, принимаемые государством в те годы меры указывают на демократизацию образования. Это выражалось в его большей доступности, в том числе и за счет снятия ограничений по половому и национальному признаку. Очевидные преимущества при зачислении в высшие учебные заведения представлялись представителям ранее эксплуатируемых классов. Многие решения государства способствовали пролетаризации состава учащейся молодежи.

В СССР, таким образом, конституционное право на бесплатное высшее образование было гарантированным для всех граждан, при этом не играло роли их происхождение, раса, этническое происхождение, пол и социальное положение. Помимо университетов высшее образование можно было получить в академиях, институтах, заводах-втузах и т. п. по широкому кругу специальностей. Появилось заочные и вечерние формы обучения, позволяющие совмещать работу с учебой или исполнением семейных обязанностей.

Перестройка системы народного образования в 1950-х гг. и в первой половине 1960-х гг. дала системе высшего образования импульс к стремительному развитию. В 1950-1955 гг. в СССР было открыто 50 новых высших учебных заведений (к концу 1950-х гг. их число достигло 766). При этом советское правительство учитывало требование соблюдения баланса между специалистами с высшим образованием и квалифицированными рабочими со средним специальным образованием, которых требовалось почти втрое больше. Все решения принимались с учетом перспективных потребностей, заявленных через государственные отраслевые и производственные комитеты соответствующими отраслями народного хозяйства и с учетом предложений перепрофилирования с учетом технического и производственного прогресса [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 10. Москва: Политиздат, 1986. 638 с.]. В 1955 г. в СССР насчитывалось около 10 000 профессий и нередко будущую профессию выбирали по справочнику для поступающих.

После XX съезда КПСС правила поступления в вузы СССР были скорректированы. Новшество заключалось в предоставлении преимуществ при поступлении тем абитуриентам, у которых имелся двухлетний

стаж работы на производстве после выпуска из средней школы. В эту группу также были включены граждане, уволенные из рядов вооруженных сил и участники Великой Отечественной войны. По-прежнему предпочтение имела и рабочая молодежь.

Некоторые постановления правительства СССР об оплачиваемых учебных отпусках студентам и других льготах способствовали реализации принципа взаимосвязи теории и практики. Однако не всегда качество вечернего и заочного образования было приемлемым по сравнению с иными формами обучения. В том числе поэтому в середине 1960-х гг. форсирование процесса получения образования без отрыва от производства было приостановлено [22].

Технический и научный прогресс диктовал необходимость введения новых специальностей и проектирования новых направлений подготовки обучающихся. Иногда это требовало объединения высших учебных заведений, реорганизации факультетов, создания новых кафедр, лабораторий. Советская молодежь имела не только право самостоятельно определять свое профессиональное будущее, но и получить высшее образование не по своей воле.

Так, добровольность выбора направления подготовки в 1959 г. дополнилась практикой, в рамках которой промышленным предприятиям, стройкам, колхозам и совхозам было предоставлено право направлять работающую молодежь на прохождение обучения в советские высшие учебные заведения [Об участии промышленных предприятий, совхозов и колхозов и в подготовке специалистов для своих предприятий [Электронный ресурс] : Постановление Совмина СССР от 18.09.1959 № 1099 (с изм. от 01.09.1983) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6719#QDoqPnUPE2QcMLdV>: (дата обращения: 05.08.2025).] с выплатой стипендии командирующей организацией и с сохранением рабочего места в ней. Позднее перечень таких командирующих организаций был расширен. Стоит также не забывать о том, что направление с работы не гарантировало стопроцентного поступления, и приходилось все равно готовиться к вступительным экзаменам.

В 1950-1960-е гг. велся активный поиск путей совершенствования советской системы высшего образования. Более того, целый ряд решений очень быстро показал свою эффективность и целесообразность благодаря достигнутой оптимизации учебного процесса [23].

После распада СССР произошли существенные изменения, ранее в системе образования СССР неизвестные: введение платных форм обучения, расширение конкуренции между образовательными учреждениями, развитие международного сотрудничества, попытки интеграции с международными системами и процессами. Важным этапом стало закрепление этого права в Конституции РФ 1993 года [Конституция..., 1993].

В настоящее время право на высшее образование закреплено в Конституции РФ и федеральных законах, что является закономерным развитием исторического процесса, начавшегося в Российской империи. Таким образом, становление этого права прошло путь от узкосословного привилегированного доступа к свободному и гарантированному гражданскому праву в современной правовой системе.

Таким образом, после длительной истории развития университетам и в наши дни приходится адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Присоединение российской системы образования к Болонскому процессу, адаптация западных принципов системы высшего образования к российской влечет за собой много споров о целесообразности и эффективности. Остается актуальной изучение и оценка подходов и качества советского образования, применимости достижений и практик, например, практики государственного заказа.

В наше время государственную политику в сфере образования можно назвать единой, а к тенденциям нашего времени можно отнести внедрение научометрических подходов к оценке эффективности и качества научной работы и образовательной деятельности, интеграцию в международные системы и процессы в области образования, совершенствование законодательства, предусматривающего расширение возможностей для получения образования за счет внедрения дистанционных технологий и новых форм финансирования (гранты, целевое обучение), развитие международного сотрудничества.

Система образования в Российской Федерации устойчива. Ее функционирование, как говорилось выше, регулируется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», другими федеральными законами и нормативными правовыми актами. В 2023 году посредством внесения некоторых законодательных инициатив была также обеспечена интеграция в российскую образовательную систему новых субъектов Российской Федерации.

Составляя характеристику системы высшего и дополнительного профессионального образования, мы должны учитывать, в каком состоянии находится сеть образовательных учреждений, учитывать особенно-

сти контингента обучающихся, образовательных программ и технологий, учитывать источники финансирования, специфику кадрового состава и инфраструктуры учреждений образования.

В 2023 году система высшего образования Российской Федерации состояла из 724 организаций, распределение которых по форме собственности и подчиненности представлено на рис. 1.

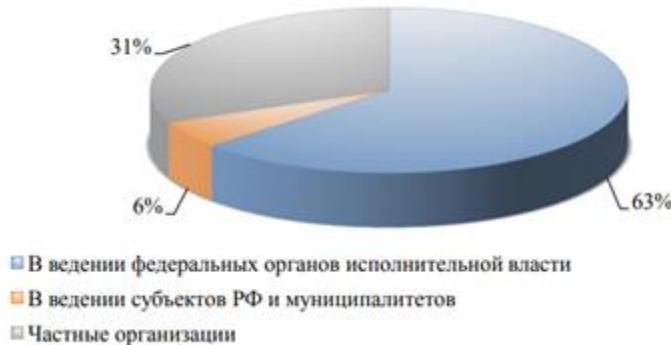

Рис. 1. Распределение количества вузов по форме собственности и подчиненности [10].

Fig. 1. Distribution of the number of universities by type of ownership and subordination [10].

Актуальными являются вопросы обеспечения равных условий для всех граждан при поступлении и обучении; повышения качества образования; защиты прав студентов; интеграции российского законодательства в международные системы и процессы в области высшего образования и все более интенсивной академической мобильности.

Среди ключевых задач, стоящих перед Министерством образования и науки Российской Федерации, первоочередно отметим задачу создания новой национальной системы высшего образования. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» [О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49210> (дата обращения: 05.06.2025).] предусмотрено продолжение реализации пилотного проекта по апробации новой модели высшего образования, состоящей из нескольких уровней. На 2024–2025 годы планировалась работа по изменению нормативного правового регулирования в сфере высшего образования, и реализация перехода к новой системе высшего образования с 1 сентября 2026 г. Целью этой работы было улучшение позиции Российской Федерации в первой десятке стран мира по ряду критериев (например, объем научных исследований и разработок) [10].

Этот указ положил начало правовому эксперименту в рамках поиска наиболее рациональной формы для организации высшего образования. В эксперименте приняли участие несколько высших учебных заведений, занимающих в России лидирующие позиции в своей области. Согласно упомянутому указу, высшее образование подразделяется в России на базовое и специализированное, а профессиональное образование осуществляется на уровне аспирантуры.

О.Т. Сланов с соавторами [7] указывает на преждевременность анализа результатов реализации конституционного права на высшее образование в рамках данного правового эксперимента. На наш взгляд, это связано, во-первых, с тем, что нет значимых и заметных итогов реализации соответствующего пилотного проекта (который должен продлиться до завершения 2025/2026 учебного года). Во-вторых, это связано с самой экспериментальной сутью этого процесса.

В численности студентов российских вузов наблюдался спад в 2019-2021 гг. (рис. 2). В 2023 г. эта цифра выросла на 4,7 %, если сравнивать с предыдущим годом, достигая 4,33 млн обучающихся. Колебания численности связаны с демографическими, социальными тенденциями, трансформацией самой системы образования. Так, во-первых, выросла численность молодежи в возрасте 18-24 года; во-вторых, некоторые граждане стали реализовывать отложенный в ходе пандемии спрос на высшее образование после неё. Определенную роль в колебаниях численности играет присоединение новых территорий, коммерциализация сектора образования, развитие технологий дистанционного обучения, система квотирования бюджетных мест в вузах, система целевого обучения, система бесплатного обучения лиц предпенсионного возраста и лиц, признанных безработными, система налоговых вычетов.

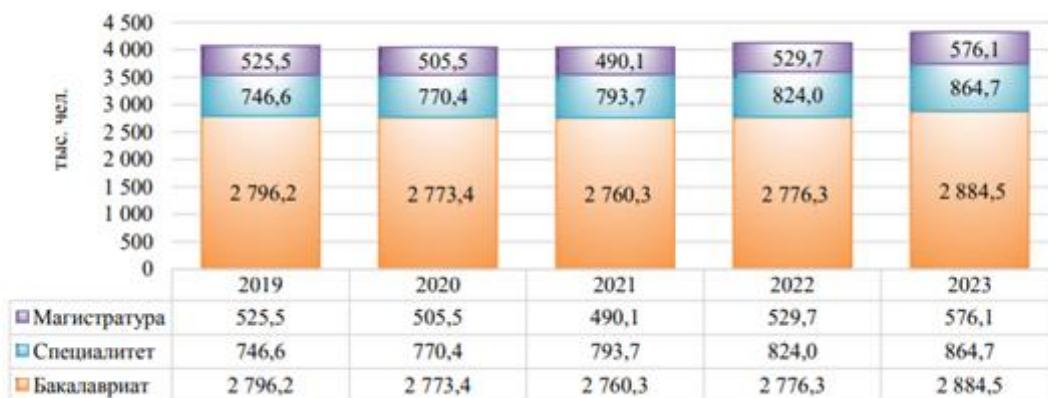

Рис. 2. Динамика численности российских студентов, обучающихся по программам высшего профессионального образования, тыс. человек [10].

Fig. 2. Dynamics of the number of Russian students studying in higher professional education programs, thousand people [10].

Это значительное количество говорит о том, что при всех пробелах система работает, высшее образование ценится и учащиеся могут полностью реализовать свое право на высшее образование. То есть усилия законодателей, реформаторов и надзорных органов показывают свою эффективность.

Перечислим, некоторые проблемы, с которыми могут столкнуться или ежедневно сталкиваются эти четыре миллиона студентов. Проблемы, которые намечены к обсуждению, связаны с содержанием права на высшее образование, предусмотренного Конституцией Российской Федерации. Их комплексное понимание способствует совершенствованию законотворческой практики.

Несовершенство нормативного регулирования ведет к тому, что существующие законы и подзаконные акты не всегда полностью отражают конституционные гарантии, что приводит к разнотениям и правовой неопределенности.

Ограниченностю доступа для определенных групп граждан означает, что, несмотря на закрепление права, фактический доступ к высшему образованию может быть затруднен из-за высокой стоимости обучения и сопутствующих расходов, недостатка бюджетных мест, социально-экономических барьеров, географического фактора, фокуса государства на системе квот для иностранных студентов или предусмотренных мест для определенных категорий российских граждан, из-за дискриминационных практик, бюрократических барьеров и недостаточной прозрачности процедур.

Конкретизируем некоторые указанные выше барьеры в реализации права на высшее образование. Так, М.А. Кирюшина и В.Н. Рудаков [24] изучают гендерное неравенство в системе образования в тесной связи с дискриминацией на рынке труда, что представляется справедливым, учитывая, что при выходе на рынок труда сегрегация по образовательным специальностям выражается в сегрегации по профессиям и отраслям занятости.

Авторы заключают, что высшее образование действительно помогает снизить гендерное неравенство, но отмечают и целый ряд факторов, в том числе связанных с системой образования, которые способствуют сохранению высокого уровня гендерного неравенства и действуют на разных этапах взаимодействия человека с системой образования. К основным факторам, закрепляющим гендерное неравенство со стороны образовательной системы, упомянутые исследователи относят гендерную сегрегацию по специальностям, в рамках которой происходит отбор и самоотбор женщин на направления подготовки, дающие доступ к относительно низкооплачиваемым профессиям, а также различия в стратегиях накопления человеческого капитала и формирование скрытого учебного плана.

М.А. Кирюшина и В.Н. Рудаков полагают, что определенный уровень гендерного неравенства на рынке труда будет сохраняться, в силу биологических и иных различий между мужчинами и женщинами. Меры по снижению гендерного неравенства должны, по мнению этих авторов, быть комплексными, затрагивать как образовательные институты, так и рынок труда и проводиться параллельно в сфере образования и на рынке труда.

В сфере образования указанные исследователи предлагают ряд мер как наиболее перспективных, направленных на снижение гендерной сегрегации на этапе выбора специальности (направления подготов-

ки): обновление системы профориентации, снижение издержек от смены образовательной траектории, меры позитивной дискриминации (квоты и стипендии для обучения девушек на STEM-специальностях), корректировка скрытого учебного плана, формирование образовательных траекторий без ретрансляции гендерных стереотипов [24].

В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова и Ж.А. Шаповал [25] называют бюрократию в вузах нашей страны самой влиятельной корпорацией. Они пишут о том, что требуется провести социологический анализ статуса вузовской бюрократии с ее положительными и отрицательными следствиями в процессе ее эволюции. При всем многообразии исследований на эту тему указанные авторы утверждают, что многие фундаментальные вопросы в связи с бюрократией в вузах пока остаются без ответа. По их мнению, в вузах наблюдаются практики, замкнутые на формальную рациональность, ориентированные на соответствие нормативным актам и служебным инструкциям, рациональность ради рациональности. Они во многом взаимно противоречивы, но расширяенно воспроизводятся. Указанные авторы справедливо указывают на недостаточное осмысление причинно-следственных связей в процессе формирования и эволюции бюрократии в вузах.

Делаются попытки решать этот пул проблем практикой целевого набора в высшие учебные заведения, включая все уровни высшего образования, аспирантуру, докторантuru. При целевом наборе после реализации права на высшее образование успешно закончивший вуз выпускник обязан отработать от трех до пяти лет в организации, предусмотренной договором о целевом обучении.

Также решению проблем этой группы способствуют программы типа «колледж-вуз». Последние представляют собой образовательную модель, в рамках которой объединяется среднее профессиональное образование в колледже и высшее образование в высшем учебном заведении. Учащиеся в результате оконченного курса обучения получают диплом о среднем профессиональном образовании. После этого они могут продолжить обучение в конкретном высшем учебном заведении, часто на льготных условиях при поступлении. Кроме того, может рассматриваться и сокращенная продолжительность обучения. Тем самым создаются возможности для получения дополнительной профессии и повышения шансов на трудоустройство. Высшее образование становится доступнее и может быть «встроено» в жизнь при его совмещении с ранним началом трудовой деятельности по специальности.

Наблюдается проблема неравенства возможностей при получении образования, созданная различиями в качестве и доступности образования между регионами, а также между государственными и частными вузами. Таким образом, создаются неравные условия для реализации права. Решению проблем этого рода способствуют практики аккредитации образовательных программ, лицензирования, контроля и надзора в области образовательной деятельности.

Недостаточность государственного финансирования системы высшего образования также ведет к ухудшению качества образования и ограничивает возможности студентов.

В некоторых случаях можно говорить о высокой формализованности системы высшей школы в России, в которой наблюдается некоторая ограниченность свободы выбора образовательных программ, когда государственные стандарты и регламенты ограничивают разнообразие образовательных программ и свободу академической деятельности [26].

Зависимость системы высшей школы от политической повестки дня ведет к принудительной остановке процессов интеграции российской высшей школы с международными образовательными системами, международными образовательными стандартами, выходу из Болонского процесса [27, 28, 29]. С учетом признанного качества советского образования обсуждение того, пойдет ли на пользу системе высшего образования остановка таких процессов, не входит в задачу в настоящей статье. Но это однозначно может снижать конкурентоспособность российского высшего образования на международной арене и конкурентоспособность российских дипломов на международном рынке труда.

Каждая из этих проблем, наряду с неупомянутыми здесь, требуют системного решения для полноценной реализации конституционного права на высшее образование в соответствии с современными требованиями, которые диктует развитие общества в нашей стране.

Упомянутые проблемы в системе высшей школы говорят о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и разработки мер, позволяющих на практике обеспечить реализацию важнейшего конституционного права.

Место конституционного права на высшее образование в системе основных прав и свобод

Конституционные права и свободы, принадлежащие человеку и гражданину по закону, должны рассматриваться как основа при построении правового государства. Среди них обратим внимание на место права на высшее образование. Оно становится одним из важнейших инструментов реализации потенциала гражданина как личности, средством социальной мобильности (социальным лифтом) и признаком демократии.

тического развития общества. В российской конституционной системе право на получение высшего образования является одним из приоритетных элементов в ряду социальных прав [30].

Социальные права человека направлены на защиту человеческого достоинства, социальной справедливости и гуманитарные аспекты жизни [31].

Понятие достойной жизни и ее достаточного уровня заложено в содержание социальных прав, предусмотренных конституцией. Государство несет обязательства, т. е. должно обеспечить достойный уровень жизни (получения справедливого дохода не ниже установленного минимума в ходе трудовой деятельности, а при его отсутствии – возможность прибегнуть к государственной социальной помощи в установленном объеме) [31].

Перечислим социальные права человека, признанные в нормативных документах Российской Федерации:

1. Право на образование гарантирует доступ к обязательному, среднему и высшему образованию, свободный доступ к знаниям и обучению всем гражданам России.

2. Право на здоровье предусматривает доступ к медицинской помощи, профилактике заболеваний и сохранению здоровья, право на получение качественного медицинского обслуживания.

3. Право на социальную защиту включает меры государственной поддержки в случае, когда гражданин сталкивается с инвалидностью, старостью, бедностью и прочими подобными жизненными обстоятельствами.

4. Право на труд и профессиональную деятельность гарантирует свободное трудоустройство, справедливые условия труда, защиту от дискриминации в труде.

5. Правом на жилище обеспечивается возможность легального и безопасного проживания, недопущение произвола в отношении человеческого жилья.

6. Правом на участие в культурной жизни предусмотрена возможность участия в культурных, образовательных и духовных мероприятиях, сохранение национальных культурных ценностей [31].

Социальные права важны для социального развития и гуманитарного благополучия, обеспечения достойных условий жизни, равных возможностей и человеческого достоинства.

Важно отметить, что в рамках системы основных прав право на получение высшего образования в то же время становится и инструментом для реализации других прав человека и гражданина. Это право на труд, право на участие в управлении государством, право на свободу слова и доступ к информации, право на культурную деятельность.

Право на высшее образование способствует формированию институтов и продвижению ценностей гражданского общества, укреплению демократических институтов, торжеству социальной справедливости [32]. Оно является элементом концепции социального государства, закрепленной в Конституции Российской Федерации [33].

Выводы

Право на высшее образование в Российской Федерации в его современном виде прошло длительный путь становления – от первых законодательных актов в Российской империи до его закрепления в Конституциях СССР и РФ как важнейшего социального права.

Анализ развития российской и советской систем образования, стратегий и практик позволяет заключить, что они формировались в основном в форме реализации государственной политики. При этом в дореволюционный период развитие системы образования сдерживалось посредством контролирующих функций самодержавного государства, когда те или иные решения по факту становились препятствием на пути развития.

Нормативное содержание права на высшее образование представляет собой комплекс гарантий на доступ всех граждан к качественному и бесплатному образованию на равных условиях с учетом вызовов времени. Развитие этого права видится ключевым фактором формирования демократического гражданского общества и социально ориентированного государства, а также способствует продвижению ценности научных знаний и интеллектуальной деятельности в постиндустриальном обществе.

Право на высшее образование является важным условием реализации других основных прав и конституционных свобод.

Нормативное содержание права на высшее образование закреплено нормативными актами, а на практике выражено в практических механизмах реализации права. При законотворческой деятельности в области решения имеющихся проблем в системе образования и в области совершенствования права на высшее образование должны учитываться потребности и приоритеты государства в специалистах и научных кадрах, а также мировые тенденции в области высшего образования и все более интенсивной академической мобильности.

Список источников

1. Гаврилина Т.А. К вопросу о государственно-правовом регулировании сферы высшего образования в контексте "регуляторной гильотины" // Проблемы и перспективы реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Сборник статей / Отв. ред. Т.Н. Матюшева, С.С. Баева, А.А. Кузнецов; СКФ ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия". Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2024. С. 140 – 145. ISBN 978-5-91718-770-9
2. Гришина В.К. Конституционное право гражданина Российской Федерации на образование // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-3. С. 58 – 61. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10751
3. Рукавишников С.М. Конституционно-правовые основы формирования механизма административно-правового регулирования в сфере высшего образования // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5. С. 46 – 53. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.046-053
4. Алексеева М.С. Реализация принципа справедливости в образовании // Проблемы Науки. 2016. № 20 (62). С. 82 – 84.
5. Никитина И.Ф. Конституционно-правовые основы высшего профессионального образования в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2005. 169 с.
6. Троицкая Т.В. Конституционно-правовые основы права на высшее образование в России и зарубежных странах // Вестник СГЮА. 2012. № 5 (88). С. 47 – 51.
7. Сланов О.Т., Дзодзиков З.У., Хугаева Р.Г., Бекоева Т.А. О некоторых проблемах реализации конституционного права на высшее образование В России // Административное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 63 – 76. DOI: 10.7256/2454-0595.2024.5.71910 EDN: ESPGAP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71910
8. Сланов О.Т., Дзодзиков З.У., Хугаева Р.Г., Бекоева Т.А. Ценностные основы в правовом статусе педагога: позиции Конституционного суда Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 35 – 51. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.3.71907. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71907
9. Сланов О.Т. Соматическое правосознание: психолого-педагогический и философско-правовой аспекты // Юридическое образование и наука. 2024. № 1. С. 26 – 33. DOI: 10.18572/1813-1190-2024-1-26-33
10. Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования [Электронный ресурс]. Москва: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 2024. 198 с. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orIaXtI.pdf#page=8&zoom=100,109,76> (дата обращения: 05.05.2025)
11. Аврус А.И. История российских университетов: курс лекций / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005. ISBN 5-292-03477-0.
12. Zhdanova T.A., Kashirsky S.N., Makarova A.A. Peculiarities of the Higher Education System in Russia // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2024. No. 22 (24). P. 54 – 61. DOI 10.5281/zenodo.11152402
13. Добреньков В.И., Полежаева Т.Ю. Идея классического университета: от зарождения до кризиса // Социология. 2023. № 5. С. 5 – 12.
14. Фурман М. Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет // Вопросы образования. 2010. № 3. С. 32 – 48.
15. Волосникова Л.М. Университетский устав Российской империи 1863 года – режим академической свободы // История государства и права. 2006. № 5. С. 13 – 16.
16. Шеваль Е. Университетская реформа 1863 года [Электронный ресурс] // Троицкий вариант. 2013. № 15 (134). 30 июля. Режим доступа: https://elementy.ru/nauchnopoпулярная_biblioteka/432083/Universitetskaya_reforma_1863_goda (дата обращения: 05.05.2025)

17. Россия. Министерство народного просвещения. Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. / Россия; Министерство народного просвещения. С.-Петербург: Типо-лит. С.-Петербург. тюрьмы, 1901. 270 с.
18. Иванова А. История высшего образования в России: этапы и правовые основы // Российский журнал образования. 2022. № 15 (3). С. 45 – 65.
19. Петрова Е. Законодательное регулирование высшего образования в Российской империи // Историко-правовые исследования. 2021. № 19 (2). С. 78 – 93.
20. Сидоренко М. Эволюция правового статуса высших учебных заведений в России // Наука и право. 2023. № 27 (1). С. 112 – 130.
21. Ивова М.О. Становление советского законодательства в сфере высшего образования в период с 1917 по 1930 г. // Вестник ОмГУ. Серия "Право". 2024. № 1. С. 35 – 44. DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(1).35-44
22. Ленинград и Ленинградская область в цифрах / Стат. сб. Ленинград: Лениздат, 1961. 287 с.
23. Молчанова Т.В. Развитие вузовского образования в 1950-1960-е гг. // Сельское хозяйство. 2023. Т. 2. № 5. С. 3 – 5.
24. Кирюшина М.А., Рудаков В.Н. Роль высшего образования в формировании гендерного неравенства на рынке труда. Обзор российских и зарубежных исследований // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 75 – 110. DOI: <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17588>
25. Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Вузовская бюрократия в России – terra incognita социологии образования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. № 4. С. 895 – 908. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908
26. Сланов О.Т. Цифровая образовательная среда как средство педагогической профилактики деформации правового сознания // Педагогика и просвещение. 2023. № 4. С. 205 – 217. DOI: 10.7256/2454-0676.2023.4.68764 EDN: JNSGIR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68764.
27. Осташова Я.В. Реформа высшего образования в России: исторический контекст выхода из Болонского процесса // Пространство науки. 2025. Т. 2. № 1. С. 130 – 144. DOI: 10.33873/3034-4379.2025.2-1.130-144
28. Dolgikh S., Potanin B. Returns to different levels of education in Russia // Journal of Economic Studies. 2024. Vol. 51. No. 8. P. 1647 – 1663.
29. Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Baykov A. World-class universities cut off from the West: Russian higher education and the reversal of the internationalisation norm? // Higher Education Quarterly. 2024. Vol. 78. No. 3. P. 709 – 729. DOI: 10.1111/hequ.12481
30. Сланов О.Т. Проблема классификации прав и свобод человека, гражданина, личности. Место соматических прав и свобод в системе и в теории права // Право и политика. 2008. № 7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=50641
31. Сланов О.Т. Проблема классификации прав и свобод человека, гражданина, личности. Место соматических прав и свобод в системе и в теории права // Право и политика. 2008. № 7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=50641.
32. Колотова Н.В. Конституционализация понятия "достойный уровень жизни" // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 11 (123). С. 152 – 161. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.152-161
33. Сланов О.Т. Педагогические условия профилактики девиантного правосознания в молодежной среде // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Ч. 1. С. 78 – 89. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-78-89
34. Шерстнева А.В. Социальное государство как сложносоставной конституционный принцип (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь) // Право и политика. 2024. № 7. С. 1 – 16. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.7.71163. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71163

References

1. Gavrilina T.A. On the issue of state and legal regulation of higher education in the context of the "regulatory guillotine". Problems and prospects for the implementation of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: Collection of articles. Ed. T.N. Matyusheva, S.S. Baeva, A.A. Kuznetsov; SKF FSBEI HE "Russian ate University of Justice". Krasnodar: Publishing House – South, 2024. P. 140 – 145. ISBN 978-5-91718-770-9
2. Grishina V.K. Constitutional right of a citizen of the Russian Federation to education. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 6-3. P. 58 – 61. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10751
3. Rukavishnikov S.M. Constitutional and legal foundations for the formation of the mechanism of administrative and legal regulation in the field of higher education. Actual problems of Russian law. 2022. Vol. 17. No. 5. P. 46 – 53. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.046-053

4. Alekseeva M. S. Implementation of the principle of justice in education. *Problemy Nauki*. 2016. No. 20 (62). P. 82 – 84.
5. Nikitina I. F. Constitutional and legal foundations of higher professional education in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences. Penza, 2005. 169 p.
6. Troitskaya T.V. Constitutional and legal foundations of the right to higher education in Russia and foreign countries. *Bulletin of the SSLA*. 2012. No. 5 (88). P. 47 – 51.
7. Slanov O.T., Dzodzikov Z.U., Khugaeva R.G., Bekoeva T.A. On some problems of implementing the constitutional right to higher education in Russia. *Administrative and municipal law*. 2024. No. 5. P. 63 – 76. DOI: 10.7256/2454-0595.2024.5.71910 EDN: ESPGAP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71910
8. Slanov O.T., Dzodzikov Z.U., Khugaeva R.G., Bekoeva T.A. Value foundations in the legal status of a teacher: positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Administrative and municipal law*. 2025. No. 3. P. 35 – 51. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.3.71907. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71907
9. Slanov O.T. Somatic legal consciousness: psychological, pedagogical and philosophical and legal aspects. *Legal education and science*. 2024. No. 1. Pp. 26 – 33. DOI: 10.18572/1813-1190-2024-1-26-33
10. Report on the implementation of state policy in the field of higher education and relevant additional professional education [Electronic resource]. Moscow: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, 2024. 198 p. Access mode: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orIaXtI.pdf#page=8&zoom=100,109,76> (date accessed: 05.05.2025)
11. Avrus A.I. History of Russian universities: course of lectures. Saratov state university named after N.G. Chernyshevsky. 2nd ed., revised and enlarged. Saratov: Publishing house of Saratov state university, 2005. ISBN 5-292-03477-0.
12. Zhdanova T.A., Kashirsky S.N., Makarova A.A. Peculiarities of the Higher Education System in Russia. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2024. No. 22 (24). P. 54 – 61. DOI 10.5281/zenodo.11152402
13. Dobrenkov V.I., Polezhaeva T.Yu. The idea of a classical university: from inception to crisis. *Sociology*. 2023. No. 5. P. 5 – 12.
14. Furman M. Wilhelm von Humboldt and the University of Berlin. *Education Issues*. 2010. No. 3. P. 32 – 48.
15. Volosnikova L.M. The University Charter of the Russian Empire of 1863 – a regime of academic freedom. *History of the state and law*. 2006. No. 5. P. 13 – 16.
16. Sheval E. University reform of 1863 [Electronic resource]. Troitsky variant. 2013. No. 15 (134). July 30. Access mode: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432083/Universitetskaya_reforma_1863_goda (date of access: 05.05.2025)
17. Russia. Ministry of Public Education. Comparative table of university charters of 1884, 1863, 1835 and 1804. Russia; Ministry of Public Education. St. Petersburg: Typo-lit. St. Petersburg prison, 1901. 270 p.
18. Ivanova A. History of higher education in Russia: stages and legal basis. *Russian journal of education*. 2022. No. 15 (3). P. 45 – 65.
19. Petrova E. Legislative regulation of higher education in the Russian Empire. *Historical and legal studies*. 2021. No. 19 (2). P. 78 – 93.
20. Sidorenko M. Evolution of the legal status of higher educational institutions in Russia. *Science and Law*. 2023. No. 27 (1). P. 112 – 130.
21. Ivova M.O. Formation of Soviet legislation in the field of higher education in the period from 1917 to 1930. *Bulletin of Omsk State University. Series "Law"*. 2024. No. 1. P. 35 – 44. DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(1).35-44
22. Leningrad and Leningrad Oblast in Figures. Stat. Collection. Leningrad: Lenizdat, 1961. 287 p.
23. Molchanova T.V. Development of University Education in the 1950-1960s. *Agriculture*. 2023. Vol. 2. No. 5. P. 3 – 5.
24. Kiryushina M.A., Rudakov V.N. The Role of Higher Education in the Formation of Gender Inequality in the Labor Market. *Review of Russian and Foreign Research. Education Issues*. 2024. No. 2. P. 75 – 110. DOI: <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17588>
25. Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A. University bureaucracy in Russia – terra incognita of the sociology of education. *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 2022. No. 4. P. 895 – 908. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908

26. Slanov O.T. Digital educational environment as a means of pedagogical prevention of deformation of legal consciousness. *Pedagogy and education*. 2023. No. 4. P. 205 – 217. DOI: 10.7256/2454-0676.2023.4.68764 EDN: JNSGIR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68764.
27. Ostashova Ya.V. Higher Education Reform in Russia: Historical Context of Exiting the Bologna Process. *Space of Science*. 2025. Vol. 2. No. 1. P. 130 – 144. DOI: 10.33873/3034-4379.2025.2-1.130-144
28. Dolgikh S., Potanin B. Returns to Different Levels of Education in Russia. *Journal of Economic Studies*. 2024. Vol. 51. No. 8. P. 1647 – 1663.
29. Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Baykov A. World-class universities cut off from the West: Russian higher education and the reversal of the internationalisation norm? *Higher Education Quarterly*. 2024. Vol. 78. No. 3. P. 709 – 729. DOI: 10.1111/hequ.12481
30. Slanov O.T. The problem of classification of rights and freedoms of man, citizen, individual. The place of somatic rights and freedoms in the system and theory of law. *Law and Politics*. 2008. No. 7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=50641
31. Slanov O.T. The problem of classification of rights and freedoms of man, citizen, individual. The Place of Somatic Rights and Freedoms in the System and Theory of Law. *Law and Politics*. 2008. No. 7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=50641.
32. Kolotova N.V. Constitutionalization of the Concept of "Decent Standard of Living". *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2024. No. 11 (123). P. 152 – 161. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.152-161
33. Slanov O.T. Pedagogical Conditions for the Prevention of Deviant Legal Awareness among Young People. *Teacher of the XXI Century*. 2024. No. 2. Part 1. P. 78 – 89. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-78-89
34. Sherstneva A.V. Social State as a Complex Constitutional Principle (on the Example of the Russian Federation and the Republic of Belarus). *Law and Politics*. 2024. No. 7. P. 1 – 16. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.7.71163. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71163

Информация об авторах

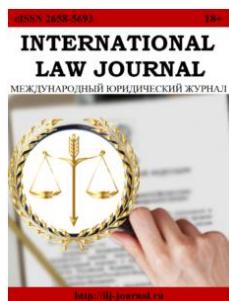
Дзодзиков З.У., соискатель, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова; Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), dzodzikov90@mail.ru

Цалиев А.М., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права и органов власти, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)

Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)

Беликова С.Б., кандидат педагогических наук, доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)

© Дзодзиков З.У., Цалиев А.М., Хугаева Р.Г., Беликова С.Б., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.94

Правовая помощь в гражданском процессе в условиях цифровой эпохи: вызовы и перспективы

¹ Квач С.С., ² Моисеенко М.И.,
¹ Технологический университет им. А.А. Леонова,

² Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева

Аннотация: в статье исследована трансформация института правовой помощи в гражданском процессе под влиянием цифровых технологий. Авторы анализируют ключевые инновации: электронное вручение документов, видеоконференц-связь для получения доказательств, централизованные платформы (e-CODEX) и электронное исполнение решений. Выявлены серьезные вызовы цифровизации: проблемы легитимности электронных доказательств, риски кибербезопасности, цифровой разрыв и правовая фрагментация. Предложены пути развития, включая гармонизацию международного регулирования, внедрение блокчейн-аутентификации, преодоление цифрового неравенства и укрепление межсудебного взаимодействия. Подчеркивается необходимость создания стандартизированной цифровой экосистемы для обеспечения эффективности и доступности правосудия в трансграничных спорах.

Ключевые слова: правовая помощь, цифровизация гражданского процесса, электронное вручение документов, электронные доказательства, кибербезопасность

Для цитирования: Квач С.С., Моисеенко М.И. Правовая помощь в гражданском процессе в условиях цифровой эпохи: вызовы и перспективы // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 157 – 161.

Поступила в редакцию: 17 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Legal assistance in civil proceedings in the digital age: challenges and prospects

¹ Kvach S.S., ² Moiseenko M.I.,

¹ A.A. Leonov Technological University,

² St. Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia

Abstract: the article examines the transformation of the institution of legal aid in civil proceedings under the influence of digital technologies. The authors analyze key innovations: electronic document delivery, videoconferencing for obtaining evidence, centralized platforms (e-CODEX) and electronic execution of decisions. Serious challenges of digitalization have been identified: problems of the legitimacy of electronic evidence, cybersecurity risks, the digital divide and legal fragmentation. Development paths are proposed, including the harmonization of international regulation, the introduction of blockchain authentication, overcoming digital inequality and strengthening inter-judicial cooperation. The need to create a standardized digital ecosystem to ensure the effectiveness and accessibility of justice in cross-border disputes is emphasized.

Keywords: legal aid, digitalization of civil procedure, electronic document delivery, electronic evidence, cybersecurity

For citation: Kvach S.S., Moiseenko M.I. Legal assistance in civil proceedings in the digital age: challenges and prospects. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 157 – 161.

The article was submitted: May 17, 2025; Approved after reviewing: July 21, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Глобальная цифровая трансформация не обошла стороной и сферу правосудия. Гражданский процесс, традиционно отличавшийся консерватизмом и формализмом, активно впитывает инновации. Институт правовой помощи – краеугольный камень эффективного разрешения споров с иностранным элементом и ключевой механизм международного сотрудничества – оказался на острие этих изменений. Цифровые технологии обещают революцию в скорости, доступности и эффективности оказания правовой помощи, но одновременно порождают комплекс новых юридических, технических и этических вызовов. Данная статья исследует диалектику возможностей и рисков, связанных с цифровизацией правовой помощи в гражданском процессе, намечая контуры ее будущего развития.

Материалы и методы исследований

Нельзя не согласиться, что «наступление эры прорывных технологий и цифровой трансформации – по-всеместное проникновение цифровых технологий в общественные отношения большинства видов» [1, с. 4].

Цифровая эпоха предоставляет мощный арсенал средств для модернизации различных традиционных процедур правовой помощи:

1. Электронное вручение документов – замена физической почты на защищенные электронные каналы (такими каналами могут стать специализированные порталы, электронная почта с усиленной квалифицированной подписью), которые кардинально ускоряют и удешевляют процесс доставки и вручения судебных повесток, исковых заявлений и иных документов участникам процесса за рубежом. Это напрямую способствует соблюдению разумных сроков судопроизводства и обеспечению права сторон на своевременное информирование. Нельзя не согласится с тем фактом, что «необходимость использования бумажных носителей приводит к несвоевременному представлению процессуальной информации, увеличивает сроки явки участников уголовного процесса и затягивает их ознакомление с материалами уголовного дела» [2, с. 69].

2. Видеоконференц-связь (ВКС) – технология ВКС уже сегодня позволяет организовывать переговоры, совещания, проводить собрания в групповых форматах, использование же ВКС в процессе, позволит проводить допросы свидетелей и экспертов, находящихся в другой стране, в режиме реального времени, непосредственно в ходе судебного заседания. Это устраняет необходимость длительных и дорогостоящих процедур получения доказательств через запросы правовой помощи, сохраняя принцип непосредственности и состязательности процесса. Важнейшим вопросом является внедрение видеоконференцсвязи в процедуру исполнения иностранных судебных поручений [3, с. 93].

3. Электронные доказательства – различные цифровые документы, удостоверенные расшифровки электронной переписки, данные с устройств, записи камер наблюдения, информация из социальных сетей становятся все более значимыми в гражданских спорах. Правовая помощь адаптируется к необходимости сбора, передачи, легализации и оценки таких доказательств в трансграничном контексте.

При этом, на сегодня на практике возникает значительное количество проблем, связанных «... представлением электронных документов и подтверждением их подлинности, поскольку ... распечатка не равна электронному документу» [4, с. 190].

4. Централизованные электронные платформы: Создание национальных и международных систем электронного взаимодействия судов и органов юстиции (например, e-CODEX в ЕС) автоматизирует подачу и обработку запросов о правовой помощи, отслеживание их статуса, обмен документами, снижая бюрократическую нагрузку и риск ошибок.

5. Электронное исполнение решений: Развиваются технологии, позволяющие инициировать и отслеживать процедуры признания и принудительного исполнения иностранных судебных решений через электронные сервисы, включая взаимодействие с системами принудительного исполнения (например, арест банковских счетов в электронном реестре).

Несмотря на очевидные преимущества, цифровизация правовой помощи сталкивается с серьезными препятствиями:

1. Проблемы легитимности и признания. Электронное вручение – не все страны признают его равнозначным традиционному вручению. Возникают вопросы о надлежащем уведомлении, особенно если документ не был фактически получен адресатом (попадание в спам, технический сбой). Гаагская конвенция

1965 г. [5] допускает электронное вручение только при отсутствии возражений со стороны государства-получателя. Электронные доказательства – сложности доказывания их подлинности (аутентичности), целостности и допустимости в суде. Различия в национальных правилах о допустимости доказательств (например, требования к сертификации электронных подписей, хранению данных) создают барьеры для их использования в рамках правовой помощи. Риск манипуляций с цифровыми данными.

2. Кибербезопасность и защита данных. Передача конфиденциальной процессуальной информации и персональных данных по цифровым каналам создает риски утечек, хакерских атак, нарушения конфиденциальности. Необходимость соответствия строгим требованиям законодательства о защите персональных данных (GDPR в ЕС, ФЗ-152 в РФ) при трансграничных операциях. Важным моментом является обеспечение криптографической защиты каналов связи и хранимых данных.

3. Цифровой разрыв и доступность. Неравный доступ к технологиям и цифровым навыкам у участников процесса, адвокатов и даже судей в разных странах может привести к нарушению принципа равноправия сторон и эффективной судебной защиты. Важной преградой могут стать технические сбои, отсутствие надежного интернет-соединения в некоторых регионах.

4. Правовая неопределенность и фрагментация. Отсутствие унифицированных международных стандартов и процедур для многих аспектов цифровой правовой помощи (особенно для электронных доказательств и ВКС). Кроме того, существенные различия в национальном законодательстве и практике его применения тормозят внедрение инноваций. Необходимость адаптации процессуальных кодексов.

5. Качество осуществления представительства. Нельзя не согласиться с тем недостатком действующего законодательства, что «в настоящее время востребованные качество, добросовестность и профессионализм судебного представителя в гражданском процессе не являются предметом правового регулирования ГПК» [6, с. 179; 7, с. 164; 8, с. 378].

Важной проблемой могут стать психологические и культурные барьеры, неготовность части юридического сообщества (судей, адвокатов) к активному использованию новых технологий, предпочтение традиционным бумажным процедурам.

Результаты и обсуждения

Каковы же перспективы развития? В первую очередь, следует указать, что преодоление вызовов и реализация потенциала цифровизации требуют комплексных усилий:

Во-первых, это гармонизация правового регулирования. Требуется разработка и принятие новых международных конвенций или протоколов к существующим (Гаагским), детально регулирующих электронное вручение, использование ВКС, передачу и оценку электронных доказательств в рамках правовой помощи. Не обойтись без унификации стандартов электронной подписи, обеспечения целостности и аутентичности электронных документов и доказательств. Требуется сближение национальных процессуальных норм, касающихся цифровых процедур.

Во-вторых, развитие технологической инфраструктуры и стандартов. Первым шагом должны стать инвестиции в защищенные государственные платформы электронного взаимодействия для правовой помощи на национальном и международном уровнях (типа e-CODEX), обеспечивающие совместимость систем разных стран. Следующий шаг будет направлен на внедрение надежных систем электронной идентификации и аутентификации участников. Хорошим подспорьем может стать использование технологий блокчейн для создания неизменяемых реестров запросов о правовой помощи, вручения документов, удостоверения подлинности доказательств.

В-третьих, нельзя обойти процесс обеспечения кибербезопасности и защиты данных. Требуется обеспечить реализацию строгих протоколов безопасности (шифрование, аутентификация, контроль доступа) на всех этапах цифровой правовой помощи. Необходимо организовать четкое правовое регулирование и соблюдение требований защиты персональных данных при трансграничных передачах.

Следующим шагом должна стать разработка международных стандартов цифровой безопасности для судебных систем.

В-четвёртых, преодоление цифрового разрыва. На сегодняшний день «межстрановой разрыв в экономическом развитии усугубляется усилением процессов социальной изоляции и маргинализации, «выключением» целых наций из процесса производства и использования информации как обязательного условия современного конкурентоспособного существования» [9, с. 34].

В таких условиях необходимы программы обучения и повышения цифровой грамотности для судей, работников аппаратов судов, адвокатов. Требуется техническая поддержка и создание точек доступа для участников процесса, не имеющих собственных цифровых ресурсов. Цифровизация правосудия «способствует повышению эффективности и доступности судебной системы» [10, с. 54].

Важным процессом должно стать развитие прямого межведомственного и межсудебного взаимодействия – поощрение прямых контактов между судами и компетентными органами разных стран через защищенные цифровые каналы в дополнение к традиционным дипломатическим и центральным органам.

Выводы

Цифровая эпоха необратимо меняет ландшафт привычных нам гражданского процесса и института правовой помощи. Современные цифровые технологии предлагают беспрецедентные возможности для преодоления территориальных барьеров, ускорения процедур, снижения издержек и повышения доступности правосудия в трансграничных спорах. Однако путь к эффективной цифровой правовой помощи сопряжен с преодолением значительных вызовов: правовой неопределенности, проблем кибербезопасности, цифрового неравенства и психологического сопротивления.

Будущее правовой помощи видится в создании безопасной, стандартизированной и общедоступной цифровой экосистемы международного судебного сотрудничества. Достижение этой цели требует скоординированных усилий государств на международном уровне по гармонизации законодательства, разработке единых технологических стандартов и созданию надежной инфраструктуры. На национальном уровне необходима модернизация процессуальных кодексов, инвестиции в технологии и обучение кадров. Только такой комплексный подход позволит превратить цифровизацию из источника рисков в мощный инструмент укрепления верховенства права, повышения эффективности гражданского судопроизводства и реальной защиты прав граждан и бизнеса в глобализированном цифровом мире. Цифровая правовая помощь – это не просто технологическое обновление, а необходимое условие адаптации системы правосудия к требованиям XXI века.

Список источников

1. Наумов В.Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii-v-poiskah-resheniy> (дата обращения: 01.05.2025)
2. Воронов Д.А. Использование электронных документов в целях информирования участников досудебного производства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 69 – 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-elektronnyh-dokumentov-v-tselyah-informirovaniya-uchastnikov-dosudebnogo-proizvodstva> (дата обращения: 01.05.2025)
3. Карадашева Н.Н. Использование системы веб-конференции при исполнении иностранных судебных поручений // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 89 – 94. DOI 10.52068/2304-9839_2024_70_5_89
4. Долгаев В.В. Электронные документы как доказательства в судебном процессе // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 188 – 191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokumenty-kak-dokazatelstva-v-sudebnom-protsesse> (дата обращения: 01.05.2025)
5. "Конвенция о вручении за границей судебных и несудебных документов по гражданским или торговым делам" (заключена в г. Гааге 15.11.1965) // СПС КонсультантПлюс.
6. Зейналов Р.Ш. К вопросу о правовом регулировании качественного, добросовестного и профессионального оказания юридической помощи в гражданском процессе // Актуальные проблемы национального и международного права: Материалы VII научно-теоретической конференции студентов магистратуры, Санкт-Петербург, 11 октября 2024 года. Санкт-Петербург: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 176 – 180.
7. Неверов А.Я., Колесникова Я.А. Представительство в гражданском процессе: актуальные проблемы и пути решения // Аспирант. 2021. № 1 (58). С. 161 – 164.
8. Бакров А.В. Проблемы и пути совершенствования процедуры участия адвоката в гражданском процессе // Вестник науки. 2024. Т. 1. № 12 (81). С. 367 – 378.
9. Перфильева О.В. Проблема цифрового разрыва и международные инициативы по ее преодолению // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2007. № 2. С. 34 – 47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tsifrovogo-razryva-i-mezhdunarodnye-initsiativy-po-ee-preodoleniyu> (дата обращения: 01.05.2025)
10. Грудцина Л.Ю. Цифровизация правосудия и использование электронных средств в судебных процессах в Румынии // Цифровое право. 2025. № 1. С. 48 – 55. DOI 10.24412/3034-4271-2025-1-48-55

References

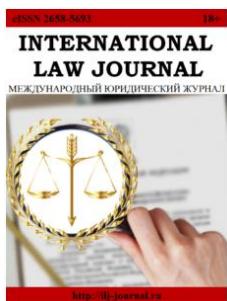
1. Naumov VB Law in the era of digital transformation: in search of solutions. Russian law: education, practice, science. 2018. No. 6 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-epochu-tsifrovoy-transformatsii-v-poiskah-resheniy> (date of access: 01.05.2025)
2. Voronov DA Use of electronic documents for the purpose of informing participants in pretrial proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 69 – 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-elektronnyh-dokumentov-v-tselyah-informirovaniya-uchastnikov-dosudebnogo-proizvodstva> (date of access: 01.05.2025)
3. Karandasheva N.N. Use of the web conference system in the execution of foreign judicial requests. Eurasian Advocacy. 2024. No. 5 (70). P. 89 – 94. DOI 10.52068/2304-9839_2024_70_5_89
4. Dolgaev V.V. Electronic documents as evidence in judicial proceedings. Civil Service and Personnel. 2024. No. 2. P. 188 – 191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokumenty-kak-dokazatelstva-v-sudebnom-protsesse> (date of access: 01.05.2025)
5. "Convention on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters" (concluded in The Hague on 15.11.1965). SPS ConsultantPlus.
6. Zeynalov R.Sh. On the issue of legal regulation of high-quality, conscientious and professional provision of legal assistance in civil proceedings. Actual problems of national and international law: Materials of the VII scientific and theoretical conference of master's degree students, St. Petersburg, October 11, 2024. Saint Petersburg: All-Russian State University of Justice, 2024. P. 176 – 180.
7. Neverov A.Ya., Kolesnikova Ya.A. Representation in civil proceedings: current problems and solutions. Postgraduate student. 2021. No. 1 (58). P. 161 – 164.
8. Bakrov A.V. Problems and ways to improve the procedure for a lawyer's participation in civil proceedings. Bulletin of Science. 2024. Vol. 1. No. 12 (81). P. 367 – 378.
9. Perfil'eva O.V. The problem of the digital divide and international initiatives to overcome it. Bulletin of international organizations: education, science, new economy. 2007. No. 2. P. 34 – 47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tsifrovogo-razryva-i-mezhdunarodnye-initiativy-po-ee-preodoleniyu> (date of access: 01.05.2025)
10. Grudtsyna L.Yu. Digitalization of justice and the use of electronic means in judicial proceedings in Romania. Digital law. 2025. No. 1. P. 48 – 55. DOI 10.24412/3034-4271-2025-1-48-55

Информация об авторах

Квач С.С., кандидат юридических наук, доцент, Технологический университет им. А.А. Леонова, 141074, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42, kvachss@ya.ru

Моисеенко М.И., кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149, mmimi1963@mail.ru

© Квач С.С., Моисеенко М.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.102

Уголовно-процессуальное доказывание ненадлежащего оказания медицинской помощи

¹ Торопов П.И.,
¹ Удмуртский государственный университет

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу особенностей уголовно-процессуального доказывания ненадлежащего оказания медицинской помощи. Рассматриваются проблемы установления предмета доказывания, методы выявления причинно-следственной связи между действиями медицинского работника и наступившими последствиями, а также вопросы квалификации форм вины. Особое внимание уделено роли судебно-медицинской экспертизы, медицинской документации и цифровых технологий в процессе доказывания. На основе анализа судебной практики выделены типичные ошибки следствия и суда. Предложены меры совершенствования уголовно-процессуальных механизмов и реформирования законодательства для обеспечения баланса интересов пациентов и медицинских работников.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, ненадлежащее оказание медицинской помощи, врачебная ошибка, судебно-медицинская экспертиза, причинно-следственная связь, форма вины, медицинское право, стандарты медицинской помощи

Для цитирования: Торопов П.И. Уголовно-процессуальное доказывание ненадлежащего оказания медицинской помощи // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 162 – 171.

Поступила в редакцию: 18 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Criminal procedural proof of improper provision of medical care

¹ Toropov P.I.,
¹ Udmurt State University

Abstract: the article provides a comprehensive analysis of the specifics of criminal procedural proving of improper provision of medical care. It examines the challenges in establishing the subject of proof, methods of determining causal relationships between the actions of medical professionals and resulting consequences, and issues of guilt qualification. Special attention is given to the role of forensic medical examination, medical records, and digital technologies in the evidentiary process. Based on the analysis of judicial practice, typical investigative and judicial errors are identified. The article proposes measures for improving procedural mechanisms and legal reforms to balance the interests of patients and healthcare professionals.

Keywords: criminal procedural proving, improper medical care, medical error, forensic medical examination, causal relationship, form of guilt, medical law, medical standards

For citation: Toropov P.I. Criminal procedural proof of improper provision of medical care. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 162 – 171.

The article was submitted: May 18, 2025; Approved after reviewing: July 22, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Ненадлежащее оказание медицинской помощи – это не только этическая и профессиональная проблема, но и предмет глубокого юридического анализа. В последние годы число уголовных дел, возбужденных в связи с врачебными ошибками и халатностью, значительно возросло. По данным Следственного комитета РФ, только в 2023 году было возбуждено более 1500 дел, связанных с причинением вреда здоровью по неосторожности (ст. 109, 118, 124 УК РФ). Это указывает на необходимость внимательного изучения вопроса, особенно в контексте уголовно-процессуального доказывания.

Особенность медицинских дел заключается в сложности объективной оценки действий врача, наличии высокой профессиональной автономии и трудностей в установлении причинно-следственной связи между действием и наступившим последствием. При этом защита прав пациента и соблюдение принципа презумпции невиновности врача требуют баланса между правовыми и медицинскими подходами.

Судебная практика демонстрирует неоднородность подходов к квалификации действий медицинских работников, а также к оценке доказательств, основанных на экспертных заключениях. Это создает риски как для необоснованного уголовного преследования врачей, так и для бездействия в случае реального нарушения прав пациента.

Таким образом, проблема уголовно-процессуального доказывания в делах о ненадлежащем оказании медицинской помощи представляет собой актуальное направление как для науки, так и для правоприменительной практики.

Цель настоящего исследования – всесторонний анализ особенностей доказывания в уголовных делах, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, а также выработка предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- выявить правовую природу и квалификационные признаки ненадлежащего оказания медицинской помощи в уголовном праве;
- проанализировать структуру и специфику предмета доказывания;
- охарактеризовать основные средства доказывания, используемые в следственной и судебной практике;
- выявить проблемные аспекты судебно-медицинской экспертизы как основного инструмента установления истины;
- обобщить типичные ошибки и пробелы в практике расследования;
- разработать предложения по совершенствованию нормативного регулирования и процессуальных механизмов доказывания.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также специальные методы юридической науки:

- формально-юридический метод – для анализа норм уголовного, уголовно-процессуального законодательства, норм медицинского права;
- сравнительно-правовой метод – для изучения международного опыта (ВОЗ, ЕСПЧ, ЮНЕСКО);
- метод правовой интерпретации – при работе с судебными актами, в том числе Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ;

Эмпирический метод – при изучении статистики материалов уголовных дел Следственного комитета РФ, анализа фактически возбужденных и рассмотренных дел по существу, судом.

Комплексный характер методологии обеспечивает объективность и достоверность сделанных в работе выводов.

Результаты и обсуждения

Понятия «врачебная ошибка» и «халатность» имеют различную природу: первое преимущественно относится к сфере медицинской деятельности и профессиональной этики, второе – к юридической квалификации поведения лица при неисполнении или ненадлежащем исполнении должностных обязанностей. Тем не менее, в правоприменительной практике они часто оказываются взаимосвязанными, особенно в рамках уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений против жизни и здоровья.

В дореволюционный период российское уголовное право фактически не предусматривало ответственности за врачебные ошибки, за исключением грубой небрежности. Впервые признаки ответственности за ненадлежащее исполнение профессионального долга появились в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Советский период ознаменовался тем, что понятие «врачебная ошибка» активно обсуждалось в научной литературе[4], но не имело правового закрепления. Современное российское законодательство также не содержит определения врачебной ошибки, вместо этого применяются статьи 109, 118, 124 и 293 УК РФ.[16]

Термин «халатность» определяется как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к ним. Однако статус «должностного лица» не всегда применим к медицинскому работнику, что создаёт проблемы правовой квалификации [10].

Особенности предмета доказывания

Одной из ключевых проблем уголовно-процессуального доказывания в делах о ненадлежащем оказании медицинской помощи является специфика предмета доказывания. Он включает в себя как правовые, так и фактические обстоятельства, подлежащие установлению в целях принятия законного и обоснованного решения по делу. Учитывая сложный и междисциплинарный характер таких дел, особое внимание уделяется оценке вреда, причинно-следственной связи, форме вины и качеству доказательственного материала.

Юридическая характеристика вреда (материальный и нематериальный)

Вред, причинённый ненадлежащим оказанием медицинской помощи, может быть материальным и нематериальным. В рамках уголовного процесса его установление необходимо не только для определения общественной опасности деяния, но и для последующего взыскания компенсации по гражданскому иску, заявленному в уголовном деле.

Материальный вред включает: расходы на дополнительное лечение, операции, медикаментозную терапию; утрату трудоспособности и связанный с этим доход; необходимость постороннего ухода; расходы на реабилитацию, средства технической компенсации (протезы, инвалидные коляски и др.).

Нематериальный вред охватывает: физические страдания, причинённые неадекватным лечением; психологоческий стресс, посттравматические расстройства; утрату доверия к медицинским учреждениям и системе здравоохранения в целом.

По положениям ГК РФ, компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного ущерба (ст. 151, 1099-1101 ГК РФ). Однако в рамках уголовного судопроизводства установление нематериального вреда затруднено из-за его субъективной природы и сложности оценки.

Суды требуют предоставления доказательств переживаний потерпевшего: показаний, медицинских заключений, свидетельств ухудшения психического состояния и т.п. Это требует участия не только судебно-медицинских, но и психологических экспертов.

Методы установления причинно-следственной связи.

Установление причинно-следственной связи между действиями (или бездействием) медицинского работника и наступившим вредом – центральный элемент предмета доказывания. Согласно позиции Верховного Суда РФ, наличие такой связи обязательно для квалификации преступлений, предусмотренных статьями 109, 118, 124 УК РФ.[12]

Основные методы установления:

1. Сопоставление действий врача с утверждёнными медицинскими стандартами (клинические рекомендации, порядки оказания помощи, протоколы лечения) – позволяет определить, имели ли место отклонения от должного поведения.[13]

2. Судебно-медицинская экспертиза, назначаемая в рамках уголовного дела, где эксперты анализируют последовательность событий, правильность диагностики, своевременность оказания помощи и применённые методы лечения.

3. Документальный анализ медицинской карты, протоколов осмотров, выписок, листов назначений и т.д.

4. Реконструкция событий на основе экспертных моделей, сопоставление жалоб пациента, симптоматики и принятых врачом решений.

5. Юридическая доктрина требует не только установления самой связи между действиями и результатом, но и её предсказуемости – то есть возможности для врача предвидеть последствия своих действий. Только при наличии такой связи и вины может быть признана уголовная ответственность.

Субъективная сторона: форма вины, неосторожность, в виде халатности.

Субъективная сторона преступления включает психическое отношение лица к совершенному деянию. В уголовных делах о ненадлежащей медицинской помощи основными формами вины являются неосторожность и халатность, реже – прямой умысел.

Неосторожность делится на легкомыслие (врач предвидел возможность наступления вреда, но без достаточных оснований рассчитывал на предотвращение последствий) и небрежность (не предвидел, но должен был и мог предвидеть) – ст. 26 УК РФ.[16]

Халатность – форма вины, характерная для должностных преступлений (ст. 293 УК РФ), когда медицинский работник, обладая служебными обязанностями, недобросовестно или небрежно их исполняет. Важный

критерий – долженствование, т.е. возможность предотвратить вред при добросовестном исполнении обязанностей [6].

Прямой умысел встречается крайне редко и предполагает осознанное нарушение врачом стандартов или причинение вреда пациенту.

Для квалификации действий большое значение имеет экспертное заключение, оценивающее соответствие действий медицинским протоколам и стандартам, а также показания самого обвиняемого и других участников процесса. Однако граница между врачебной ошибкой и преступлением зачастую оказывается размытой, что повышает риски субъективной оценки следователя или суда.

Ошибки в установлении предмета доказывания (обзор судебной практики).

Анализ судебной практики по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи показывает, что предмет доказывания часто формируется неполно, что приводит к нарушениям прав сторон.

Типичные ошибки включают: неустановление причинно-следственной связи между действиями врача и последствиями – например, если ухудшение состояния пациента объясняется основным заболеванием, а не действиями врача; отсутствие анализа субъективной стороны – обвинительный приговор выносится без установления конкретной формы вины; полагание исключительно на экспертное заключение при отсутствии иных доказательств; некорректное понимание медицинских стандартов – суд воспринимает клинические рекомендации как обязательные нормативы, хотя они являются рекомендательными по своей природе.

Дело № 1-27/2021 Архангельского областного суда врач был оправдан, поскольку экспертиза показала, что лечение соответствовало стандартам, а ухудшение состояния пациента было вызвано тяжестью заболевания.

Дело № 1-98/2020, г. Самара демонстрирует ошибочную квалификацию действий как халатности, при том что врач действовал добросовестно, а вина не была доказана. Судебное решение отменено по кассационной жалобе.

Таким образом, качество расследования напрямую зависит от уровня подготовки следователя, корректности экспертного заключения и способности суда комплексно оценивать предмет доказывания [11].

Методы и средства доказывания

Установление обстоятельств уголовного дела о ненадлежащем оказании медицинской помощи невозможно без надлежащего доказывания. Эффективность расследования во многом определяется тем, насколько полно и достоверно собираются, исследуются и оцениваются доказательства. В таких делах ключевое значение имеют специальные знания в области медицины, документальные источники и цифровые технологии, позволяющие точно реконструировать события.

Судебно-медицинские экспертизы: современные подходы.

Судебно-медицинская экспертиза (СМЭ) – основной и зачастую определяющий метод установления фактов в делах, связанных с причинением вреда здоровью. Согласно ст. 195–207 УПК РФ, экспертиза проводится на основании постановления следователя или определения суда, в рамках которого формулируются конкретные вопросы для эксперта.[17]

Современные подходы к проведению СМЭ предполагают:

- комиссия – участие нескольких специалистов разных профилей (хирург, терапевт, инфекционист и др.);
- комплексность – сочетание медицинского, правового и организационного анализа;
- стандартизацию методики – использование типовых протоколов оценки действий врача с опорой на клинические рекомендации;
- применение цифровых инструментов – 3D-реконструкции, анализ видеоматериалов, цифровых медицинских карт.

Наиболее часто задаваемые вопросы экспертам:

- Соответствовали ли действия врача действующим медицинским стандартам?
- Могло ли иное поведение предотвратить наступление вреда?
- Существует ли причинно-следственная связь между действиями врача и наступившими последствиями?

Одной из проблем экспертизы остаётся неоднородность экспертных заключений, особенно если они исходят от различных учреждений. Это ставит перед судом задачу оценки достоверности и обоснованности каждого мнения, что требует глубокого знания стандартов медицинской помощи [10].

Значение медицинских документов.

Медицинская документация – это основа доказательств по большинству медицинских дел. Именно через анализ медицинской карты, истории болезни, протоколов операций, листов назначений, документов конси-

лиумов и т.д. осуществляется реконструкция событий, последовательности действий врача, применённых методов лечения и мониторинга состояния пациента.

Согласно Приказу Минздрава РФ № 972н от 29.11.2012 «Об утверждении порядка ведения медицинской документации», каждая медицинская организация обязана обеспечивать: своевременное и полное внесение данных; соответствие принятым стандартам оформления; хранение документов в течение установленных сроков [13].

Типовые ошибки, встречающиеся в делах: отсутствие записей о жалобах пациента; несовпадение данных в разных документах; отсутствие подписи врача или времени проведения процедуры; ретроспективное внесение информации, выявленное по техническим метаданным.

Недостоверность или фальсификация медицинских документов может повлечь уголовную ответственность по ст. 303 УК РФ. При этом полнота и корректность документации критически важна не только для оценки действий врача, но и для защиты самого медицинского работника.

Показания специалистов и участников процесса.

Показания врачей, медицинского персонала, пациентов и свидетелей являются важным элементом доказательственной базы, особенно в части оценки организационных, эмоциональных и субъективных аспектов оказания помощи.

Показания могут подтвердить или опровергнуть: факт обращения за помощью; действия (или бездействие) конкретного врача; условия и обстоятельства предоставления помощи; наличие конфликта интересов, давления, попыток скрытия информации.

Однако в медицинских делах показания часто оказываются противоречивыми. Зачастую, сотрудники одной клиники могут давать согласованные показания, защищая своего коллегу, а пациент – иметь эмоционально окрашенную, но не всегда объективную позицию.

Верховный Суд РФ указывает, что показания должны рассматриваться в совокупности с другими доказательствами – в первую очередь с данными экспертизы и медицинских документов [12].

Цифровые технологии в доказывании (ЭМК, телемедицина и.т.д.).

Современное здравоохранение активно внедряет цифровые технологии, которые становятся важным источником доказательств:

Электронные медицинские карты (ЭМК) содержат информацию о лечении, лекарствах, симптомах, динамике состояния, времени выполнения манипуляций. В отличие от бумажных носителей, ЭМК фиксирует точное время внесения записей, редактирования и доступа к ним, что минимизирует риск подделок [22].

Телемедицинские консультации (видеозаписи или переписка врача с пациентом) могут использоваться как доказательства проведения диагностики, предоставления рекомендаций, информирования пациента.

Диагностические изображения, видеозаписи операций и процедур (эндоскопия, УЗИ, КТ) дают объективную визуальную информацию.

Информационные системы клиник фиксируют маршруты пациентов, длительность приёма, посещения специалистов.

Однако применение цифровых данных требует соблюдения норм Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» и норм закона № 323-ФЗ в части врачебной тайны. Следователь обязан получить доступ к этим сведениям в порядке, установленном УПК РФ.

Проблема также заключается в том, что суды и эксперты не всегда готовы к работе с цифровыми данными, что требует дополнительной подготовки, унификации и нормативного регулирования.

Проблемы уголовно-процессуального доказывания

Расследование уголовных дел, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, осложняется рядом проблем, имеющих как правовую, так и организационно-экспертную природу. Эти трудности снижают эффективность доказывания, создают угрозу судебных ошибок, нарушают баланс между защитой прав пациентов и справедливым отношением к медицинским работникам.

1. Отсутствие единых стандартов медицинской помощи.

Одной из главных проблем является отсутствие универсальных, общеобязательных и единообразных стандартов медицинской помощи, которые могли бы служить объективной основой для оценки действий врача в рамках уголовного судопроизводства. Несмотря на наличие утверждённых Минздравом России клинических рекомендаций и порядков оказания медицинской помощи, их правовой статус неоднозначен: в ряде случаев они носят рекомендательный, а не обязательный характер [17].

Это приводит к следующим последствиям: невозможность точно установить, какие именно действия врач обязан был предпринять; расхождения в экспертных заключениях из-за различного понимания «должного» уровня помощи; трудности для суда при квалификации действий как преступных или правомерных.

В 2021 году Минздрав РФ утвердил план обязательного применения клинических рекомендаций с 2022 года, однако процесс их внедрения остаётся фрагментарным и не сопровождается необходимым обучением и юридической адаптацией [7].

Следовательно, отсутствие чёткой нормативной базы порождает произвольность в оценке профессиональных действий, подрывая правовую определённость и создавая предпосылки для необоснованного преследования врачей.

2. Трудности взаимодействия между следствием и медорганизациями.

Эффективное расследование требует тесного и оперативного взаимодействия между следственными органами и медицинскими организациями. На практике такое взаимодействие сопровождается рядом структурных, процедурных и правовых проблем: затягивание сроков предоставления медицинской документации; неполнота или искажение информации; отказ от предоставления экспертных оценок, ссылками на врачебную тайну; правовая неурегулированность процедур обмена данными между сторонами [6].

Кроме того, медицинские работники часто демонстрируют закрытую позицию, опасаясь уголовной ответственности и возможных последствий для коллег. Это приводит к недостаточной откровенности в показаниях, координации между участниками и даже умышленному сокрытию информации.

Следственные органы, в свою очередь, не всегда обладают необходимыми знаниями в медицинской сфере для формулирования грамотных вопросов эксперту или оценки доказательств. Это усиливает зависимость от экспертных заключений и снижает качество предварительного расследования [4].

3. Роль страхования профессиональной ответственности.

Механизм страхования профессиональной ответственности медицинских работников – один из ключевых инструментов правовой и финансовой защиты как пациентов, так и самих специалистов. В международной практике (например, в США, Великобритании, Германии) такая система широко развита и функционирует как способ альтернативного разрешения споров без уголовного преследования при наличии добровольственной ошибки [20].

В России же данная система отсутствует в обязательной форме, слабо внедрена в практике медучреждений, не включена в правовые механизмы оценки вреда при расследовании уголовных дел.

Это приводит к следующим негативным последствиям: пациенты добиваются компенсации только через гражданский или уголовный процесс; врачи остаются незащищёнными от финансовых и репутационных рисков; увеличивается давление на систему следствия и судов.

Введение обязательного страхования и создание специализированных страховых фондов позволило бы перевести часть споров в гражданско-правовую плоскость и снизить количество уголовных дел при отсутствии прямого умысла или грубой небрежности [3].

4. Проблема оценки экспертиз: субъективность и конфликты интересов.

Экспертные заключения играют решающую роль в доказательственном процессе по медицинским делам. Однако практика показывает наличие серьёзных проблем в их подготовке и оценке.

Ключевые проблемы: субъективизм в выводах экспертов, основанных на собственных интерпретациях, а не на единых алгоритмах; конфликт интересов, если экспертиза проводится структурой, связанной с обвиняемым или учреждением, где он работает; низкий уровень квалификации экспертов в специфических областях медицины (например, неонатология, кардиохирургия); отсутствие единых методических рекомендаций по проведению экспертиз по делам данной категории [6, 10].

Зачастую суды безусловно доверяют заключению эксперта, не подвергая его анализу на предмет логичности, полноты, внутренней непротиворечивости. Это нарушает принципы состязательности и объективности уголовного судопроизводства (ст. 17, 88 УПК РФ).

Для устранения данных проблем необходимы: сертификация экспертов по профильным направлениям медицины; исключение возможности проведения экспертиз внутри «аффилированных» учреждений; создание независимых экспертных центров.

Пути совершенствования процесса доказывания.

Проблемы, выявленные в современной практике уголовно-процессуального доказывания по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи, требуют системного и многоуровневого подхода к реформированию действующих механизмов. Совершенствование процесса доказывания возможно лишь при одновременных изменениях в нормативно-правовой базе, в организации судебной и экспертной практики, а также в кадровом обеспечении правоприменения.

1. Разработка унифицированных стандартов медицинской помощи

Одним из первоочередных направлений является введение единых, обязательных для применения стандартов медицинской помощи, которые могли бы служить объективной основой для экспертной и судебной

оценки действий медицинских работников. Современная ситуация, при которой клинические рекомендации носят преимущественно рекомендательный характер, приводит к произволу в интерпретации профессиональных действий.

Предлагается: закрепить в законодательстве обязательность применения клинических рекомендаций, утвержденных Минздравом России; обеспечить ежегодную актуализацию этих документов с участием профессиональных сообществ; унифицировать стандарты по ключевым нозологиям и уровням оказания помощи; создать систему мониторинга применения стандартов в практике.

Аналогичный подход реализован, например, в Германии, где оценка медицинских действий основывается на отклонении от общепринятой профессиональной практики, определённой в стандартах.[4]

2. Введение обязательного страхования профессиональной ответственности.

Для снижения количества уголовных дел, связанных с врачебными ошибками, и для смещения акцента на восстановление прав пациента (а не на карательную функцию) необходимо ввести обязательное страхование профессиональной ответственности медицинских работников.

Такая система позволит: компенсировать вред пациенту в досудебном порядке; уменьшить нагрузку на следственные органы; исключить случаи уголовного преследования при наличии добросовестной ошибки; повысить финансовую устойчивость системы здравоохранения.

Механизм может включать: создание отраслевых страховых фондов; установление минимального страхового покрытия в зависимости от специализации; дифференциацию взносов в зависимости от уровня риска и дисциплинарной истории [3].

Практика таких моделей доказала свою эффективность в США, Франции и Финляндии, где уголовная ответственность наступает лишь в случаях грубой небрежности или умысла [20].

3. Повышение квалификации следователей, судей и экспертов.

Уровень подготовки правоприменителей напрямую влияет на объективность и полноту доказывания. Современная практика показывает, что следователи и судьи часто не обладают необходимыми знаниями в области медицины, что приводит: к ошибочной формулировке задач эксперту; неправильной оценке медицинских доказательств; завышенной зависимости от одного заключения эксперта.

Для устранения этих проблем предлагается: ввести обязательные образовательные модули по медицинскому праву в программах повышения квалификации следователей, судей и экспертов; организовать межведомственные семинары с участием юристов и врачей; обеспечить наличие специализированных консультантов (медицинских юристов) при Следственном комитете и судах [6].

Повышение квалификации экспертов также предполагает регулярную переаттестацию, расширение базы методических материалов и формирование независимого профессионального сообщества.

4. Создание специализированных центров судебно-медицинской экспертизы.

Создание сети независимых специализированных экспертных центров позволит: устранить конфликт интересов, возникающий при проведении экспертиз в медицинских организациях, связанных с обвиняемыми; обеспечить единые подходы и стандарты проведения экспертиз; повысить качество заключений за счёт узкой специализации и концентрации экспертов.

Такие центры должны работать в тесной координации с Минздравом и Минюстом, иметь междисциплинарный состав (врачи, юристы, криминалисты), использовать передовые технологии (цифровая верификация, медицинское моделирование), иметь официальный статус федеральных учреждений, подобных Бюро судебно-медицинской экспертизы, но с более узкой специализацией [10].

Опыт зарубежных стран (например, Швеции и Нидерландов) показывает, что такие центры снижают число судебных ошибок и повышают уровень общественного доверия к системе[21].

5. Изменения в законодательстве (понятие врачебной ошибки в УК РФ).

Одна из главных концептуальных проблем заключается в отсутствии в Уголовном кодексе РФ понятия «врачебной ошибки» и ненадлежащего оказания медицинской помощи. Это приводит к смещению понятий профессиональной ошибки, халатности и преступной небрежности, что делает применение уголовной ответственности избыточным или неправомерным.

Предлагается: ввести в УК РФ отдельную статью, регулирующую ответственность за ненадлежащее оказание медицинской помощи; закрепить понятие врачебной ошибки как добросовестного заблуждения при соблюдении стандартов, не влекущего уголовной ответственности; определить критерии грубой небрежности как основания уголовной ответственности; предусмотреть отграничение умысла от недобросовестной неосторожности.

Введение таких изменений позволит устраниТЬ правовую неопределенность, исключить необоснованное преследование медицинских работников, обеспечить дифференцированный подход к ответственности в зависимости от характера вины [6].

Выводы

В ходе проведённого исследования установлено, что уголовно-процессуальное доказывание по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи представляет собой сложный междисциплинарный процесс, в котором пересекаются правовые, медицинские, экспертные и этические аспекты. Особенности таких дел обусловлены не только спецификой медицинской деятельности, но и отсутствием чётких правовых дефиниций, методологических ориентиров и единых стандартов оценки доказательств.

Анализ законодательства, судебной практики и экспертных подходов позволил выделить ключевые проблемы: отсутствие в уголовном праве понятия врачебной ошибки и дифференциации форм вины; слабая нормативная определённость применяемых медицинских стандартов; ограниченность компетенции следователей и судов в оценке медицинских данных; зависимость доказывания от субъективных и не всегда независимых экспертных заключений; недостаточное развитие механизмов досудебного урегулирования и компенсации вреда.

Исходя из выявленных проблем, целесообразно выделить следующие направления совершенствования уголовно-процессуального доказывания:

1. Нормативное упорядочение: необходимо ввести в Уголовный кодекс РФ отдельную статью, посвящённую ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи, с разграничением умысла, группы неосторожности и профессиональной ошибки, не подлежащей уголовному наказанию.

2. Стандартизация медицинских действий: закрепление на уровне закона обязательности клинических рекомендаций как базиса для оценки действий врача, а также систематическое обновление и распространение этих стандартов среди правоприменителей и экспертов.

3. Организация экспертной деятельности: создание независимых междисциплинарных экспертных центров, введение механизмов аттестации и сертификации экспертов, минимизация конфликта интересов при назначении экспертизы.

4. Кадровая и образовательная реформа: системное повышение квалификации следователей, судей и экспертов в области медицинского права, внедрение специализированных учебных курсов, привлечение медицинских юристов к сопровождению дел.

5. Внедрение страховых и медиационных механизмов: обязательное страхование профессиональной ответственности медработников, развитие процедур досудебного урегулирования, внедрение альтернативных форм разрешения медицинских конфликтов.

Учитывая высокую социальную значимость и правовую сложность рассматриваемой тематики, перспективными направлениями дальнейших научных исследований являются: разработка модели законодательного регулирования врачебной ошибки с учётом международного опыта; сравнительно-правовой анализ страховых и административных механизмов ответственности в различных юрисдикциях; разработка единой методологии оценки доказательств в медицинских делах; изучение правовых последствий внедрения цифровых медицинских технологий и их влияния на доказывание (ЭМК, ИИ-диагностика, телемедицина); анализ прав пациента в аспекте участия в процессе доказывания и реализации своих прав через судебную и внесудебную защиту.

Создание устойчивой правоприменительной практики по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи возможно только при условии взаимодействия юристов, врачей, экспертов, законодателя и институтов гражданского общества. Только так можно обеспечить баланс интересов пациента и медицинского работника, укрепить доверие к системе здравоохранения и правосудия, а также обеспечить реализацию конституционного права граждан на охрану здоровья и правовую защиту.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.01.2025).
2. Доклад Следственного комитета РФ о правонарушениях в сфере здравоохранения (2023). URL: <https://www.sledcom.ru> (25.04.2025)
3. Доклад Национальной медицинской палаты РФ О состоянии профессиональной ответственности врачей (2022). URL: <https://www.nacmedpalata.ru> (25.04.2025)
4. Загородников Н.И. Ответственность медицинских работников за причинение вреда пациенту: правовые аспекты. М.: Юрайт, 2019. С. 121 – 130.

5. Ильина Т.Н. Уголовно-процессуальное доказывание: Теория и практика. М.: Проспект, 2020. С. 19 – 33.
6. Канунникова Л.В. Правовые проблемы квалификации и доказывания по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи // Вестник юстиции. 2022-2023. № 2, № 3. С. 51.
7. Материалы сайта Минздрава РФ. URL: <https://www.menzdrav.gov.ru> (25.04.2025)
8. Мельникова И.Р. Медицинское право и ответственность врача. Екатеринбург: УрГЮУ, 2020. С. 99 – 105.
9. Смирнов А.В. Судебная экспертиза: правовые и организационные аспекты. СПб.: Юридический центр, 2021. С. 13 – 30.
10. Тимофеев И.В. Врачебная ошибка: уголовно-правовые и медицинские аспекты. Казань: Центр медицинского права, 2021. С. 42 – 59.
11. Обзор судебной практики ВС РФ по делам о врачебных ошибках (2019-2023 гг.) URL: <https://www.vsrif.ru> (25.04.2025)
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 21 «О практике применения законодательства об ответственности за преступления против жизни и здоровья».
13. Приказ Минздрава РФ от 29.11.2012 № 972н «Об утверждении порядка ведения медицинской документации».
14. Приказ Минздрава РФ от 09.11.2012 № 751н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи».
15. Приказ Минздрава РФ № 882н от 2021 г. «Об обязательном применении клинических рекомендаций».
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 26.06.2025).
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025).
18. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ».
19. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».
20. Leape L.L., Berwick D.M. Five Years After To Err Is Human: What Have We Learned? // JAMA. 2005. № 293 (19). P. 2384 – 2390.
21. WHO. Patient Safety: Global Action Plan 2021-2030. World Health Organization, 2021. P. 111 – 187.
22. WHO. Digital health and patient safety: Challenges and potential. Geneva, 2021. P. 54 – 61.
23. OECD. Medical Malpractice Systems Around the World: Lessons for Reform. Paris, 2020. P. 32 – 34.
24. Berlinger N. After Harm: Medical Error and the Ethics of Forgiveness. Johns Hopkins University Press, 2005. P. 63 – 67.

References

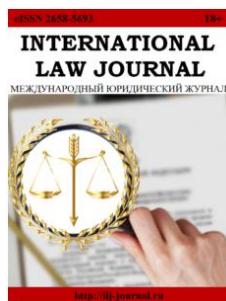
1. Civil Code of the Russian Federation. Part Two of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on January 13, 2025).
2. Report of the Investigative Committee of the Russian Federation on offenses in the field of healthcare (2023). URL: <https://www.sledcom.ru> (04/25/2025)
3. Report of the National Medical Chamber of the Russian Federation On the state of professional responsibility of doctors (2022). URL: <https://www.nacmedpalata.ru> (04.25.2025)
4. Zagorodnikov N.I. Responsibility of medical workers for harm to a patient: legal aspects. Moscow: Yurait, 2019. P. 121 – 130.
5. Ilyina T.N. Criminal procedural proof: Theory and practice. M.: Prospect, 2020. P. 19 – 33.
6. Kanunnikova L.V. Legal issues of qualification and proof in cases of improper provision of medical care. Bulletin of Justice. 2022-2023. No. 2, No. 3. P. 51.
7. Materials of the website of the Ministry of Health of the Russian Federation. URL: <https://www.menzdrav.gov.ru> (04.25.2025)
8. Melnikova I.R. Medical law and physician liability. Ekaterinburg: UrGUU, 2020. P. 99 – 105.
9. Smirnov A.V. Forensic examination: legal and organizational aspects. SPb.: Legal Center, 2021. P. 13 – 30.
10. Timofeev I.V. Medical error: criminal and medical aspects. Kazan: Center for Medical Law, 2021. P. 42 – 59.
11. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of medical errors (2019-2023) URL: <https://www.vsrif.ru> (04.25.2025)

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 06/30/2015 No. 21 "On the practice of applying legislation on liability for crimes against life and health".
13. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 11/29/2012 No. 972n "On approval of the procedure for maintaining medical records".
14. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 11/09/2012 No. 751n "On approval of the standard of primary health care".
15. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 882n of 2021 "On the mandatory use of clinical recommendations".
16. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 26.06.2025).
17. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 07.06.2025).
18. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation".
19. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data".
20. Leape L.L., Berwick D.M. Five Years After To Err Is Human: What Have We Learned? *JAMA*. 2005. No. 293 (19). P. 2384 – 2390.
21. WHO. Patient Safety: Global Action Plan 2021-2030. World Health Organization, 2021. P. 111 – 187.
22. WHO. Digital health and patient safety: Challenges and potential. Geneva, 2021. P. 54 – 61.
23. OECD. Medical Malpractice Systems Around the World: Lessons for Reform. Paris, 2020. P. 32 – 34.
24. Berlinger N. After Harm: Medical Error and the Ethics of Forgiveness. Johns Hopkins University Press, 2005. P. 63 – 67.

Информация об авторе

Торопов П.И., аспирант, Институт права, социального управления и безопасности, Удмуртский государственный университет, djsous@mail.ru

© Торопов П.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.7

Использование искусственного интеллекта в законодательном процессе: перспективы и риски в контексте соблюдения прав человека

¹ Емельянцев А.Э.,

¹ Крымский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу перспектив и рисков внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в законодательный процесс, с акцентом на соблюдение прав человека и этико-правовые аспекты. Рассматриваются современные тенденции автоматизации нормотворчества, включая использование ИИ для экспертизы законопроектов, выявления правовых противоречий и прогнозирования последствий принятия новых нормативных актов. Особое внимание уделено вопросам алгоритмической прозрачности, потенциальной дискриминации, распределения ответственности за автоматизированные решения, а также угрозам, связанным с дегуманизацией законодательного процесса. На основе изучения отечественного опыта, включая пилотные проекты Государственной Думы РФ и систему ГИС «Нормотворчество», а также зарубежных практик (например, китайских экспериментов по генерации нормативных актов), автор выявляет ключевые преимущества и вызовы интеграции ИИ в законотворческую деятельность. Среди преимуществ – повышение эффективности нормотворчества, расширение возможностей гражданского участия и улучшение доступности правовой информации. В то же время выделяются значительные риски, такие как воспроизведение социальных неравенств, угрозы кибербезопасности и сложности контроля за решениями, принимаемыми алгоритмами. В заключении обосновывается необходимость разработки специализированной нормативной базы, создания механизмов общественного контроля и обеспечения цифрового суверенитета. Результаты исследования могут быть использованы для формирования сбалансированного подхода к регулированию ИИ в законодательной сфере, сочетающего технологические инновации с надежными гарантиями защиты фундаментальных прав.

Ключевые слова: искусственный интеллект, законодательный процесс, права человека, автоматизация нормотворчества, правовая экспертиза, алгоритмическая прозрачность, правовая этика, цифровой суверенитет

Для цитирования: Емельянцев А.Э. Использование искусственного интеллекта в законодательном процессе: перспективы и риски в контексте соблюдения прав человека // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 172 – 175.

Поступила в редакцию: 19 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

The use of artificial intelligence in the legislative process: prospects and risks in the context of human rights protection

¹ Emelyantsev A.E.,

¹ Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the prospects and risks associated with the integration of artificial intelligence (AI) into the legislative process, with a focus on human rights compliance and ethical-legal aspects. It examines current trends in the automation of lawmaking, including the use of AI for legal draft

examination, identification of legislative inconsistencies, and forecasting the consequences of adopting new regulatory acts. Particular attention is paid to algorithmic transparency, potential discrimination, accountability for automated decisions, and threats related to the dehumanization of the legislative process. Drawing on domestic experience, including pilot projects by the State Duma of the Russian Federation and the GIS "Normotvorchestvo" system, as well as international practices (such as China's experiments in generating regulatory acts), the author identifies key advantages and challenges of integrating AI into legislative activities. Among the benefits are increased efficiency in lawmaking, enhanced opportunities for civic participation, and improved accessibility of legal information. At the same time, significant risks are highlighted, such as the reinforcement of social inequalities, cybersecurity threats, and difficulties in overseeing algorithm-driven decisions. The conclusion underscores the need for specialized regulatory frameworks, mechanisms for public oversight, and ensuring digital sovereignty. The research findings can inform the development of a balanced approach to AI regulation in the legislative sphere, one that harmonizes technological innovation with robust safeguards for fundamental rights.

Keywords: artificial intelligence (AI), legislative process, human rights, lawmaking automation, legal expertise, algorithmic transparency, legal ethics, digital sovereignty

For citation: Emelyantsev A.E. The use of artificial intelligence in the legislative process: prospects and risks in the context of human rights protection. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 172 – 175.

The article was submitted: May 19, 2025; Approved after reviewing: July 23, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Современный этап технологического развития характеризуется активным проникновением искусственного интеллекта в различные сферы государственного управления. Особый интерес представляет применение данных технологий в законодательном процессе, где они способны как повысить эффективность нормотворческой деятельности, так и создать новые вызовы в области защиты прав человека. Актуальность исследования обусловлена необходимостью балансирования между технологическим прогрессом и защитой прав человека, что особенно значимо в контексте реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 года, данный тезис подтверждается работами российских ученых [9]. В частности, современные исследования отмечают, что цифровизация законодательного процесса открывает новые возможности для реализации конституционных прав граждан на участие в управлении делами государства, однако требует тщательного правового регулирования для минимизации сопутствующих рисков [1, с. 93].

Материалы и методы исследований

В исследовании использованы методы сравнительно-правового анализа, изучения отечественного и зарубежного опыта применения ИИ в законодательном процессе, а также анализа нормативно-правовых актов, включая Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 и Стратегию национальной безопасности РФ [10]. Материалом послужили научные публикации, данные pilotных проектов Государственной Думы РФ, а также международные практики, такие как эксперименты в Китайской Народной Республике. Особое внимание уделено этико-правовым аспектам, включая вопросы алгоритмической прозрачности и дискриминации.

Результаты и обсуждения

В Российской Федерации наблюдается постепенное внедрение технологий искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность. В 2023 году Государственной Думой РФ был инициирован pilotный проект по использованию алгоритмов машинного обучения для анализа законопроектов на предмет выявления внутренних противоречий и соответствия действующему законодательству [6, с. 45]. Данная инициатива демонстрирует растущий интерес законодателя к возможностям автоматизации юридической экспертизы.

Особый интерес представляет международный опыт. В Китайской Народной Республике технологии ИИ применяются не только для анализа, но и для генерации нормативных предложений. В провинции Чжэцзян с 2021 года действует экспериментальная система, способная формулировать проекты местных нормативных актов на основе анализа массива правовых актов и судебных решений [4, с. 112].

В российском контексте значительное внимание уделяется разработке системы ГИС «Нормотворчество». Современные исследования показывают, что данная система должна стать ключевым инструментом цифровизации взаимодействия граждан и законодательных органов на региональном уровне, а также в перспективе может содержать элементы взаимодействия с участниками законотворческого процесса на основе ИИ [1,

с. 94]. Её внедрение позволит существенно упростить процедуру подачи и рассмотрения законодательных инициатив граждан [6, с. 48].

Использование искусственного интеллекта в законодательной деятельности открывает значительные перспективы для повышения эффективности нормотворческого процесса, так как в первую очередь технологии машинного обучения позволяют проводить комплексный анализ огромных массивов правовой информации, включая не только нормативные акты, но и правоприменительную практику [2, с. 164].

Современные исследования также подчеркивают, что важнейшим преимуществом цифровизации является расширение возможностей гражданского участия в законодательном процессе через создание удобных электронных сервисов для подачи и отслеживания обращений [1, с. 95]. Это соответствует конституционным положениям о праве граждан участвовать в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ).

Среди других значимых преимуществ можно отметить возможность оперативного выявления пробелов и противоречий в законодательстве, снижение временных затрат на подготовку законопроектов, повышение качества юридической техники, а также улучшение доступности законодательной информации для граждан [5, с. 39].

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение искусственного интеллекта в законодательный процесс сопряжено с существенными рисками для защиты прав человека. Одной из наиболее серьезных проблем является алгоритмическая предвзятость, которая может воспроизводить и усиливать существующие социальные неравенства [7, с. 67].

Особого внимания заслуживает проблема информационной безопасности при использовании зарубежных ИИ-решений в законодательном процессе, что может создавать угрозы национальной безопасности и привести к утечке конфиденциальных данных [1, с. 96]. Это особенно актуально в свете положений Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [10] предусматривающего развитие «цифрового суверенитета» России.

Среди других значимых рисков следует отметить проблему «чёрного ящика», усложнение алгоритмов нейронных сетей, которое может привести к невозможности понять логику принятия решений ИИ, риск дегуманизации законодательного процесса, проблему распределения ответственности за автоматизированные решения, а также угрозу манипулирования алгоритмами в политических целях [2, с. 193].

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие рекомендации по оптимальному и безопасному использованию ИИ в законодательном процессе:

1. *Необходимость разработки нормативной базы.* На основе ранее упомянутой «Стратегии использования ИИ» следует провести комплексные исследования и принять специальный федеральный закон, регулирующий применение ИИ в государственном управлении, включая нормотворческую деятельность. Закон должен содержать чёткие требования к алгоритмической прозрачности, механизмы контроля за решениями ИИ, процедуры обжалования автоматизированных решений, а также гарантии защиты персональных данных.

2. *Создание системы контроля качества.* Требуется разработать методики тестирования алгоритмов на предмет предвзятости, процедуры обязательного аудита ИИ-систем, а также механизмы внешнего контроля со стороны экспертного сообщества.

3. *Обеспечение информационной безопасности.* Необходимо использовать исключительно отечественные ИИ-платформы, создать защищённую инфраструктуру для обработки данных, а также разработать стандарты кибербезопасности для законодательных ИИ-систем.

4. *Создание системы подготовки квалифицированных кадров.* Важно организовать специальную подготовку юристов в области цифровых технологий, обучение ИТ-специалистов правовым аспектам нормотворчества, а также программы повышения цифровой грамотности законодателей.

5. *Развитие гражданского участия и общественного контроля за ИИ.* Следует создать удобные интерфейсы для взаимодействия граждан с ИИ-системами, обеспечить прозрачность работы алгоритмов, а также разработать механизмы общественного контроля на основе существующего федерального законодательства.

Современные исследования показывают, что реализация этих мер позволит создать сбалансированную систему использования ИИ в законодательном процессе, которая будет сочетать технологическую эффективность с надежными гарантиями защиты прав человека.

Список источников

1. Емельянцев А.Э. Перспективные аспекты цифровизации в сфере реализации конституционных прав граждан на участие в законотворческом процессе // Закон и власть. 2024. № 4. С. 93 – 97.
2. Зорькин В.Д. Цифровое право: вызовы и решения. М.: Норма, 2021. 256 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 27. Ст. 4476.
4. Ли С. Искусственный интеллект в законодательной практике Китая: эксперимент в провинции Чжэцзян // Азиатский журнал права и технологий. 2022. Т. 12. № 3. С. 110 – 125.
5. Петров И.А. Цифровые технологии в правовом моделировании // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2022. № 3. С. 34 – 48.
6. Смирнов А.В. Искусственный интеллект в законотворчестве: первые итоги // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45 – 52.
7. Соломон П. Дискриминация в алгоритмах: как избежать несправедливости // AI & Society. 2022. № 2. С. 65 – 78.
8. Хабриева Т.Я. Право в цифровую эпоху. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2020. 320 с.
9. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5834.
10. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

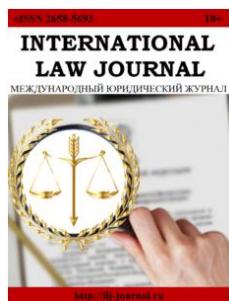
References

1. Yemelyantsev A.E. Promising aspects of digitalization in the sphere of realization of constitutional rights of citizens to participate in the legislative process. Law and power. 2024. No. 4. P. 93 – 97.
2. Zorkin V.D. Digital law: challenges and solutions. Moscow: Norma, 2021. 256 p.
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 27. Art. 4476.
4. Li S. Artificial intelligence in the legislative practice of China: an experiment in Zhejiang Province. Asian Journal of Law and Technology. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 110 – 125.
5. Petrov I.A. Digital technologies in legal modeling. Bulletin of Moscow University. Series 11, Law. 2022. No. 3. P. 34 – 48.
6. Smirnov A.V. Artificial intelligence in lawmaking: first results. Journal of Russian Law. 2023. No. 5. P. 45 – 52.
7. Solomon P. Discrimination in algorithms: how to avoid injustice. AI & Society. 2022. No. 2. P. 65 – 78.
8. Khabrieva T.Ya. Law in the digital era. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law, 2020. 320 p.
9. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5834.
10. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27. Art. 5351.

Информация об авторе

Емельянцев А.Э., преподаватель, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Симферополь, ул. Павленко 5, lexfutur@yandex.com

© Емельянцев А.Э., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341

Институт гражданства в современном международном праве

¹ Шайхутдинова Г.Р., ^{1,2} Нуржанова М.Д.,
¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,
² Управление по вопросам миграции УМВД России по Астраханской области

Аннотация: современное международное право придаёт особое значение институту гражданства, рассматривая его не только как юридическую связь между лицом и государством, но и как правовую категорию, имеющую трансграничную значимость. Гражданство становится фактором, определяющим правовой статус личности в международных отношениях, включая реализацию прав, защиту, ответственность и вопросы миграции. В условиях глобализации, усиления международной миграции, транснационального правового взаимодействия и развития наднациональных образований институт гражданства приобретает новые черты, отражая как суверенитет государств, так и растущую роль международных стандартов прав человека.

Статья направлена на выявление особенностей правового регулирования гражданства в современном международном праве, анализ тенденций в области множественного гражданства, апатридизма, процедур национализации и лишения гражданства, а также на обоснование необходимости гармонизации международных и национальных подходов к этой категории.

Научная новизна работы заключается в интерпретации гражданства как динамической правовой конструкции, находящейся под влиянием как внутреннего, так и международного правового порядка.

Ключевые слова: гражданство, международное право, апатридизм, множественное гражданство, суверенитет, международные стандарты, правовой статус личности, миграция, лишение гражданства, национализация

Для цитирования: Шайхутдинова Г.Р., Нуржанова М.Д. Институт гражданства в современном международном праве // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 176 – 181.

Поступила в редакцию: 20 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

The institution of citizenship in modern international law

¹ Shaykhutdinova G.R., ^{1,2} Nurzhanova M.D.,
¹ Kazan (Volga Region) Federal University,

² Department of Migration Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Astrakhan Region

Abstract: modern international law attaches special importance to the institution of citizenship, considering it not only as a legal link between a person and the State, but also as a legal category with cross-border significance. Citizenship is becoming a factor determining the legal status of an individual in international relations, including the exercise of rights, protection, responsibility, and migration issues. In the context of globalization, increased international migration, transnational legal interaction and the development of supranational entities, the institution of citizenship is acquiring new features, reflecting both the sovereignty of States and the growing role of international human rights standards.

The article is aimed at identifying the features of the legal regulation of citizenship in modern international law, analyzing trends in the field of multiple citizenship, stateless persons, naturalization and deprivation of citizenship procedures, as well as substantiating the need to harmonize international and national approaches to this category.

The scientific novelty of the work lies in the interpretation of citizenship as a dynamic legal structure influenced by both the domestic and international legal order.

Keywords: citizenship, international law, stateless persons, multiple citizenship, sovereignty, international standards, legal status of an individual, migration, deprivation of citizenship, naturalization

For citation: Shaykhutdinova G.R., Nurzhanova M.D. The institution of citizenship in modern international law. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 176 – 181.

The article was submitted: May 20, 2025; Approved after reviewing: July 24, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Институт гражданства занимает одно из ключевых мест в системе публичного права и представляет собой основополагающий элемент правового статуса личности. В течение длительного исторического периода гражданство воспринималось исключительно как юридическая связь между физическим лицом и конкретным государством, основанная на принципе суверенитета и определяемая внутренним законодательством. Однако с развитием международного сотрудничества, укреплением международных стандартов в области прав человека, расширением масштабов трансграничной миграции и появлением новых форм политico-правовых объединений, таких как Европейский союз, институт гражданства стал приобретать новые, более сложные черты. Его сущность вышла за пределы исключительно национальной правовой категории, постепенно трансформируясь в универсальный международно-правовой механизм регулирования прав личности и межгосударственных отношений.

В современном мире гражданство выступает не только правовой предпосылкой реализации политических, социальных и экономических прав, но и своеобразным индикатором правового положения личности на международной арене. Принадлежность к конкретному государству определяет возможности лица в сфере международной защиты, мобильности, участия в транснациональных процессах и доступа к механизмам правосудия. Отсутствие гражданства, в свою очередь, означает правовую уязвимость, ограниченность в реализации прав и свобод, отсутствие доступа к базовым государственным услугам, невозможность участия в политической жизни и, зачастую, постоянное пребывание в правовом вакууме. Поэтому проблема апатризизма становится предметом острого внимания со стороны международных организаций и правозащитного сообщества [10].

Одной из характерных тенденций современности является распространение явлений множественного гражданства, когда физическое лицо имеет одновременно правовую принадлежность к нескольким государствам. Такое положение во многом обусловлено миграцией, трансграничными браками, глобализацией трудового рынка и либерализацией законодательства. Однако наличие двойного или множественного гражданства порождает значительное количество правовых коллизий, касающихся правовой защиты, исполнения обязанностей, вопросов налогообложения, воинской повинности и дипломатической помощи. Международное право не запрещает множественное гражданство, но старается минимизировать риски, связанные с правовой неопределенностью. Это особенно актуально в контексте международных конфликтов, кризисов и массовых миграционных процессов [7].

Параллельно с этим наблюдается усиление государств в части контроля над институтом гражданства, особенно в аспекте его предоставления и утраты. В ряде стран фиксируются случаи произвольного лишения гражданства, зачастую по политическим мотивам или в контексте борьбы с терроризмом и экстремизмом. Такие меры вызывают острую реакцию международного сообщества, поскольку они противоречат принципу недопустимости произвольного лишения гражданства, закрепленному в ряде международных документов. Европейский суд по правам человека, а также Комитет ООН по правам человека неоднократно указывали на недопустимость практики, ведущей к фактическому созданию лиц без гражданства или дискриминации по признаку национальной принадлежности [3].

На фоне этих процессов возрастает значение международных договоров и соглашений, регулирующих вопросы гражданства. Документы, принятые в рамках ООН, Совета Европы, Межпарламентского союза, содержат нормы, направленные на предотвращение безгражданства, защиту прав лиц, не имеющих граж-

данства, а также создание единых стандартов предоставления и утраты гражданства. Особую роль играют такие акты, как Конвенция о сокращении безгражданства 1961 года, Конвенция о статусе апатридов 1954 года, а также Европейская конвенция о гражданстве 1997 года. Эти правовые инструменты становятся основой для формирования универсального подхода к институту гражданства, учитываящего как особенности национальных правовых систем, так и международные обязательства государств [5].

В научной и правоприменительной плоскости возникает необходимость в системном переосмыслиннии гражданства как феномена, который не может быть редуцирован к простой правовой принадлежности к государству. Гражданство сегодня всё чаще рассматривается как элемент, включённый в более широкую систему международных гарантий прав человека и механизмов международного взаимодействия. Его трансформация свидетельствует об изменении баланса между государственным суверенитетом и международными обязательствами, что требует соответствующего правового и теоретического осмыслинния [2].

Таким образом, институт гражданства в современном международном праве является объектом сложных взаимодействий между различными уровнями правового регулирования. Он находится на пересечении национального законодательства, международных договоров, судебной практики и правозащитной деятельности. Изучение этого института позволяет не только выявить современные тенденции развития международного права, но и определить ключевые вызовы и перспективы правового регулирования личности в условиях глобализации. Именно поэтому исследование гражданства с позиций международного права представляется актуальным, значимым и необходимым как с научной, так и с практической точки зрения.

Материалы и методы исследований

Исследование основывается на анализе международных договоров, конвенций, резолюций международных организаций, судебной практики и национальных законодательств различных стран. Особое внимание уделено Гаагской конвенции 1930 года, Европейской конвенции о гражданстве 1997 года, а также практике Европейского суда по правам человека. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой анализ, нормативно-догматический подход, а также методы системного и функционального толкования правовых норм. Выявление трансформации подходов к институту гражданства осуществлялось с использованием эмпирических данных по числу лиц без гражданства, а также по распространённости двойного гражданства в различных странах.

Результаты и обсуждения

Современное международное право допускает гибкость в вопросах регулирования гражданства, признавая при этом, что оно в первую очередь находится в компетенции национальных государств. Тем не менее, международное сообщество выработало принципы, ограничивающие произвольное лишение гражданства и требующие предотвращения безгражданства. Эти ограничения основываются прежде всего на нормах международных договоров, а также на практике международных судебных органов. Возрастающее число случаев апатризма требует от государств не только участия в международных конвенциях, но и разработки механизмов идентификации и правовой защиты лиц без гражданства [4].

Международные стандарты, установленные ООН, Советом Европы и другими организациями, формируют рамки для допустимых действий государств в сфере гражданства. Ключевыми положениями являются запрет произвольного лишения гражданства, защита лиц без гражданства, а также признание права на гражданство как одного из основополагающих прав человека [6].

Таблица 1

Основные международные договоры, регулирующие институт гражданства.

Table 1

Main international treaties regulating the institution of citizenship.

Название документа	Год принятия	Ключевые положения
Гаагская конвенция о некоторых вопросах коллизии законов о гражданстве	1930	Принцип избежания безгражданства и множественного гражданства
Конвенция о статусе апатридов	1954	Правовой статус лиц без гражданства
Конвенция о сокращении безгражданства	1961	Механизмы предотвращения случаев апатризма
Европейская конвенция о гражданстве	1997	Стандарты натурализации, лишения и восстановления гражданства

Анализ показывает, что в ряде стран происходит либерализация законодательства, допускающая двойное гражданство и предоставление гражданства по упрощенным основаниям. Вместе с тем, существует тенденция к ограничению гражданства на фоне угроз национальной безопасности. Например, правовые подходы Великобритании и Франции предусматривают возможность лишения гражданства при участии лица в террористической деятельности [1]. Однако такие меры подлежат строгой юридической проверке в международных инстанциях.

Численность лиц без гражданства в мире по данным УВКБ ООН (в тыс. чел.).

Таблица 2

Table 2

Number of stateless persons in the world according to UNHCR data (in thousands of people).

Регион	2010	2015	2020	2024
Азия	1400	1300	1100	1000
Европа	670	540	420	370
Африка	580	500	440	400
Америка	250	230	210	200
Всего по миру	2900	2570	2170	1970

Снижение числа лиц без гражданства объясняется мерами по легализации и натурализации, а также международной работой по улучшению регистрации рождения. Однако сохраняются масштабные проблемы в отношении детей, рожденных от родителей с нерегулируемым статусом, особенно в зонах конфликтов [10].

На рис. 1 представлено распределение стран по правовому режиму двойного гражданства (по состоянию на 2024 год).

Рис. 1. Распределение стран по правовому режиму двойного гражданства (по состоянию на 2024 год).
Fig. 1. Distribution of countries by legal regime of dual citizenship (as of 2024).

Как видно из анализа, большинство государств в мире допускают двойное гражданство, что обусловлено как практическими соображениями, так и гуманитарными причинами. При этом в международной практике не существует единого подхода к последствиям обладания несколькими гражданствами, в том числе в вопросах дипломатической защиты.

Международное право в целом отходит от жёсткой модели «один человек – одно гражданство», всё чаще признавая, что в условиях мигра-

ции, смешанных браков и транснационального бизнеса наличие нескольких гражданств может быть правомерным и даже желательным [7].

Выводы

Институт гражданства в современном международном праве представляет собой сложный, эволюционирующий феномен, в котором переплетаются суверенные интересы государств и универсальные права человека. Международные правовые акты не заменяют национальное законодательство, но задают рамки и стандарты, направ-

ленные на защиту личности и предотвращение правового вакуума.

В условиях глобализации возрастают требования к гармонизации законодательства о гражданстве, что требует более тесного взаимодействия между государствами, международными организациями и судебными институтами. Дальнейшее развитие международного регулирования в этой сфере должно учитывать потребности трансграничных сообществ и обеспечивать баланс между суверенитетом и универсальностью прав лично-

сти.

Особенно важным становится внедрение процедур, исключающих произвольное лишение гражданства и обеспечивающих восстановление прав лиц без гражданства. Таким образом, институт гражданства уже не может рассматриваться исключительно как элемент внутреннего права: он приобретает значение в контексте международной безопасности, прав человека и устойчивого развития.

Список источников

1. Аджба Д.Д. Правовые последствия двойного и множественного гражданства: практика международноправового регулирования // Правосудие. 2023. Т. 5. № 3. С. 154 – 170.
2. Бучакова М.А., Грязнова Т.Е. Институт гражданства: вопросы теории и правоприменительной практики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28. № 1 (92). С. 115 – 119.
3. Дылико М.С. Современные аспекты права на гражданство: правовые аспекты, ограничения и механизмы натурализации в контексте глобализации и миграционных потоков // Актуальные исследования. 2024. № 3 (185). С. 9 – 11.
4. Евстфеева М.С. Актуальные проблемы правового регулирования института гражданства // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. 2024. № 2 (25). С. 272 – 276.
5. Ивашкевич Е.Ф. Институт гражданства в странах СНГ: основные тенденции развития на современном этапе. Красноярская региональная общественная организация "Общественный комитет по защите прав человека", 2022. 89 с.
6. Исабекова В.С., Ыбырай А.К. Институт лишения гражданства в Республике Казахстан и некоторых зарубежных странах: вопросы теории и практики // Актуальные вопросы современной науки: теория, методология, практика, инноватика. 2023. С. 182 – 187.
7. Кириленко В.П. Понятие гражданства в международном праве // ББК 66.4 М 43 Рецензенты: Доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2023. С. 272.
8. Масталиев К.Т. Место института принудительного прекращения гражданства в современном демократическом государстве // Закон и право. 2024. № 4. С. 101 – 106.
9. Самигуллин В.К., Вагапова Р.Р. О некоторых концепциях гражданства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1 (103). С. 55 – 64.
10. Шаповалов Д.В. Международно-правовое регулирование актуальных проблем гражданства // Наука молодых-будущее России. 2022. С. 225 – 228.

References

1. Adzhba D.D. Legal consequences of dual and multiple citizenship: practice of international legal regulation. Justice. 2023. Vol. 5. No. 3. P. 154 – 170.
2. Buchakova M.A., Gryaznova T.E. Institute of citizenship: issues of theory and law enforcement practice. Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2023. Vol. 28. No. 1 (92). P. 115 – 119.
3. Dylko M.S. Modern aspects of the right to citizenship: legal aspects, restrictions and mechanisms of naturalization in the context of globalization and migration flows. Current research. 2024. No. 3 (185). P. 9 – 11.
4. Evstafeeva M.S. Actual problems of legal regulation of the institution of citizenship. Bulletin of young scientists and specialists of Samara University. 2024. No. 2 (25). P. 272 – 276.
5. Ivashkevich E.F. Institute of citizenship in the CIS countries: the main development trends at the present stage. Krasnoyarsk regional public organization "Public Committee for the Protection of Human Rights", 2022. 89 p.
6. Isabekova V.S., Ybyrai A.K. Institute of deprivation of citizenship in the Republic of Kazakhstan and some foreign countries: issues of theory and practice. Actual issues of modern science: theory, methodology, practice, innovation. 2023. P. 182 – 187.
7. Kirilenko V.P. The concept of citizenship in international law. BBK 66.4 M 43 Reviewers: Doctor of Political Sciences, Professor Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 2023. P. 272.

8. Mastaliev K.T. The Place of the Institute of Compulsory Termination of Citizenship in a Modern Democratic State. *Law and Right*. 2024. No. 4. P. 101 – 106.

9. Samigullin V.K., Vagapova R.R. On Some Concepts of Citizenship. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 1 (103). P. 55 – 64.

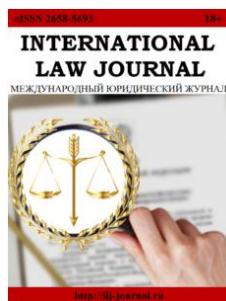
10. Shapovalov D.V. International Legal Regulation of Actual Problems of Citizenship. *Science of the Young—the Future of Russia*. 2022. P. 225 – 228.

Информация об авторах

Шайхутдинова Г.Р., доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Нуржанова М.Д., начальник Отделения по исполнению административного законодательства отдела иммиграционного контроля Управления по вопросам миграции УМВД России по Астраханской области; соисполнитель ученой степени кандидата юридических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Шайхутдинова Г.Р., Нуржанова М.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.3/.7

Некоторые проблемные аспекты дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ): сквозь призму конструирования привилегированных составов преступлений

¹ Ванян Д.Н.,
¹ Кубанский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные аспекты дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья, предусмотренные главой 16 УК РФ, сквозь призму конструирования привилегированных составов преступлений. Автор анализирует природу и структуру привилегированных составов, выделяя их как особую форму уголовно-правовой дифференциации, основанную на наличии конструктивных привилегирующих признаков, снижающих степень общественной опасности деяния. Исследуются ключевые нормы, содержащие такие признаки (ст. 106, 107, 108, 113 и 114 УК РФ), с акцентом на внутреннюю логику их построения, оценку феномена «квалифицирующего признака привилегированного состава», а также дифференциацию уголовной ответственности, осуществляющую в зависимости от объема причиненного преступлением вреда. В заключении делается вывод, что привилегированные составы преступлений, предусмотренные гл. 16 УК РФ, представляют собой важный элемент системы дифференциации уголовной ответственности, которая требует дальнейшей теоретической проработки и законодательного усовершенствования.

Ключевые слова: дифференциация, уголовная ответственность, дифференциация уголовной ответственности, привилегированный состав преступления, привилегирующий признак, преступления против жизни и здоровья

Для цитирования: Ванян Д.Н. Некоторые проблемные аспекты дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ): сквозь призму конструирования привилегированных составов преступлений // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 182 – 187.

Поступила в редакцию: 21 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Some problematic aspects of the differentiation of criminal liability for crimes against life and health (Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation): through the prism of constructing privileged crimes

¹ Vanyan D.N.,
¹ Kuban State University

Abstract: the article examines problematic aspects of the differentiation of criminal liability for crimes against life and health, provided for in Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation, through the prism of constructing privileged crimes. The author analyzes the nature and structure of privileged compounds, singling them out as a special form of criminal law differentiation based on the presence of constructive privileged features that reduce the degree of public danger of the act. The key norms containing such signs are investigated (art. 106, 107, 108, 113 and 114 of the Criminal Code of the Russian Federation), with an emphasis on the internal logic of their construction, the assessment of the phenomenon of "qualifying feature of privileged composition", as well as

the differentiation of criminal liability, carried out depending on the amount of harm caused by the crime. In conclusion, it is concluded that the privileged elements of crimes provided for in Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation represent an important element of the system of differentiation of criminal responsibility, which requires further theoretical study and legislative improvement.

Keywords: differentiation, criminal liability, differentiation of criminal liability, privileged corpus delicti, privileged trait, crimes against life and health

For citation: Vanyan D.N. Some problematic aspects of the differentiation of criminal liability for crimes against life and health (Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation): through the prism of constructing privileged crimes. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 182 – 187.

The article was submitted: May 21, 2025; Approved after reviewing: July 24, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Уголовное право Российской Федерации традиционно ориентируется на создание системы дифференциации уголовной ответственности, которая должна учитывать различия в степени общественной опасности преступлений. Одним из ярких примеров такой дифференциации являются преступления против жизни и здоровья, предусмотренные главой 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), среди которых особое место занимают привилегированные их составы. На сегодняшний день всего в УК РФ содержится семь таких составов, закрепленных в пяти статьях УК РФ (106, 107, 108, 113 и 114). Причем у всех регламентированных в них преступлениях общий видовой объект – общественные отношения в сфере обеспечения охраны жизни и здоровья личности [1, с. 76].

В первую очередь следует заметить, что в науке уголовного права на сегодняшний день сложилось примерно одинаковое понимание привилегированных составов преступлений и содержащихся в них привилегирующих признаков. Так, по мнению А.В. Иванчина, привилегированный состав представляет собой состав с пониженной общественной опасностью. Автор уточняет, что определение пониженной или повышенной степени опасности обусловливается отношением к основному составу преступления и выражается в санкции статьи Особенной части УК РФ [2, с. 41]. Примерно так же понятие привилегированного состава формулирует и Ю.В. Баглай, полагая, что таковой характеризуется более низкой степенью общественной опасности преступного деяния (существенно), связанной с какими-либо обстоятельствами [3, с. 79]. Градируя виды составов преступлений по степени общественной опасности, П.В. Федышина утверждает, что привилегированный состав – это состав, содержащий в себе смягчающие признаки (обстоятельства) [4, с. 12]. Как отмечает Е.В. Благов, привилегированные составы – это такие составы, посредством признаков которых снижается наказуемость противоправных деяний в рамках ст. 106-108, 113 и 114 УК РФ [5, с. 55-56].

Таким образом, под привилегированным составом (или составом со смягчающими обстоятельствами), как правило, понимается состав, в котором законодатель указывает, в том числе, признаки, которые значительно ниже по своей степени общественной опасности в отличие от признаков основного состава [6, с. 154-155]. Причем особенностью привилегированных составов является то, что наряду с обязательными признаками основного состава в них дополнительно присутствует так называемый привилегирующий признак, обладающий конструктивным характером [7, с. 26].

В этой связи А.П. Штанькова справедливо подчеркивает, что основным элементом, который, с одной стороны, отличает, а с другой, характеризует привилегированные составы преступных деяний, выступает наличие в структуре таких составов специфических конструктивных признаков, именуемых «признаками привилегий». Последние, отмечает автор, играют важную роль в формировании норм привилегированного толка, создавая при этом условия особого типа, обстоятельства исключительного содержания и преимущества, нацеленные прежде всего на личность виновного лица в момент совершения противоправного деяния. Данный подход позволяет глубже понять природу привилегированных составов, определяет их ролевое предназначение в системе уголовно-правового воздействия и способствует дифференциации уголовной ответственности [8, с. 23].

Вместе с тем, несмотря на отмеченное единообразие в определении сущности привилегированных составов, интерес к данной теме на сегодня стабильно высокий. Она остается предметом пристального внимания ученых-кrimиналистов, к которым можно отнести Н.Е. Аленкина, А.В. Иванчина, Э.В. Кабурнеева,

М.Н. Каплина, Л.Л. Кругликова, Т.А. Лесниевски-Костареву, А.В. Мотина, Н.В. Огородникову, М.Л. Прокорову, Е.В. Рогову, А.П. Усачеву, А.М. Чихрадзе, А.П. Штанькову и др.

Означеный интерес связан с тем, что современная система привилегированных составов вызывает ряд теоретических и практических проблем, особенно в контексте осуществления деятельности, направленной на формирование обоснованной дифференциации уголовной ответственности. Данный аспект, надо признать, нередко является несколько непоследовательным, что приводит к определенным сложностям, которые возникают в правоприменительной деятельности.

Учитывая изложенные выше положения, можно определить цель исследования. Она заключается в осмыслиении некоторых актуальных проблем, возникающих в процессе дифференциации уголовной ответственности за преступления, затрагивающие жизнь и здоровье личности, с учетом особенностей конструирования привилегированных составов в рамках главы 16 УК РФ.

Материалы и методы исследований

Материалом работы послужили нормы действующего российского уголовного закона и научные труды в области уголовного права по рассматриваемой проблематике. В ходе исследования применялся комплекс общенаучных и частно-научных методов научного познания, среди которых можно выделить анализ, синтез, индукцию, дедукцию, обобщение, системно-структурный и формально-юридический.

Результаты и обсуждения

В первую очередь следует отметить, что, как утверждают В.Г. Гриб, А.Х. Ибрагимова, С.Т. Ахмедханова и З.М. Мусаева, эффективное разграничение уголовной ответственности возможно лишь при условии точного понимания того, какие именно уголовно-правовые средства (инструменты) могут быть применены при формировании привилегированных составов преступлений. Авторы справедливо указывают, что основой для такой дифференциации выступает определенный набор признаков, позволяющих квалифицировать деяние как преступное. В признаках привилегированных составов преступлений выражаются обстоятельства дифференциации [9, с. 155, 157]. Данные обстоятельства, как утверждает А.В. Мотин, отражают пониженную степень общественной опасности привилегированных составов [10, с. 130]. В этой связи в науке предпринимались попытки систематизации в УК РФ статей со смягчающими обстоятельствами. Так, А.П. Штанькова выдвигала идею о структурном изменении расположения отдельных статей главы 16 УК РФ посредством введения так называемых буквенных индексов. Ее предложение сводится к тому, чтобы, не нарушая общей нумерации, расположить статьи с привилегированными составами непосредственно после базовых норм (норм-доноров). В частности, после ст. 105 УК РФ могли бы следовать ст. 105-а, 105-б и 105-в, соответствующие ныне действующим ст. 106, 107 и 108 УК РФ. Аналогичным образом за ст. 111 УК РФ целесообразно было бы разместить 111-а, 111-б и 111-в, которые отражали бы положения ст. 113 УК РФ, ч. 1 ст. 114 и ч. 2 ст. 114 УК РФ – соответственно. По мнению автора, подобное расположение статей уголовного закона усилило бы его системность и наглядность [11, с. 280-281]. В русле этой идеи вызывает поддержку точка зрения А.В. Мотина, который отмечает, что такая мера может способствовать логической упорядоченности и внутренней согласованности структуры норм, предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья [10, с. 130]. Однако подход А.П. Штаньковой, как представляется, затрагивает вопрос систематизации, технико-юридического изложения, а не дифференциации ответственности. В этой связи важным видится проведение обоснованной дифференциации в рамках указанных преступлений.

Так, при рассмотрении содержания ст. 106, 108, 113 и 114 УК РФ обращает на себя внимание то обстоятельство, что в данных уголовно-правовых нормах отсутствуют квалифицирующие признаки, использующиеся для усиления уголовной ответственности в рамках основного состава. Статьи 108 и 114 УК РФ в ч. 1 и 2 предусматривают самостоятельные и независимые друг от друга виды преступлений. Исключение составляет ст. 107 УК РФ, в которой в качестве квалифицирующего признака выделено убийство двух или более лиц (ч. 2). В такой ситуации предусматривается конструкция квалифицирующего признака привилегированного состава, которая в науке уголовного права справедливо критикуется специалистами. Так, Н.Е. Аленкин, указывая в своих исследованиях на чрезмерную сложность системы привилегированных составов убийства, предлагает отказаться от регламентации в ч. 2 ст. 107 УК РФ обстоятельства, усиливающего ответственность [12, с. 11]. В свою очередь Н.А. Лопашенко выражает несколько иную позицию, предлагая рассматривать убийство двух и более лиц, совершенное при установлении аффективного состояния, не как единое деяние, подпадающее под признаки квалифицированного состава, а как совокупность преступлений, что, по ее мнению, более логично [13, с. 400]. Следует признать, что совершение подобных преступлений в реальности имеет место на практике, состояние сильного душевного волнения, очевидно, не может исключать вероятности того, что посягательство будет направлено против нескольких лиц одновременно.

Тем не менее, представленные аргументы ученых заслуживают внимания. Действительно, ч. 2 ст. 107 УК РФ вызывает вопросы не только с точки зрения внутренней логики построения уголовно-правовой нормы, но и с позиции системности подхода к дифференциации ответственности. Во-первых, численность потерпевших от преступления зачастую определяется объективными обстоятельствами, которые не всегда контролируются субъектом преступления, находящимся в состоянии аффекта. Во-вторых, возникает правовая коллизия: законодатель изначально квалифицирует деяние как менее опасное, предоставляя ему привилегированный статус, однако затем одновременно вводит отягчающее обстоятельство, тем самым, по существу, нивелируя саму «привилегию». Подобное противоречие затрудняет реализацию принципов справедливости и разумности при назначении наказания и требует переосмысления в рамках общей системы норм, предусматривающих ответственность за преступления против жизни. В этой связи стоит поддержать мнение М.Н. Каплина об исключении ч. 2 из ст. 107 УК РФ [14, с. 18-19].

Следующее, что обращает на себя внимание в рамках предмета исследования, это то, что в содержании ст. 114 УК РФ законодатель выстраивает дифференциацию уголовной ответственности за посягательства на здоровье, исходя из степени (объема) причиненного вреда. Так, в ч. 1 названной статьи речь идет об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью в условиях превышения пределов необходимой обороны. В то же время диспозиция ее ч. 2 охватывает собой причинение как тяжкого, так и средней тяжести вреда при превышении допустимых мер, применяемых при задержании лица, совершившего преступление. Такое законодательное описание вызывает вполне обоснованный вопрос: насколько логично исключение из содержания ч. 1 ст. 114 УК РФ указания на возможность причинения вреда средней тяжести? Сомнения вызывает тот факт, что причинение вреда средней тяжести в ситуации превышения необходимой обороны оказывается выведенным за пределы уголовно-правовой оценки, в то время как аналогичное деяние при задержании влечет ответственность по ч. 2 этой же статьи. Верховный Суд РФ в п. 11 постановления Пленума от 27 сентября 2012 г. № 19 прямо указывает, что действия оброняющегося, повлекшие причинение вреда средней тяжести нападавшему, не влекут наступления уголовной ответственности [15]. Думается, что подобная правовая позиция представляется, как минимум, спорной. Признание отсутствия уголовной ответственности в таком случае, по нашему мнению, не в полной мере соответствует принципам последовательности уголовно-правовой дифференциации. Подобное исключение выглядит неоправданным по следующим причинам: во-первых, оно не согласуется с социально-криминологическими критериями уголовно-правовой оценки деяний; во-вторых, нарушает внутреннюю логику дифференциации составов в рамках главы 16 УК РФ; в-третьих, выходит за пределы системного подхода к криминализации действий, связанных с нарушением условий правомерности обороны и мер для задержания преступников [10, с. 132]. В этой связи представляется обоснованным дополнить ч. 1 ст. 114 УК РФ указанием на возможность причинения вреда здоровью средней тяжести при превышении пределов необходимой обороны. Включение данного признака в диспозицию нормы позволило бы устраниить существующий дисбаланс в правовом регулировании и способствовало бы более полной реализации принципа справедливости в уголовном праве. Кроме того, такое изменение обеспечило бы соответствие между названием ст. 114 УК РФ, в котором упоминается причинение как тяжкого, так и вреда средней тяжести, и ее фактическим содержанием, что способствовало бы унификации и внутренней логике нормативной конструкции. Думается также, что не совсем корректно, с точки зрения объективно разного объема наступивших последствий, предусматривать вред средней тяжести и тяжкий вред здоровью в одной части статьи, как это реализовано в ст. 113 и 114 УК РФ. В данном случае уместно отметить замечание А.П. Штаньковой, что те же деяния, но без смягчающих обстоятельств находят свое отражение в различных статьях Особенной части уголовного закона (ст. 111 и 112 УК РФ), что исключает их единую наказуемость, а также категорию. На этом основании видится справедливым мнение автора о «разведении» тяжкого и средней тяжести вреда здоровью по разным частям ст. 113 и 114 УК РФ с определением соответствующего наказания [8, с. 263].

Выводы

Основные результаты в рамках предмета исследования можно свести к следующим положениям:

1. Привилегированные составы преступлений, регламентированные в главе 16 УК РФ, необходимо считать важнейшим средством дифференциации ответственности, отражающим степень вины, особенности совершения преступления и личности виновного. Их конструкция является результатом сложной уголовно-правовой архитектуры, направленной на сохранение баланса между охраной общественных интересов и учетом индивидуальных обстоятельств, способных снижать степень общественной опасности деяния. Такие составы характеризуются наличием специальных привилегирующих признаков, имеющих конструктивный характер.

2. Стоит присоединиться к предложению о целесообразности изменения нумерации статей с привилегированными составами (например, методом введения буквенных индексов) и расположить их после базовых норм (норм-доноров). Представляется, что такая мера повысит системность изложения нормативного материала в Особенной части уголовного закона.

3. Обоснована необходимость исключения противоречивой конструкции ч. 2 ст. 107 УК РФ – «убийство двух или более лиц в состоянии аффекта». С точки зрения квалификации, такие действия должны расцениваться не как единое деяние, а как совокупность двух самостоятельных преступлений. В обратном случае это негативно сказывается на реализации принципов справедливости и разумности при назначении наказания и требует переосмыслиния в рамках общей системы норм, предусматривающих ответственность за преступления против жизни.

4. Установлено, что в содержании ст. 114 УК РФ законодатель выстраивает дифференциацию уголовной ответственности за посягательства на здоровье, исходя из степени (объема) причиненного вреда. Так, в ее ч. 1 речь идет о причинении тяжкого, а в ч. 2 – тяжкого и средней тяжести вреда здоровью. Такой подход не в полной мере соответствует принципам последовательности уголовно-правовой дифференциации. Целесообразным было бы дополнение ч. 1 ст. 114 УК РФ указанием на возможность причинения вреда здоровью средней тяжести при превышении пределов необходимой обороны.

5. Учитывая разный объем наступивших последствий, аргументирована некорректность регламентации вреда средней тяжести и тяжкого вреда здоровью в одной части статьи (ст. 113 и 114 УК РФ). Установлена необходимость фактического отделения друг от друга данных признаков и их размещение в разных частях статей с определением соответствующего наказания.

6. Учитывая изложенное, представляется важным правильно интегрировать уточненные составы с привилегирующими признаками в общую структуру норм УК РФ в целях сохранения его внутренней согласованности и логичности. Здесь стоит особо подчеркнуть, что система дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ), содержащая привилегированные составы преступлений, требует дальнейшей теоретической проработки и законодательного усовершенствования.

Список источников

1. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015. 928 с.
2. Иванчин А.В. Основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений: понятие, значение, проблемы построения // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): сб. науч. статей (вып. 1). Ярославль, 2012. С. 39 – 48.
3. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург, 2016. 442 с.
4. Безбородов Д.А., Зарубин А.В., Кравченко Р.М. и др. Уголовное право. Общая часть: учеб. пос. в таблицах / под ред. А.Н. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2019. 76 с.
5. Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс: учебник / науч. ред. Е.В. Благов. М., 2019. 880 с.
6. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. 560 с.
7. Растропов С.В. Привилегированные виды составов преступлений против здоровья // Закон и право. 2004. № 1. С. 26 – 27.
8. Штанькова А.П. Привилегированные составы преступлений: понятие, основания криминализации, виды, особенности квалификации и наказания: дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 287 с.
9. Гриб В.Г., Ибрагимова А.Х., Ахмедханова С.Т., Мусаева З.М. Дифференциация уголовно-правовой ответственности при наличии привилегированных признаков // International Law Journal. 2024. Т. 7. № 1. С. 154 – 158.
10. Мотин А.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против личности посредством конструирования привилегированных составов преступлений // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 3. С. 126 – 134.
11. Штанькова А.П. Внешняя законодательная техника привилегированных составов преступлений // Вестник ВГУ. Серия Право. 2017. № 2. С. 276 – 281.

12. Алленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 32 с.
13. Лопашенко Н.А. Убийства. М., 2013. 540 с.
14. Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. 21 с.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

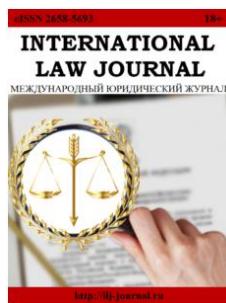
References

1. Russian criminal law. Special part: textbook for universities. Edited by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova. Moscow, 2015. 928 p.
2. Ivanchin A.V. Basic, qualified and privileged elements of crimes: concept, meaning, problems of construction. Actual problems of criminal law at the present stage (issues of differentiation of responsibility and legislative technique): collection of scientific articles (issue 1). Yaroslavl, 2012. P. 39 – 48.
3. Criminal law of Russia. General part: textbook for bachelors. Edited by A.I. Plotnikov. Orenburg, 2016. 442 p.
4. Bezborodov D.A., Zarubin A.V., Kravchenko R.M. and others. Criminal law. General part: textbook. pos. in tables. edited by A.N. Popov. 2nd edition, revised and enlarged. St. Petersburg, 2019. 76 p.
5. Criminal Law of the Russian Federation. Brief Course: textbook. scientific editor E.V. Blagov. Moscow, 2019. 880 p.
6. Russian Criminal Law. General Part: textbook for universities. Edited by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova. Moscow, 2014. 560 p.
7. Rastoropov S.V. Privileged Types of Crimes against Health. Law and Right. 2004. No. 1. P. 26 – 27.
8. Shtankova A.P. Privileged elements of crimes: concept, grounds for criminalization, types, features of qualification and punishment: dis. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2022. 287 p.
9. Grib V.G., Ibragimova A.Kh., Akhmedkhanova S.T., Musaeva Z.M. Differentiation of criminal liability in the presence of privileged features. International Law Journal. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 154 – 158.
10. Motin A.V. Differentiation of criminal liability for crimes against the person through the construction of privileged elements of crimes. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 3. P. 126 – 134.
11. Shtankova A.P. External legislative technique of privileged crime elements. Bulletin of Voronezh State University. Law Series. 2017. No. 2. P. 276 – 281.
12. Alenkin N.E. The system of privileged elements of murder in the criminal law of Russia: problems of improvement: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2017. 32 p.
13. Lopashenko N.A. Murders. Moscow, 2013. 540 p.
14. Kaplin M.N. Differentiation of criminal liability for crimes against life and health: dis. ... candidate of legal sciences. Yaroslavl, 2003. 21 p.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 No. 19 (as amended on May 31, 2022) “On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime”. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 11.

Информация об авторе

Ванян Д.Н., соискатель, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, VanyanD.N@gmail.com

© Ванян Д.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.1

Наследование жилых помещений и права добросовестных приобретателей: проблемы соотношения титулов и приоритетов интересов

¹ Мелехина К.Т.,
¹ Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу одной из наиболее острых и дискуссионных проблем российского гражданского права – коллизии прав наследников на жилые помещения и интересов добросовестных приобретателей такой недвижимости. Исследуется фундаментальное противоречие между принципом защиты права собственности, предполагающим возможность виндикации имущества у любого незаконного владельца, и принципом стабильности гражданского оборота, требующим защиты приобретателя, положившегося на данные публичного реестра. В работе анализируется содержание правовых позиций наследника и добросовестного приобретателя, выявляются недостатки существующего правового регулирования, в частности, критерия «выбытия имущества помимо воли собственника» (ст. 302 ГК РФ) в контексте наследственных правоотношений. Целью статьи является постановка проблемы и формулирование концептуального подхода, направленного на достижение справедливого баланса интересов сторон, основанного не на формальном применении нормы, а на комплексной оценке фактических обстоятельств дела, включая поведение и осмотрительность каждого из участников правоотношения.

Ключевые слова: наследование, жилое помещение, добросовестный приобретатель, виндикация, ис требование имущества, Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), защита права собственности, коллизия интересов, выбытие имущества помимо воли, стабильность гражданского оборота

Для цитирования: Мелехина К.Т. Наследование жилых помещений и права добросовестных приобретателей: проблемы соотношения титулов и приоритетов интересов // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 188 – 193.

Поступила в редакцию: 22 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Inheritance of residential premises and the rights of bona fide purchasers: problems of correlation of titles and priorities of interests

¹ Melekhina K.T.,
¹ Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: this article is devoted to the analysis of one of the most acute and controversial problems of Russian civil law – the conflict of heirs' rights to residential premises and the interests of bona fide purchasers of such real estate. The fundamental contradiction between the principle of protection of property rights, which presupposes the possibility of vindication of property from any illegal owner, and the principle of stability of civil turnover, which requires the protection of the acquirer relying on the data of the public registry, is investigated. The paper analyzes the content of the legal positions of the heir and the bona fide acquirer, identifies the shortcomings of the existing legal regulation, in particular, the criterion of "disposal of property against the will of the owner" (art. 302 of the Civil Code of the Russian Federation) in the context of hereditary legal relations. The purpose of the article is to

pose the problem and formulate a conceptual approach aimed at achieving a fair balance of interests of the parties, based not on the formal application of the norm, but on a comprehensive assessment of the factual circumstances of the case, including the behavior and prudence of each of the participants in the legal relationship.

Keywords: inheritance, residential premises, bona fide acquirer, vindication, confiscation of property, Unified State Register of Real Estate (USRN), protection of property rights, conflict of interests, disposal of property against will, stability of civil turnover

For citation: Melekhina K.T. Inheritance of residential premises and the rights of bona fide purchasers: problems of correlation of titles and priorities of interests. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 188 – 193.

The article was submitted: May 22, 2025; Approved after reviewing: July 25, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Право на жилище и право наследования являются фундаментальными конституционными ценностями, обеспечивающими социальную стабильность и преемственность поколений. Жилое помещение зачастую представляет собой наиболее значимый актив в составе наследственной массы, а его правовая судьба затрагивает основы имущественного благополучия граждан. Параллельно с этим, динамичное развитие рыночных отношений и гражданского оборота невозможно без обеспечения его предсказуемости и безопасности. Участники рынка должны иметь разумную уверенность в том, что сделка, совершенная с соблюдением всех формальных требований закона, не будет впоследствии оспорена, а приобретенное право собственности не будет утрачено по причинам, которые они не могли и не должны были предвидеть [2, 4].

Именно на пересечении этих двух постулатов – незыблемости права собственности наследника и необходимости защиты добросовестного участника оборота – возникает сложнейшая правовая коллизия. Типичная ситуация, порождающая данную проблему, выглядит следующим образом: после смерти собственника появляется лицо, которое на основании поддельных документов или иным мошенническим путем оформляет на себя право собственности на жилое помещение, после чего продает его третьему лицу. Покупатель, проверив чистоту объекта по данным Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), где продавец указан в качестве законного собственника, и уплатив рыночную цену, регистрирует свое право. Спустя некоторое время объявляется действительный наследник (например, не знаяший о смерти наследодателя или о своих правах), который обнаруживает, что унаследованное им по закону имущество находится во владении постороннего лица [1, 5]. Возникает спор, в основе которого лежит сакральный вопрос: кто должен быть защищен законом – наследник, лишившийся имущества в результате противоправных действий третьих лиц, или добросовестный приобретатель, ставший последним звеном в цепочке сделок?

Действующее законодательство в лице Гражданского кодекса Российской Федерации предлагает, на первый взгляд, четкий механизм разрешения подобных споров через институт виндикации (ст. 301, 302 ГК РФ). Однако применение этих норм к наследственным правоотношениям обнажает их внутреннюю противоречивость и концептуальную недостаточность. Центральной проблемой становится толкование оценочного понятия «выбытие имущества из владения собственника помимо его воли» как единственного основания для истребования имущества у добросовестного приобретателя. Чья воля должна учитываться, если наследодатель умер, а наследник еще не вступил в фактическое владение и, возможно, даже не знал о своем статусе собственника?

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили нормы гражданского законодательства Российской Федерации, в частности положения статей 301 и 302 Гражданского кодекса РФ, регулирующих институт виндикации, а также специальные нормы наследственного права, закрепленные в главе 62 ГК РФ. В качестве эмпирической базы были использованы постановления Конституционного Суда РФ, позиции Верховного Суда РФ и практика нижестоящих судов по делам о защите прав наследников и добросовестных приобретателей жилых помещений. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных цивилистов (Е.А. Суханова, К.И. Скловского и др.), в которых разрабатываются концептуальные подходы к пониманию правовой природы собственности, наследования и добросовестного приобретения [8,9]. Методологическая база исследования включает формально-юридический метод для анализа содержания правовых норм, системно-структурный метод для выявления взаимосвязи между институтами наследственного и вещного права, сравнительно-правовой метод для оценки различий в подходах теории и практики, а также доктринальный

и казуальный анализ для выявления тенденций правоприменения и выработки предложений по совершенствованию законодательства.

Результаты и обсуждения

Конфликт между наследником и добросовестным приобретателем представляет собой классическое столкновение двух легитимных, но разнонаправленных правовых интересов. Для глубокого понимания проблемы необходимо последовательно проанализировать юридическую природу титулов и аргументы каждой из сторон.

Позиция наследника основана на фундаментальном принципе наследственного права – универсальном правопреемстве. Согласно пункту 4 статьи 1152 ГК РФ, принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество. Данная норма создает правовую фикцию, согласно которой наследник становится собственником имущества ретроактивно, с момента смерти наследодателя. Его право собственности возникает непосредственно из закона и не зависит от воли или действий каких-либо третьих лиц. Следовательно, с юридической точки зрения, в момент, когда мнимый наследник или иное неуправомоченное лицо отчуждало жилое помещение, его подлинным собственником уже являлся законный наследник. Поскольку этот наследник не выражал никакой воли на отчуждение своей собственности, любое ее выбытие из его юридического владения является выбытием «помимо его воли». Этот формально-логический подход находит широкую поддержку в судебной практике, в том числе в актах высших судебных инстанций, которые зачастую ставят во главу угла абсолютный характер права собственности и указывают, что бездействие или неосведомленность наследника о своих правах не могут быть истолкованы как выражение воли на отчуждение имущества. Такой подход обеспечивает максимальную защиту наследника как лица, изначально обладавшего титулом, но лишившегося его в результате преступного посягательства.

Однако данная позиция, будучи безупречной с точки зрения защиты наследника, полностью игнорирует интересы другой стороны и подрывает основы стабильности оборота. Позиция добросовестного приобретателя опирается на не менее важный принцип – принцип публичной достоверности государственного реестра. В современном правопорядке ЕГРН выполняет ключевую функцию информирования участников оборота о существующих правах на недвижимость. Государство, создавая и поддерживая такой реестр, по сути, дает гарантию, что лицо, указанное в нем в качестве собственника, таковым и является. Добросовестный приобретатель, действуя разумно и осмотрительно, полагается именно на эти официальные сведения. Он проводит проверку юридической чистоты объекта, уплачивает справедливую рыночную цену и выполняет все предписанные законом процедуры для регистрации своего права. Он является жертвой обмана в той же мере, что и наследник. Требование вернуть имущество в такой ситуации означает, по сути, возложение на добросовестного приобретателя ответственности за риски, которые он не мог и не должен был предвидеть и предотвратить. Это делает рынок недвижимости крайне рискованным, так как ни одна проверка, основанная на публичных данных, не может дать стопроцентной гарантии от появления в будущем «скрытого» наследника. Экономические последствия такого подхода очевидны: рост транзакционных издержек, снижение инвестиционной привлекательности недвижимости и общее падение доверия к государственным институтам регистрации прав.

Основная доктринальная коллизия в ситуации со «скрытым» наследником заключается в трактовке понятия «выбытие помимо воли». Формально-юридический подход, направленный на максимальную защиту наследника, исходит из того, что наследник, не знавший о смерти наследодателя и открытии наследства, не мог выразить никакой воли относительно принадлежащего ему имущества [3]. Следовательно, отчуждение этого имущества мошенниками должно квалифицироваться как выбытие помимо его воли, что дает ему безусловное право на виндикацию. Эта позиция исторически была доминирующей и опирается на идею абсолютности права собственности, которое не может быть прекращено действиями третьих лиц без какого-либо волеизъявления управомоченного субъекта. Сторонники данного подхода, в частности, Е.А. Суханов, последовательно отстаивают приоритет защиты «старого» собственника, указывая, что стабильность оборота не может достигаться за счет игнорирования основополагающих принципов вещного права [8].

Однако такой подход подвергается обоснованной критике со стороны цивилистов, анализирующих проблему с точки зрения целей правового регулирования и экономических последствий. Так, например, К.И. Скловский развивает концепцию, согласно которой категория «воли» в статье 302 ГК РФ должна толковаться не с психологической, а с объективной, поведенческой точки зрения [9]. С этой позиции имеет значение не внутреннее желание или неведение наследника, а объективная картина выбытия имущества. Наследник, будучи пассивным (пусть и невиновно), не предпринял никаких действий по принятию наслед-

ства и оформлению своих прав. Добросовестный приобретатель, напротив, действовал активно: проявил должную осмотрительность, проверил данные ЕГРН, заплатил цену и зарегистрировал право. В этой ситуации возложение риска на активного и добросовестного участника оборота в пользу пассивного представляется несправедливым и экономически неэффективным.

Важный вклад в разрешение этого конфликта внес Конституционный Суд РФ. В своих постановлениях (например, Постановление от 13 июля 2021 г. № 35-П) он неоднократно указывал на необходимость соблюдения баланса интересов наследника и добросовестного приобретателя [10]. Суд подчеркнул, что само по себе отсутствие воли наследника на отчуждение имущества не является достаточным основанием для его истребования, если добросовестный приобретатель положился на данные ЕГРН. Конституционный Суд фактически указал, что публичная достоверность реестра является важнейшей гарантией, и государство не может перекладывать на добросовестного участника оборота негативные последствия, связанные с недостатками функционирования публично-правовых институтов (включая несвоевременное внесение в реестр сведений об обременениях или правоприменениях).

Таким образом, современная тенденция в праве смещается от формального толкования «воли» собственника к более содержательному анализу, учитываящему поведение всех сторон и роль государственных институтов. С экономической точки зрения, возложение риска на добросовестного приобретателя представляет собой перенос издержек неэффективности государственной системы регистрации и розыска наследников на частное лицо. Такой подход демотивирует участников рынка, так как он делает бессмысленным проявление должной осмотрительности – никакая проверка не защитит от риска, который невозможно выявить [6]. В конечном счете, защита публичного доверия к реестру оказывается более значимой для правопорядка в целом, чем защита отдельного, пусть и невиновного, наследника, поскольку она обеспечивает предсказуемость, безопасность и снижение издержек для всех участников гражданского оборота. Решением проблемы могло бы стать создание компенсационных фондов или механизмов страхования для таких наследников за счет государства, которое не смогло обеспечить достоверность своего же реестра.

Сердцевиной проблемы является неадекватность критерия «воли собственника», заложенного в статью 302 ГК РФ, для разрешения наследственных споров. Эта конструкция была исторически разработана для ситуаций, когда имущество выбывает у фактического владельца (например, украдено или утеряно). В таких случаях наличие или отсутствие воли на выбытие вещи из владения является понятным и применимым критерием. Но в случае с наследником ситуация принципиально иная. Наследник в момент открытия наследства и вплоть до его принятия зачастую не является фактическим владельцем имущества, он обладает лишь юридическим титулом. Он может не знать о самом факте смерти наследодателя и, как следствие, о своем праве собственности. Говорить о его «воле» или «отсутствии воли» на выбытие имущества, которым он никогда не владел и о существовании которого в своей собственности мог не подозревать, – значит применять правовую конструкцию к отношениям, для которых она не предназначена.

Существующая судебная практика, склоняющаяся в пользу наследника, по сути, создает абсолютный приоритет его интересов. Это приводит к несправедливым результатам, когда добросовестный приобретатель, проявивший максимальную степень заботливости и осмотрительности, лишается единственного жилья и уплаченных за него денег, в то время как наследник, который, возможно, годами не интересовался судьбой наследодателя и не предпринимал никаких действий для оформления своих прав, получает безусловную защиту. Такой подход не стимулирует наследников к активному и своевременному принятию наследства и оформлению своих прав, перекладывая все негативные последствия их возможного бездействия на добросовестных участников оборота.

Разрешение данной коллизии видится не в механическом выборе между двумя крайностями – «всегда прав наследник» или «всегда прав приобретатель», – а в разработке более гибкого и справедливого подхода. Необходимо отойти от формального анализа категории «воля» и перейти к комплексному анализу поведения обеих сторон спора через призму добросовестности и разумности. Суд при разрешении виндикационного иска наследника должен не ограничиваться констатацией факта отсутствия воли наследника на отчуждение, а исследовать и оценивать целый ряд обстоятельств.

Во-первых, должна оцениваться степень осмотрительности и заботливости, проявленной приобретателем. Была ли цена сделки рыночной? Проверялась ли история переходов права собственности? Не было ли в обстоятельствах сделки чего-либо, что должно было насторожить разумного участника оборота? Во-вторых, необходимо анализировать поведение самого наследника. Как долго он не заявлял о своих правах после открытия наследства? Были ли причины такой задержки уважительными? Предпринимал ли он какие-либо действия для установления связи с наследодателем при жизни, для розыска наследственного имущества? Если наследник на протяжении многих лет не проявлял интереса к судьбе своего родственника

и имущества, его интерес в возврате этого имущества спустя годы у добросовестного приобретателя выглядит менее заслуживающим защиты, чем интерес приобретателя, который вложил в это жилье свои средства и сделал его своим домом.

Такой подход требует изменения парадигмы правоприменения и, возможно, точечных законодательных уточнений. Вместо жесткой дихотомии «по воле / помимо воли» в наследственных спорах суду следует предоставить право на основе оценки всей совокупности фактов прийти к выводу о том, чьи интересы в конкретной спорной ситуации являются более приоритетными. В случаях, когда и наследник, и приобретатель действовали добросовестно и стали жертвами мошенничества, а винидикация невозможна, должен эффективно работать механизм компенсации со стороны государства, чьи регистрирующие органы допустили внесение в реестр ложных сведений. Это позволило бы распределить риски более справедливо, защитив как наследственные права, так и стабильность гражданского оборота.

Выводы

Проблема соотношения прав наследников и добросовестных приобретателей жилых помещений является ярким примером того, как формальное применение норм права, разработанных для одних ситуаций, приводит к несправедливым и экономически неэффективным результатам в других. Коллизия между незыблемостью права собственности и безопасностью гражданского оборота не может быть разрешена путем механического приоритезации одного принципа над другим. Современный правопорядок требует более тонких и сбалансированных решений.

Анализ показал, что ключевой критерий статьи 302 ГК РФ – выбытие имущества «помимо воли собственника» – является не вполне адекватным инструментом для разрешения споров с участием «неосведомленного» наследника, поскольку его воля в отношении имущества, которым он еще не владел, является юридической фикцией. Слепое следование этой фикции приводит к защите пассивного наследника в ущерб активному и добросовестному приобретателю, что подрывает доверие к институту государственной регистрации прав и дестабилизирует рынок недвижимости.

Перспективным путем разрешения этой глубокой проблемы является отказ от формалистического подхода в пользу доктрины взвешивания и баланса интересов. Судебная практика должна быть ориентирована на комплексную оценку поведения обеих сторон спора. Критерии разумности, осмотрительности и добросовестности должны применяться не только к приобретателю, но и к наследнику. Должны учитываться объективные причины, по которым наследник своевременно не заявил о своих правах, и степень заботливости, которую проявил покупатель при заключении сделки. Такой дифференцированный подход позволит судам принимать решения, которые будут не только формально законными, но и справедливыми по существу, отражая реальный баланс интересов в каждом конкретном случае. Законодательное закрепление подобных оценочных критериев для данной специфической категории споров, а также развитие эффективных компенсационных механизмов для потерпевших сторон, является насущной задачей, стоящей перед отечественным правопорядком на пути к построению системы, в равной степени защищающей и статику (право собственности), и динамику (безопасность оборота) гражданских правоотношений.

Список источников

1. Афанасьев И.В. Тенденции развития земельных отношений в России // Экономика, социология и право. 2015. № 3. С. 96 – 98.
2. Бевзенко Р.С. Принципиальные положения статьи 8.1 Гражданского кодекса РФ о государственной регистрации прав на имущество // Закон. 2015. № 4. С. 29 – 38.
3. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут. 2018. 528 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Золотуева Е.К. Проблема реформирования системы вещных прав на жилые помещения // Право и управление. 2024. № 7. С. 57 – 63.
6. Лоренц Д.В. Компенсация добросовестному приобретателю за утрату им жилого помещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7 (116). С. 49 – 59.
7. Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности: монография. М.: Закон, 2011. – 304 с.

8. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. 893 с.
9. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
10. Тузов Д.О. Реституция и vindикация: проблемы соотношения // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3. С. 115 – 135.

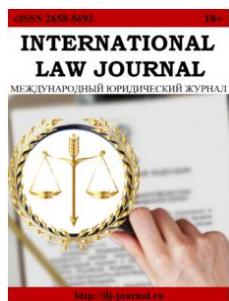
References

1. Afanasyev I.V. Trends in the Development of Land Relations in Russia. Economy, Sociology and Law. 2015. No. 3. P. 96 – 98.
2. Bevzenko R.S. Fundamental Provisions of Article 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation on State Registration of Property Rights. Law. 2015. No. 4. P. 29 – 38.
3. Vitryansky V.V. Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results. Moscow: Statut. 2018. 528 p.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
5. Zolotueva E.K. The Problem of Reforming the System of Property Rights to Residential Premises. Law and Management. 2024. No. 7. P. 57 – 63.
6. Lorenz D.V. Compensation to a Bona Fide Purchaser for the Loss of a Residential Premises. Actual Problems of Russian Law. 2020. No. 7 (116). P. 49 – 59.
7. Rudokvas A.D. Controversial Issues of the Doctrine of Acquisitive Prescription: Monograph. Moscow: Law, 2011. – 304 p.
8. Sklovsky K.I. Ownership in Civil Law. Moscow: Statut, 2010. 893 p.
9. Sukhanov E.A. Property Law: Scientific and Educational Essay. Moscow: Statut, 2017. 560 p.
10. Tuzov D.O. Restitution and vindication: problems of correlation. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2002. No. 3. P. 115 – 135.

Информация об авторе

Мелехина К.Т., Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, ruslan11042001@gmail.com

© Мелехина К.Т., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.626.4

Фондирование как новый метод структурирования семейного капитала: имплементация зарубежного опыта

¹ Мусукаев А.А.,

¹ Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация: в настоящей статье автор акцентирует внимание на развитие практики структурирования частного капитала в Российской Федерации за счет применения новых корпоративных форм – личных и наследственных фондов, а также ЗПИФ. Сравнивая вышеперечисленные формы и схемы структурирования, выявляются определенные преимущества и недостатки, характерные для них на современном этапе. Приведенное в статье регулирование аналогичных континентальных фондов, во многом реципроированное отечественным законодателем, также выявляет ряд прогрессивных черт, достойных внимания читателя. В заключении автор приводит отдельные рекомендации и пожелания в части дальнейшего развития фондирования как нового фактора «упаковки» разрозненных активов состоятельных лиц с российским гражданством.

Ключевые слова: частный капитал, HNWI, наследственный фонд, личный фонд, семейный фонд, ЗПИФ, Stiftung, trust, наследование капитала, корпоративное структурирование

Для цитирования: Мусукаев А.А. Фондирование как новый метод структурирования семейного капитала: имплементация зарубежного опыта // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 194 – 199.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Funding as a new method for joint tenancy structuring: implementing foreign experience

¹ Musukaev A.A.,

¹ Moscow State Institute of International Relations of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: in this article, the author focuses on the practice of structuring private capital in the Russian Federation through the use of new corporate forms – personal and inheritance funds, as well as ZPIF. Comparing the above forms and structuring schemes, certain advantages and disadvantages characteristic of them at the present stage are revealed. The regulation of similar continental funds described in the article, largely adopted by the Russian legislator, also reveals a number of progressive features worthy of the reader's attention. In conclusion, the author provides some recommendations and suggestions regarding further development of funding as a new factor in the “packaging” of disparate assets of wealthy individuals with Russian citizenship.

Keywords: private capital, HNWI, inheritance fund, private fund, family fund, ZPIF, Stiftung, trust, capital's inheritance, corporate structuring

For citation: Musukaev A.A. Funding as a new method for joint tenancy structuring: implementing foreign experience. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 194 – 199.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: July 26, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Односторонние ограничительные меры иностранных государств, введенные с 2022 года, существенно изменили ландшафт привычного ранее структурирования частного капитала. В частности, отдельного внимания достойны решения, к которым вынужденно прибегали консультанты и менеджеры так называемых *family office* для перестройки цепочек владения активами с сохранением аналогичных англо-американским трастам корпоративных структур. Сложнее всего и по сей день приходится подсанкционным лицам, членам их семей и подконтрольным им компаниям: они сталкиваются с ограничениями банковского комплаенса, отказами работы с ними иностранных консультантов и т.д.

Оказавшись под беспрецедентным давлением, состоятельные граждане обратились к российскому законодательству в поисках эффективных решений, и такое решение нашлось в сравнительно недавно появившихся конструкциях фондов по континентальной модели (о чем в статье автором будет сказано позднее). Долгое время, к сожалению, отечественное право обходило стороной развитие инструментов семейного и наследственного права в пользу налогового планирования и корпоративной «обяззки» капитала, однако примерно с середины 2010-х годов необходимость усложнения бизнес-оборота явно назрела, что и отразилось в активном развитии фондов как инструментов структурирования крупного частного капитала и наследственного планирования. И если внедренный в российское право в сентябре 2018 года институт наследственного фонда [10] не показал достаточной заинтересованности граждан (за прошедшее время в России зарегистрировано немногим более 200 наследственных фондов) из-за особенностей его формирования и регистрации, то уже его прижизненный аналог – личный фонд – с каждым годом набирает все большую популярность у консультантов и персональных банкиров. Чем же привлекательны фонды для структурирования семейного бизнеса в России сейчас и какие перспективы можно ожидать в ближайшем будущем?

Материалы и методы исследований

Исследование автора основано на законодательных актах как Российской Федерации, так и зарубежных государств. Помимо кодифицированных актов, анализируются также и федеральные законы РФ, королевские декреты Италии и Лихтенштейна середины прошлого века. Выводы в статье подтверждаются актуальной судебной практикой и доктринальными позициями таких специалистов, как В.В. Гущин, А.А. Ко-стин, М.А. Карташов, Дж.Х. Лангбейн и Н. Питер.

Методологически основу исследования составляют компаративистский метод, методы анализа и синтеза данных, а также дидактический метод исследования. Комплексное исследование завершается приведенными выводами, структурно отражающими анализ и сопоставление нормативного регулирования и практики его применения в России и зарубежных странах.

Результаты и обсуждения

Сохранение и преумножение семейного капитала в перспективе конвертируется в финансовую независимость и стабильность капитала потомков, что и требуется для большинства HNWI («High Net Worth Individual» – прим. автора) лиц от корпоративного структурирования. Трасты, учрежденные по английскому праву на Кипре и в островных офшорах, решают эти задачи за счет передачи имущества доверительному управляющему (*trustee*), что, в свою очередь, довольно затратно с учетом расходов на менеджмент активов и обязательных отчислений для страхования профессиональной ответственности управляющих.

Отечественный рынок частного капитала на определенном этапе собственного развития пытался обращаться к квази-корпоративным механизмам налоговой оптимизации по модели характерного для англо-американского права ограниченного партнерства (*limited partnership, LP*), таким как инвестиционные товарищества. Имея договорную природу, инвестиционные товарищества радикально отличаются от любого рода фондов, однако определенные преференции позволяли считать такие структуры перспективными для состоятельных граждан и членов их семей, полностью вовлеченных в высокорисковые инвестиции. Подробнее с инструментом инвестиционных товариществ можно ознакомиться в более ранней статье автора [6], настоящее же исследование нацелено в первую очередь на консервативных владельцев капитала, преимущественно стремящихся к наследственному планированию и менеджменту уже накопленного имущества.

Именно фондирование позволяет систематизировать управление разрозненными профильными активами за счет внедрения единых условий управления, обеспечения справедливого распределения участия членов семьи в совместном имуществе супругов (в виде инвестиционных паев или долей участия в фонде), а

также получения пассивного процентного дохода от реинвестирования средств в перспективные проекты [3].

Среди российского инструментария фондов наиболее проработанным и относительно устоявшимся в практике его применения механизмом стоит упомянуть закрытый паевой инвестиционный фонд (далее - «ЗПИФ»). Не являясь юридическим лицом, ЗПИФ обладает рядом существенных преимуществ перед любым договорным режимом совместного имущества супружов и включением такого имущества в капитал коммерческих организаций (как правило, учреждение ООО):

1) обособление имущества, внесенного в ЗПИФ, от личного имущества пайщиков и доверительного управляющего, что обеспечивает секьюритизацию активов;

2) упрощение наследственного планирования с иностранным элементом, поскольку переход права собственности на имущество ЗПИФ к наследникам удостоверяется записью в реестре пайщиков на основании наследственного распоряжения учредителей фонда;

3) «долгосрочная капитализация семейных активов» за счет отсутствия налога на прибыль и эффективного профессионального менеджмента независимой управляющей компанией;

4) защита от рейдерских захватов и последствий наследственно-корпоративных конфликтов (таких как споры за активы Дмитрия Рыболовлева, Андрея Трубникова и Бориса Александрова) за счет невозможности банкротства имущественной массы и привлечения бенефициаров к субсидиарной ответственности по долгам ЗПИФ;

5) конфиденциальность владения [2].

Вместе с тем, ЗПИФ как «семейный траст» все же не лишен тех же недостатков: в роли trustee выступает профессиональная управляющая компания, отвечающая за менеджмент, при этом все имущество, вносимое в ЗПИФ, обособляется одновременно от имущества учредителя и самой управляющей компании согласно положениям профильного закона [9]. Какая же форма организации капитала наиболее приемлема в российском праве?

Большинство преимуществ ЗПИФ характерно и для относительно нового типа фондов в России – лично-го фонда. Анализ положений статей 123.20 (4) – 123.20 (8) ГК РФ показывает, что появившийся лишь 3 года назад институт личного фонда является продолжением реформ 2018 года и предоставляет возможность прижизненного корпоративного структурирования с аналогичными наследственному фонду механизмами, но с более гибкими правилами доверительного управления имуществом и большей вовлеченностью супружов в принятие решений в отношении совместного имущества.

Законодателем сделана специальная оговорка: учредителем личного фонда может быть только единолично физическое лицо либо совместно супруги при внесении в личный фонд совместного имущества (пункт 3 статьи 123.20-4 ГК РФ). При этом, как верно отмечает А.А. Костин, «... в отличие от наследственного фонда для личного фонда предусмотрено ограничение по стоимости: так, при создании в личный фонд необходимо передать имущество стоимостью не менее 100 миллионов рублей, которая определяется на основании оценки его рыночной стоимости [8, с. 15]». Данное ограничение стоит рассматривать как существенный недостаток в части гибкости личного фонда по сравнению с его аналогами и ставшими уже стандартными для российского правопорядка договорными механизмами управления совместным имуществом супружов.

Особенность подобного со учредительства фонда супружами влечет за собой порой не самые очевидные проблемы корпоративного управления, которые, впрочем, могут быть минимизированы за счет детальной проработки устава и условий управления фондом. Так, большинство ключевых решений предполагается к принятию единоличным либо коллегиальным исполнительным органом, но в соответствии со статьей 123.20-7 ГК РФ учредитель и выгодоприобретатели фонда не могут выступать полноправными членами данных органов. Чтобы контроль над активами не утрачивался, рекомендуем сформировать правление фонда как его высший коллегиальный исполнительный орган либо попечительский совет, в пользу которых передаются полномочия на принятие ключевых управлеченческих решений.

В продолжение этого аспекта функционирования управления фондом возникает вполне логичный вопрос: что делать с корпоративным управлением семейным имуществом, когда учредитель или ответственные члены исполнительного органа умирают? ГК РФ предусматривает возможность конвертации личного фонда в наследственный, в пункте 1 статьи 123.20-7 указывается на возможность подназначения членов исполнительного органа из заранее определенного учредителем фонда списка. Системно толкуя нормы соответствующей главы ГК РФ, В. В. Гущин верно подчеркивает, что допустима возможность и наследования прав в порядке законной очередности либо завещания наследодателя-члена органа управления личного фонда [4, с. 24]. Данные вопросы требуют систематизации в кодифицированном акте, а возможно и разра-

ботки стандартных (типовых) форм устава и условий управления, максимально широко предусматривающих гибкость управления.

Вместе с тем, личный фонд как новелла российского правопорядка выступает, пожалуй, единственной корпоративной структурой, которая позволяет структурировать наследование активов в обход стандартного порядка правопреемства. После перехода права собственности на внесенное в фонд имущество правосубъектность фонда как коммерческого юридического лица исключает любые притязания на него со стороны супругов как учредителей, наследование же далее может быть структурировано без соблюдения требований статьи 1149 ГК РФ об обязательной доле, если выгодоприобретателями фонда при полной передаче всей наследственной массы назначается только круг ближайших родственников, *familia* в терминах римского права.

Особенности всех вышеперечисленных корпоративных форм структурирования частного капитала можно представить в табл. 1.

Таблица 1
Сравнительная характеристика ЗПИФ, наследственного и личного фондов.

Table 1

Comparative description of ZPIF, inheritance fund and personal fund.

	ЗПИФ	Наследственный фонд	Личный фонд
Статус юридического лица	✗	✓	✓
Формирование при жизни семьи	✓	✗	✓
Капитализация активов	✓	✗	○
Ограничения на формирование фонда	Требования к статусу пайщиков как квалифицированных инвесторов	Существенные ограничения не установлены	Обязательное проведение оценки вносимого в фонд имущества, ≥ 100 млн рублей

Отечественная практика формирования фондов только начала зарождаться, и многие вопросы сугубо утилитарного характера пока остаются неразрешенными российскими судами. Зарубежные же механизмы структурирования частного капитала (трасти, частные и семейные фонды, фидеикомиссы, коллективная доверительная собственность) исторически сильно более развиты и проработаны, предоставляемые бенефициарам и HNWI все преимущества конфиденциального низконалогового владения активами. Присущие иностранным фондам и трастам признаки привлекали наших сограждан к участию и распределению имущества в рамках подобных структур: так, даже региональный суд в Оренбургской области [1, 7] рассматривал споры в связи с наследованием активов гражданки РФ, внесенных в «Фонд нуждающимся членам семьи Якобса» (по своей модели, судя по всему, полностью соответствует немецкому *Stiftung* либо *Treuhand*).

Несмотря на то, что отечественные институты личного и наследственного фонда наиболее схожи с фондами континентальной правовой системы, как верно замечает М.А. Карташов [5, с. 84], на современном этапе специалисты все чаще сравнивают российские фонды с англо-американскими трастами. Подобные сравнения представляются как минимум преждевременными, если не в корне противоречащими правовой природе каждого из рассматриваемых механизмов.

По своему функциональному предназначению траст продолжает генеральную линию исторического предназначения как обхода требований закона о владении недвижимым имуществом [12, с. 617], а континентальные фидеикомиссы, частные фонды и договоры управления имуществом, напротив, стали основой для формирования новелл семейного и наследственного права России.

К примеру, положения ГК РФ о личном фонде во многом отражают нормы западноевропейских кодификаций практически идентичных институтов: статья 147 ГК Итальянской Республики [11] посвящена регулированию семейных фондов (*fondo patrimoniale*), в Лихтенштейне частные фонды регулируются в соответствии со статьями 552-570 Закона Королевства «О лицах и компаниях» 1926 года [13], а швейцарские и австрийские *Stiftung* при их практически единообразном функционале обладают главной отличительной чертой даже среди европейских фондов – любая информация как о самом фонде, так и его бенефициарах,

полностью конфиденциальна для третьих лиц и может быть раскрыта торговым реестром только с разрешения учредителя либо по решению суда [14, с. 534].

Выводы

Таким образом, российский правопорядок приобрел новые прогрессивные черты за счет внедрения в него институтов личного и наследственного фонда. Следуя традициям континентального права и привнося в него специфические черты национального регулирования, новеллы уже сейчас расширяют возможности семейно-наследственного планирования для узкого круга состоятельных лиц в России (семейных офисов, HNWI, владельцев среднего и крупного бизнеса), но отсутствие практики их стабильного применения и использования в предпринимательском обороте пока не позволяют говорить о широкой популярности рассмотренных институтов в России.

Отказ от пороговой суммы «входа», расширение сферы конфиденциальности владения, увеличение числа профессиональных управляющих активами – все эти меры направлены на всецелое развитие и популяризацию фондов как инструментов сохранения и преумножения семейного капитала. Возможно, в скором времени экономические и правовые реалии позволят исследователям и специалистам в области private equity, family office назвать фонды наиболее комфортным и стабильным инструментом инвестирования средств, однако на сегодняшний день многие практические вопросы предстоит решать судам и правоприменителям индивидуально для каждого случая.

Список источников

1. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 25 декабря 2014 года по делу № 33-8288/2014 // СПС «Консультант Плюс».
2. Богданов А. Семейные фонды для состоятельных частных лиц: ЗПИФ как решение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imac.ru/upload/iblock/907/9078ccde9af9e3cb9178e7a417846563.pdf> (дата обращения: 20.03.2025)
3. Бородатова М. Семейный фонд: как он работает [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/news/jcHe8MvqKp/semejnyij-fond-kak-on-rabotaet/> (дата обращения: 27.04.2025)
4. Гущин В.В., Добровинская А.В. Наследственный фонд как способ управления наследственным имуществом // Наследственное право. 2018. № 1. С. 22 – 25.
5. Карташов М.А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право. 2017. № 10. С. 83 – 90.
6. Мусукаев А., Шубин А., Кукарских М. Договор инвестиционного товарищества: актуальные тренды в применении и возможности использования при реструктуризации // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2025. № 5. С. 42 – 50.
7. Определение Оренбургского областного суда от 07 октября 2014 года по делу № 33-6374/2014 // СПС «Консультант Плюс».
8. Терновая О.А., Костин А.А. Актуальные вопросы получения российскими и иностранными гражданами статуса выгодоприобретателя личного фонда // Нотариальный вестник. 2022. № 6. С. 6 – 18.
9. Федеральный закон от 29 ноября 2001 года № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4562.
10. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4808.
11. Codice Civile, Regio Decreto 16 marzo 1942 No. 262 Approvazione del testo del Codice civile (042U0262) // Gazzetta Ufficiale No. 79 del 4 aprile 1942.
12. Langbein J.H. The Contractarian Basis of the Law of Trusts // Yale Law Journal. 1995. Vol. 105. P. 615 – 638.
13. Personen und Gesellschaftsrecht (PGR) vom 20. Januar 1926 // LGBI, 1926 No. 004, LR No. 216.0.
14. Peter N. Family Foundations in Switzerland // Trusts & Trustees. 2020. Vol. 26. No. 6. P. 525 – 549.

References

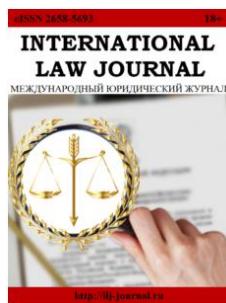
1. Appellate ruling of the Orenburg Regional Court dated December 25, 2014 in case No. 33-8288/2014. SPS "Consultant Plus".
2. Bogdanov A. Family funds for wealthy individuals: ZPIF as a solution [Electronic resource]. Access mode: <http://www.imac.ru/upload/iblock/907/9078ccde9af9e3cb9178e7a417846563.pdf> (date of access: 03.20.2025)

3. Borodatova M. Family fund: how it works [Electronic resource]. Access mode: <https://companies.rbc.ru/news/jcHe8MvqKp/semejnyij-fond-kak-on-rabotaet/> (date of access: 27.04.2025)
4. Gushchin V.V., Dobrovinskaya A.V. Hereditary fund as a way of managing inherited property. Inheritance law. 2018. No. 1. P. 22 – 25.
5. Kartashov M.A. Hereditary fund: new Russian legislation and foreign experience. Modern law. 2017. No. 10. P. 83 – 90.
6. Musukaev A., Shubin A., Kukarskikh M. Investment partnership agreement: current trends in application and possibilities of use in restructuring. Joint-stock company: corporate governance issues. 2025. No. 5. P. 42 – 50.
7. Determination of the Orenburg Regional Court dated October 7, 2014 in case No. 33-6374/2014. SPS "Consultant Plus".
8. Ternovaya O.A., Kostin A.A. Current issues of obtaining the status of beneficiary of a personal fund by Russian and foreign citizens. Notarial Bulletin. 2022. No. 6. P. 6 – 18.
9. Federal Law of November 29, 2001 No. 156-FZ "On Investment Funds". Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4562.
10. Federal Law of July 29, 2017 No. 259-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Three of the Civil Code of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (Part I). Art. 4808.
11. Code of Civil Law, Regio Decreto March 16, 1942 No. 262 Approval of the Testo of the Civil Code (042U0262). Gazzetta Ufficiale No. 79 of April 4, 1942.
12. Langbein J.H. The Contractarian Basis of the Law of Trusts. Yale Law Journal. 1995. Vol. 105. P. 615 – 638.
13. Personen und Gesellschaftsrecht (PGR) vom 20. Januar 1926. LGBI, 1926 No. 004, LR No. 216.0.
14. Peter N. Family Foundations in Switzerland. Trusts & Trustees. 2020. Vol. 26. No. 6. P. 525 – 549.

Информация об авторе

Мусукаев А.А., Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, стипендиат Правительства РФ и ГК «Металлоинвест», специалист в области сопровождения крупных инвестиционных сделок, профильные секторы – золотодобыча, промышленное производство и банковские операции

© Мусукаев А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.73:004.738.5

Эволюция понятия «цифровые финансовые активы» в гражданском праве

¹ Сергеева Ю.А.,

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Аннотация: настоящее исследование направлено на выявление историко-правовых этапов формирования цифровых финансовых активов (ЦФА), как объектов гражданских прав в России, раскрыть преемственность теоретических концепций и законодательных подходов. Цель работы заключается в анализе историко-правовой эволюции цифровых финансовых активов (ЦФА) в России для выявления ключевых закономерностей и трансформации их правового статуса – от полного отсутствия регулирования до признания полноценными объектами гражданских прав. Определение способов и приемов анализа применяется к правовым аспектам функционирования ЦФА, что особенно актуально для проведения анализа экспортных операций с использованием цифровых активов. Методология работы основана на применении историко-правового и сравнительно-правового анализа, а также формально-юридического метода. В рамках исследования использовались экономико-математические методы для оценки влияния правовых изменений на оборот ЦФА, и статистические методы анализа нормативных актов и судебной практики для выявления основных тенденций регулирования. В ходе исследования выявлены три этапа эволюции правового регулирования ЦФА: дореволюционный (отсутствие правового признания), советский (административно-командный подход к электронным данным) и современный (формирование комплексного правового режима). Установлено, что современное регулирование ЦФА, введенное ФЗ № 259-ФЗ, преодолело ключевые ограничения предыдущих этапов, но сохранило проблемы правового дуализма и недостаточной проработанности механизмов наследования и защиты цифровых финансовых активов. Получены выводы о необходимости дальнейшей гармонизации гражданско-правовых конструкций со стандартами информационной безопасности. Материалы исследования могут быть применены законодательными органами при совершенствовании нормативно-правовой базы, регулирующей оборот ЦФА.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, правовое регулирование, эволюция права, внешнеэкономическая деятельность, экспортные операции, экономический анализ, блокчейн, цифровые права, дореволюционный, советский, современный, период

Для цитирования: Сергеева Ю.А. Эволюция понятия «цифровые финансовые активы» в гражданском праве // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 200 – 207.

Поступила в редакцию: 24 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Evolution of the concept of "digital financial assets" in civil law

¹Sergeeva Yu.A.,
¹Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: this study aims to identify the historical and legal stages of the formation of digital financial assets (DFA) as objects of civil rights in Russia, and to reveal the continuity of theoretical concepts and legislative approaches. Purpose of this work is to analyze the historical and legal evolution of digital financial assets (DFAs) in Russia to identify key patterns and transformations in their legal status—from a complete lack of regulation to recognition as full-fledged objects of civil rights. The identification of methods and techniques of analysis is applied to the legal aspects of DFAs' functioning, which is particularly relevant for analyzing export operations involving digital assets. Methodology of the work is based on historical-legal and comparative-legal analysis, as well as the formal-legal method. As part of the study, economic-mathematical methods were used to assess the impact of legal changes on DFA turnover, and statistical analysis methods were applied to regulatory acts and judicial practice to identify main regulatory trends. The study identified three distinct stages in the evolution of DFA legal regulation: pre-revolutionary (lack of legal recognition), Soviet (administrative-command approach to electronic data), and modern (formation of a comprehensive legal framework). It was established that modern DFA regulation, introduced by Federal Law No. 259-FZ, overcame the key limitations of previous stages but retained problems of legal dualism and underdeveloped mechanisms for inheritance and protection of digital assets. Conclusions were drawn on the need for further harmonization of civil law constructs with information security standards. The conclusions and materials of the study can be used by legislative bodies to improve the regulatory framework governing DFA turnover.

Keywords: digital financial assets, legal regulation, evolution of law, foreign economic activity, export operations, economic analysis, blockchain, digital rights, pre-revolutionary, soviet, modern, period

For citation: Sergeeva Yu.A. Evolution of the concept of "digital financial assets" in civil law. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 200 – 207.

The article was submitted: May 24, 2025; Approved after reviewing: July 28, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Цифровые финансовые активы претерпели радикальную трансформацию в правовом поле России 0150 от технических артефактов до полноценных объектов гражданских прав. Эта эволюция отражает диалектику взаимодействия технологических инноваций и правового регулирования, где каждый исторический этап формировал новые качественные характеристики цифровых ценностей. Исследование данной динамики раскрывает не только смену правовых парадигм, но и фундаментальные изменения в структуре имущественных отношений цифровой эпохи.

Материалы и методы исследований

Автором процесс эволюции цифровых финансовых активов условно разделён на три временных периода: дореволюционный период (до 1917 г.), советский период (с 1917 г. по 1990-е годы) и современный период (после 1990-х годов).

Исследование указанных периодов и процессов, протекавших и протекающих в них, базируется на анализе трудов российских цивилистов, нормативно-правовых актов различных исторических периодов, судебной практики и современных научных работ в области цифрового права.

Результаты и обсуждения

В дореволюционный период (до 1917 г.) существовало отсутствие правового признания в условиях технологической отсталости общества и государства. В эпоху до 1917 года цифровые финансовые активы как категория отсутствовали в правовом дискурсе. Юридические системы фокусировались на материальных объектах (вещах, документах) и классических имущественных правах. Электронные данные если и существовали, то лишь в форме телеграфных кодов или бухгалтерских записей на механических носителях, не выделяясь в самостоятельные объекты прав. Существовавший технологический барьер в виде отсутствия ЭВМ и сетей передачи данных исключало возможность создания «электронных ценностей».

Применявшаяся тогда документоцентричность права [19, с.181] строилась на сугубо физических носителях (бумажных договорах, ценных бумагах), где электронная форма не имела юридической силы. Вещная

парадигма Гражданского права оперировала категориями телесного имущества (*res corporales*), игнорируя нематериальные активы [4, ст. 128].

В начале XIX века, России рыночные отношения были на таком этапе развития, который требовал модернизации социально-политической структуры государства и общества. Обязательственное право в системе гражданского права неразрывно связано с динамичным процессом развития рыночных отношений, что свидетельствует о подверженности в первоочередном порядке изменениям на фоне преобразования потребностей экономики. В этот период в стране еще сохранились веками устоявшиеся экономические (крепостные) отношения, в связи с чем путь перехода к новой экономической формации с момента отмены Крепостного права в 1861 году Манифестом Александра II, оказался сложным и, довольно противоречивым. Вплоть до октября 1917 г., процесс становления Гражданского обязательственного права к новым экономическим реалиям и запросам рыночных отношений не получил своего логического завершения. Революционные события, разрушившие сословный строй и приведшие к сворачиванию гражданского оборота, свидетельствовали уже о новом этапе развития отечественного права. Исследование развития обязательственного права России выводит диссертанта за хронологические рамки исследования к Соборному Уложению 1649 г. как основному источнику права, действовавшему вплоть до 1833 г. и непосредственно повлиявшему на дальнейшее развитие права в XIX-начале XX века.

В работах российских цивилистов дореволюционного периода при характеристике объектов гражданских прав обычно упоминались их имущественная ценность и возможность выпуска в гражданский оборот. Например, Ю. С. Гамбаров отмечал, что объекты гражданских прав носят общее наименование «вещи» и понимаются в узком и широком смысле. В узком значении вещи – это только физические предметы, в широком – материальные и идеальные блага, которые служат удовлетворению защищенных общественной властью интересов [13, с. 45].

И так, в период до революции пристальное внимание обязательственным правоотношениям уделяли М.Ф. Владимирский-Буданов, М.К. Любавский, И.М. Радин, М.М. Михайлов, В.Н. Латкин и др. Некоторые дореволюционные учёные-цивилисты писали работы по обязательственному праву, можно привести таких как: Никонов С.П. посвятил свои работы одному из институтов гражданского права – поручительству [20, с. 45], Гантовер Л.В. [14, с. 112] исследовал сущность российского залогового права, Пассек Е.В. [24, с. 78] обосновывал самостоятельность категории неимущественного интереса в гражданском праве, Дювернуа Н.Л. работал в области корреальных обязательств (солидарных обязательств, ответственность за выполнение которых возлагается в целом на всех, отвечающих по обязательству, и на каждого из них в отдельности), а также исследовал римское право [15, с 151]. Бернштейн К.И. издал книгу – учение о разделительных обязательствах по римскому праву [10, с. 203]. Учёный предпринял попытку уточнить понимание природы разделительных обязательств. Наряду с вышеупомянутыми трудами ученых правоведов, существуют и другие направления правовой доктрины развития обязательственных правоотношений, являющихся предшественниками правоотношений, складывающихся в настоящем времени в сфере правоприменения цифровых прав, входящих в состав цифровых финансовых активов. Ниже приведены труды правоведов дореволюционной России, изучавшие обязательственные права, в том числе денежные требования.

Кавелин К.Д., предлагал трёхчленное разделение права по критерию сферы регулирования: общее, местное и международное, он классифицировал общее право на законы определительные (регулятивные), уголовные (охранительные) и законы о судопроизводстве (процессуальные) [16, с. 78]. Рассматривал гражданское право, как право имущественных отношений. Делал попытку построить гражданское право на новых основаниях: предлагал исключить семейные отношения из предмета гражданского права и включить в состав публичного права. Выступал против подразделения права на публичное и частное по критерию интереса (публичного или частного). Коковцов Д.Н. в своей книге: «Руководство к совершению актов, договоров и обязательств» (СПб, 1868), предложил образцы актов, договоров и комментарии к процедурам удостоверения сделок, структурировало виды обязательств, систематизировало нотариальную практику в постсоветской России, став эталоном для юристов второй половины XIX века [17, с 181]. Нерсесов Н.О. впервые в русской литературе высказывал мысль о том, что критерием разграничения двух договоров должен быть их предмет: в договоре поручения – это юридические действия, в договоре личного найма – фактические действия [19, с. 112]. Разрушал распространённую тогда «теорию одобрения договоров в пользу третьих лиц». Проводил разграничение договоров в пользу третьих лиц и института представительства. Построил собственное оригинальное учение о ценных бумагах, в котором выделил их критерии, как неразрывность права и документа, «раздвоенная» природа ценных бумаг. Считал возможным существование как оборотоспособных, так и необоротных ценных бумаг. Классифицировал ценные бумаги не по способу легитимации держателя, а по личности кредитора: на бумаги именные и безыменные. Считал моментом воз-

никновения прав из ценной бумаги момент её приобретения в добросовестное владение. Труд Новицкого И.Б. заложил основы для современного понимания добросовестности в российском гражданском праве (ст. 1, 10, 307 ГК РФ) [21, с. 65]. Его идеи о балансе свободы договора и справедливости актуальны в контексте борьбы со злоупотреблениями в цифровой экономике.

Советский этап эволюции цифровых финансовых активов можно определить временными рамками с 1917 г. по 1990-е гг., в который сформировался административно-командный подход к регулированию товарно-денежных отношений в России. С появлением электронно-вычислительных машин (ЭВМ) (1960–1980-е гг.) электронные данные использовались в Госплане, ЦСУ и оборонных ведомствах, но оставались технической инфраструктурой [1, с. 4]. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года не включал их в объекты гражданских прав (ст. 152) [3, ст. 152]. Регулирование сводилось к ведомственным актам (приказы Госкомстата, Минсвязи), уголовной ответственности за разглашение данных (ст. 75 УК РСФСР «Разглашение государственной тайны» [5, с. 75]). В трудах и работах нижеупомянутых ученых-цивилистов рассматривались затрагиваемые в настоящей темы.

Б.Б. Черепахин в работе по теории п нематериальных благ (1940-1950-е гг.) заложил основы для понимания информации, как объекта права. Указывал, что нематериальные блага, включая данные требуют особого режима правовой защиты, но в советский период их регулирование сводилось к административным актам (например, приказам Госкомстата) [28, с. 89]. Черепахин Б.Б. утверждал, что электронные данные (например, научные архивы на перфокартах) не имели имущественной ценности в СССР, но могли рассматриваться как потенциальные объекты наследования.

В.И. Серебровский в избранных трудах по наследственному праву» (1950-е гг.) исследовал информацию, как потенциальный объект наследования. В СССР электронные данные (например, научные архивы на перфокартах) не могли наследоваться из-за отсутствия имущественной ценности. Современный этап эволюции разрешает это через включение цифровых активов в конкурсную массу [26, с. 204], М.М. Агарков (1890–1947) утверждал, что информация обретает юридическую силу только при фиксации на материальном носителе. Электронные данные считал «техническим приложением» к вычислительным машинам.

О.А. Красавчиков в работе над редакцией учебника «Советское гражданское право» (1973) закрепил вещно-центричную парадигму, где информация рассматривалась как общественное достояние [18, с. 156]. Электронные данные (например, в системах Госплана) не включались в объекты гражданских прав из-за отсутствия имущественного статуса и запрета коммерческого оборота. О.А. Красавчиков предложил классификацию объектов гражданских прав, информация входила в группу непроизводственных благ (наряду с изобретениями), а электронные данные трактовались, как состояние ЭВМ (по ГОСТ 15971–84), а не самостоятельный актив. А.М. Винавер (1883–1947) осуществлял критику вещного подхода, предлагал признать информацию объектом обязательственных прав (например, по договорам на разработку программ). Однако в СССР это не было реализовано из-за запрета коммерческого оборота данных.

С.С. Алексеев (1924–2013) изучал предмет советского гражданского права (1961) и метод гражданского права (совместно с В.Ф. Яковлевым). Ключевая идея заключалась в системном анализе имущественных отношений. С.С. Алексеев доказывал, что электронные данные могут опосредовать экономические связи, но в СССР их статус ограничивался ведомственными актами (например, приказами Госкомстата). Прогностический тезис заключался в необходимости правовых механизмов для «нематериализованных результатов интеллектуальной деятельности», что позже легло в основу регулирования цифровых активов [9, с. 203].

В данный период времени существовал функциональный подход, при котором данные (информация) изучались с точки зрения их роли в плановой экономике – как инструмент учета ресурсов или научных расчетов (например, базы данных Госплана).

Научное значение для цифровых финансовых активов заключается в преемственности теорий. Концепция нематериальных благ Черепахина Б.Б. стала основой для признания ЦФА объектами гражданских прав в статье 128 Гражданского кодекса РФ. Ограничения советского подхода выражалось в отсутствии рыночного оборота данных, и их привязка к «состоянию ЭВМ» предопределили пробелы в регулировании, которые преодолел ФЗ № 259-ФЗ «О ЦФА». Идеи Алексеева С.С. о «нематериализованных активах» легли в основу токенизации прав в современном праве. Советская цивилистика, несмотря на идеологические и технологические ограничения, сформировала ключевые категории для понимания цифровых активов:

- нематериальная природа данных (Черепахин Б.Б.) → Цифровая форма ЦФА.
- функциональная роль информации (Красавчиков О.А.) → Утилитарные свойства токенов.
- системный подход к регулированию (Алексеев С.С.) → Комплексный режим ЦФА.

Эволюция этих идей подтверждает тезис Л.В. Санниковой: «Цифровые активы — это юридическое переосмысление теоретического наследия XX века» [25, с. 304].

Современный этап эволюции цифровых финансовых активов можно определить временными рамками с 1990-х гг. по настоящее время. В российской цивилистике электронные данные и информация, как объекты гражданских прав исследовались в трудах следующих ученых, чьи работы формируют теоретическую основу для понимания эволюции цифровых финансовых активов.

А.В. Габов в труде, посвященном ценным бумагам и вопросам правового регулирования рынка» (2011) критикует дублирование признаков ЦФА и бездокументарных ценных бумаг [12, с. 214]. Отмечает, что электронные данные обрели правовой статус лишь после признания «цифровых прав» в ст. 141.1 ГК РФ (2019) [12, с. 67], где ключевым стал критерий автономии от материальных носителей [12 с. 67].

Анализ работы Л.В. Санниковой показал, что «советские электронные данные так и не стали активом, а оставались только его тенью [25, с. 78] материальных объектов, обслуживая плановую экономику». Кроме того, Санникова Л.В. разделяет цифровые активы на «электронные репрезентации традиционных прав» и «новые цифровые объекты» (Цифровые активы: правовой анализ (2020)).

Л.А. Новоселова, в своей книге «Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений» (2021) анализирует переход от электронных данных к цифровым правам и ЦФА. Подчеркивает, что в советский период электронные данные существовали как технические артефакты без самостоятельного правового статуса, обслуживая государственные нужды (например, базы данных Госплана) [22, с. 221]. В современном праве ЦФА становятся объектами гражданских прав благодаря технологии блокчейн, но сохраняют зависимость от правил информационных систем.

Л.В. Санникова, в работе «Цифровые активы: правовой анализ» (2020) доказывает, что в СССР электронные данные не признавались активами из-за отсутствия рыночного оборота и стоимостной оценки. Они трактовались как состояние ЭВМ (например, по ГОСТ 15971-84), а их конфиденциальность регулировалась уголовным правом (ст. 75 УК РСФСР). Современные ЦФА преодолели эти ограничения через синтез гражданско-правовых конструкций и цифровых технологий [25, с. 45].

Исходным элементом цифровой трансформации гражданского оборота стали электронные данные – это такие данные (информация), представленная в форме, пригодной для обработки компьютерными системами. Их правовая природа длительное время оставалась неопределенной, что порождало коллизии в судебной практике.

В российской цивилистике электронные данные первоначально рассматривались через призму трех концепций:

- Информационная концепция (ст. 128 ГК РФ до 2019 г.): данные как подвид информации с ограниченной оборотоспособностью;
- Вещно-правовая концепция: файлы и базы данных как «цифровые вещи» (аналогия с материальными носителями);
- Обязательственный концепция: данные как объект услуг хостинга, облачных сервисов, лицензионных соглашений.

Критическая оценка традиционных подходов заключается в том, что электронные данные обладают свойством *дуализма* [7, ст. 6], то есть выступают и как содержание (интеллектуальный компонент), и как самостоятельный объект транзакций (например, базы данных для ИИ). Ранее ст. 128 ГК РФ не учитывала эту специфику, что подтверждается судебной практикой по делам о банкротстве, где цифровые активы не включались в конкурсную массу из-за отсутствия правового статуса (Постановление Девятого ААС № А40-124668/2017).

Законодательство, до технико-правового разрыва, фиксировало статические характеристики данных (ст. 6 ФЗ «Об информации»), игнорируя их динамическую функцию в алгоритмизированных средах. Криптографические ключи, токены доступа, цифровые подписи – формы данных, порождающие правовые последствия, но не имевшие специального режима. Как отмечает Пащенко И.Ю. – «носитель информации теряет значение, уступая место праву доступа [22, с. 38].

Технологическими предпосылками трансформации является развитие распределенных реестров, которые выявили новые свойства электронных данных, таких как верифицируемость (доказательство подлинности через криптографические механизмы), индивидуализация (связь с уникальными идентификаторами (хэш-суммы)), автономная управляемость (программируемость через смарт-контракты).

Эти свойства сформировали запрос на выделение *цифровых прав*, как новой правовой категории. Цивилист Пащенко И.Ю., исследовал цифровые объекты и ввел их классификацию на:

1. Традиционные объекты в электронной форме (акции, денежные требования) – сохраняют свойства оригинала.

2. Цифровые объекты (криптовалюты, NFT) – возникают и существуют исключительно в информационных системах.

Ниже приведу сравнительно-правовую характеристику эволюционирования понятий.

Таблица 1
Table 1

Критерий	Электронные данные (до 2019 г.)	Цифровые права (ст. 141.1 ГК РФ)	ЦФА (ст. 1 ФЗ №259-ФЗ) [14]
Объект правоотношений	Информация/Интеллектуальная собственность	Обязательственные и иные права	Имущественные права (требования)
Способ фиксации	Любая электронная форма	Только распределенные реестры	Реестры + «иные системы»
Оборот	Через производные договоры	Непосредственно в системе	Через операторов платформ
Правовая определенность	Низкая (судебная аналогия)	Средняя (абстрактные признаки)	Высокая (перечень прав)

Существующие неразрешенные проблемы в виде дуализма безопасности данных. Данные – одновременно объект защиты (ФЗ «О персональных данных») и источник рисков (кибератаки). Отсутствуют единые критерии разграничения, наследования и включения в конкурсную массу при банкротстве [29, с. 2]. Так, статьей 128 ГК РФ допускается наследование цифровых прав, но нотариусы не могут установить субъекта прав из-за анонимности блокчейна. Культурно-правовой дисбаланс создан из-за добровольности Технических стандартов (ГОСТ Р ИСО/МЭК 27005) [2, с. 85], что приводит к пробелам в защите. Как отмечают Гоц Е.В. и Близнец И.А., назрела потребность в формировании «цифровой экосистемы интеллектуальной собственности» с едиными стандартами безопасности [11, с. 34].

Выводы

Настоящее исследование эволюции цифровых финансовых активов в российском правовом поле позволяет сформулировать следующие выводы.

Историческая трансформация правового статуса цифровых активов прошла три ключевых периода:

- дореволюционный, характеризующийся полным отсутствием правового признания цифровых активов ввиду технологической отсталости общества;
- советский, отличающийся административно-командным подходом к регулированию, где электронные данные существовали исключительно как техническая инфраструктура;
- современный, ознаменовавшийся признанием цифровых активов полноценными объектами гражданских прав.

Теоретическо-доктринальная база исследования позволила выявить преемственность научных концепций от дореволюционных правоведов до современных цивилистов, сформировать фундаментальные категории понимания цифровых финансовых активов в советский период, сформулировать периоды эволюционирования представлений о нематериальной природе данных.

Исследование современного периода правового регулирования характеризуется принятием специального законодательства в области оборота цифровых финансовых активов (ФЗ № 259), заложением основ к формированию новой правовой категории цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ), развитием технологических инфраструктуры (распределенные реестры, смарт-контракты).

В ходе исследования были выявлены проблемы правового регулирования, включающие:

- дуализм безопасности данных как объекта защиты и источника рисков;
- отсутствие единых критериев наследования цифровых активов;
- фрагментарность правового режима ЦФА;
- культурно-правовой дисбаланс в сфере стандартизации.

Перспективные направления развития правового регулирования видятся автору в расширении перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), гармонизации с международными стандартами информационной безопасности, формировании концепции «цифрового доверия», разработке единых стандартов защиты цифровых финансовых активов.

Таким образом, эволюция понятия цифровых финансовых активов демонстрирует диалектическое единство технологического прогресса и правовой доктрины, где каждый исторический период формирует новые качественные характеристики цифровых ценностей в гражданско-правовом обороте. Исследование показывает, что цифровизация имущественных отношений требует дальнейшего совершенствования правового регулирования с учётом технологических инноваций и развития цифровой экономики.

Список источников

1. ГОСТ 15971-84: Системы обработки информации. Термины и определения. М.: Изд-во стандартов, 1984. 25 с.
2. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27005-2010: Менеджмент рисков информационной безопасности. М.: Стандартинформ, 2010. 80 с.
3. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
6. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса РФ» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации...» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
9. Алексеев С.С. Предмет советского гражданского права. Свердловск: СЮИ, 1959. 210 с.
10. Бернштейн К.И. Учение о разделительных обязательствах по римскому праву и новейшим законодательствам. Санкт-Петербург: Типография Товарищества «Общественная польза», 1871. 328 с.
11. Близнец И.А., Гоц Е.В. Цифровая экосистема интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии. 2022. № 5. С. 30 – 38.
12. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011. 512 с.
13. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М.: Статут, 2003. 816 с.
14. Гантовер Л.В. Залоговое право. Объяснения к положениям главы IV раздела I проекта Ватчинного устава. СПб., 1890.
15. Дювернуа Н.Л. Основная форма корреального обязательства: Историко-юридическое и критическое исследование по римскому праву. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1874. 272 с.
16. Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 2: Гражданское право. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1898. 490 с.
17. Коковцов Д.Н. Руководство к совершению актов договоров и обязательств... Санкт-Петербург: тип. К. Вульфа, 1868. 297 с.
18. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: учебник. М.: Высшая школа, 1968. Т. 1. 480 с.
19. Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам. М.: Статут, 1998. 286 с.
20. Никонов С.П. Поручительство в его историческом развитии по русскому праву. СПб.: Т-во экон. типо-лит. Панфилова и Палибина, 1895. 216 с.
21. Новицкий И.Б. Принцип добросовестности в гражданском праве. М.: Юрлитинформ, 2020. 180 с.
22. Новоселова Л.А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений. М.: Норма, 2021. 192 с.
23. Пащенко И.Ю. Влияние цифровой трансформации на изменение правовой природы информации // Юридические исследования. 2022. № 7. С. 32 – 43. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.7.37983.
24. Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев: тип. К. Матисена, 1893.
25. Санникова Л.В. Цифровые активы: правовой анализ. М.: 4 Принт, 2020. 303 с. ISBN 978-5-6043731-8-7.
26. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М.: Статут, 2003. 558 с.
27. Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Юридическая литература, 1973. Т. 1. – 720 с.
28. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 479 с.
29. Постановление 9-го ААС от 20.10.2017 № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. GOST 15971-84: Information processing systems. Terms and definitions. Moscow: Publishing House of Standards, 1984. 25 p.
2. GOST R ISO/IEC 27005-2010: Information security risk management. Moscow: Standartinform, 2010. 80 p.
3. Civil Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on June 11, 1964). Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. 1964. No. 24. Art. 407.
4. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
5. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 27.10.1960). Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. 1960. No. 40. Art. 591.
6. Federal Law of 18.03.2019 No. 34-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 12. Art. 1224.
7. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information...". Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.
8. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets...". Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.
9. Alekseev S.S. Subject of Soviet Civil Law. Sverdlovsk: SYuI, 1959. 210 p.
10. Bernstein K.I. The Doctrine of Separation Obligations under Roman Law and the Newest Legislation. St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership, 1871. 328 p.
11. Bliznets I.A., Gots E.V. Digital Ecosystem of Intellectual Property. Patents and Licenses. 2022. No. 5. P. 30 – 38.
12. Gabov A.V. Securities: issues of theory and legal regulation of the market. Moscow: Statut, 2011. 512 p.
13. Gambarov Yu.S. Civil law. General part. Moscow: Statut, 2003. 816 p.
14. Gantover L.V. Pledge law. Explanations to the provisions of Chapter IV of Section I of the draft of the Patrimonial Charter. St. Petersburg, 1890.
15. Duvernoy N.L. The main form of correal obligation: Historical, legal and critical study on Roman law. Yaroslavl: Type. Provincial Government, 1874. 272 p.
16. Kavelin K.D. Collected Works. Vol. 2: Civil law. St. Petersburg: Type. M. Stasyulevich, 1898. 490 p.
17. Kokovtsov D.N. Guide to the execution of acts of contracts and obligations ... St. Petersburg: type. K. Wulf, 1868. 297 p.
18. Krasavchikov O.A. Soviet civil law: textbook. Moscow: Higher School, 1968. Vol. 1. 480 p.
19. Nersesov N.O. Selected works on representation and securities. Moscow: Statut, 1998. 286 p.
20. Nikonov S.P. Surety in its historical development under Russian law. St. Petersburg: T-vo ekon. typolit. Panfilov and Palibina, 1895. 216 p.
21. Novitsky I.B. The principle of good faith in civil law. Moscow: Yurlitinform, 2020. 180 p.
22. Novoselova L.A. Digital financial assets as objects of property relations. Moscow: Norma, 2021. 192 p.
23. Pashchenko I.Yu. The impact of digital transformation on changes in the legal nature of information. Legal studies. 2022. No. 7. P. 32 – 43. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.7.37983.
24. Passek E.V. Non-property interest in an obligation. Yuryev: type. K. Matisen, 1893.
25. Sannikova L.V. Digital assets: legal analysis. Moscow: 4 Print, 2020. 303 p. ISBN 978-5-6043731-8-7.
26. Serebrovsky V.I. Selected works on inheritance and insurance law. Moscow: Statut, 2003. 558 p.
27. Soviet civil law. Ed. by O.A. Krasavchikov. Moscow: Legal Literature, 1973. Vol. 1. 720 p.
28. Cherepakhin B.B. Works on civil law. Moscow: Statut, 2001. 479 p.
29. Resolution of the 9th AAS dated 10.20.2017 No. A40-124668/2017. SPS "ConsultantPlus".

Информация об авторе

Сергеева Ю.А., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-9584-7758>, SPIN-код: 6961-6000, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, sergeeva_uliya@inbox.ru